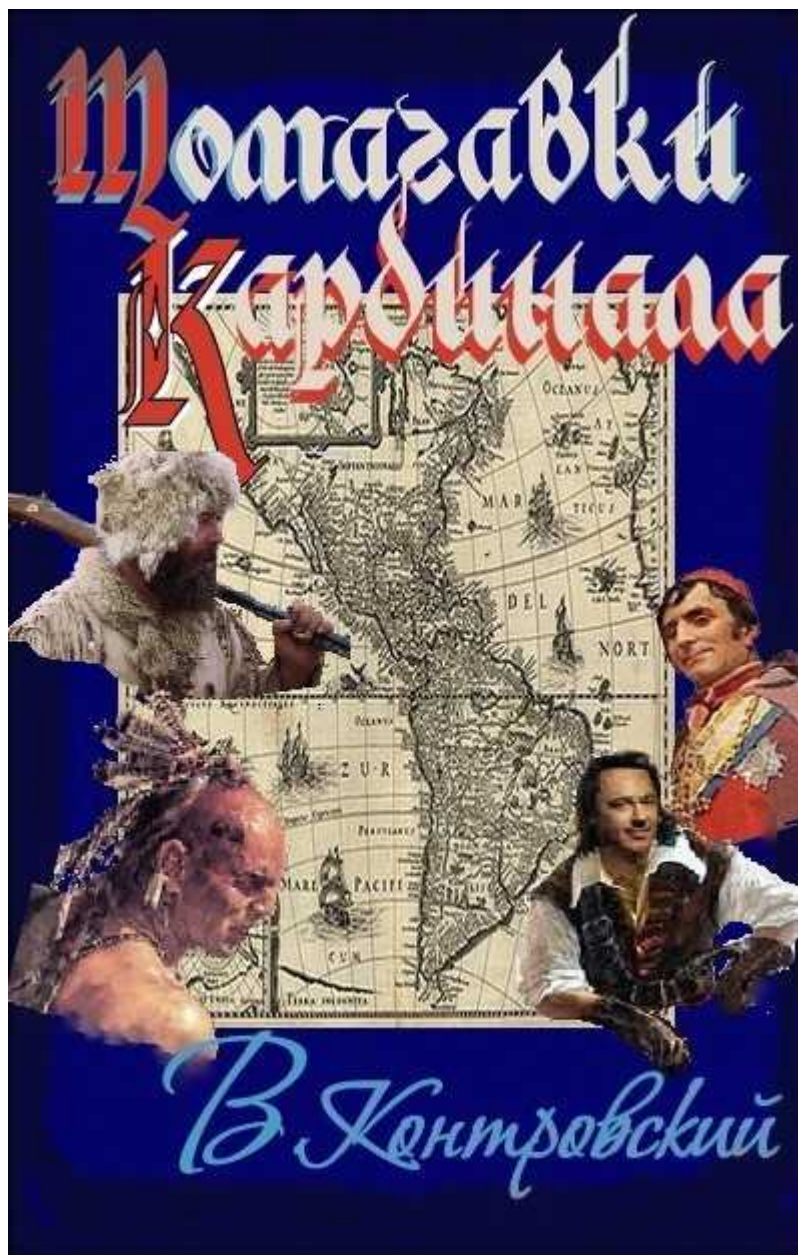

Владимир Контровский Томагавки кардинала

Аннотация

Это мир, в котором Североамериканские колонии остались за французами, более того им даже удалось вытеснить от туда англичан. Причём одним из факторов этой победы стала иная политика в отношении ирокезов, тесный союз с ними и принёс французам победу (отсюда и название книги).

Хочется отметить историческую часть произведения - альтернатива очень реальна и продумана, что достаточно редко встречается среди современной АИ. Кстати, в произведении нет ни каких попаданцев, да они и не нужны, мир и так смотрится очень реально.

Владимир Контровский

Томагавки кардинала

Пролог

20 января 2009 года

Серебристый «дассо-фалкон» с чёрными буквами «EU President» на борту описывал широкий круг. Глава департамента безопасности рекомендовал отменить полёт, ссылаясь на высокую вероятность террористического акта со стороны то ли ассасинов Нового Халифата, то ли ниндзя Поднебесной Империи, и предложил вновь избранному президенту добраться до Шамплена, где должна была состояться церемония инаугурации, на бронированном авто. «Не стоит искушать судьбу, мсье президент, — заявил генерал-префект. — Подумайте, какими могут быть последствия для нашей страны и для всего цивилизованного мира, если ваш самолёт будет сбит — вместе с вами?». «Означает ли это, генерал, — холодно осведомился Жерар, пристально глядя в бесцветные, ничего не выражающие глаза префекта, — что вы и вся ваша служба не в состоянии обеспечить безопасность первого лица государства? И что миллионы бюджетных талеров, которые расходуются на ваше ведомство, истрачены зря или, попросту говоря, украдены из карманов наших законопослушных налогоплательщиков?». «Я не Господь Бог, — невозмутимо ответил Галиссоньер. — Зенитная ракета-робот может быть запущена из любой точки круга радиусом пять лье, из любого окна любого из тысяч домов Нуво-Руана и даже с любой из множества яхт, которые будут бороздить в этот день Гудзон и акваторию Мангатан-Бэ. Весь этот город — ящик, до отказа набитый многонациональной взрывчаткой, ждущей только искры, и сотни глаз будут следить за вашим самолётом отнюдь не с самыми добрыми чувствами. Я понимаю, что вы не хотите нарушать ритуал, но...». «Да, я этого не хочу» — перебил его Жерар. «...тогда хотя бы, — упрямо продолжал префект, — воспользуйтесь «химерой». Эти самолёты-невидимки трудноуловимы для радарной системы самонаведения, и вы...». «Поймите, генерал Галиссоньер, — в голосе президента прорезались металлические нотки. — Традиции — это символ нерушимости нашей страны, несущей своё тяжкое бремя. Я не могу лишить нашу нацию — народ Объединённых Штатов — привычного зрелища, ставшего многолетней традицией! Люди должны увидеть летящий над городом самолёт президента, каким они видели его и восемь, и шестнадцать лет назад. Незыблемость устоев — в наши непростые времена это особенно важно! Мой полёт состоится, префект. Делайте своё дело, а я буду делать своё». «Я вас предупредил, мсье президент, — генерал опустил глаза. — Могу лишь добавить: для обеспечения безопасности вашего традиционного облёта Нуво-Руана я сделаю всё, что в моих силах».

Под крылом президентского «фалкона», шедшего на небольшой высоте, проплывала величественная панорама Нуво-Руана: крупнейшего города восточного побережья Северной Америки. Небо было безоблачным, дул лёгкий ветерок, подёрнувший рябью тянущуюся до горизонта безмятежную гладь Атлантического океана. В прозрачном зимнем воздухе были отчётливо видны небоскрёбы Мангатана, устремлённые вверх стеклобетонными копиями. Рю де Мюр¹ — деловой центр, улица, проходившая там, где некогда стояла стена, служившая границей молодого города, и ставшая ныне средоточием финансовой мощи, подмявшей всю планету, щетинилась зданиями банков и корпораций. «Мы грозим богам» — припомнилась Жерару фраза, слышанная им так давно, что он уже забыл, кто именно её произнёс. «А ведь терпение богов небеспретельно, — подумал вдруг президент, — они могут и обидеться, и тогда...».

Самолёт заложил вираж над островком Иль де ла Либертэ. Конец маршрута — точка, расположенная прямо над головой Статуи Свободы, возвышавшейся почти на сто метров.

---

¹ Улица стены (франц.). Английский аналог — Уолл-стрит.

«Вот и всё, — Жерар мысленно вздохнул с облегчением. — Опасения генерала Галиссоньера были напрасными. Ещё полчаса — и мы на месте».

В Шамплене, административной столице страны, самолёт президента ждали. Строго говоря — юридически, — президент ещё не был президентом: он станет таковым только после торжественной церемонии инаугурации.

«Фалкон» приземлился с ювелирной точностью. Его двигатели ещё посвистывали, выдыхая полётную мощь, когда Жерар, сойдя по трапу, занял место в открытом «ситроене» — слева от своего предшественника, сидевшего в машине. Президенты Объединённых Штатов — вступающий в должность и уходящий — молча обменялись бесстрастными взглядами, демонстрируя всевидящим глазами видеокамер понимание величия момента. Лимузин мягко тронулся с места с грацией крадущегося зверя.

Белый «ситроен» мчался по Парадиз-авеню к Капитолию, приветствуемый тысячами людей, прибывших в Шамплен со всех концов огромной страны. Меры предосторожности были приняты беспрецедентные — фликов² и секретных агентов на улицах столицы были не меньше, чем простых граждан. «Я не могу лишить народ Объединённых Штатов привычного зрелища, — подумал Жерар, — будет и салют, и военный парад, и бал, на котором я станцую менуэт. А этот старый лис, — он чуть покосился на соседа, сидевшего неестественно прямо, с каменным лицом, — наверняка доволен. Заварил кашу, которую я теперь буду расхлёбывать, давясь и обжигаясь, а с него теперь взятки гладки. За всё отвечает нынешний хозяин Мезон-Бланш³ — об ошибках прежнего хозяина вспоминают мимоходом. А то, что дело вовсе не в ошибках того или иного президента, вообще мало кто понимает. Мир перегрет, это видно невооружённым глазом, и всё-таки люди надеются на чудо: кто-то придёт и всё исправит. Хорошо хоть с погодой мне повезло, тепло и без осадков — кое-кому из моих предшественников пришлось произносить инаугурационную речь под дождём или снегом: по традиции церемония всегда проводится на открытом воздухе».

Машина остановилась точно у края ковровой дорожки, ведущей к зданию Капитолия. Поднявшись по мраморным ступенькам к невысокой трибуне, Жерар чуть помедлил — он знал, что его жёсткое мужественное лицо и безукоризненный костюм видят сейчас многие миллионы зрителей, замерших у экранов телевизоров по всему миру. Выдержав ритуальную паузу, он положил руку на Библию, поданную председателем Верховного суда, и произнёс, чётко выговаривая каждое слово:

— Je, GИrard Xavier Marcel Depardieu, jure solennellement que je soutiendrai et dИfendrai la constitution des Etats-Unis contre tous les ennemis, Иtranger et domestique; que je soutiendrai la foi et l'allИgeance vraies Ю la mЙme chose; que je prends cet engagement librement, sans n'importe quelle rИservation mentale ou but de l'Иvasion; et cela je jaillirai et remplirai loyalement les fonctions du bureau sur lequel je suis sur le point d'entrer. Aidez-ainsi moi Dieu.⁴

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТОМАГАВКИ ИРОКЕЗОВ

1623 год

Зеленовато-вспененная стена падающей воды изгибалась широкой дугой от берега до

---

² Флик — полицейский (франц. сленг). Английский аналог — «коп».

³ Мезон-Бланш — Белый Дом (франц.)

⁴ Я, Жерар Ксавьер Марсель Депардьё, торжественно клянусь, что буду поддерживать и защищать конституцию Объединённых Штатов от всех её врагов, внутренних и внешних; что я буду искренне привержен этому делу: что я принимаю это обязательство по доброй воле, без всякой задней мысли; что я буду добросовестно выполнять обязанности, которые я на себя возлагаю. Да поможет мне Бог!

берега. Белое облако мельчайших брызг было видно за много лье, а здесь, у самого водопада, можно было объясняться только жестами: слова бессильно вязли в грохоте и тяжёлом гуле.

«Онгиаара, что на языке ирокезов означает «гром воды», — думал Самуэль Шамплен, потрясённый величественным зрелищем. — Как там сказано в индейской легенде, которую поведал мне старый шаман? Одна девушка без памяти любила духа-хозяина этого водопада, и когда она узнала, что отец хочет отдать её в жёны какому-то воину, красавица села в каное и устремила к водопаду, предпочитая смерть жизни без любви. Но когда её каное рухнуло в эту пропасть, дух водопада поймал её на лету и увлёк в свою пещеру, скрытую там, за этой водяной стеной. И с тех пор их души живут вместе в тайной пещере под водопадом. А ведь я мог увидеть эту красоту ещё десять лет назад! Хотя... Я мог бы и вовсе не увидеть этот водопад, если бы двадцать лет назад мой мушкет не дал осечку. Ирокезы злопамятны и мстительны — теперь-то я это знаю... Страшно подумать, что случилось бы с Новой Францией — «римляне лесов» не прощают обид, особенно позора поражений. Не иначе как Дух Святой простёр тогда надо мной свою длань... Неисповедима воля Провидения...».

* * *

1603 год

Могучая река мерно катилась на север-восток. На протяжении многих лье от эстуария она напоминала огромный морской фиорд, в котором даже встречались киты. Затем берега Сен-Лорана заметно сходились, однако река оставалась широкой. С обоих её берегов густые леса подступали к самой воде, и только кое-где эти зелёные стены прорезались брешинами прибрежных полей.

«Какая страна! — думал королевский картограф, стоя на палубе бригантины, медленно продвигавшейся вверх по течению. — Какой простор, какая первобытная мощь! Мы в Европе веками льём кровь за крохотные клочки земли, а тут её никто и не считает за достояние. Эта земля должна стать французской, и она ею станет, не будь я сьер де Шамплен де Сентонж!».

Тридцатишестилетний моряк из городка Бруаж на побережье Бискайского залива был доволен судьбой. Ему несказанно повезло: король Франции Генрих IV заинтересовался его иллюстрированной книгой о путешествии по Мексике и Вест-Индии, причём настолько, что назначил автора «Краткого рассказа об удивительных вещах, которые Самюэль Шамплейн из Бруажа наблюдал в Западной Индии» королевским картографом и пожаловал ему пенсию и дворянское звание. И теперь Шамплен де Сентонж, облечённый королевским доверием (и соответствующими полномочиями), руководит картографическими съёмками земель Новой Франции в составе канадской экспедиции и составляет описание её берегов. И это только начало — энергии у него хоть отбавляй, а в этих девственных краях энергичный человек найдёт, как и чем себя проявить. Но прежде всего надо убедить его королевское величество в том, что эти земли, которыми короли из династии Валуа пренебрегали около шестидесяти лет, пригодны для колонизации, что здесь можно заниматься не только охотой, но и осёдлым земледелием, и что гибель первых французских колоний — всего лишь досадная случайность.

От размышлений его оторвал голос лейтенанта, командовавшего небольшим отрядом солдат, сопровождавших экспедицию.

— Господин де Сентонж, — почтительно доложил офицер, — на правом берегу виден дым. Скорее всего, это селение виандотов.

— К берегу! — решительно распорядился Шамплен. — Подайте знак на второй корабль. И никаких враждебных выпадов, лейтенант, — нам нужны союзники среди туземцев. Но мушкеты держите наготове — от этих дикарей, которые не имеют ни веры, ни закона и живут как звери, без Бога и без религии, можно ожидать чего угодно.

Опасения королевского картографа не оправдались — индейцы встретили французов

дружелюбно. Успокоившись насчёт туземцев, он теперь опасался своих соотечественников, жадно поглядывавших на индейцев, и строго-настрого приказал лейтенанту д'Арманьяку следить за своими людьми — конфликт с аборигенами из-за женщин никак не входил в планы господина де Сентонж. «Всеми своё время, — сказал он офицеру. — Мы в самом начале пути, и от нас зависит, насколько тернистым он будет. Множество великих начинаний рушилось из-за пренебрежения мелочами — помните об этом».

Найти общий язык оказалось делом несложным — проводник экспедиции, охотник-траппер Жиль Денье, потомок французских первопоселенцев, прибывших в Канаду с Жаком Картье, свободно говорил на языке алгонкинов и сносно владел ещё несколькими местными наречиями. Ледок недоверия со стороны вождя виандотов растопили традиционные подарки — бусы, кусок сукна и пара железных ножей, вызвавших неподдельный восторг индейцев, — после чего беседа у костра сделалась почти доверительной.

— Они готовы добывать нам шкурки бобров, — переводил проводник, — и обещают не нарушать мир. Вот только, — он помедлил, вслушиваясь в гортанную речь вождя, — виандоты хотели бы рассчитывать на нашу военную помощь и защиту.

— Вот как? — удивился Шамплен. — И кого же они опасаются? Англичан или, может быть, голландцев?

— Ирокезов.

— Кого?

— Ирокезы — могучее индейское племя, вернее, союз пяти племён. А само это слово означает «настоящие гадюки». И оно недалеко от истины, господин картограф: ирокезы — это страх и ужас этих мест. Ирокезы живут одной лишь войной: война, по их представлениям, — единственное занятие, достойное мужчины. Они воюют непрерывно, расширяя свои земли и подчиняя другие племена. Или уничтожая, если те не желают покориться, — ирокезам никто не может противостоять. Они теснят монтаньес, алгонкинов, магиканов и этих, — Жиль повёл глазами в сторону вождя, — гуронов.

— Гуронов?

— Мы их так называем. Вы посмотрите на их всклокоченные патлы, — ухмыльнулся траппер, — ни дать ни взять кабаньи головы!⁵

Улыбнувшись меткому прозвищу, Шамплен тем не менее задумался. «Если ирокезы — самая грозная военная сила здешних мест, не опрометчиво ли будет восстанавливать их против нас? Но вождь виандотов ждёт ответа...».

— Скажи ему, что франки не бросают своих союзников в беде.

Ответ был уклончивым — он не содержал прямого обещания, и трактовать его можно было по-всякому, — однако вождь гуронов,⁶ далёкий от тонкостей политики бледнолицых, остался доволен. Из глаз индейца исчезли остатки насторожённости; он повернулся и махнул рукой, приказывая подавать гостям угощение — ягоды и жареную дичь.

* * *

Несмотря на радушный приём, с наступлением темноты французы вернулись на свои корабли. Шамплен благоразумно решил оградить пылких галлов от соблазна провести ночь в индейских шалашах, под одной крышей с не слишком отягощенных одеждами индейками. Денье уверял, что хозяева могут и угостить бледнолицых пришельцев ласками своих сестёр и жён, однако де Сентонж отнёсся к его словам скептически. Но главное — Шамплен

---

⁵ Гурон — кабаноголовый (франц.)

⁶ Самоназвание этого племени переводится как «правдивые мужи». Честность вообще была присуща всем американским индейцам, чем беззастенчиво пользовались их «бледнолицые братья» — естественно, в своих интересах.

помнил другие слова того же Денье «ирокезы — это страх и ужас этих мест». И поэтому он приказал убрать сходни, отвести бригантины от берега и стать на якорь — пусть лучше между ними и стеной густого леса будет подобие крепостного рва, наполненного водой.

Недоброе предчувствие не обмануло королевского картографа — среди ночи он был разбужен дикими криками. Основательно приложившись спросонок о дерево корабельной переборки, полуодетый Самуэль схватил заряженный мушкет и выскочил на палубу, где уже сустились его люди, не понимавшие, что происходит.

Ночную темноту разогнало пламя — индейские хижины, крытые корой, горели как порох. В селении царила паника: гуроны — мужчины, женщины, дети, — бестолково металась по всему берегу. А среди уже знакомых ему фигур виандотов Шамплен разглядел других индейцев — тех, кто напал. Эти другие были до пояса обнажены и одеты только в ноговицы и в нечто среднее между короткой юбкой и набедренной повязкой; их красные в отсветах огня тела покрывала то ли татуировка, то ли боевая раскраска. Головы нападавших воинов были выбриты, а в оставшуюся «скальповую прядь» воткнуты орлиные перья — расстояние до берега было невелико, шагов тридцать, и Шамплен отчётливо видел все детали.

— Ирокезы! — со страхом произнёс оказавшийся рядом с ним Жиль.

«Так вот вы какие...» — подумал господин де Сентонж.

Ирокезов было меньше, чем виандотов, но они, вооружённые копьями и короткими дубинками, двигались с хищной стремительностью волков, атаковавших оленье стадо, и опустошали ряды захваченных врасплох гуронов. Внимание Шамплена привлёк плечистый рослый ирокез — вероятно, вождь, — раздававший удары направо и налево, и сваливший на его глазах троих виандотов. Исход ночного боя сомнений не вызывал...

Над головой Самуэля тонко свистнула и воткнулась в мачту стрела с костяным наконечником. Шамплен инстинктивно присел, вскинул мушкет, прицелился в ирокезского вождя и нажал на спуск. Ружейный замок щёлкнул, но выстрела не последовало — осечка.

«*Не стреляй!*» — прозвучал в его сознании властный голос.

Де Сентонж обернулся.

Солдаты в блестящих шлемах разворачивали фальконеты; красными яркими точками светились во тьме зажжённые фитили. Течение развернуло бригантины параллельно берегу, и д'Арманьяк уже готов был открыть огонь: он только не понимал, в кого стрелять, и надо ли это делать вообще.

— Не стрелять! — выкрикнул Шамплен. — Поднять якорь! Вёсла на воду — отойти от берега!

— Но господин де Сентонж, — подал голос лейтенант, — похоже, там избивают наших туземных союзников. Не правильнее ли будет им помочь?

— Не стоит вмешиваться в чужую войну, толком не разобравшись, — отрезал Самуэль. — Мы откроем огонь только если ирокезы сядут в каноэ и попробуют на нас напасть. А эти гуроны пока ещё нам не очень союзники...

Сьер де Шамплен де Сентонж отличался живостью ума и по праву гордился этой своей особенностью. Но в эту ночь он был удивлён быстротой, с которой выстраивались в его мозгу цепочки умозаключений.

«Мы с лёгкостью разгоним сотню этих голых дикарей, их каменные копья и стрелы бессильны против наших кирас. А наши мушкеты — я знаю, как в абордажном бою тяжёлые мушкетные пули навывлет пробивают двухдюймовые доски фальшборта. К тому же местные туземцы почти не видели европейцев, огнестрельное оружие покажется им громом небесным и повергнет их в ужас. Но что дальше? Гоняться по лесу за индейцами, которые чувствуют себя там как дома? Нам нужны надёжные союзники — они не только дадут нам ценные меха, но и помогут сделать все эти земли владениями французской короны. И если ирокезы самые лучшие воины здешних мест — а скорее всего, так оно и есть: я помню страх в глазах вождя виандотов и страх в голосе этого бродяги Денье, и кое-что вижу собственными глазами, — то пусть тогда этими союзниками — а не врагами! — станут ирокезы. Хорошо, что мой

мушкет дал осечку».

Бригантины медленно отгребали от берега. Сражение тем временем закончилось — победители-ирокезы сгоняли пленных и собирали трофеи. Нападать на бледнолицых они, похоже, не собирались. Вождь ирокезов — тот самый, в которого недавно целился Шамплен, — подошёл к самой воде, разглядывая французские корабли. Его высокая фигура была ярко освещена пламенем горящих шалашей, и де Сентонж видел, как с дубинки, зажатой в правой руке индейца, срывались в воду Сен-Лорана густые тёмные капли.

* * *

1613 год

Деревня ирокезов напоминала укреплённый форт — продолговатые дома, в каждом из которых обитал отдельный род, располагались внутри бревенчатого частокола высотой в два человеческих роста; концы брёвен, надёжно вкопанных в землю, были обтёсаны и заострены. В длинных домах, крытых пластами коры вяза, уложенных на каркас из деревянных шестов, жили многие сотни индейцев, однако сейчас никого из них не было видно — важной беседе, идущей возле костра на площади, нельзя мешать.

— Я рад, что ходеносауни⁷ и франки стали братьями, — Глэйдэйнохче, сашем мохоков, выпустил изо рта струйку дыма и передал трубку Шамплону.

Губернатор Квебека не любил курить табак, но понимал, что нарушать церемонию, на подготовку которой он затратил столько времени и сил, ни в коем случае нельзя. Трубка мира, переданная ему ирокезским вождём, одновременно была и томагавком войны: рукоять боевого топорика была высверлена по всей длине, а на обушке сделана выемка для табака. «В одном предмете мир и война, грань между которыми так тонка, — подумал Самуэль. — И грань эту перейти очень просто — за десять лет мы с ирокезами не раз стояли на этой грани». Он бросил быстрый взгляд на тёмное лицо сашема — крючковатый нос индейца напоминал клюв хищной птицы. «Этот индеец соответствует своему имени,⁸ — мысленно усмехнулся Шамплен. — Ничего, теперь он станет нашим охотничьим ястребом».

— Я рад, — повторил вождь мохоков, когда де Сентонж в свою очередь затянулся из трубки и выдохнул сизый дым, с трудом удержавшись от кашля. — Ирокезы будут хозяевами всех этих земель. Так гласит пророчество нашего мудрого шамана Деганавида, основавшего Лигу Пяти Племян, и наш союз будет тому подтверждением.

«Не знаю, что там говорил этот ваш пророк, — подумал Самуэль, сохраняя каменное выражение лица, столь ценное индейцами, — но я знаю, что хозяевами здешних мест станут французы. И наш союз будет подтверждением того, что ваши томагавки помогут нам в этом». Тем не менее он, изучивший язык ирокезов и обходившийся при встречах с ними без переводчика, молча кивнул, выражая согласие со словами сашема.

Он вспомнил, каких трудов ему стоило убедить королевских вельмож и саму Марию Медичи, мать-регентшу малолетнего короля Людовика XIII, в том, что рассматривать Новую Францию только лишь как источник ценных мехов, недальновидно. «Эти земли могут стать залогом будущего могущества нашей державы! — с жаром говорил господин де Сентонж. — Но наши поселения там немногочисленны и малолюдны, а на Северную Америку зарятся и голландцы, и англичане, и даже шведы, не говоря уже об испанцах. И поэтому нам нужны там надёжные и сильные союзники, и я их нашёл. А пушнина будет — бобрам ведь всё равно, какое индейское племя снимает с них шкурки». Красноречие Шамплена сыграло свою роль — интерес французской короны к Америке заметно возрос, а сам Шамплен,

---

⁷ Ходеносауни — «люди длинного дома», самоназвание ирокезов

⁸ Глэйдэйнохче — ястреб, парящий в воздухе (ирокез.)

основавший в 1608 году Квебек, вскоре был назначен губернатором этого быстро растущего города. А теперь, после основания в 1611 году Монреаля, господин де Сентонж вот-вот станет генерал-губернатором всей Новой Франции. И решающим аргументом в его пользу будет договор с ирокезами, наконец-то согласившимися встать на сторону бурбонских лилий. А меха — меха в метрополию идут: при поддержке французов Лига Пяти вытеснила виандотов и алгонкинов с берегов Сен-Лорана и захватила их богатые охотничьи угодья. Молва не лгала — воины-ирокезы действительно оказались лучшими воинами среди всех местных племён.

Теперь Самуэль Шамплен знал об ирокезах куда больше, чем десять лет назад. Союз пяти племён включал в себя племена кайюга — «людей большого болота», мохоков — «людей кремня», онеида — «людей гранита», онондага — «людей холмов» и сенека — «людей великих холмов». Общая численность ирокезов достигала примерно пятнадцати тысяч человек, из них три тысячи воинов — большая сила для здешних лесов, причём сила умелая и хорошо организованная. Действуя небольшими отрядами, ирокезы уходили за сотни льё от родных мест и появлялись там, где их не ждали. По-змеиному тихо пробираясь в мягких мокасинах через заросли, ходеносауни повергали противников в ужас своим умением вести бой в лесу и своей беспощадной свирепостью. Шамплен знал о донесении, написанном в Париж отцом Лалемэнтот: «Ирокезы так бесшумны в их приближении, так быстры в их разрушении и так молниеносны в отступлении, что каждый обычно узнает об их уходе прежде, чем узнает об их нападении. Они проходят, словно лисы, сквозь лес, который дает им убежище и служит им неприступной крепостью. Они нападают, как львы, и так же неожиданно в тот момент, когда меньше всего ожидают, не встречая сопротивления. Они налетают, как птицы, исчезая прежде, чем они действительно появятся»,⁹ и был полностью согласен со словами святого отца.

Война была основным занятием ирокезов-мужчин. В отличие от других индейских племён, народ длинного дома жил не только охотой: основой пропитания было земледелие — ходеносауни возделывали поля, на которых росли кукуруза, соя, тыквы и табак. Сезон охоты длился с осени до середины зимы, сезон рыбной ловли приходился на весну, а война — война шла круглый год.

А самым удивительным было то, что народом великих воинов правили женщины. Племена Лиги управлялись советами вождей-мужчин, но выбирали их женщины. Женщины возглавляли кланы; женщинам принадлежала вся собственность племени, от полей и домов до утвари и одежды; под наблюдением матерей кланов женщины обрабатывали поля. После женитьбы муж переселялся в «длинный дом» своей жены, а их дети входили в клан матери. Всё хозяйство Союза Пяти Племян держалось на женщинах — мужчины приносили дичь и рыбу, внося разнообразие в кукурузное меню, зачинали детей, которых воспитывал клан, и воевали, воевали, воевали, расширяя земли, занятые племенами Лиги. И женщинам всё это нравилось...

Да, теперь Самуэль де Шамплен де Сентонж многое знал об ирокезах — «римлянах лесов», и всякий раз его обдавало холодом при мысли о том, что история Северной Америки и всего мира могла бы пойти иначе, если бы в ту памятную ночь 1603 года на берегу Сен-Лорана его мушкет не дал осечки.

* * *

— Нам нужно оружие, бледнолицый брат, — сашем принял из рук Шамплена трубку мира, совмещённую с томагавком, и положил её на расстеленную на земле шкуру медведя. — Железные ножи. Томагавки, — он коснулся лезвия боевого топорика, сделанного из мыльного камня-стеатита. — И ружья — много ружей и много пороха. А у вас будут

---

⁹ Из письма Э.Лалемэнта, отправленного в Париж.

шкур бобров, лис и куниц — много шкур.

«Да, ирокезы быстро, гораздо быстрее всех своих соседей, оценили все преимущества огнестрельного оружия и предпочли его примитивному оружию своих предков, — подумал губернатор Квебека. — Умный народ — они не боятся грома, живущего в железных трубках, и уже научились им пользоваться. Сберегая порох, они охотятся с помощью лука и стрел, но по тропе войны они хотят идти с ружьями. Алгонкины с радостью меняют меха на сукно и ситец, а ходеносауни требуют оружия. Ну что ж, я не против... пока это совпадает с моими интересами».

— Вы получите ружья, брат мой Ястреб-парящий-в-воздухе, — торжественно произнёс Шамплен, — столько, сколько вам будет нужно. Столько, за сколько вы сможете заплатить, — добавил он вкрадчиво. — И мы привезём вам железные ножи и томагавки («Абордажные топоры — чем не томагавки?»).

— О! — глаза сашема превратились в узенькие щёлки. — В лесах чужих племён много бобров — мы купим у вас много ружей. И скальпы врагов вождя франков будут дымиться в руках воинов ходеносауни!

— Это хорошо, — де Сентонж кивнул. — Союз между франками и племенами длинного дома поможет обоим нашим народам. Ирокезы — лучшие люди этой земли, от Великих Озёр до берегов Великой Солёной Воды.

С этими словами он обернулся к своим спутникам, сидевшим за его спиной. Один из них, поняв молчаливый приказ губернатора Квебека, развернул длинный свёрток и подал Шамплёну тяжёлую шпагу в изукрашенных ножнах. Взявшись за золочёный эфес, Самуэль чуть выдвинул клинок из ножен — блеснула голубоватая сталь.

— Прими, вождь, — коротко сказал Шамплен, протягивая шпагу Глэйдэйнохче.

Лицо индейца хранило привычную бесстрастность, но француз понял, что Ястреб восхищён подарком. Десять лет общения с ирокезами не прошли для Шамплёна бесследно, и к тому же его чуткий слух уловил восторженный вздох, вырвавшийся у младших вождей, сидевших за спиной сашема. Глэйдэйнохче обнажил клинок, полюбовался им, коснулся пальцем лезвия. Вложив шпагу в ножны, он осторожно опустил её на медвежью шкуру рядом с трубкой мира и сказал торжественно:

— У меня тоже есть для тебя подарок, бледнолицый брат. Метэйнэй!

«Метэйнэй? — удивился Шамплен. — Кажется, на языке ирокезов это значит «птица, поющая при дневном свете». Он что, хочет подарить мне какую-то певчую птичку? Мило, но как-то странно для народа воинов...».

Из дверей ближайшего дома появилась женщина и спокойно направилась к костру переговоров. Когда женщина подошла ближе, Шамплен увидел, что она молода и красива — да, да, красива! — даже по европейским меркам. На ней было длинное платье из выделанной кожи, украшенное узорами из игл дикобраза, и очень изящные мокасины, отличавшиеся от обуви воинов. Чёрные волосы женщины были разделены пробором и заплетены в две косы, переброшенные на грудь. Женщина ступала с какой-то первобытной грацией, свойственной диким животным и почти утраченной людьми за столетия цивилизации. Но больше всего Шамплёна поразило лицо индеанки — смуглое, с тонкими правильными чертами и яркими лучистыми глазами. «Вот так птичка! — ошарашено подумал губернатор Квебека. — Неужели мой краснокожий братец собирает для меня её подарить?».

А лесная красавица подошла к костру, улыбнулась (француз почувствовал, как у него усиленно забилося сердце) и, словно прочитав мысли Шамплёна, сказала:

— Слово сашема Глэйдэйнохче не точно. Женщины ходеносауни — не вещи, которые дарят. Мы сами решаем свою судьбу. Я хочу быть твоей женой, бледнолицый вождь.

«А если я откажусь? — мелькнуло в голове Шамплёна. — Что тогда?». Но он уже знал, что не откажется: эта женщина привела бы в трепет даже дряхлого старца, а де Сентонж в свои сорок шесть отнюдь не считал себя стариком. Белых женщин в Новой Франции были единицы, и поселенцы сплошь и рядом женились на индеанках.

— Метэйнэй — дочь старшей матери клана Черепахи, — пояснил сашем (от Шамплёна

не укрылось, что суровый воин явно сконфужен). — Она вдова — её мужа убили делавары.

— А потом наши воины сожгли их селение, и тень моего мужа напилась делаварской крови, — перебила его Метэйнэй. — У воинов-мохоков были ружья, полученные от франков, — оружие бледнолицых помогло отомстить, за что я благодарна тебе, белый сашем.

«Интересная форма благодарности...» — подумал губернатор Квебека.

— Но главное — ты мне понравился, — невозмутимо закончила индеанка и замолчала, ожидая ответа.

— Ты прекрасна, — произнёс Шамплен с французской галантностью (это было первое, что пришло ему в голову).

— Но ты не можешь войти в мой длинный дом? — усмехнулась Метэйнэй. — Этого не нужно — я согласна войти в твой дом, сашем франков, и жить по законам твоего народа.

«Династический брак? Хм... А почему бы и нет? Военные союзы, подкреплённые брачными узами, прочнее. И разве плохо, если мой дом украсит такая яркая птичка, да ещё «поющая при дневном свете»? Старость-то не за горами...».

— Я рад, что ты решила стать моей женой, — ответил Самуэль, благоразумно избегая снисходительно-оскорбительной, с точки зрения ирокезов, фразы «я согласен взять тебя в жёны», и тоже улыбнулся.

«Несколько неожиданное завершение переговоров» — подумал он, глядя на Метэйнэй.

* * *

1623 год

Мельчайшая водяная пыль оседала на лице и одежде Шамплена, собиралась каплями росы на стволе ружья, висевшего на плече генерал-губернатора Новой Франции. Спутники Самуэля смотрели на грандиозный водопад и молчали — какой может быть разговор здесь, в рёве беснующейся воды, глотающем все другие звуки? А господин Самуэль де Шамплен де Сентонж размышлял, мысленно подводя итоги своих двадцатилетних трудов.

«Я исходил эти земли вдоль и поперёк, от устья Сен-Лорана до великого озера Гурон и от Массачусетса до нагорья Андирондак. За двадцать лет здесь многое изменилось — наши первые жалкие посёлки, вымиравшие суровыми зимами от голода и цинги, стали городами, и на французском языке говорят от Акадии до берегов Мугекуннетука.¹⁰ Колония процветает и набирает силы: принесённая в жертву амбициям ходеносауни менее ценные — для нас — племена, мы превратили ирокезов в наших верных янычар, готовых проламывать своими томагавками головы наших врагов. Я многое сделал, но куда больше ещё предстоит сделать. К Северной Америке тянутся цепкие руки других европейских держав: англичане шестнадцать лет назад закрепились в Виргинии, а три года назад основали свою Плимутскую колонию. Не зевают и голландцы: в тысяча шестьсот четырнадцатом, после плаваний Адриана Блока и Хендрика Кристианса, их Генеральные Штаты объявили о включении Новых Нидерландов в состав Голландской Республики. И голландцы спешат подтвердить своё право первооткрывателей заселением этих земель — по последним сведениям, которые, как и всё в этом мире, продаются и покупаются, они намерены превратить основанный ещё Гудзоном Форт Амстердам в город Новый Амстердам: в центр своей новой колонии. Разведчики-ирокезы донесли, что какой-то ушлый голландский делец¹¹ уже выкупил у местных индейцев остров Мангатан за дешёвые безделушки — это значит, что у голландцев серьёзные намерения. Нам предстоит бороться и с ними, и, конечно, с англичанами: здешние

---

¹⁰ Индейское название реки Гудзон

¹¹ Этого «дельца» звали Петер Минуит

земли обширны, однако нескольким хозяевам тут всё равно будет тесно...».

Мысли Шамплена текли размеренно — неистовый грохот воды почему-то действовал на него успокаивающе.

«Нам нужны люди, — думал он, — много людей, которые поселятся здесь навсегда и пустят корни. И тогда дети и внуки этих людей уже будут считать Новую Францию своей родиной и будут за неё драться с кем угодно. Мы берём в жёны индейцев, но дети от этих браков — в том числе и мои собственные сын и дочь — они всё-таки не французы, и кто знает, куда позовёт их голос индейской крови? Ведь ирокезы помнят слова своего пророка и тоже претендуют на титул единственных хозяев этих мест — кто скажет, как лягут карты судеб? Новая Франция должна быть заселена тысячами и тысячами французов — только тогда она станет неотъемлемой частью Франции старой и надёжной её опорой! Неужели там, в Париже, этого не понимают? Король Людовик XIII не богат умом — у него в голове ещё слишком много мальчишеской дури. Остаётся надеяться на нового «первого министра», кардинала Ришелье, — говорят, он дальновиден, энергичен и дьявольски хитёр».

Самуэль Шамплен вздохнул, стёр с лица водяную пыль и повернулся к своим людям.

Надо было идти — генерал-губернатора Новой Франции ждали дела: много дел.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВОЛЯ КАРДИНАЛА

1633 год

...Сон «красного кардинала» был тревожен. Сорокавосемилетний Арман дю Плесси всегда спал беспокойно — сказывалось нервное напряжение, в котором Ришелье находился ежедневно и ежечасно, — но в эту ночь с ним происходило что-то необычное. Это был даже не сон, а какое-то странное состояние пребывания между сном и явью, когда иррациональное и реальное переплетены и спаяны в неразделимое целое. И в зыбком тумане этого полубреда-полусна размеренно и отчётливо звучал Голос.

«Ты необычен, человек. В отличие от огромного большинства обитателей твоего Мира, управляемых всего лишь набором примитивных инстинктов, твой разум позволяет тебе ставить перед собой серьёзные цели. И ты способен добиваться своего — ты облечён властью, и поэтому можешь влиять на судьбу твоего Мира в гораздо большей степени, чем многие тысячи других людей. И поэтому я с тобой говорю — слушай ...»

И сын обедневшего дворянина Арман-Жан дю Плесси дю Шиллу, двадцати двух лет от роду принявший сан епископа Люсонского, ставший в тридцать семь лет кардиналом, в тридцать девять — «первым министром» короля и вошедший в историю под именем грозного дюка де Ришелье, лежал и слушал, удерживаясь на ускользающей грани между сном и явью.

«Ты мечтаешь о величии Франции, твоей страны, и хочешь, чтобы она была первой. Это возможно. Но запомни: твой враг на этом пути — Англия, все остальные державы тебе не помеха. Мощь Англии — корабли, уничтожь их — и она падёт. Ваш Мир правильнее называть не Землёй, а Водой — вы живёте на островах, больших и малых, — и владеющий морями будет владеть всем этим Миром. Первой страной вашего Мира станет та, у которой будет лучший флот. И поэтому — строй верфи, создавай арсеналы, развивай науки и ремёсла: это называется «промышленность» — запомни.

«Запомню» — подумал первый министр короля, уверенный в том, что его незримый собеседник прочёт эту мысль.

«В твоём Мире вызревает грозная сила, несущая гибель тому, за что ты борешься: монархии и власти аристократов. Сокрушить эту силу, не уничтожив при этом великое множество людей, как виновных, так и не причастных, невозможно; обуздать — невероятно трудно. Но этой силой можно управлять, как управляет умелый кормчий

мощью ветра, заставляя ветер нести его корабль туда, куда ему нужно. Присмотрись повнимательнее к третьему сословию — ты умён, ты поймёшь, о чём я говорю».

Не открывая глаз, кардинал медленно кивнул головой, уверенный, что его незримый собеседник увидит этот жест.

«И ещё одно: землям за океаном — Америке — суждено сыграть очень важную роль в истории вашего Мира. Если ты хочешь, чтобы Франция была первой и правила всеми и вся, Америка должна стать французской. Заселяй эти земли — пошли туда поселенцами всех, кого можно. Избавь Францию от ненужных людей — они пригодятся там, за океаном. Уличный сброд, крестьяне-бедняки, искатели приключений — пусть они начинают новую жизнь на новом месте. И протестанты: ты смирил их, но они подобны спящему вулкану, извергавшему лаву во время религиозных войн прошлого века. Гугеноты с воодушевлением поглядывают на Англию и Нидерланды, и готовы бежать туда, унося с собой свои знания, умения, энергию и накопленные богатства — деньги. Так пусть всё это послужит Франции, а не врагам Франции — дай протестантам шанс. Отправь их осваивать Америку, кардинал».

— Я сделаю это... — прошептал первый министр, уверенный в себе и своих силах.

Неведомый Голос смолк, и Ришелье провалился в сон — в тёмный сон без сновидений.

* * *

— Вы действительно считаете такой шаг нужным и полезным для блага Франции? — король Людовик XIII внимательно посмотрел на кардинала, силясь разгадать его мысли.

— Несомненно, ваше величество, — почтительно, но твёрдо ответил Ришелье. — Пожар погашен, но искры тлеют. Гугеноты ничего не забыли и ничего не простили, начиная с ночи Святого Варфоломея и кончая осадой Ла-Рошели. Протестанты подобны кровоточащей язве на теле вашей державы, и пройдёт много лет, прежде чем эта язва зарубцуется. Гной из раны надо удалять, вот я и хочу его удалить... в Америку. Пусть она станет для гугенотов землёй обетованной, тем более что они сами лелеют эту мысль. Адмирал Колиньи¹² ещё девяносто лет назад отправлял в Бразилию корабли с поселенцами, и об этом гугеноты тоже помнят. И они будут благодарны вашему величеству за оказанную милость.

Король, насупившись, молчал. Ришелье прекрасно знал, что все сплетни о том, что Людовик XIII всего лишь марионетка в руках своего первого министра, лишены оснований. Король был упрям и своенравен, и единственный способ добиться от него желаемого — это убедить его, а ещё лучше — внушить ему, что мысли первого министра — это на самом деле мысли его величества, совпавшие с мыслями кардинала. Ришелье был мастером придворной интриги — он превосходно ориентировался в гадючьем клубке Лувра, опережая на два хода заговорщиков, с унылым постоянством появлявшихся снова и снова, и мастерски лавировал между самолюбием короля, амбициозной истеричностью королевы-матери Марии Медичи и оскорбленными женскими чувствами королевы Анны. Ришелье исподволь убеждал короля и побеждал, убеждая.

— Наилучшим местом для основания нашей новой колонии будет южное побережье Северной Америки к востоку от испанской Флориды, на юг от Великих озёр, — кардинал с шуршанием развернул заранее приготовленную карту. — А затем мы снарядим экспедицию из Канады, которая, пройдя по ничейным территориям и присоединив их к владениям вашего величества, закончит свой путь на побережье Мексиканского залива — там, где уже будут наши новые поселения. Таким образом, — ладонь Ришелье описала над картой полукруг, — мы опояшем испанские, английские и голландские колонии нашими землями и перекроем всем другим странам доступ на запад североамериканского материка. А потом...

---

¹² Де Колиньи — вождь французских гугенотов, убитый в Варфоломеевскую ночь

Король молчал, но Ришелье видел, что Людовик потрясён грандиозностью замысла своего первого министра, причём настолько, что уже считает его идеи своими. «Убеждая — побеждай» — с иронией подумал кардинал.

— Но для осуществления этих планов нужны люди. Пройти по неведомым землям сможет и горстка смельчаков, а вот удержать их — для этого потребуются тысячи поселенцев, ваше величество. И мы, отправив за океан гугенотов, а также людей второго сорта, висящих веригами на шее Франции, решим сразу две задачи: избавимся от нежелательных элементов и закрепим за собой огромные новые территории, заселив их и освоив.

— Как бы эти новые территории не стали чересчур новыми... — задумчиво проговорил Людовик. — Тысячи людей, живущих вдали от власти короля и его святейшества папы...

— Не беспокойтесь, ваше величество, — губы Ришелье тронула змеиная усмешка, — вы дотянетесь до гугенотов и через океан. Колония есть колония: она будет зависеть от товаров, привозимых из метрополии, и от военной мощи метрополии, и власть короля Франции будет там незыблемой. А призрачная независимость — пусть они ею тешатся. Пираты Тортуги тоже считают себя независимыми, но так ли это на самом деле?

— Послушайте, монсеньор, — в голосе короля прозвучали доверительные нотки, — я всегда поражаюсь широте вашего ума. Как вам всё это пришло в голову?

— На меня снизошло откровение свыше, сир, — ответил Ришелье и снова улыбнулся: так, что было не понять, шутит он или говорит серьёзно.

* * *

1637 год

Большой галеон тяжело раскачивался на океанских волнах. Корабль был грузным и неповоротливым, но вместительным: в его объёмистых трюмах хватало места и для груза, и для пассажиров. И сейчас большую часть места в этих трюмах занимали люди: сотни людей, плывущих в неведомое.

Манон, свернувшись в комочек, сидела в углу, прислонившись к пиллерсу. Её мутило от качки и духоты — пушечные порты, то и дело захлёстываемые волнами, были задраены наглухо. Путешествие за океан нельзя было назвать приятным: день за днём непривычные к морю переселенцы проводили на батарейных палубах, в тесноте и смраде, довольствуясь тухлой водой, солониной и заплесневелыми сухарями, и с тоской ожидая, когда же всё это кончится. Хорошо ещё, что крысы бегали по нижней палубе и не забирались на среднюю, где спала Манон. И всё-таки девушка была довольна: худшее, как она считала, уже позади. А «худшего» в её жизни хватало...

Всё началось с того, что солдаты короля, посланные на подавление крестьянского восстания «кроканов», походя разграбили и сожгли её родную деревушку, не утруждая себя поисками правых и виноватых, и между делом изнасиловали саму Манон — впятером. Когда всё кончилось, и когда истерзанная шестнадцатилетняя девчонка пришла в себя, она узнала, что её родители убиты, братья и сёстры куда-то пропали, а от убогой хижины, где ютилась семья Манон, остались одни головешки. Жизнь Манон была далеко не сладкой, но хотя бы привычной, а теперь эта привычная жизнь рухнула в одночасье — девушка благодарила Деву Марию за то, что вообще осталась жива. В опустошённых родных местах ей больше нечего было делать, и она побрела в Париж, расплачиваясь собственным телом за еду, ночлег и даже за то, что ей просто показывали дорогу.

В Париже ей повезло (хотя везением это можно было назвать только по сравнению с тем, что девушке уже пришлось испытать). Она устроилась служанкой «за еду и крышу над головой» в грязный трактир в предместьях города: чистила посуду, мыла полы, заблёванные посетителями, и, конечно, спала с хозяином, а также с гостями — за деньги, которые хозяин заведения у неё отбирал, оставляя Манон сущие гроши.

«Везение» было недолгим. В один прекрасный день в трактир заявили королевские мушкетёры, и один из них, статный и черноусый, сказал, заметив Манон:

— Собирайся. Пойдешь с нами.

Хозяин было заартачился, но мушкетёр холодно посмотрел на него и бросил коротко:

— Разве ты не слышал о королевском эдикте? Или ты собираешься противиться воле его преосвященства?

Хозяин трактира моментально сник и забормотал что-то невразумительное, а Манон пошла с мушкетёрами. Она и слыхом не слыхивала ни о каком эдикте, и только потом узнала, что его величество король Людовик XIII повелел отправлять за море, в Америку, «преступников, пожелавших раскаяться; людей, имеющих в себе силы начать новую жизнь; а также гулящих девиц, дабы они могли стать добропорядочными жёнами и матерями». Ещё в эдикте было сказано, что «в милости своей его величество соизволяет предоставить преимущественные права переселенцам-гугенотам», но это Манон уже не интересовало: за неполный год она потеряла счёт мужчинам, удовлетворявшим с ней свою похоть, и установила, что все они одинаковы — что протестанты, что добрые католики. А через месяц девушка оказалась на борту этого галеона, который теперь несёт её в неведомое.

...Из мутной полудрёмы Манон вывели тяжёлые шаги и грубые руки, схватившие её за плечи. Она открыла глаза и увидела человека в матросской куртке, до глаз заросшего бородой.

— Побалуемся? — деловито предложил бородач, осклабился и, не дожидаясь ответа, повалил Манон на палубу (острые стыки досок больно врезались в спину девушки) и задрал ей юбку. Соседи, сидевшие рядом, отвернулись, делая вид, что ничего не происходит.

Манон не сопротивлялась — ей было всё равно, — только подумала с горечью: «Вот тебе и новая жизнь — опять всё то же самое...».

— Гийом! А ну-ка... — раздался негромкий, но властный голос.

Матрос поспешно отскочил, придерживая растёгнутые штаны. Манон села, натянув задранный подол платья на свои обнажившиеся коленки.

Перед ней стоял офицер — это было видно по его камзолу и длинной шпаге.

— Ты не знаешь приказа господина Гиттона? — процедил офицер, глядя на матроса, и взгляд его не предвещал Гийому ничего хорошего. — Эти женщины не для блуда — они будут матерями будущих детей Новой Франции. Не путай эту девушку с портовой шлюхой, Гийом. Пошёл прочь, негодяй!

Бородач втянул голову в плечи и полез наверх по трапу, бормоча что-то себе под нос, а офицер посмотрел на Манон. И она смотрела на него, как смотрят на что-то такое, чего не может быть в этой злой жизни. Их взгляды встретились и никак не могли разойтись...

Манон показалось, что минула целая вечность, хотя на самом деле прошло меньше минуты, прежде чем она услышала:

— Пойдёмте со мной, мадемуазель.

И она пошла, слыша за спиной завистливый шёпот: «Повезло потаскушке...».

* * *

Каюта была маленькой, но после трюма, переполненного людьми, она показалась Манон дворцом. Девушка осторожно присела на краешек узкой койки, покрытой суконным одеялом, а хозяин каюты, притворив двери, достал из деревянного резного шкафчика кусок сыра, сухой хлеб, пару мочёных яблок и бутылку тёмного стекла, заткнутую пробкой.

— Бургундское, — пояснил он, ставя бутылку на стол, занимавший почти треть каюты. — Бокалов, правда, у меня нет, но есть оловянные кружки. Прошу вас к столу, мадемуазель. И прошу прощения — я не представился. Меня зовут шевалье де Грие.

— Манон Леско, — ответила Манон. — Спасибо вам, — она запнулась, выбирая, как ей правильнее будет обратиться к нему, — ваша милость.

— Меня зовут де Грие, — повторил де Грие, — просто де Грие. Ешьте и пейте, Манон.

И Манон ела, и пила вино, и смотрела на своего спасителя, чувствуя, что тает, словно свеча, упавшая в огонь, — ощущение, какого она раньше никогда не испытывала. Де Грие было лет тридцать; он был красив суровой мужской красотой, подчёркнутой шрамом на его левой щеке, и Манон не понимала, что он в ней нашёл, и почему он обратил внимание на неё, на простую девчонку с плохой репутацией, — на корабле ведь были и другие женщины, более подходявшие дворянину. «Наверно, — подумала она, — ему нужно от меня то же, что и всем мужчинам. Что ж, я согласна платить: хотя бы за то, что он ко мне добр. И... он красив, да...». И Манон, допив вино, спросила:

— Мне раздеваться? Или вы так будете меня... это самое...

И покраснела — неожиданно для себя самой.

— Всему своё время, — жёстко и в то же время ласково ответил шевалье. — И оставьте вы эти привычки парижского дна, Манон. Там, — он повёл рукой в сторону носа галеона, — вас ждёт новая жизнь, достойная человека: не надо тащить в неё старую грязь.

Они сидели и говорили, и Манон узнала историю де Грие, приведшую его на корабль, плывущий в Америку. Молодой шевалье был гугенотом, и отчаянно дрался на стенах Ла-Рошели, осаждённой войсками кардинала. После сдачи крепости Ришелье явил милость — никто из защитников Ла-Рошели не был казнён или сослан на галеры, — и де Грие продолжал жить прежней жизнью. К несчастью, два года назад он убил на дуэли дворянина-католика и попал в Бастилию, а всё его имущество было конфисковано. Де Грие спас случай: его нашёл Жан Гиттон, бывший мэр Ла-Рошели, руководивший её обороной и запомнивший отважного шевалье. Гиттон возглавлял партию переселенцев, отправлявшихся за океан, и предложил де Грие стать его помощником и плыть вместе с ним — попытать счастья на новом месте. Выбор у осуждённого шевалье был невелик, и он с радостью согласился.

Манон слушала, и вдруг поняла, что она любит этого человека, и что скорее бросится за борт, чем расстанется с ним. Она рассказала ему свою историю — всю, без утайки, — с ужасом ожидая, что де Грие с презрением от неё отвернётся и отошлёт её обратно в трюм, однако он только горько улыбнулся и сказал:

— Старая земля искалечила много судеб. Забудьте о прошлом — будущее будет иным. На новой земле мы будем жить новой жизнью, угодной богу, а не злым людям — мы будем счастливы, Манон.

Время любви пришло, когда наступила ночь, и над океаном загорелись яркие звёзды. И Манон поняла, что она ошибалась: когда любишь, не все мужчины одинаковы. И засыпая в объятьях де Грие, она думала о счастье, которое ждёт их в Новой Франции.

Большой французский галеон, грузно качаясь на волнах, плыл на запад.

* * *

1640 год

Крупный бобр выбрался из воды. Огляделся, поводит по сторонам усатой мордочкой и, волоча плоский хвост, осторожно двинулся к невысокому тонкому дереву, склонившемуся над протокой. Инстинкт подсказывал зверьку: это дерево — подходит; если его подгрызть по кругу, оно упадет, и тогда его можно использовать для насущных бобровых надобностей. Но тот же инстинкт предостерегал и предупреждал об опасности: бобр чувствовал в воздухе еле уловимый запах человека. Двуногие всегда были для бобров существами неприятными, так как имели дурную привычку бить строителей запруд дубинками по голове и снимать с них шкурки, и потому пожиратели ивовых побегов предпочитали с ними не встречаться. К тому же в последнее время (то ли из-за того, что похолодало, то ли по какой ещё причине — этого бобры не знали) людям стало нужно гораздо больше шкур, чем раньше, и это обстоятельство серьёзно осложнило в общем-то безмятежную бобровую жизнь. В хатке бобра ждала супруга с детёнышами, бобр сознавал свою ответственность за семейство и не хотел попасть в сеть или в хитрую ловушку, поставленную человеком.

Грохнул выстрел.

Бобр подпрыгнул, кубарем скатился в воду и, лихорадочно загребая всеми четырьмя лапами, нырнул, торопясь укрыться в густых подводных зарослях, тянувшихся вдоль берега протоки.

Бобру повезло — не повезло человеку, отслеживавшему бобра.

Индеец упал ничком, лицом в воду; из его простреленной головы вытекала кровь, расплываясь в текучих водяных струях клубящимся облачком.

Из кустов выскочили двое других индейцев. Они выглядели хищно: волосы на их бритых головах были собраны в скреплённый жиром высокий гребень, тянувшийся от лба до затылка, что говорило об их принадлежности к племени мохоков — к одному из пяти племён союза ирокезов. В руках у ирокезов были ружья, и ствол одного ружья ещё дымился.

— Хороший выстрел, брат мой Оскаленный Лис, — сказал один из них.

— Гурон, — сказал второй, перевернув убитого лицом вверх, вытащил нож, быстрым движением обвёл лезвием голову застреленного индейца — железные ножи бледнолицых режут куда лучше кремнёвых — и сдёрнул скальп. Лук и стрелы убитого гурона воина-мохока не заинтересовали — он небрежно отодвинул их носком мокасины, — и оба ирокеза бесшумно исчезли в лесу: так же стремительно, как и появились.

В стране лесов трещали выстрелы и свистели пули — на всем северо-западе Северной Америки шли «бобровые войны», людей в которых гибло немногим меньше, чем бобров. Европа хотела мехов, и торговцы — французы, англичане, шведы, голландцы — сколачивали компании и шли на риск, чтобы сорвать заветный куш. Шкурки бобров добывали индейцы, однако земли племён, готовых торговать с кем угодно, неумолимо сокращались: грозные ирокезы, до зубов вооружённые французами Канады, подминали под себя соседей. И тогда голландцы — по примеру англичан, вооружавших наррангасетов, и шведов, снабдивших ружьями саскуеханнок, — стали продавать мушкеты алгонкинам, чтобы те хоть как-то смогли сдерживать напор Лиги Пяти и сохранить свои бобровые охотничьи угодья. Огнестрельное оружие расплодилось по стране лесов, собирая щедрую дань жизнями — в основном жизнями индейцев: пока ещё.

* * *

— Они сожгли наши хижины вместе с женщинами и детьми, — индеец-пекот говорил с трудом: его щека была разорвана мушкетной пулей, — там не было воинов. Инглизы убили всех, кого застали в селении на Колдовской реке, — мы пришли уже на пепелище и никого не успели спасти. Инглизам нужна наша земля — мы на этой земле им не нужны. Пекоты под рукой пяти племён — мы приносим ирокезам шкуры бобров. Защити остатки моего народа, вождь мохоков.

Глэйдэйнохче, седой как лунь, медленно встал с мягкой медвежьей шкуры, вытащил из-за пояса томагавк, переделанный из французского абордажного топора, и с неожиданной силой всадил его в раскрашенный деревянный столб.

— Война! — хрипло выкрикнул старый сашем. — Смерть инглизам!

* * *

— Индейцы!

«Странно, — думал Джон Мэсон, бывший лейтенант армии короля Англии, а ныне капитан милиции Коннектикута, рассматривая беженцев из Массачусетса. — Какие индейцы? Кто они, откуда взялись? Пекотов мы вроде перебили — неделю гоняли по лесам тех, кто избежал резни на Колдовской реке».

От беженцев ничего толком узнать не удалось — они были перепуганы, на их усталых и закопчённых лицах лежала печать ужаса. «Это какие-то лесные дьяволы, — говорили они, — нападают неожиданно, режут всех без разбора и пропадают, прежде чем успеешь

зарядить ружьё». Все фермы поселенцев-англичан к северу и к западу от Плимутской колонии, в Род-Айленде, Коннектикуте и Массачусетсе, были сожжены — со стен форта видны были далёкие столбы дыма, поднимавшиеся над лесами.

Кое-что сумел объяснить завзятый авантюрист Джон Андерхилл, капитан милиции Род-Айленда, на пару с Мэсоном уничтожавший деревню пекотов.

— Судя по всему, это мохоки, — угрюмо сказал он, поправив на плече мушкет, — их петушинные гребни ни с чем не перепутаешь. Да и манера боя... — он махнул рукой. — Гореть мне в аду, если это не они. Не пойму только, какого чёрта? Земли ирокезов далеко на западе!

«Ну, в аду мы с тобой будем гореть на пару, — подумал Мэсон, — много у нас грехов, а вот почему и зачем пришли ирокезы — это мы скоро узнаем».

Зачем явились «римляне лесов», действительно скоро выяснилось. К двум капитанам подошёл Ункас, вождь магиканов и союзник англичан.

— Мы уходим, — заявил он без обиняков.

— Почему, краснокожий? — спросил Мэсон, опустив традиционное «брат».

— Потому что ирокезы, — лаконично ответил индеец.

Неудовлетворённые его кратким ответом, два Джона учинили магикану нечто вроде перекрёстного допроса, и общая картина события стала для них более-менее ясной.

— Значит, пекоты были данниками ирокезов, — произнёс Андерхилл.

— И сюзерен пришёл на помощь своему вассалу, — подытожил Мэсон.

Тем не менее капитаны, сорокалетние мужчины, всякого повидавшие в своей жизни, были далеки от того, чтобы предаваться унынию: сказывалось их англосаксонское презрение к «дикарям». Форт Касл, построенный на стыке новорождённых провинций Новой Англии, прикрывал Плимутскую колонию — зародыш пуританских поселений в Северной Америке. В форту скопилось несколько сотен хорошо вооружённых людей, имелись четыре пушки, и два Джона не без оснований полагали, что его бревенчатые стены будут не по зубам неистовым «римлянам лесов».

Ночь прошла спокойно, и наступивший день не принёс ничего нового — в окрестных лесах не было заметно никакого подозрительного шевеления. Поселенцы изнывали, стоя у бойниц, и только окрики капитанов поддерживали среди них какое-то подобие дисциплины. Ближе к вечеру Мэсон решил отправить разведку из добровольцев-охотников, но выполнить своё намерение он не успел.

Воздух разорвал воинственный клич, и сотни индейцев-ирокезов высыпали из леса. Они были отлично вооружены — по брёвнам палисада часто защёлкали пули, высекая щепки, и кряжистый поселенец, стоявший рядом с Андерхиллом, охнул, выронил ружьё и повалился на помост, тянувшийся вдоль стен по всему внутреннему периметру.

Англичане не дрогнули: стены форта густо раскрасились клубами порохового дыма ответных ружейных выстрелов, гроыхнула пушка, и чугунное ядро взрыло землю в самой гуще нападавших. Атака индейцев захлебнулась в считанные минуты — ирокезы отступили.

— На вылазку! — скомандовал капитан Мэсон.

Однако вылазка окончилась неудачей. Около сотни поселенцев у опушки леса попали под обстрел засевших там индейцев и, потеряв несколько человек, тоже отступили. Мэсон был ранен в руку, у Андерхилла пулей пробило шляпу. Обстрел леса из орудий ощутимых результатов не принёс, хотя стрельба с опушки прекратилась — ирокезы отошли в чащу. Кое-кто из горячих голов хотел ринуться за ними в погоню, но Андерхилл остудил их пыл.

— Вам что, надоело носить свои скальпы? Ловить этих дьяволов в лесу, да ещё ночью, — Джон показал на темнеющее небо, — это занятие для самоубийц!

Англичане вернулись за стены форта.

Бой кончился вничью.

Непосредственная угроза Плимутской колонии миновала, однако Мэсон был мрачен.

— Ирокезы не испугались, — сказал он капитану милиции Род-Айленда, морщась от боли в раненой руке, — они просто правильно оценили обстановку. Они хорошие воины,

друг мой Джон, и у них у всех, насколько я успел заметить, были хорошие ружья. Ирокезы унесли с собой своих убитых и раненых, но на поле боя мы нашли вот этот мушкет. — И с этими словами он протянул соратнику трофей.

— Французский мушкет, — отметил Андерхилл, осмотрев ружьё.

— Не просто французский, и не просто мушкет, — уточнил бывший офицер английской армии, — а новейший французский мушкет. Кремнёвый — эта военная новинка только-только поступила на вооружение лучших европейских армий, а ею уже владеют местные дикари! И мы, и голландцы, и шведы — мы продаём индейцам старые фитильные мушкеты, а французы оказались щедрее. Кремнёвый мушкет гораздо надежнее и удобнее, особенно в лесу, — о чём это говорит, Джон?

— Это говорит только о том, — задумчиво произнёс Андерхилл, — что мы ещё будем иметь с ирокезами большие неприятности. Очень большие, Джон...

В ответ капитан милиции Коннектикута лишь витиевато выругался.

* * *

1642 год

В покоях дворца Пале-Кардиналь в Париже витал запах смерти.

Людювик XIII, стоя возле постели Ришелье, смотрел на него сверху вниз.

— Вот мы и прощаемся, — еле слышно произнёс кардинал. — Покидая ваше величество, я утешаю себя тем, что оставляю ваше королевство на высшей ступени славы и небывалого влияния, к чему я приложил все свои силы. Я смирил гордыню дворянства и вырвал с корнем гугенотскую заразу, упорядочил законы и учредил академию, отражал врагов и строил флот для защиты интересов Франции в отдалённых землях. И всё это — ради вас, ваше величество, и ради величия Франции. Единственно, о чем я осмеливаюсь просить вас, ваше величество, за мои труды и мою службу, это продолжать удостаивать вашим покровительством и вашим благоволением моих племянников и родных. А я дам им своё благословение лишь при условии, что они никогда не нарушат своей верности и послушания и будут преданы вам до конца.

Голос умирающего пресёкся, но Ришелье собрался с силами и заговорил снова:

— Своим единственным преемником я вижу кардинала Мазарини. Он иностранец, но будет служить вам и Франции лучше многих французов. И ещё, ваше величество: будущее Франции — на морях. И за морями — в Новой Франции. И заставьте хозяев денег служить вам, ваше величество. Запомните это... и передайте... вашему сыну...

Кардинал закрыл глаза. По его лицу медленно растекалась восковая бледность.

Король повернулся и вышел. Он ещё не знал, что переживёт своего первого министра всего на полгода.

* * *

1643 год

19 мая 1643 года в битве при Рокруа армия принца Конде нанесла сокрушительное поражение испанцам. Испания потеряла элитные полки ветеранов, а вместе с ними — славу своей пехоты, считавшейся доселе непобедимой. Эта битва стала концом эпохи испанского доминирования в Европе.

Ришелье совсем немного не дожил до триумфа французского оружия на суше.

Но кроме суши, было ещё и море.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ГОРЯЧИЕ МОРЯ

Над холодным Северным морем гремели пушки.

Голландский флот адмирала Михила Адриансона Рёйтера шёл с попутным ветром в Па-де-Кале. Английский флот, прикрывавший устье Темзы у мыса Норт-Форленд, двинулся на перехват, чтобы не допустить соединения голландцев с французской эскадрой адмирала д'Эстре, стоявшей в Дюнкерке. Герцог Йоркский, командовавший английским флотом, имел семьдесят кораблей против семидесяти двух кораблей де Рёйтера, а сорок французских судов обеспечили бы союзникам полуторакратное превосходство. Правда, «Весёлый король»¹³ намекал в своих секретных инструкциях, что от французов вряд ли стоит ожидать особой активности, однако герцог считал число неприятельских кораблей и количество пушек на их палубах более весомым аргументом в морском бою, нежели дипломатические тонкости.

Враждебные флоты шли сходящимися курсами — Джеймс Стюарт, герцог Йоркский, хотел отрезать де Рёйтера от Дюнкерка. Десятки кораблей обеих сторон держались друг за другом, гуськом: галеоны превратились в линейные корабли, уже попробовавшие свои силы годом раньше, в несчастливом для голландцев бою у Лоустофта. Большинство линейных кораблей и у англичан, и у голландцев были двухпалубными, несущими на своих гондеках и опердеках¹⁴ от сорока до шестидесяти орудий, и лишь кое-где в боевых линиях противников высились трёхпалубные корабли, имевшие на борту до восьмидесяти пушек.

Время от времени то со стороны голландцев, то со стороны англичан раздавались одиночные выстрелы. Эти выстрелы были редкими — и де Рёйтер, и герцог Йоркский хорошо знали, что артиллерийский огонь с дистанции более пятисот ярдов малоэффективен: резко снижается точность стрельбы, да и от попавшего в цель ядра на таком расстоянии толку уже немного. А вот когда плавучие крепости сойдутся на пистолетный выстрел...

«Мы выигрываем ветер, — думал де Рёйтер, рассматривая в подзорную трубу строй вражеских кораблей. — Ты ошибся, англичан, и ты за это заплатишься». Старый морской вояка оказался прав: англичане, пытаясь охватить голову голландского флота, подвернули на другой галс, и проиграли в скорости и маневренности.

— Общая атака! — скомандовал адмирал.

Пользуясь попутным ветром, голландские корабли быстро сближались с английским флотом. Подойдя на расстояние действительного огня, они разворачивались к противнику бортом и открывали огонь. Теперь уже пушки ревели непрерывно, и теперь уже всё зависело от опыта капитанов, боевого духа матросов, мастерства канониров и от прочности судов, построенных нидерландскими и английскими корабелями.

Тридцатишести-, восемнадцати- и двенадцатифунтовые орудия выплёвывали ядра. Чугунные шары размером от яблока до человеческой головы крушили снасти и решетки борта. И рвали тела людей — настил и переборки батарейных палуб были выкрашены изнутри в чёрный цвет, дабы не смущать бойцов видом кишок и мозгов, разбрызганных ядрами во все стороны.

Оба флота — в полном соответствии с канонами новорождённой линейной тактики — были разделены на авангард, центр и арьергард. Де Рёйтер на своем трёхпалубном флагмане «Семь провинций» нацелился на семидесятивосьмипушечный флагманский корабль самого герцога Йоркского «Ройял Чарльз», вице-адмирал Эгберт Кортенаер на «Гроот Холландиа» вёл бой с английским авангардом под командованием принца Руперта, державшем флаг на «Ройял Джеймс», а в арьергарде сошлись адмирал Эдвард Спрагге и Корнелис Тромп, сын

¹³ «Merry King» — весёлый король (англ.). Прозвище английского короля Карла II, известного своими амурными подвигами и множеством внебрачных детей.

¹⁴ Гондек — нижняя батарейная палуба; опердек — верхняя закрытая батарейная палуба. На трёхпалубных линейных кораблях имелся ещё и мидель-дек — средняя батарейная палуба.

знаменитого Мартина Тромпа, погибшего во время первой англо-голландской войны. Весь английский флот знал, что Спрагге поклялся или убить Тромпа, или погибнуть, и в этом бою англичанину удалось сдержать свою клятву. Непримиимые враги дважды меняли корабли, измочаленные ядрами; при переходе на новый корабль шлюпку Спрагге разнесло прямым попаданием, адмирал получил доской по голове и упокоился под волнами Северного моря.

Бой шёл на равных, но голландцы постепенно брали верх. Талантливый флотоводец, де Рейтер мгновенно реагировал на любое ослабление вражеской линии, и стоило какому-нибудь английскому кораблю выйти из строя, как командующий голландским флотом тут же усиливал натиск там, где строй вражеских кораблей нарушался. Де Рейтер мечтал истребить английский флот, но понимал, что вряд ли сумеет это сделать, и готов был удовлетвориться нанесением герцогу Йоркскому тяжёлых потерь, чтобы надолго отбить у Джеймса Стюарта охоту выходить в море и связываться с голландцами. Английская линия заколебалась, и тут со стороны материка показалась новая эскадра. Это были французы.

Ветер благоприятствовал кораблям адмирала д'Эстре: они шли в бакштаг,¹⁵ тогда как сражавшиеся между собой англичане и голландцы — в галфвинд. И принц Руперт, и герцог Йоркский заметили угрозу авангарду английского флота — ему грозило попасть в два огня. Линейные корабли британцев стали разворачиваться, чтобы прорезать строй голландцев, выйти из-под удара французов и прорваться к родным берегам, но одновременный поворот оверштаг¹⁶ большого числа судов, многие из которых были сильно повреждены, привёл к тому, что английский флот сбился в кучу, а в нескольких местах по два-три судна сцепились ряями.

— Брандеры! — выкрикнул де Рейтер.

«Зажигательные» судёнышки, набитые смолой и серой, в ходе артиллерийского боя держались за спинами линейных кораблей. Атака брандерами ненарушенной боевой линии бессмысленна — чтобы уклониться, кораблям на ходу достаточно увеличить интервалы. Но совсем другое дело, когда атакуемые суда стоят на якоре или стеснены в маневре...

Свинцово-серую воду окрасило багровым — беспомощные корабли Джеймса Стюарта вспыхивали один за другим. Дело дошло до абордажа, и в тяжёлый грохот пушек вплёлся треск мушкетов, яростные вопли и лязг абордажных кортиков. А тем временем французы атаковали авангард английского флота, обрушив на него всю свою нерастраченную мощь.

Спустя два часа всё было кончено. Пылающий «Ройял Джеймс» разлетелся на куски в вихре оглушительного взрыва, унеся с собой на небеса команду и принца Руперта, а «Ройял Чарльз», сумевший выйти из-под огня «Семи провинций», взяли на абордаж французские корабли «Ванжёр» и «Солей Руайяль».

— Сдаюсь на милость победителя, — устало сказал герцог Йоркский, отдавая д'Эстре свою шпагу. — Вы незаурядный флотоводец, адмирал.

— Не стоит преувеличивать мои заслуги, ваша светлость, — вежливо возразил француз, — я всего лишь выполнял волю моего короля!

Д'Эстре не кривил душой. Полученный им приказ Людовика XIV гласил: «Нанести решительное поражение английскому флоту, дождавшись, пока англичане и голландцы основательно потреплют друг друга», и адмирал добросовестно выполнил этот приказ.

Разгром британского флота был полным — англичане потеряли сорок семь кораблей потопленными и захваченными, тогда как голландцы лишились всего четырёх кораблей, а у французов потерь в кораблях не было вообще. Тромп ликовал и уже готовил десантные

---

¹⁵ Направление ветра относительно курса судна: левентик — «ветер в лоб» (он же мордотык); бейдевинд — ветер с носа, курсовые углы от 0 до 80 град.; галфвинд — «ветер в борт»; бакштаг — ветер с кормы, курсовые углы от 100 до 180 град.; фордевинд — «ветер в спину», попутный.

¹⁶ Поворот «оверштаг» — поворот, при котором нос корабля пересекает линию направления ветра, и судно какое-то время находится в положении «левентик». Не путать с поворотом «оверкиль» (это когда корабль переворачивается вверх дном).

партии, чтобы выжечь арсеналы и склады на берегах Темзы. Де Рёйтер тоже был рад столь блестящей победе, но к чувству радости примешивалось смутное беспокойство, возникавшее у него всякий раз, когда он бросал взгляд на колонну французских кораблей.

«Ладные, хорошо вооружённые, лёгкие на ходу, — думал голландский адмирал, — и откуда они взялись? Пять лет назад у французов едва насчитывалось три десятка мелких посудин, не стоящих одного хорошего залпа, а теперь я вижу перед собой настоящий флот — и какой флот! И мне это очень не нравится...».

* * *

1661 год

— Вот, ваше величество, — Кольбер сгрёб ворох бумаг, заваливших весь письменный стол, — во всех ведомостях одно и то же: отчётные цифры расходов уменьшены, а доходов — наоборот, увеличены. Мессир Фуке пользуется вашей казной, как собственным кошельком. Размах спекулятивных махинаций огромен — господин суперинтендант финансов подобен червю, забравшемуся в яблоко и непрерывно его пожирающему. И он не успокоится, пока от яблока, имя которому Франция, не останется лишь источенный огрызок! — Кольбер нервным движением поправил локон своего завитого парика. — И это ещё не всё. Фуке готовится к борьбе за власть: он купил остров Белль-Иль и превращает его в крепость, он создаёт свою собственную армию, он вербует себе приверженцев. Мессир Фуке бросает вам вызов, сир, — не зря на его гербе под изображением белки написано «Куда я ещё не забирался?».

«И ещё этот прыщ Фуке осмелился приволокнуться за Луизой де Лавальер, — подумал Людовик XIV, — за моей любовницей, и этого я ему не прощу!».

Пятого сентября 1661 года суперинтендант финансов Франции Николя Фуке вышел из зала заседания королевского совета и вальяжной походкой направился к своей карете. Но не дошёл: дорогу ему преградил человек в форме королевских мушкетёров (окажись здесь Манон Леско, она сразу же узнала бы в этом мушкетёре того самого, который четверть века назад случайно зашёл с товарищами в кабачок на окраине Парижа, увидел Манон, пожалел её и круто изменил её судьбу).

— Лейтенант д'Артаньян, — представился мушкетёр, преградивший дорогу Фуке, — вы арестованы, мессир.

Процесс Фуке тянулся три года. Приверженцы Фуке (а таких было немало) старались добиться королевского помилования, но Людовик XIV был непреклонен: он жаждал крови. В конце концов Фуке был присужден к вечному изгнанию и конфискации имущества. «Законы государства гуманны» — сказал один из судей. «Государство — это я!» — заявил тогда король и заменил изгнание пожизненным заключением. Николя Фуке окончил свои дни в Бастилии, а во Франции наступила эра Кольбера — человека, очень много сделавшего для её величия.

Жан-Батист Кольбер, фактически ставший государственным министром финансов сразу после ареста Фуке, обладал бешеной энергией. Он поставил перед собой цель: благо Франции, и шёл к этой цели, применяя жёсткие методы, типичные для семнадцатого века. Он навёл порядок в сфере финансов (особая судебная палата, занимавшаяся расследованием финансовых злоупотреблений, поступала с виновными без малейшего снисхождения — смертная казнь была столь же обычной мерой наказания, как и огромный денежный штраф), укрепил экономику и торговлю, упорядочил налоги — Кольбер взял за правило облегчать повинности бедных за счёт богатых. При нём развивались искусство и наука, при нём были заложены основы будущей французской колониальной империи. И Кольбер исполнил мечту Ришелье: он создал мощный военный флот — тот самый, появлением которого был неприятно удивлён де Рёйтер в сражении в Па-де-Кале.

Через пять лет после начала «эры Кольбера» этот флот имел уже полсотни линейных

кораблей, а еще через пять лет их было уже больше ста, а общее число французских боевых судов увеличилось втрое. Французские корабли отличались своими высокими мореходными, конструктивными и боевыми качествами и служили образцом для подражания. Кольбер ввёл матросскую повинность, написал устав флота, а для обеспечения гребных судов нужным количеством гребцов некоторое время все провинности наказывались ссылкой на галеры. И никто иной, как Жан-Батист Кольбер, создал новый тип боевого корабля.

Имя отца линейного корабля, родившегося в ходе первой англо-голландской войны, неизвестно (скорее всего, отцов было несколько), зато известно имя отца фрегата: Кольбер. Собрав лучших математиков и физиков страны, Кольбер поручил им разработать проект корабля, который был бы достаточно мощным и в то же время быстроходным, вёртким и способным совершать далёкие плавания в бурных морях. Задание министра было выполнено, и вскоре с верфей Франции сошли на воду первые фрегаты — предки крейсеров. Фрегаты имели три мачты и одну закрытую батарейную палубу, несли от двадцати до сорока орудий среднего калибра и далеко превосходили маневренностью и ходкостью неповоротливые линейные корабли. И эти фрегаты понесли флаг Франции во все части света...

* * *

1669 год

— Господа, дело, ради которого я вас пригласил, чрезвычайно важное, и, — Бертран д'Ожерон, губернатор Тортуги, сделал многозначительную паузу, — не терпящее излишней болтовни.

Обращение «господа» было не слишком привычным для двух его собеседников: оба они — и Франсуа д'Олонэ, и Пьер Легран, — были обыкновенными пиратами, хоть и разными по замашкам. Д'Олонэ, прославившийся на всё Карибское море своей зверской жестокостью, являл собой яркий образчик типичного морского бандита, живущего сегодняшним днём, от грабежа до грабежа, тогда как Легран был натурой более утончённой и думал о будущем. Но обоих этих людей роднила незаурядность, пусть даже разная, и поэтому д'Ожерон, хорошо знавший всех флибустьеров Вест-Индии, остановил свой выбор на них. Джентльмены удачи не ощущали никакой неловкости при тесном общении с господином губернатором: Бертран д'Ожерон де ла Буэр в прошлом сам был капитаном и буканьером, а в настоящем имел свою долю в пиратской добыче.

— Я предлагаю вам послужить королю Франции, — губернатор перешёл к делу.

«А зачем нам это надо?» — чётко обозначилось на лице д'Олонэ.

— Каким образом? — спросил Легран с некоторой заинтересованностью.

— Надо взять Нью-Йорк, — сказал д'Ожерон. — Это бывшее владение голландцев, оно называлось Новый Амстердам, но пять лет назад англичане вышвырнули оттуда прежних хозяев и уселись там сами. А наш король полагает, что там должны сидеть мы, французы. Вы ведь специалист по штурму городов, Франсуа, — вы взяли Маракайбо.

— Я сделал это первым, — уточнил д'Олонэ с оттенком самодовольства, — никто из буканьеров до меня не захватывал испанские города.

— Вот именно, — д'Ожерон благодушно кивнул, — поэтому для вас не составит труда взять ещё один город, на сей раз английский. Тем более что вам помогут.

— Взять-то можно, — согласился д'Олонэ, — но только зачем? У испанцев полно золота и серебра, а что возмёшь с англичан? Ради чего мы будем рисковать шкурой, Бертран? Я, конечно, патриот Франции, но...

Легран молчал, но было видно, что он разделяет мнение своего собрата по ремеслу.

— Ради того, чтобы сберечь эту самую шкуру, — холодно перебил его д'Ожерон. — Между Испанией и Францией идут переговоры о мире, а твой лихой налёт на Маракайбо вызвал негодование короля Испании и создал трудности королю Франции. Вот здесь, — он тронул свиток, лежавший на его столе, — предписание. Тебя дожно арестовать и судить,

Франсуа д'Олонэ. И, я так думаю, повесить. Теперь с тобой, Пьер, — губернатор посмотрел на Леграна. — Ты, как я знаю, недавно захватил испанский галеон с богатой добычей — лихое дело, я восхищён. И ты собираешься вернуться в свой Дьепп и жить там в своё удовольствие — разумно, не спорю. Но ты ведь не хочешь, — вкрадчиво произнёс бывший корсар, — чтобы кто-то заинтересовался происхождением твоего благосостояния? А это может случиться!

Д'Ожерон снова сделал паузу и, не давая пиратам опомниться, подытожил:

— Итак, господа, выбор за вами: или вы принимаете предложение короля, или... Что же касается добычи — можете очистить этот жалкий городок от всего, что там найдёте. Его величеству нужна эта земля, а не сундуки тамошних поселенцев.

— Но справимся ли мы с англичанами, имея только наши лёгкие посудины? — спросил Легран, и по самому вопросу было уже ясно, что умный нормандец свой выбор уже сделал.

— Да, — поддержал его д'Олонэ, — если мы столкнёмся у Нью-Йорка с военными кораблями англичан, я не дам за наши шкуры и пары пиастров. Тогда уж лучше сразу на виселицу — чего тянуть?

— Корабли у вас будут, — успокоил д'Ожерон. — По ряду причин его величество не хочет открыто посылать туда свой флот, но кто мешает ему передать вам — временно — пару-тройку хороших фрегатов с экипажами? И это будет сделано. А с суши, как я уже говорил, вас поддержат — у генерал-губернатора Новой Франции есть надёжные союзники. Ну, ваше слово?

— Я согласен, — буркнул д'Олонэ. — Не люблю англичан — один этот Морган Рыжий чего стоит...

— Я тоже согласен, — Легран кивнул. — Я верноподданный его величества.

— Я в этом нисколько не сомневался, — улыбнулся господин губернатор, поглаживая свой шёлковый фуляр,¹⁷ и приказал слуге-негру, стоявшему рядом: — Рому капитанам! И мне тоже, а то от этих разговоров у меня уже в горле пересохло.

* * *

1670 год

— Я согласен на капитуляцию, — мрачно проговорил майор Хаббард, теребя рукоять шпаги.

«Ещё бы ты был не согласен, — Даниэль Шамплен мысленно усмехнулся. — Берега Гудзона заняты ирокезами — отряды милиции из Виргинии и Плимутской колонии потеряли немало людей, но так и не смогли сюда пробиться, а пушкам фрегатов, — он перевёл взгляд на корабли, стоявшие на расстоянии выстрела, — тебе нечего противопоставить. Два часа пальбы — и от всего вашего Нью-Йорка останется куча обгорелых брёвен». Однако вслух он вежливо (как и подобает на дипломатических переговорах) произнёс:

— Разумное решение — к чему ненужное кровопролитие?

— Но мне хотелось бы, — майор посмотрел на не внушающее доверия лицо д'Олонэ, — получить гарантии.

— Какие именно?

— Гарантии того, что ваши люди не будут чинить грабежей и насилия — оговоренную сумму выкупа за жизнь наших поселенцев мы внесём.

— Подумаешь, — проворчал д'Олонэ, — было бы о чём беспокоиться. Ну, задержат мои молодцы юбки вашим пуританкам — что от них, убудет? Наоборот, порадуются...

Легран усмехнулся, однако Шамплен счёл нужным пресечь подобные разговоры.

— Мы даём вам такие гарантии, — решительно заявил он, строго глядя на пиратов. —

---

¹⁷ Шейный платок, предок галстука

Вы можете не беспокоиться, майор.

По лицу д'Олонэ пробежала тень — «оговоренная сумма выкупа» явно не устраивала корсара, — и сын основателя Новой Франции понял, что надо подсластить пилюлю.

— Господин д'Олонэ, губернатором нашего нового города буду я, но без вас и ваших людей я бы никогда не получил этот пост. И как признание ваших заслуг — не хотите ли вы выбрать новое имя для этого города?

— Хм... — польщённый флибустьер почесал бородку и задумался. — Пусть этот город будет теперь называться Нуво-Руан. Моя первая в жизни баба была родом из Руана — она мне говорила, что происходит из старинного рода графов Руанских, ведущих свою родословную ещё от викингов. Вообще-то эта бабёнка оказалась порядочной шлюхой — у её мужа отросли такие рога, что в конце концов сломали ему шею, — но всё-таки она была у меня первой...

— Нуво-Руан? Прекрасно! — воскликнул Даниэль, подумав при этом: «Надо же, какая романтическая история!».

...Однако одним только моральным удовлетворением дело не ограничилось. Корсары, оставшиеся без ожидаемой поживы, были недовольны, и тогда д'Ожерон нашёл компромисс: он решил использовать фрегаты Людовика XIV для атаки Ямайки, куда вот-вот должен был вернуться с богатой добычей Генри Морган. Авантюра удалась: Порт-Ройял был захвачен внезапным десантом, и английский губернатор Ямайки сэр Томас Модифорд стал пленником французских пиратов. Ничего не подозревавший Морган прибыл в Порт-Ройял в ореоле победителя испанцев и угодил в расставленную ловушку. Конец самого знаменитого пирата Карибского моря был тривиальным: его повесили без долгих проволочек.

Д'Олонэ ненадолго пережил Рыжего Моргана: не успокоившись на достигнутом, он отправился в очередной поход на Панаму и попал в плен к индейцам из Дарьена. Смерть человека, нарекшего Нью-Йорк Нуво-Руаном в память о своей первой любви, была ужасной: его четвертовали ножами. Лучше всех золотом Моргана сумел распорядиться Пьер Легран: он вернулся в родной Дьепп и спокойно жил там до конца своих дней, ни разу не ступив больше на палубу корабля. Пьер Легран умер богатым и всеми уважаемым человеком, даже не предполагая, что стал основателем будущей могущественной финансовой династии.

А Генри Морган — его безымянная могила была смыта волнами во время знаменитого землетрясения 1692 года, разрушившего Порт-Ройял, и само его имя затерялось в истории...

* * *

1677 год

— Мир венчает войну, — напыщенно произнёс Вильгельм III Оранский. Он старался, чтобы эти слова прозвучали весомо, однако по мелкому дрожанию его пальцев, теребивших батистовый платок, было понятно, что статхаудер Нидерландов чувствует себя отнюдь не уверенно. — Мы согласны на требуемые вами торговые преференции, но хотелось бы, что бы нам вернули Новый Амстердам, захваченный Францией.

— Новый Амстердам? — делано удивился Людовик. — Если вы говорите о Нью-Йорке, который вот уже семь лет называется Нуво-Руан, то Франция его не захватывала. Этот город взяли вольные флибустьеры и поднесли его нам в дар, чтобы испросить прощения за свои былые злодеяния. А подаренное не передаривается — это невежливо!

Лицо Вильгельма пошло красными пятнами. Король Франции открыто издевался, но что мог сделать правитель побеждённой страны? За флиссингенскими мелями реют на ветру вымпелы французских многопушечных кораблей, а у границ Голландской Республики стоят наготове полки ветеранов маршала Тюренна, крушившие Священную Римскую империю и привыкшие побеждать. И если эти полки войдут в Нидерланды, то где гарантия, что он, Вильгельм, не разделит горькую участь Яна и Коренелиса де Витт, растерзанных чернью, обвинившей Великого пенсионария Республики Соединённых провинций и его брата во

французской оккупации Низовых Земель? На Англию надежды мало — британский флот до сих пор толком не оправился от страшного разгрома, учинённого ему д'Эстре и де Рёйтером, а сам де Рёйтер сложил голову в бою со вчерашними союзниками близ Сиракуз — тяжёлые французские фрегаты растрепали голландскую эскадру, прикрывавшую караван торговых судов, шедший в Амстердам из портов Леванта. О короле Испании Карлосе II Одержимом не стоит и говорить — эта несчастная жертва инцеста способна только играть в бирюльки, где уж ему вмешиваться в кровавую кашу большой европейской политики. К тому же испанский двор был обескуражен ловким ходом Людовика XIV: французский король уверил испанцев в своём искреннем расположении, сообщив, что по его приказу повешен английский пират Генри Морган, опустошавший испанские владения в Америке. Хитрый французский монарх также выразил сожаление, что не смог повесить другого пирата, д'Олонэ, тоже грабившего Панаму, поскольку негодяя за все его преступления уже постигла заслуженная божья кара.

И статхаудер Нидерландов молчал, комкая в руках многострадальный платок и не желая выдавить из себя унижительное, но неизбежное «Мы согласны».

— Франция не будет возражать, — небрежно произнёс Людовик, снисходительно глядя на Вильгельма, — если Голландия закрепит за собой Суринам, однако о Новом Амстердаме, которого давно уже нет, не может быть и речи. Впрочем, мы готовы выплатить компенсацию наследникам вашего негодяя — забыл, как его звали, — который купил у индейцев остров Мангатан. Мы вернём потраченные им деньги в двойном размере, — добавил король Франции и повернулся к своему военному министру. — Дорогой мой Лувуа, у вас не будет мелочи? А то я по рассеянности забыл свой кошелёк.

Король Людовик XIV искренне ненавидел Нидерланды — «страну лягушек, сидящих по берегам грязных канав и самодовольно квакающих» — и завидовал богатству голландской торговой республики. Он с удовольствием прошёлся бы по ней огнём и мечом и потряс бы за мощную жирную голландскую купцов, но... История с Фуке показала молодому королю, что деньги имеют свойство переходить из рук в руки не только посредством торговли или военного грабежа, но и другими, более хитрыми путями. И самое главное: его действиями как будто *кто-то руководил* — во многих случаях король Людовик поступал вопреки своим желаниям, продиктованным необузданностью его самолюбивой и эгоистичной натуры. И поэтому он не вторгся в Голландию, удовольствовавшись выгодным миром; поэтому он продолжал давить Англию на морях, всемерно укрепляя и поддерживая свой флот; поэтому при ограничении эмиграции протестантов из Франции в другие страны Европы гугенотам был разрешён беспрепятственный выезд в Америку — такая эмиграция даже поощрялась.

Присутствие незримого «внутреннего стража» порой раздражало короля Франции — он был бессилен противиться воле этого стража. Однако этот страж не мешал Людовику XIV купаться в роскоши, предаваться чувственным удовольствиям и наслаждаться собственным величием, и король смирился — в конце концов, управлявшая его решающими поступками воля «внутреннего стража» всегда оборачивалась благом Франции и ростом её могущества, а «Король-Солнце» давно уже не разделял понятия «моё государство» и «я».

* * *

1682 год

На берегу реки стоял дом, который можно было назвать величественным. Это был даже не дом, а особняк, окружённый поместьем и хижинами, образовавшими целый посёлок. Рене-Робер смотрел на двухэтажное белое здание, открывшееся его взору, и не верил своим глазам. После долгого пути от форта Фронтенак на берегу Онтарио по лесам, а затем на лёгких каноэ по огромной реке Миссисипи через степи, кишевшие стадами диких буйволов — бизонов, как их называли индейцы, французы, привыкшие к землям, где до них не ступала нога белого человека, никак не ожидали увидеть здесь настоящее европейское поселение. О

том, что это всё-таки не Франция, говорил только земляной вал с бревенчатым частоколом, окружавший посёлок и придававший ему вид укрепленного форта.

— Думаю, что это колония гугенотов, обосновавшихся здесь сорок лет назад, — сказал Тонти, глядя из-под руки на дома, полускрытые зеленью деревьев. — Смотри-ка, им удалось выжить!

— К берегу, — распорядился Рене, — гугеноты они или нет, но всё-таки они французы.

Обитателями посёлка действительно оказались французы. Путешественников они встретили радушно, хоть и с оружием в руках — впрочем, подобная предосторожность была вполне понятной. После обмена приветствиями и новостями из толпы местных жителей вышла невысокая седая женщина со следами былой красоты и гордой осанкой.

— Меня зовут Манон де Грие, — представилась она. — Пойдёмте, господа: вы устали, и после всех опасностей вам надо поесть и отдохнуть.

— Рене-Робер Кавелье де ла Саль, — Робер снял шляпу и поклонился. — Благодарю вас за ваше гостеприимство, мадам.

Внутреннее убранство белого дома ничуть не уступало интерьеру домов зажиточных горожан Квебека, и обильная трапеза свидетельствовала о том, что переселенцы отнюдь не голодают.

— Здесь несколько таких посёлков, — рассказывала мадам де Грие, угощая Тонти и де ла Саль настоящим французским вином, — а там, у самого устья, каменный форт с пушками. Нас здесь около пятидесяти тысяч, и каждый год из Франции приходят корабли, привозящие всё новых и новых людей.

— Вы довольны своей судьбой, мадам? — спросил Кавелье.

— Я счастлива, — просто ответила старая женщина. — Я живу здесь уже сорок четыре года, и я была счастлива все эти годы. Я похоронила любимого мужа, но у меня шестеро детей и семнадцать внуков, и я надеюсь, — она улыбнулась, — дожить до правнуков. Для моих детей эта земля стала родиной, и для меня тоже. Конечно, всякое было — были набеги диких индейцев, и несколько раз появлялись у берегов нашей колонии испанские корабли, — но господь бог сохранил нас от всех невзгод.

— Я восхищаюсь вами, мадам де Грие, — Тонти галантно поднял бокал. — За вас, наша дорогая хозяйка!

— А я могу вас обрадовать, — добавил де ла Саль. — Мы завершили нашу экспедицию, и теперь все эти земли, от Великих озёр до побережья Мексиканского залива, стали землями Франции. Я решил назвать их Луизианой — в честь нашего короля Людовика, поддержавшего наши начинания, и отныне любые посягательства на спокойствие французских жителей этих мест будут пресекаться всей мощью французского оружия. Ваше здоровье, мадам де Грие!

...Мечта Ришелье сбылась: английские поселения Виргинию и Плимутскую колонию, рассечённые к тому же вбитым между ними клином Нуво-Руана, опоясали французские владения.

* * *

1690 год

10 июля 1690 года у мыса Бичи-Хэд в Ла-Манше французский флот нанес жестокое поражение объединённому англо-голландскому флоту. Имея семьдесят линейных кораблей против шестидесяти трёх линейных кораблей союзников, адмирал Турвиль, не потеряв ни одного своего корабля, сжёг шестнадцать кораблей англичан и голландцев и двадцать восемь тяжело повредил. В том же году фрегаты знаменитого французского капера Жана Бара под Нуво-Руаном наголову разгромили английскую эскадру, пытавшуюся атаковать эту колонию Франции. Воины онондага, наблюдавшие с берега, как ненавистные инглизы, спасавшиеся с тонущих кораблей, пытаются до него доплыть, невозмутимо сняли скальпы со всех, кому это

удалось. Франция закрепила за собой Нуво-Руан, вернув Англии — в качестве компенсации — остров Ямайку.

Завещание Ришелье исполнялось: Франция всё увереннее выходила на первое место среди ведущих мировых держав. Но её решающая схватка с Англией за Северную Америку была ещё впереди.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ. Трава под ветром

1700 год

Дом на окраине Лондона не был каким-то особенным. Дом выглядел солидным — да (в таких жилищах обитали преуспевающие купцы Вест-индской, Ост-индской, Московской и прочих компаний, цепко державших всю мировую торговлю и на этом богатевших, а также ростовщики, кредитовавшие и вечно нуждавшуюся в деньгах знать, и вообще всех, кто был готов отдать больше, чем взял в долг), но не бросался в глаза нарочитостью, свойственной королевским дворцам. Дом был тёмен и тих, и могло показаться, что он необитаем, или что хозяева его привыкли рано ложиться спать, заперев все двери и погасив экономии ради все свечи.

Из гига,¹⁸ остановившегося у этого дома, выбрался тучный человек в широкополой голландской шляпе с высокой тульей и в тёмном плаще. Моросил мелкий дождь, с Темзы налетал промозглый осенний ветер, и такой наряд был обычным для зажиточного лондонца, который по своему достатку может позволить себе более-менее приличную одежду. Вылезая, человек угодил туфлями в лужу, разлёгшуюся от середины дороги до ступенек у входа в дом, сердито фыркнул и, подойдя к двери, постучал — с уверенностью человека, которого ждут. Двери тут же отворились, быстро и без малейшего скрипа, — похоже, хозяева дома держали вышколенную прислугу и считали смазку дверных петель необходимой статьёй расходов.

В прихожей молчаливый слуга в ливрее принял у гостя шляпу и плащ и тут же исчез, а тучный человек поправил парик и прошёл в гостиную — он не раз бывал в этом доме и знал, куда идти. И его действительно ждали: в комнате с окнами, задёрнутыми портьерами, и освещённой стенными шандалами, за дубовым столом сидели несколько человек — судя по одежде, все они были почтенными негодьями.

— Прошу вас, мессир Шильд, — приветствовал гостя хозяин дома. — Желаете пунша?

— Не откажусь, мессир Феллер, — вошедший поёжился. — Никак не могу привыкнуть к этой английской погоде. Память предков, знаете ли, — в солнечной Испании, где мы когда-то жили, было тепло.

— О да, — тонкие губы хозяина, одетого в чёрный бархат, тронула ироничная улыбка, — там было тепло. Но беда в том, что в Испании стало жарко... от костров святой инквизиции. Лучше уж лондонский туман, чем дым аутодафе.

Остальные присутствующие молчали — по своему иерархическому статусу они были ниже хозяина дома и его гостя и соблюдали ритуал встречи. Мессир Шильд с кряхтением опустился в приготовленное для него кресло и с видимым удовольствием отхлебнул пунш.

— Какие новости с материка? — спросил Феллер, выдержав положенную паузу.

— Обычные, — Шильд дёрнул плечами. — Блезный король Испании переселился в лучший мир, и в Европе вот-вот разразится война: война за испанское наследство.

— Война, — хозяин дома поморщился. — Все эти короли и герцоги привыкли считать, что история пишется их шпагами и пушками, тогда как на самом деле...

— Пусть их, — Шильд небрежно махнул пухлой ладонью, — оставим сильных мира сего пребывать в этом сладком для них заблуждении... до поры. Меня заботит другое, мессир, — он обвёл всех сидевших за столом взглядом, внезапно утратившим сонную

---

¹⁸ Гиг — тип лёгкой двуколки

флегматичность и ставшим хищно-ледяным.

— Америка? — полувопросительно-полуутвердительно уточнил Феллер.

— Именно, — Шильд кивнул. — А все эти войны — они важны для нас только тем, как они помогают или мешают достижению нашей главной цели. Проносящиеся бури ломают высокие деревья, а трава, покорно склоняющаяся под порывами ветра, растёт себе и растёт...

— ...и в конце концов оплетает всё и вся, — закончил за него Феллер. — И если эту траву сеять...

— В Северной Америке сложилось равновесие сил, — продолжил Шильд, мгновенно перейдя с языка поэтических метафор на сухую деловую речь. — Французские владения там гораздо более обширны, но Виргинию и Массачусетс рано списывать со счетов. Британия как держава ничуть не слабее Франции, и в Англии много лишних людей — они едут и едут за океан в поисках лучшей доли.

— Но ведь и Франция поощряет эмиграцию в свои американские колонии, — сказал кто-то из сидевших за столом.

— Вы правы, молодой человек, — снисходительно произнёс мессир Шильд. — За годы религиозных гонений Францию покинуло почти двести тысяч гугенотов, и большинство из них нашли себе место в Канаде и Луизиане. Это большая сила!

— И англичане, и французы, обосновавшиеся за океаном, в основной своей массе протестанты, — многозначительно заметил мессир Феллер, — а протестантизм с его догматами «Богатство угодно богу» и «Падающего — подтолкни» подходит нам как нельзя лучше. И поэтому уже не столь важно, кому в итоге достанется Америка, — я, например, одинаково хорошо говорю и по-английски, и по-французски, и по-испански, и по-немецки.

— А как насчёт языка ирокезов? — Шильд усмехнулся.

— Если понадобится — выучу, — невозмутимо отпарировал Феллер, — хотя до этого, думаю, дело не дойдёт: индейцам ещё очень долго расти до понимания наших ценностей, и я сомневаюсь, что они вообще сумеют до них дорасти. Что поделаешь, дикари...

— Вы совершенно правы, — на этот раз Шильд был предельно серьёзен, — неважно, какая из великих держав возьмёт верх в борьбе за Северную Америку: важно, чтобы мы были готовы клюб¹⁹ ому повороту событий. Вам ведь известно, что наши активы в равной степени вложены и в Англию, и во Францию, и кто бы не победил в европейской сваре, мы не останемся внакладе — деньги легко и просто перетекут туда, куда будет нужно нам; туда, где им будет проще размножиться и прокладывать нам дорогу к вершинам власти. Никогда не складывай все яйца в одну корзину — так, кажется, гласит английская пословица? Думаю, что эта пословица применима и в отношении Америки — страны нашего будущего.

— Совершенно верно, — Феллер тоже был очень серьёзен. — И поэтому, — он оглядел сидевших за столом. — Ты, Джозеф, поедешь в Бостон; ты, Бокэ, — в Квебек; ты, Жером, — в Луизиану; ты, Джошуа, — в Джеймстаун в Виргинии. Вы знаете, что там надо делать — год за годом, медленно, кропотливо, но безостановочно, — а деньги у вас будут. In God we trust!

— Деньги будут, — повторил вслед за ним Шильд. — Dans Dieu nous faisons confiance!

Четверо названных молча склонили головы — Люди Круга понимали друг друга с полуслова.

«Карфаген будет построен, — думал мессир Феллер, — Новый Карфаген».

«И Рим падёт, — думал мессир Шильд, — Новый Рим».

Старейшины Людей Круга понимали друг друга с полумысли.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. СЛОМАННЫЕ ШПАГИ

1755 год

---

¹⁹ Точный перевод этой английской фразы неоднозначен

«Мне это очень не нравится, — думал молодой майор Джордж Вашингтон, командир виргинских ополченцев, нагибаясь в седле, чтобы проехать под нависающими над узкой лесной дорогой ветвями могучих деревьев. — Генерал Брэддок упрям как бык: он считает обучение солдат приёмам войны в лесу «недостойным джентльмена». Он полагает, что к форту Дюкен надо идти парадным строем, под барабанный бой, и надеется устрасшить французов и заставить их тут же сложить оружие одним лишь видом своей блестящей армии. И это в лесу, где пушки приходится тащить через прорубленные просеки, и где за нами уже наверняка внимательно следят сотни вражеских глаз! Ох, как мне это всё не нравится...».

Двадцатитрёхлетний виргинец не ошибся: трёхтысячный английский экспедиционный корпус давно уже находился под пристальным вниманием французских союзников-ирокезов. Конрекур, комендант форта Дюкен, был извещён о приближении неприятеля и готовился его встретить, а тем временем «настоящие гадюки» бесшумно шли за англичанами, выжидая удобного момента. Гарнизон форта был невелик, но к солдатам Конрекура присоединилось более тысячи индейцев, жаждавших английских скальпов и богатой добычи. И на подходе к броду через Мононгахелу, у поросшего густым лесом оврага, англичан уже ждала засада.

Насторожённую тишину разорвал воинственный клич, отозвавшийся в лесу звенящим эхом. Среди стволов деревьев тут и там замелькали фигуры индейцев; французский офицер взмахнул шляпой, и отовсюду взвились многочисленные сине-белые клубы порохового дыма — ирокезы открыли беглый огонь. Отстреливаясь, солдаты сорок четвёртого полка начали отходить к просеке — полковник Питер Хэлкет был убит одним из первых, и командование принял подполковник Томас Гейдж.

У просеки отступление грозило уже превратиться в бегство, когда Гейдж развернул орудия и осыпал противника картечью. Французский офицер²⁰ был убит, канадцы дрогнули, подались назад и ирокезы, не желая стоять под пушечным огнём. Однако два французских капитана²¹ сумели прекратить панику и ободрить своих солдат и воинов-индейцев. Ирокезы, прячась за стволами деревьев, на выбор били английских солдат, красные мундиры которых ярко выделялись на зелёном фоне леса. Англичане недолго продержались под убийственно меткими выстрелами — мёртвые тела артиллеристов повисли на лафетах замолчавших пушек, и на просеке началась настоящая бойня.

Генерал Брэддок, заслышав отчаянную пальбу, бросил вперёд полк подполковника Бартона, но к этому времени остатки авангарда были уже смяты, и бегущие солдаты Гейджа расстроили ряды солдат Бартона. Конные английские офицеры стали отличной мишенью для индейских стрелков — всадники словно притягивали к себе пули, и скоро некому стало отдавать приказы. Подполковник Бартон упал с простреленным бедром, атака захлебнулась. Ружья ирокезов выкашивали англичан — лесная дорога была завалена убитыми и ранеными.

Брэддок впал в ярость, но все его усилия восстановить порядок и переломить ход боя оказались тщетными. Королевские солдаты, беспощадно расстреливаемые малоуязвимым и почти невидимым противником, были уже небоеспособны, и только виргинцы ещё кое-как отбивались, надеясь продержаться и выжить или хотя бы подороже продать свои скальпы.

К вечеру весь английский корпус оказался в полуокружении, кончались боеприпасы. Генерал Брэддок отказывался признать свое поражение, и только когда две трети его армии были перебиты и переранены и выбыли из строя почти все офицеры, он приказал трубить отход. Это был конец — солдаты, державшиеся на остатках дисциплины, обратились в бегство. И тут самого генерала настигла роковая пуля.

Адъютант Брэддока, капитан Орм, тщетно просил кого-нибудь помочь ему вынести с поля боя раненого командующего. Не помог даже предлагаемый им кошелек с шестидесятью

---

²⁰ Капитан Леонард де Бюжо, командир французского отряда

²¹ Жан-Даниэль Дюма и де Линьери

гинейми — кому нужны деньги, когда за спинами сверкают томагавки ирокезов? Орм был близок к отчаянию и уже готовился принять смерть вместе со своим генералом, когда возле него появились два виргинских ополченца, капитан Стюарт и майор Вашингтон, ведущие в поводу испуганно храпящего коня.

Общими усилиями они погрузили генерала на лошадь, придерживая с двух сторон его бессильно обвисшее тело.²²

— Уходим! — затравлено выдохнул Стюарт.

— Я остаюсь, — спокойно сказал Орм. — Должен же кто-то позаботиться о том, чтобы индейцы не перебили всех наших бегущих солдат. Увозите генерала, капитан.

Стюарт исчез, а Орм с удивлением обнаружил рядом с собой майора Вашингтона.

— Я офицер, — коротко пояснил виргинец, — и не должен бросать своих солдат.

Они отступали последними, собрав вокруг себя человек сорок солдат и ополченцев и сдерживая наседавших индейцев, и уже на закате майор вдруг ахнул, прижал руку к груди и медленно повалился навзничь. Орм разглядел стекленеющие глаза виргинца и понял, что уже ничем не сможет ему помочь. Капитан побежал дальше, пригибаясь при каждом выстреле, а когда обернулся, то увидел, как позади него, у поворота дороги, воин-ирокез приподнял за волосы голову мёртвого Джорджа Вашингтона и сделал круговое движение ножом...

Уцелевшие англичане — большинство из них побросали ружья и даже скинули тесные мундиры, мешавшие бежать, — шли через лес, вздрагивая при каждом шорохе и вслушиваясь в дикие крики, доносившиеся из темноты: победители добивали раненых солдат короля.

— И на смертном одре ужасный индейский вой будет греметь в моих ушах... — тихо сказал один из солдат, оглядываясь назад.²³

«Ведь говорили же его превосходительству, что привычная тактика против «голых дикарей», — с горечью думал интендант экспедиционного корпуса, которому повезло выйти из боя живым и даже не раненым, — это то же самое, что заставить корову гоняться за зайцами... «Возможно, вашей американской милиции эти дикари и впрямь кажутся грозным врагом, но смешно думать, будто они представляют опасность для дисциплинированной регулярной королевской армии» — так он мне ответил, когда я высказал ему свои опасения насчёт того, что наше продвижение могут задержать «засады индейцев, они постоянно их устраивают и стали весьма искусны в этом деле; а войска ваши будут растянуты в тонкую нитку длиною около четырех миль и не защищены от нападений с флангов, так что нитка эта может оказаться разрезана на несколько кусков, и они не успеют подтянуться на подмогу друг другу».²⁴ И вот результат: полторы тысячи убитых при ничтожных потерях неприятеля, которому достались вся наша артиллерия и обоз. Французы захватили документы с нашими дальнейшими военными планами, и об атаке на форты Ниагара и Карильон можно забыть — там нам приготовят очень тёплую встречу. И что теперь? Ждать генерального наступления врага, воодушевлённого своей блестящей победой, и прорыва огромных индейских орд к нашим незащищенным приграничным поселениям? Какая глупость, какая глупость...».

Этого интенданта разбитой армии звали Бенджамин Франклин.

* * *

Европу первой половины восемнадцатого века сотрясали бесконечные династические войны. Англия и Франция беспрерывно воевали друг с другом, и причины этих войн, эхом

---

²² Генерал Брэдок был тяжело ранен (пуля пробила лёгкое) и умер вскоре после битвы

²³ Из воспоминаний Мэтью Лесли, участника битвы при Мононгахеле

²⁴ Из воспоминаний Б.Франклина

отзывавшихся вооружёнными столкновениями в Северной Америке, были так сложны и запутаны, так тесно увязаны с династическими спорами королей и королев, что «вряд ли на сотню простых людей находился хоть один, способный разобраться в этих тонкостях».²⁵

Перекраивалась карта, передвигались границы, на престолах сменялись монархи, и к старым участникам большой игры присоединялись новые. Из дремотной берлоги выбрался русский медведь, примерил европейский кафтан и, зализав рану, оставленную ему нарвской рогатиной, порвал пасть шведскому льву, затосковавшему по лаврам завоевателей-викингов. Европа удивилась, с опаской приглядываясь к медведю и тут же прикидывая, какой на него ставить капкан. А тем временем в недрах дряхлевшей и рассыпавшейся Священной Римской империи вырос прусский хищник Фридрих, быстренько причесал Австрию и отобрал у неё Силезию. Фридрих II сумел создать первоклассную армию, на достигнутом останавливаться он отнюдь не собирался, и Британия решила, что король Пруссии — это именно тот, кто сумеет основательно пообломать зубы Франции и отбить у неё охоту посягать на английские владения и оспаривать британские претензии на мировое господство. Туманный Альбион обещал Фридриху денежную помощь — только денежную, так как свои вооружённые силы Англия намеревалась использовать для того, чтобы поставить точку в столетнем споре с Францией за колонии: в первую очередь — за Северную Америку. В Европе завязывался узел войны, которой фактически суждено было стать первой мировой войной, и первые искры этой войны немедленно разгорелись жарким пламенем на североамериканском континенте.

Английский план предусматривал удар по долине реки Огайо — захват этой долины позволял создать плацдарм для дальнейшего продвижения к берегам Великих озёр с тем, чтобы отсечь Канаду от Луизианы и разорвать французское кольцо, окружавшее английские владения. Одновременно готовилось взятие Нуво-Руана, занозой торчавшего между двумя английскими колониями атлантического побережья — Виргинией и Массачусетсом, — а затем высадка в Акадии, которая на английских картах называлась Новой Шотландией. Для этого Англия готовила флот и войска, и в этом ей удалось опередить Францию. По численности населения своих американских колоний соперничавшие державы были примерно равны, однако на стороне французов было одно серьёзное преимущество: давний союз с ирокезами — «римлянами лесов». Отношения же англичан с индейскими племенами оставляли желать лучшего: заносчивые бритты попросту истребляли туземцев, энергично захватывая их земли, и поэтому ко времени решительного столкновения с Францией у англичан уже не было сколько-нибудь многочисленных союзников-индейцев. И именно это обстоятельство стало роковым для экспедиции генерала Брэддока.

Однако война только начиналась...

* * *

1757 год

Над бухтой Мангатан-Бэ растекался пороховой дым.

— Бу-бу-у-х...

Очередное ядро с рокочущим гулом описало пологую дугу и шлёпнулось в воду, не долетев до форта, выстроенного на маленьком островке. Следующее с грохотом врезалось в каменную кладку рядом с амбразурой — внутри орудийного каземата взметнулась белёсая пыль.

«Англичане бьют уже четыре часа, — подумал майор Луи Рембо, отряхивая мундир, — а с внутренних стен всё ещё сыплется извёстка и каменная крошка. Пора бы уже ей и перестать сыпаться, сколько можно?». Мысль эта была нелепой и несвоевременной —

---

²⁵ Слова современника

об этом ли должен думать комендант форта под огнём? — но она пришла в голову Луи сама по себе, и майор ничего не мог с этим поделать.

Пушки английских фрегатов — более двух сотен стволов — пятый час метали снаряды, чтобы сравнять с землёй упрямый форт или хотя бы заставить замолчать его орудия. Рембо отвечал неприятелю всего из семи двадцатифунтовых пушек — жители Нуво-Руана называли его приземистый округлый форт «семиглазой башней», — но пока стреляла хоть одна из них, brave британцы не рисковали подставлять под картечь переполненные шлюпки с десантом. Англичане выпустили уже несколько тысяч ядер, однако, несмотря на многочисленные попадания, «семиглазая башня» держалась: толстые стены форта были сложены из прочных каменных глыб, а попасть в амбразуру — это надо очень постараться. За всё время обстрела англичанам всего лишь дважды удалось это сделать: первый раз ядро угодило в амбразурную щёку и выбило из стены веер острых гранитных осколков, поранивших нескольких солдат и оставивших без глаза лейтенанта Бертье; второе ядро скользнуло по телу орудия и оторвало голову канониру, проверявшему прицел.

С лязгом распахнулась дверца калильной печи. Крякнув, усатый солдат длинными щипцами вытащил из неё пышущее жаром чугунное ядро и втокнул его в жерло орудия; второй солдат, орудия банником, забил ядро в ствол. Пыхтя от натуги, солдаты подкатали пушку к амбразуре. Майор Рембо проверил наводку и махнул рукой бомбардиру, стоявшему наготове с дымящимся пальником.

— Пли!

Орудие подпрыгнуло. По ушам хлестнул гром выстрела.

«Калёные ядра, — подумал комендант форта, — отличная штука против кораблей...».

На судах неприятеля не единожды вспыхивали пожары, но англичане, стоя на якорях, били и били по упрямому форту. У них просто не было другого выхода: высадку следовало производить прямо в сердце Нуво-Руана — на остров Мангатан, а подход к нему прикрывала «семиглазая башня». Конечно, они могли бы без помех высадиться вне досягаемости пушек островного форта, но на Мангатан всё равно посуху не попасть — так или иначе придётся переправляться через Гудзон. К тому же у англичан была хорошая память: они не забыли, что случилось здесь без малого семьдесят лет назад, и знали, что берега Мангатан-Бэ кишат индейцами-сенека. Осаждавшие Нуво-Руан с суши виргинские и массачусетские ополченцы который день вели с ирокезами перестрелку, но так и не смогли заблокировать город.

А майор Рембо знал, что от него и от его солдат зависит сейчас если не всё, то очень многое. Если англичане сокрушат форт, то с транспортов — тех, что маячат за линией боевых кораблей, — высадятся две тысячи шотландских стрелков. И они ворвутся в город — пушки фрегатов проломают стены Нуво-Руана и разнесут наспех сооружённые деревянные палисады. И тогда... Резни, может, и не будет, но уж молодых и красивых французенок эти дикие горцы вниманием явно не обойдут. А там, в городе, — Исабель. Майор Луи Рембо вспомнил, как, внезапно зардевшись, мадемуазель Исабель Шамплен шепнула ему, что ждёт ребёнка, и мысленно поклялся, что англичане пойдут на штурм Нуво-Руана только после того, как в «семиглазой башне» не останется ни крупинки пороха и ни одного живого человека. Он, майор Рембо, должен продержаться — как сообщил гонец, пробравшийся в город, маркиз Монткальм наголову разгромил под Карильоном генерала Аберкромби и форсированным маршем движется на помощь осаждённому Нуво-Руану. Дело за малым — надо выстоять до подхода его корпуса. Но где же, чёрт побери, славный французский флот? Майор Рембо понимал, что корабли нужны и в водах метрополии, и в Средиземном море, и в Ост-Индии, и у берегов Мадагаскара, но неужели у его величества короля Людовика XV не найдётся доброй эскадры для Америки? У англичан корабли нашлись, а флот Франции — Луи Рембо бы свято в этом уверен — ничуть не малочисленнее и не хуже флота короля Георга.

Английские ядра долбили и долбили островной форт. Кое-где в стенах уже появились глубокие язвы; одно из орудий вышло из строя — от непрерывной стрельбы треснул ствол (хорошо ещё, вовремя заметили, и пушку не разорвало при очередном выстреле). Но солдаты

майора Луи Рембо, чёрные от усталости и пороховой копоти, снова и снова перезаряжали орудия и стреляли, стреляли, стреляли. И командир «семиглазой башни», командуя боем, не давал воли леденящей душу мысли: а что будет, когда опустеет пороховой погреб?

Ближе к вечеру эта перспектива стала уже вполне реальной, и майор не сразу понял, почему это вдруг его солдаты разразились криками «ура» — ведь ни один английский корабль не был потоплен. Он выглянул в амбразуру, вгляделся в окутанный дымом рейд и увидел...

Чуть кренясь под ветром, в Мангатан-Бэ входили боевые корабли под трёхцветным флагами. Англичане были захвачены врасплох — эскадра командора Сюффрена перекрыла их скученным судам выход в море.

Бой продолжался всю ночь, превратившуюся в день от зарева горящих английских кораблей, и десятки лодок и каноэ сновали среди обломков, вылавливая из воды уцелевших моряков короля Георга.

Две недели спустя Сюффрен атаковал у берегов Акадии вторую английскую эскадру. На этот раз сражение кончилось вничью, однако вскоре после боя британские корабли попали в сильнейший шторм (французские суда отстоялись у Луисбурга), и большинство из них разбилось на скалах Ньюфаундленда. Господство в водах, омывающих атлантическое побережье Северной Америки, перешло к французам.

А ещё три месяца спустя в одной из церквей Нуво-Руана состоялось бракосочетание майора Луи Рембо и мадемуазель Исабель Шамплен. Выступающий животик невесты был уже заметен, но никому и в голову не пришло злословить по этому поводу. Шамплены были знатной фамилией Нуво-Руана, а героем обороны «острова Рембо» восхищались все от мала до велика.

* * *

1759 год

— Вы отважно сражались, генерал, — Луи-Жозеф де Монткальм-Гозон, маркиз де Сен-Веран, главнокомандующий войсками Новой Франции, учтиво поклонился. — Победой над вами можно гордиться: вы достойный противник!

Бригадный генерал Джеймс Вольф отрешенно выслушал эту высокопарную тираду. Он посмотрел на зелёные холмы, густо усеянные телами убитых, на свой разбитый штабной фургон, возле которого лежало опрокинутое набок орудие, и молча вытянул из ножен шпагу. Несколько секунд английский генерал держал её в руках, затем протянул — эфесом вперёд — победителю, но вдруг, словно передумав, резким движением переломил клинок об колено и швырнул обломки под ноги Монткальма.

— Ваша взяла, — произнёс он, пересиливая себя. — Но если бы не эти ваши проклятые ирокезы...

Монткальм ухмыльнулся, наслаждаясь бессильной яростью побеждённого врага. Да, индейцы, конечно, помогли, но и французские пушки тоже кое-чего стоят. И как бы то ни было, войска короля Георга разгромлены, и Сильвания²⁶ очищена от виргинских волонтеров, цеплявшихся за каждый кустик. В лесах догорают последние форпосты-блокаузы англичан; пьяные от крови воины-тускарора²⁷ уже устали убивать — уцелевшие английские колонисты, бросая своё добро и спасая свои скальпы, бегут на восток, к побережью, всё ещё на что-то надеясь. Но надеяться им уже не на что — война за Северную Америку скоро увенчается победой французского оружия. Подкреплений англичане не

---

²⁶ Сильвания — Страна Лесов (французское название Пенсильвании)

²⁷ Тускарора — шестое племя Лиги ирокезов (присоединилось к союзу в 1722 году)

получат: адмирал Сюффрен знает своё дело, да и не может «добрая старая Англия» быть одинаково сильной во всех уголках земного шара — мировая война идёт и в Европе, и в Индии, и в Африке. Полковник Конрекур, только-только получивший генеральский чин и жаждущий его оправдать, ведёт канадских ополченцев на Виргинию — как шутят его солдаты, «наш Пьер-Клод собрался сделать девственницу женщиной²⁸». Ну что ж, пусть делает, а он, Монткальм, поставит последнюю точку в «столетней войне»: возьмёт Бостон, то есть Бастонь — так теперь будет называться это пуританское гнездо.

Французские войска шли вперёд, к атлантическому побережью Северной Америки.

* * *

В палатку через приоткрытый полог проникал багровый отсвет — где-то что-то горело. «Значит, не все ещё фермы в округе превратились в пепел, — подумал маркиз Монткальм. — Что поделаешь, война — война, которую пора кончать...».

— Итак, господа, — он посмотрел на двух парламентёров, сидевших за поставленным посередине палатки столом переговоров, — вы пришли обсудить условия сдачи Бастони? Так вот, моё главное условие — капитуляция и признание власти короля Франции!

Одного из двоих бостонцев Луи-Жозеф знал — Бенджамин Франклин был личностью известной, причём не только в американских колониях, — второго парламентёра, молодого человека лет двадцати, маркиз видел впервые, а имя Джон Адамс ему ничего не говорило. Но если Франклин взял этого Джона Адамса с собой, рассудил французский командующий, значит, этот юноша того стоит.

— Да, мы пришли обсудить условия сдачи города, — спокойно сказал Франклин, хотя было заметно, что это спокойствие даётся ему с известным трудом. — Мы не хотим штурма и многочисленных жертв. И мы не хотим, чтобы ваши индейцы, эти кровожадные дикари...

«Да уж, — подумал Монткальм, — ирокезы вам всё припомнят: и пекотскую войну, и ваши бесконечные рейды на индейскую территорию. У «римлян лесов» удивительно цепкая и злая память».

— Мы с вами белые люди и христиане, мсье, несмотря на кое-какие религиозные разногласия, — Франклин словно прочёл мысли маркиза. — Неужели вы допустите массовое избиение невинных христианских душ? Индейцы помогли вам победить, но не боитесь ли вы, что в дальнейшем ирокезы могут и перестать быть вам лояльны? Или король Франции всегда будет терпеть присутствие многочисленных и опасных богопротивных язычников на своих землях?

— Я не решаю за моего короля, — холодно ответил Монткальм, — я только выполняю его волю.

Маркиз де Монткальм лукавил. Кое-что он знал — хотя бы потому, что рядом с ним сидел советник Бюжо, очень хорошо осведомленный о положении дел. Но маркиз не считал нужным обсуждать здесь и сейчас вопросы будущих отношений французов с индейцами — он хотел получить ключи от Бастони. Страх перед ирокезами заставит заносчивых пуритан быть посговорчивее, а будущее — он воин, а не прорицатель.

— Вы собираетесь опустошить земли английских колоний? — вмешался Адамс.

— Бывших английских, — с нажимом поправил его Монткальм.

— Бывших, — легко согласился молодой человек. — Но зачем королю Франции голая пустыня? Трудом поколений английских колонистов здесь построены города и верфи, форты и мастерские, дома и фермы — вы хотите всё это разрушить, чтобы потом начать всё сначала? Не разумнее ли принять под свою руку богатые и процветающие земли?

— Мы готовы сложить оружие, — веско произнёс Франклин, — на следующих

---

²⁸ Игра слов: virgin — девственница (англ.); английская колония была названа так в честь «королевы-девственницы» Елизаветы

условиях: остающееся здесь английское население сохраняет право исповедовать протестантство, право на собственность и неприкосновенность жилищ. Вы окажете медицинскую помощь раненым и больным английским солдатам, а затем доставите их на своих кораблях в Европу, взяв с них обязательство не участвовать более в этой войне. Гражданские лица, которые пожелают уехать, смогут это сделать за деньги, как обычные эмигранты. А здесь останутся ваши верноподданные, маркиз, а не скрытые ваши враги. Что же касается самоуправления бывших колоний короля Георга...

— Самоуправление? Не слишком ли многого вы хотите? — перебил его Монткальм. — Мои войска стоят у ворот Бастони, а не ваши у стен Квебека!

— Подумайте, маркиз де Монткальм, — с еле заметной угрозой в голосе сказал Адамс. — В Массачусетсе и прочих наших провинциях живут сотни тысяч людей, они родились и выросли на этой земле. И они умеют стрелять, господин маркиз, и они будут стрелять, если их взять за горло!

— Самоуправление — это вопрос отдельный, — бесцветным голосом произнёс советник Бюжо. — А прочие ваши требования разумны и могут быть нами рассмотрены. И вы правы, мсье Франклин: королю Франции не нужны ни пустыня, ни бесконечный бунт, хотя мсье Адамсу, — он посмотрел на младшего парламентаря, — не следует нас пугать. Помните об ирокезах, господа колонисты, — теперь только французские штыки смогут оградить вас от их томагавков.

Джон Адамс хотел было возразить, но встретился взглядом с господином советником и осёкся, удивлённо приподняв брови. Маркиз де Сен-Веран молчал, не слишком скрывая своё раздражение.

— Ваши условия разумны, — повторил Бюжо, — и соответствуют рыцарским нормам ведения войн. Резни не будет, господа парламентары: ни один ирокез не появится на улицах Бастони. С момента подписания акта все земли бывшей Плимутской колонии переходят под юрисдикцию его величества Людовика XV, короля Франции; французский язык станет здесь официальным языком. И мы надеемся, что на этих землях будут царить мир, спокойствие и процветание. Во имя нашего будущего, — добавил он с какой-то странной интонацией, вновь встретившись взглядом с Адамсом. — А если кто-то из уважаемых людей бывших английских колоний пожелает принять посильное участие в управлении этой областью Новой Франции, будучи назначенным — с нашего одобрения, разумеется, — на официальный пост, это будет только приветствоваться.

— Будем считать, что предварительная договорённость нами достигнута, — с видимым облегчением произнёс Франклин, разворачивая приготовленные бумаги, — остаётся уточнить детали. Не будем терять времени, ведь время — деньги.²⁹

Луи-Жозеф де Монткальм-Гозон углубился в изучение документов, а советник Бюжо и Джон Адамс ещё раз обменялись взглядами.

«Надеюсь, у тебя хватит ума попасть в число тех, кто «пожелает принять посильное участие в управлении» новыми землями его величества Людовика XV, — подумал Бюжо, — за «нашим одобрением» дело не станет. Короли приходят и уходят, а мы — мы остаёмся».

«У меня есть шансы оказаться в числе «одобренных кандидатур», — подумал Адамс. — А имя — моё имя легко можно сменить на Жан Адамо, какая разница? Противостояние наций закончилось, а религиозное противостояние мы выиграем — французы-католики бесследно растворятся в массе английских пуритан и французогугенотов. И лет через двадцать...»

Люди Круга умели находить общий язык...

* * *

---

²⁹ Считается, что этот афоризм принадлежит Бенджамину Франклину

1762 год

На улицах Нувель Орлеана бушевал праздничный карнавал. Разноязыкий город, родившийся полвека назад из слившихся посёлков, рассыпанных вдоль берегов Миссисипи, праздновал свой день рождения и одновременно — окончание колониальной войны. Где-то там, далеко, за морями, в Европе, Азии и Африке, война ещё продолжалась, но в Северную Америку уже пришёл мир. И горожане всех цветов и оттенков кожи — французы, испанцы, индейцы, негры, метисы, кварталеры, — веселились бурно и самозабвенно, опьяняясь вином, музыкой, улыбками женщин и ощущением радости жизни.

Французские земли — земли Новой Франции, — осенённые королевскими лилиями, простирались теперь от скал Ньюфаундленда на севере до границ испанских владений на юге и от побережья Атлантики на востоке до великих прерий на западе. И ждала своей участи прилепившаяся к телу материка испанская Флорида: времена конкистадоров канули в Лету, и только союзный договор Испании с королём Людовиком XV спасал Флориду от захвата её французами — пока ещё спасал.

В Новой Франции проживало больше трёх миллионов человек, и многие из них уже называли себя американцами. И все они — и приехавшие недавно, и местные уроженцы, — были полны кипучей энергии: той, что позволила им сорваться со своих насиженных мест и отправиться в далёкие края навстречу неизведанному. Они жили, сеяли, строили, торговали, воевали, богатели, рожали детей и надеялись, что дети будут жить лучше своих родителей. Разделённые границами колоний великих держав, американцы полтора века смотрели друг на друга с опаской, не выпуская из рук карабинов, но теперь этих границ больше не было: осталась только общность судеб.

И мало-помалу — вроде бы сама по себе — складывалась в общем сознании всех этих людей крамольная мысль: а так ли уж нужна нам теперь жёсткая рука далёкой метрополии?

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПРОКЛЯТЫЕ БУНТОВЩИКИ

1770 год

«Нас предали, — с горечью думал Дик Шейс, сжимая в руках разряженный мушкет. — О, если бы эта двуличная лиса Жан Адамо, как он себя теперь называет, оказался бы от меня на расстоянии ружейного выстрела, я не пожалел бы для него последнего заряда... Он нас всех обманул — никто не пришёл на помощь Бастони, и уже не придёт: поздно...».

Возвращения губернатора Бастони, которую большинство её жителей по старинке всё ещё называло Бостоном, ждали с нетерпением. Жан Адамо отправился в бывшую Виргинию (в Пэи-де-Фам,³⁰ как говорили французы, намекая, что после вторжения отрядов канадских волонтеров генерала Конрекура девственностью там и не пахнет) за помощью восставшему Массачусетсу. На Адамо возлагали большие надежды, однако Шейс принадлежал к числу тех немногих, которые сомневались в успехе миссии мсье губернатора. Дик Шейс знал, что виргинцы не имели особых оснований быть недовольными правлением французов: местные лендлорды сохранили свои дома и поместья, а то, что они теперь ругаются не по-английски, а по-французски — какая разница? Саксы в своё время тоже побрыкались, да и смирились с правлением норманнов, как только поняли, что привилегии и родовые замки остались при них. Да и виргинки, по слухам, не сильно жаловались на поведение французских гренадёр: насилий не было, а что через отведённый природой срок в Пэи-де-Фам родилось множество младенцев, так Господь для того и разделил род людской на мужчин и женщин (которые к тому же во все времена питали слабость к победителям). А теперь Дик уже не сомневался — в том, что помощь не придёт: бывшие враги договорились между собой. Да и как можно

---

³⁰ Pays des femmes — Земля женщин (франц.)

было сомневаться, если осаждённые уже знали — об этом было прямо сказано в ультиматуме — их, как бунтовщиков, ждёт участь «кабальных слуг», белых рабов на табачных плантациях Юга (вероятно, господам плантаторам не хватало негров, или же они просто хотели получить лишние рабочие руки бесплатно).

На англичан тоже надежды не было. Проиграв Семилетнюю войну, Британия была довольна тем, что сохранила жемчужину своей короны — Индию, — обменяв Новую Англию на Пондишери и другие индийские фактории французов, и не спешила влезать в новую драку с сомнительным исходом. Испания также сидела тихо, не желая злить Францию и надеясь сохранить Флориду. А самое плохое — среди колонистов-англичан не было единства: богачи уповали на то, что сумеют ужиться с любой властью (лишь бы их не трогали за денежный мешок), а среди прочих многие отнюдь не жаждали возвращаться под власть короля Георга. Почти всех устроила бы широкая автономия, но этого не хотел уже король Людовик.

Сильванцы затихли — очередная отбитая атака заставила их призадуматься. Фермеры и лесные охотники поняли, что защитники Бастони будут драться с отчаяньем обречённых, и хотели вернуться живыми к своим семьям.

— Эй! — услышал Шейс и осторожно выглянул в пролом.

Из-за палисада (одного из тех, которыми осаждающие окружили полуразрушенные пушками стены Бастони) появилась фигура французского офицера.

— Сдавайтесь! — выкрикнул он, надсаживая горло. — Последний раз предлагаем вам сдаться! Лучше десять лет на плантации, чем всю жизнь в могиле! Сложите оружие!

— Придите и отберите! — заорал Дик. — У нас ещё есть порох, и мы всех вас накормим свинцовыми бобами, клянусь святыми угодниками!

Бостонцы, засевшие с ружьями вдоль стены, одобрительно заворчали, однако Шейс почувствовал, как по спине пробежал холодок: сильванцы чего-то ждали, и офицер не просто пугал. И Дик не ошибся.

Раздался многоголосый воющий крик, и поля вокруг города покрылись индейскими воинами, словно выросшими из-под земли. Их были тысячи; ярко-красные, они походили на рыжих муравьёв, набросившихся на медленно ползущую гусеницу.

— Ирокезы! — испуганно выдохнул кто-то. — О, господи...

— Дэн, — негромко сказал Шейс сыну, не отходившему от него ни на шаг. — Нам не устоять. Беги к пристани, к нашему ялику. Готовь парус и жди. Двадцать минут — если нас с матерью не будет, отчаливай, и да поможет тебе Всевышний.

— Отец...

— Беги, Дэниэл, я кому сказал!

Подросток опрометью бросился прочь, а Шейс снова выглянул в пролом. Индейцы были уже близко, и Дик понял, что это конец. Кое-кто из защитников ещё стрелял, отчаянно и почти бесполезно, но ирокезов было слишком много, а за их спинами торчали французские пушки.

Бой у пролома был коротким. Красная волна ирокезов опрокинула защитников, смяла, завертела, и Шейс вырвался из схватки чудом, потеряв шляпу, но сохранив ружьё. Патронов у него уже не было, но Дик не бросил мушкет — может быть, потому, что ощущение оружия в руке (пусть и бесполезного) придавало ему уверенности.

Он бежал по улицам, слыша дикие крики, нёсшиеся со всех сторон, и молил бога, чтобы успеть добежать до своего дома раньше, чем там окажутся индейцы. И он успел.

— Мэри! — крикнул Дик, влетев в свой маленький домик. — Бежим!

— Надо взять с собой... — пролепетала до смерти перепуганная женщина.

— Ничего не надо брать! Бежим — Дэнни ждёт нас у ялика!

Дверь с треском распахнулась, и в комнату ворвались двое индейцев. Первого Шейс ударил прикладом, выронив при этом ружьё, но второй, высокий и мускулистый, кинулся на него с ножом. Они сцепились в двух шагах от Мэри, вжавшейся в стену. Тело индейца было смазано жиром, оно выскальзывало из рук Дика, но Шейс не сдавался.

Он услышал, как за его спиной посыпались оконные стёкла, услышал испуганный вскрик жены, но обернуться не мог — лезвие ножа неумолимо приближалось к его горлу. Собрав последние силы, Дик оттолкнул индейца и свалил его с ног ударом кулака. Потом он услышал злое шуршание, но обернуться не успел.

Лезвие томагавка, брошенного умелой рукой через выбитое окно, ударило в спину. Шейс обнаружил, что почему-то не может двинуть ни рукой, ни ногой, и не понял, а скорее догадался, что падает. И уже сквозь пелену накатывающего небытия Дик услышал женский крик, полный отчаяния и боли, — крик Мэри...

* * *

Месяцем раньше

— Что привело тебя к нашим кострам, бледнолицый брат?

— Франкам нужны ваши томагавки, сашем, — ответил Огюст Шамплен, памятуя, что индейская дипломатия не терпит экивоков. — Мы поступаем с не желающими покоряться так же, как и ходеносауни.

— У вождя франков мало своих воинов? — спросил Длинное Крыло, пристально глядя на француза.

— У вождя франков много воинов. Но мы хотим дать нашим краснокожим братьям возможность отомстить — инглизы побережья причинили много зла народу Длинного Дома. Ружья и порох вы получите бесплатно — столько, сколько будет нужно.

Огюст говорил на языке ирокезов — знание этого языка было семейной традицией рода Шампленов.

— Месть — это хорошо, — медленно проговорил вождь мохоков.

— И кроме того, — добавил командир сильванских ополченцев, — вы можете взять всё, что найдёте в домах непокорных. Бастонь — богатый город.

— Ходеносауни помнят великого Шам-Ле, — торжественно произнёс сашем, — и верны слову. Мы придём — через одну луну мы напоим наши томагавки кровью инглизов.

Шамплен облегчённо вздохнул. «Хорошо, что у этих дикарей такие строгие понятия о чести, — подумал он. — Можно возвращаться».

— Не спеши, бледнолицый брат, — сашем словно прочёл мысли сильванца. — У нас сегодня праздник Хэйнундайо — праздник ягод. Раздели его с нами — ведь ты из рода Шам-Ле.

Огюст знал, что отказаться — значит нанести оскорбление. Но он и сам был не против заночевать в деревне мохоков — куда идти на ночь глядя? В конце концов, это интересно, а время у него есть.

...Праздник ягод остался в его памяти прежде всего танцами в свете костров, вокруг которых ритмично двигались индейцы в деревянных масках и в звериных шкурах — за свои прожитые тридцать три года Шамплен такого ещё не видел. Зрелище завораживало своей первобытной мистикой, чему немало способствовало бренди, которое время от времени прихлёбывал Огюст.

Потом его внимание привлекла девушка, стоявшая у одного из костров. В маскараде она не участвовала, и была одета просто в длинное кожаное платье с бахромой. На её лице и фигуре дрожали красные блики, и от этого казалось, что девушка не стоит неподвижно, а словно перетекает неумолимо и плавно из одной позы в другую, оставаясь в то же время на месте. Почувствовав взгляд Огюста, индеанка повернула голову и посмотрела на него — так, что у командира сильванских волонтёров часто-часто застучало сердце. А потом оказалось выпитое, и Шамплен отошёл от костров в темноту, а когда вернулся, девушки уже не было.

Поискав её глазами и не найдя, Огюст тяжело вздохнул. Надо было идти спать — завтра ему предстоял долгий путь, — но Шамплен почему-то направился не к дому сашема, где его ждал ночлег, а к выходу из посёлка, к берегу небольшой речушки, протекавшей

неподалёку. Он не знал, что заставило его так поступить, но когда перед ним из ночной темноты возникла вдруг та самая индеанка, даже не удивился.

— Меня зовут Нэстэйсакэй — Белоглазая Птица, — тихо сказал она. — Я звала тебя, белый вождь, — ты пришёл.

С этими словами она обвилась вокруг него одним гибким движением, и Шамплен понял, что прозвищем «настоящие гадюки» ирокезы обязаны не только своим воинам. Они опустились на мягкий травяной ковёр, укрытые ночью и лесом, живущим своей жизнью. «Как просто всё у этих детей природы, — подумал Огюст, ощущая, как легко сдвигается под его рукой платье дикарки, обнажая стройные ноги и бёдра, — даже одежда... А с фижмами и корсетами наших дам столько возни...». А Нэстэйсакэй извивалась в его объятьях, как истинная змея; её тело было сильным и гибким, и было не понять, кто кем овладевает...

...Его разбудил солнечный луч, коснувшийся лица. Не открывая глаз, Огюст повёл рукой, но его ладонь встретила только траву — Белоглазая Птица улетела. Шамплен сел, стряхивая остатки сна, и увидел, что кончики его пальцев красны. «Кровь первой любви?» — подумал он, но тут же понял, что это не кровь, а сок раздавленных ягод: праздник ирокезов Хэйнундайо приходился на пору созревания земляники.

* * *

Жан Адамо уже ждал его в Нуво-Руане.

— Ваша миссия увенчалась успехом, полковник? — спросил он.

— Вполне. Онеида, кайюги и мохоки выступят, если уже не выступили. Он будут у Бастони меньше чем через месяц.

— Прекрасно! У меня тоже полный успех: виргинские «новые аристократы» к нам лояльны — их устраивает перспектива получения десятков тысяч рабочих рук. Все ценные для нас люди уже покинули мятежную Бастонь, а чернь — она чернь и есть. Если проклятые бунтовщики не сдадутся, наши индейцы их просто вырежут, а заодно и примут на себя их последние пули. Ну, а освободившиеся земли Массачусетса найдётся кому занять — Канада полнится людьми.

Огюст Шамплен молча кивнул. Он был не только человеком, но и политиком, а политика — занятие не для чистоплюев.

* * *

1777 год

— Положение шаткое, — Самуэль Адамо, старший брат Жана Адамо, бывший теолог, почтенный негоциант и сборщик налогов, а ныне философ и весьма заметная личность среди борцов за независимость североамериканских колоний Франции, поправил кружево манжет, выбившихся из-под его коричневого сюртука. — Армия графа Рошамбо удерживает Ричмонд, контролирует почти всю территорию Пэи-де-Фам и готовится вторгнуться в Луизиану, где начались возбуждённые нами волнения. Корпус маркиза Лафайета захватил Бастонь и ведёт бои в Массачусетсе. Мы держимся только в Сильвании — Акадия сохраняет нейтралитет, а канадские лоялисты нам откровенно враждебны: среди них слишком велико влияние добрых католиков с их преданностью его величеству королю Людовику, — Самуэль презрительно скривил губы. — Скверно и то, что прежде верные нам ирокезы колеблются: нас поддерживали только племена онеида и тускарора, а также отделившееся от Лиги племя минго. Война идёт третий год, но пока мы не можем похвастаться ощутимыми успехами, несмотря даже на то, что на нашей стороне англичане — корпус генерала Клинтона вместе с ополченцами генерала Шамплена движется сейчас к Потوماку, чтобы отвлечь внимание Рошамбо от Луизианы. На море также нет преобладания ни одной из сторон: собственного флота у нас практически нет, а Родней никак не может добиться решающего результата в

противостоянии с эскадрами де Грасса, блокирующими побережье и перехватывающими наши суда с контрабандой.

— К этому могу ещё добавить, что мы испытываем финансовые трудности, — сказал Мишель Легран, нуво-руанский банкир, перебравшийся в Америку из своего родного Дьеппа сразу после того, как она стала французской. — Однако это решается: определённые круги, — он многозначительно посмотрел на обоих Адамо, — выразили желание оказать нам денежную помощь.

— И ещё одно, — скорбно произнёс Тома Жеффри, представлявший в «Конгрессе борцов за свободу» «новых аристократов» Пэи-де-Фам. — Мы понесли тяжёлую утрату — в руки прислужников короля Людовика XVI попал и был повешен на центральной площади Бастони Бенджамин Франклин. Почтим память этого великого борца за свободу, господа.

Люди, собравшиеся в ратуше Нуво-Руана, печально склонили головы. «Сегодня он, а завтра я» — думали многие из них, стараясь, чтобы эта мысль не слишком отчётливо читалась на их лицах.

— Думаю, — начал Жан Адамо, когда минута скорби истекла, — что к ирокезам надо послать Шамплена. Его род, да и он сам, пользуется у этих дикарей уважением — к стенам взбунтовавшейся Бастони они явились по первому его зову. Огюст сможет убедить ирокезов встать под знамена Семи Свободных Провинций.³¹

— Штатов, — вкрадчиво поправил его «духовный отец» Бюжо, «человек-без-имени», некогда состоявший советником при маркизе де Монткальме, — мы свободные американцы, а не голландцы.

— Да, да, вы правы. Но что там за шум?

Члены Конгресса задвигались в креслах, и тут в ратушу быстрыми шагами вошёл, почти вбежал человек в запylённой охотничьей куртке и высоких сапогах со шпорами.

— Победа! — закричал он с порога. — Победа!

11 июня 1777 года объединённые войска Огюста Шамплена и Генри Клинтона на реке Потомак нанесли поражение армии Жан-Батиста Донасьен де Вимер Рошамбо. Победу принесло сочетание тактики рассыпного строя стрелков-охотников, незаменимой в лесистой и пересечённой местности, и тактики сомкнутых каре английских батальонов, непобедимой на равнине. Потери повстанцев были велики, но их армия после сражения не уменьшилась, а увеличилась — к ней присоединилось многотысячное ополчение обеих Луизиан.

Хорошие вести ходят друг за другом — как стало известно позже, в то же день Родней основательно потрепал французский флот в бою у острова Доминик, и морская блокада была прорвана.

Вскоре после своего триумфального возвращения в Нуво-Руан Шамплен побывал в самом крупном селении — в «столице» ирокезов — на берегу Онтарио, и в результате долгих переговоров ему, используя славу имени своего рода среди индейцев, удалось привлечь на сторону восставших колоний мохоков. Онондага, сенека и кайюга остались нейтральными — их вожди не могли понять, почему воля верховного сашема франков, живущего за Великой Солёной Водой, больше не является законом для всех франков, и почему теперь одни франки стреляют в других, стоя плечом к плечу с ненавистными прежде инглизами.

В столице ходеносауни Огюст Шамплен не задержался. И будучи там, он даже не вспомнил об одной индейской девушке, семь лет назад одарившей его любовью на берегу лесного ручья, — голова главнокомандующего повстанческой армии была занята важными государственными делами.

Чаши весов качнулись в пользу американских инсургентов.

* * *

---

³¹ Сильвания, Массачусетс, Пэи-де-Фам, Акадия, Канада, Южная и Северная Луизиана

1778 год

По улицам Санкт-Петербурга металась стылая позёмка.

Лёгкий возок, запряженный парой лошадей, скользил по заснеженному Невскому проспекту, направляясь к Зимнему дворцу. Маркиз де Жюинье, французский посланник при дворе русской императрицы, сидел нахохлившись и спрятав нос в меховой воротник шубы. Ему не нравился холод этой варварской страны — то ли дело солнце Шампани или Прованса, — но господин посланник был верным слугой своего короля и ехал к Екатерине II по делу чрезвычайной важности.

Его племянник шевалье де Корберон, секретарь французского посольства, в отличие от своего дядюшки, не слишком страдал от холода. Молодой барон шустро вертел головой, провожая взглядами встречаемых барышень и пытаясь оценить стройность их фигур, скрытых мешковатой зимней одеждой. «Здесьние балы по блеску не уступают балам Версаля, — думал он, — а женщины... О, женщины — это самое интересное, что есть в России!».

Французов встретили у парадного подъезда дворца и незамедлительно препроводили в кабинет императрицы. Екатерина сидела за столиком, заваленным бумагами и украшенным пером и чернильницей — аудиенция предполагалась деловая.

«Государственного ума женщина» — подумал де Жюинье.

«А она всё ещё привлекательна» — подумал де Корберон.

«Экий ты бычок» — подумала Екатерина, оценив внушительную вздутость его лосин.

После положенного этикетом обмена любезностями на французском языке стороны перешли к делу — русская императрица ценила время и не желала тратить его попусту.

— В американских владениях моего короля беспорядки, — сообщил де Жюинье.

— Сие мне известно, — кивнула императрица. — Мятежники доставляют вам немало беспокойства, не так ли?

— Хуже, ваше величество, — господин посланник состроил кислую мину. — Они не признают более власти короля и намерены отделиться и жить по своему усмотрению.

— Печально, — согласилась Екатерина и спросила напрямик: — А я-то тут при чём?

— Его величеству Людовику XVI, — де Жюинье подбирал слова, сознавая важность момента, — хотелось бы, чтобы ваше величество сочло возможным оказать Франции военную помощь. Проще говоря, — пояснил маркиз, плюнув на дипломатические изыски, — не сможете ли вы послать в Америку своих солдат?

«Вот как! — мысленно ахнула Екатерина, бросив быстрый взгляд на шевельнувшуюся портьеру, скрывавшую дальний угол кабинета. — Ай да король Людовикус — моих солдат ему подавай!».

— Подумайте, ваше императорское величество, — продолжал посол Франции, — эти проклятые бунтовщики злоумышленно покусились на божественное право королей — он не признают власти своего монарха! Опасный прецедент, ваше величество, — что бы вы делали, если бы Сибирь вздумала вдруг стать самостоятельной, отделившись от прочей части вашей империи стеной Уральских гор? С бунтовщиками следует поступать без пощады!

— Я знаю, как надобно поступать с бунтовщиками, — холодно заметила императрица, — был тут у меня недавно один такой, мужем моим покойным нарёкся... Хорошо, господин посланник, я обдумаю ваши слова — такие дела с кондачка не решаются. Мой ответ вы получите. А пока — не смею вас более задерживать.

Оставшись одна, Екатерина какое-то время сидела неподвижно, напряжённо о чём-то думая, потом повернула голову и сказала негромко:

— Выходи, Григорий Александрович, да садись — в ногах правды нет.

Портьера отдёрнулась. Потёмкин, запахнув парчовый халат, опустился в кресло.

— Слышал?

— Слыхал.

— Что скажешь?

— А послать его подальше, короля французского, — Потёмкин зевнул, обнажив крепкие белые зубы. — Ещё чего не хватало — наших солдат ему подавай! Они нам самим пригодятся.

— А я вот думаю, Гришенька, надо послать русских солдат в Америку.

— Это ещё зачем? — Фаворит недоуменно воззрился на свою царственную подругу. — Что-то я тебя не понимаю...

— А затем, cher ami, что коготок туда неплохо бы запустить — в Америку. Чую, земля эта в будущем большое значение иметь будет — негоже нам в стороне оставаться. Не мясо пушечное продадим мы Людовику, а экспедицию направим, да ещё за чужой счёт! Платы я с брата моего августейшего не потребую — пусть только кормит наше войско и снабжает его, а кое-какие инструкции командиру я пропишу. А ты озаботься подобрать человека толкового для этого дела.

— Ну, матушка, — в глазах Потёмкина блеснуло понимание, — это ты славно удумала! Король французский — не дурак, конечно, однако и мы не лыком шиты. Только вот ещё что: простых солдат туда посылать не след — там леса, холмы да горы с дикарями, читал я кое-что про эту Америку. Егерей надо снаряжать, егерей — они там в самый раз будут!

— Ну, это уже дела военные, тут тебе видней, — согласилась Екатерина.

...Ответ русской императрицы немало смутил маркиза де Жюинье. «Всего полторы тысячи человек, — думал он, — да ещё с оговоркой «с правом действовать по собственному усмотрению в случаях, к интересам Империи Российской касательство имеющих»? Странно всё это... Однако лучше что-то, чем ничего. Лиха беда начало, как сказала императрица.

Господин посланник плохо знал русский язык — где уж ему было понять двойной смысл, вложенный Екатериной в эту поговорку.

* * *

Семён Лыков службой был доволен. Мать, узнав, что её младшенького сдают в рекруты, выла в голос, однако на деле всё вышло совсем неплохо. Семён был хоть и мал ростом, но жилист и к тому же смыслён, и потому попал в новообразованную часть русской армии — в егерский батальон. Малый рост Семёна оказался кстати — в егеря не брали солдат ростом больше двух аршин пяти вершков, — а цепкий глаз парня поспособствовал тому, что вскоре Лыков выучился стрелять без промаха и был замечен. Под пулями он побывал ещё во время войны с пруссаками, потом, уже будучи унтер-офицером, послушал, как свистят пули турецкие. Немногословный и рассудительный, Семён Лыков пользовался уважением солдат; уважительно относились к нему и офицеры — в егерских батальонах, в отличие от пехотных полков, умение понимать свой манер и действовать самостоятельно ценилось высоко. Став к тридцати пяти годам отцом семейства, унтер-офицер Лыков исправно тянул лямку, резонно полагая, что служить в егерях лучше, чем гнуть спину на барщине.

Всё переменилось в одночасье. Семён, сидя в тесном трюме французского транспорта и страдая от морской болезни, клял судьбу, закинувшую его неведомо куда — за тридевять земель, в тридесятое царство.

Впрочем, тридесятое царство оказалось не таким уж плохим — леса и луга здесь были похожи на русские. Правда, здесь шла война, и местные жители смотрели на русских солдат неласково. Из-за чего эта война, и кто с кем воюет, Лыков понимал не очень. Офицеры говорили, что в здешних краях завелись мятежники, и матушка-императрица решила помочь королю Франции с ними справиться. Семён слушал, понимающе кивал, но про себя думал, что не всё так просто: не зря старший французский командир, Лафайет, глядел недоверчиво на генерал-поручика Каменского, командовавшего русским экспедиционным корпусом, — это Семён заметил. Егеря в боях почти не участвовали, что не могло не радовать, и унтер-офицер Семён Лыков считал дни, надеясь, что их не навеки забросили на чужбину, и они

вернутся в Россию, как только государыня сочтёт, что уже достаточно помогла французскому королю.

Он не знал (и не мог знать) о разговоре между Лафайетом и Каменским — о разговоре, который круто изменит его судьбу.

* * *

— Вы превосходно говорите по-французски, генерал!

— Я был волонтёром французской армии во время Семилетней войны, маркиз.

— Ах, вот как? — де Лафайет посмотрел на Михаила Каменского с интересом. — Тогда скажите мне, как старый солдат, что вы думаете об этой войне?

— Я солдат, а не политик, — Каменский пожал плечами, — однако сдаётся мне, что вас не сильно здесь любят, маркиз. Эта война может стать бесконечной.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю вот что, — генерал-поручик развернул карту. — Насколько мне ведомо, вам сильно досаждают дикари-индейцы Великих Озёр. Я с моим корпусом могу выдвинуться к форту Детруа и сковать там их силы. Это будет вам хорошим подспорьем, не так ли?

«Что он задумал, этот хитрый русский? — думал Лафайет. — Он открыто уклоняется от рейдов против колонистов, а теперь вдруг сам напрашивается идти на ирокезов! Я связан инструкциями из Парижа и не могу прямо приказывать Каменскому — не война, а чёрт знает что! Но с другой стороны — почему бы и нет? Если русские свяжут ирокезов, одной головной болью у меня будет меньше. Пусть эти северные варвары дерутся с лесными дикарями — хоть какой-то толк. А в Бастони русские егеря не нужны: что они есть, что их нет — без разницы».

— Это определённо имеет смысл, — медленно проговорил маркиз, изображая раздумье. — Я не буду возражать, генерал, — сказал он, следя за выражением лица Каменского.

Лицо генерал-поручика осталось спокойным — Михаил прекрасно владел собой. Он вовсе не собирался ввязываться в затяжную войну с индейцами — разве что так, немного пострелять, чтобы оправдать в глазах французов всю эту затею. Генерал-поручик Каменский хорошо помнил слова Потёмкина: «Твоя основная задача — пробиться в глубь американского материка до свободных земель. Иди через леса, через горы и степи, до самой Калифорнии, до берегов Тихого океана — туда, где можно поставить флаг России. Пётр Великий замышлял поход в Индию, тебе матушка Екатерина поручает пересечь Америку. Не подведи, генерал!».

...Ничего этого Семён Лыков не знал. Вслушиваясь в лесные шорохи и вглядываясь в шевеление листвы, он шёл со своим капральством к форту Детруа, спал у костров, видел во сне Россию, любовался водами Эри и Мичигана, стрелял из своего винтового штуцера, когда на них нападали, и надеялся дойти до Тихого океана, по которому можно доплыть до дома.

Но егерю не повезло. Будучи в пикете, он не обратил внимания на близкий шорох, а через миг унтер-офицеру Семёну Лыкову показалось, что кряжистый дуб, у корней которого он сидел, рухнул ему на голову.

* * *

1783 год

— В шахматах это называется пат, — Огюст Шамплен смял карту. — Успехи сменяются неудачами, надежды — разочарованиями. Рошамбо засел в Ричмонде, де Лафайет — в Бастони. Канада клянётся королю Людовику, убеждая его в своей преданности, — нас

поддерживает только Зеленогорье.³² Фермеры Луизианы и Пэи-де-Фам думают не о том, как защитить земли Свободных Штатов, а где бы найти новый кусок земли в глубине континента, надеясь, что туда не дотянется рука короля Франции. У англичан мало войск, а купленные гессенцы ни на что не годны — они сдаются в плен тысячами. От Испании можно ждать чего угодно — она может быть как нашим другом, так и врагом. Война на море идёт с переменным успехом; корсар Сюркуф бѣрет на abordаж наши корабли чуть ли не прямо в Мангатан-Бэ. Ирокезы заняты войной с русскими у Великих Озѣр: нашим индейским союзникам не до нас, и я не в силах уговорить их послать военные отряды в Сильванию и Массачусетс. В армии полно дезертиров, предатели плетут заговоры, люди устали от войны, торговля замерла, финансы расстроены. Наши планы под угрозой — нас может спасти только чудо!

— Большинство чудес, — загадочно произнёс отец Бюжо, — рукотворны. Всевышний очень занят — мы сами должны о себе позаботиться, хоть мы ему и доверяем.

— Что вы хотите этим сказать?

— Франция созрела для большой смуты, и если эту смуту немного подтолкнуть...

— ...то его величеству Людовику XVI будет уже не до Америки, — подхватил Самуэль Адамо.

— ...и король Франции будет безмерно рад, если ему удастся сохранить голову на плечах, — закончил Мишель Легран.

* * *

...14 июня 1787 года толпы парижан, не обращая внимания на пули и сотнями ложась под картечью, штурмом взяли Бастилию.

Во Франции началась Великая Революция.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОБЪЕДИНѢННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

1788 год

После двухдневного ожесточѣнного штурма над Ричмондом взвился белый флаг — де Вимер Рошамбо сложил оружие. Не получая подкреплений из метрополии и даже не зная толком, кто теперь правит Францией и жив ли ещё король Людовик, гордый граф сражался до конца и сдался только тогда, когда все возможности сопротивления были исчерпаны.

— Благодарю вас за помощь, генерал, — сказал Шамплен Клинтону, — вы внесли свой вклад в нашу победу. Ваших доблестных воинов ждут дома — их жѣны и невесты все глаза проглядели. Пусть Атлантика порадует вас хорошей погодой до самых берегов Англии.

Британец в ответ сдержанно поклонился, а главнокомандующий армией Свободных Штатов добавил многозначительно:

— Если лично вы захотите вдруг остаться, чтобы жить здесь, в Америке, мы будем рады и предоставим вам за ваши заслуги титул почѣтного гражданина, но вот что касается ваших солдат... У меня сорок четыре тысячи человек, — Огюст широким жестом показал на огни лагерных костров, усеявшие берега Жакоб-Ривьер, — и ваши семь тысяч теперь для нас не слишком много значат.

Он улыбнулся, но Генри Клинтон прекрасно понял, что стояло за словами Шамплена: «Если вы вздумаете повернуть историю вспять, мы вас раздавим — тут же, пока моя армия воодушевлена победой над французами. Так что отправляйтесь-ка вы лучше домой подброду».

---

³² Часть Канады по правому берегу Сен-Лорана, присоединившаяся к «Свободным Штатам». Вермонт — Зелѣная Гора (франц.)

А две недели спустя на улицах Бастони появились разведчики-сильванцы — до них дошли слухи, что маркиз Лафайет эвакуируется. Слухи оказались верными: разведка дошла до причалов бастоньского порта, не встретив по дороге ни одного французского солдата.

— Опоздали вы, ребята, — ухмыльнулся старый рыбак, сидевший с удочкой на краю деревянного пирса. — Последние военные корабли Франции ушли ещё пять дней назад.

Смушение сильванских волонтеров быстро уступило место ликованию: неужели всё, конец войне?

...Спустя два месяца французский Конвент заключил мир и признал независимость североамериканских колоний. Сделано это было мимоходом — у Конвента хватало других важных дел: Конвент арестовал короля Людовика XVI и теперь решал, за что его судить, казнить его или помиловать, и если казнить, то повесить его или отрубить ему голову.

Двенадцатилетняя война закончилась.

* * *

1789 год

— Свободный народ Объединённых Штатов! Вы завоевали свою независимость, и вы теперь вправе пожинать плоды своих трудов! Мы будем жить в новой, подлинно свободной стране, где не будет ни королей, ни аристократии, ни какого-либо привилегированного класса вообще! В нашей республике вы сами будете избирать себе руководителей — и не навсегда, а на строго определённый краткий срок, чтобы избранный вами президент не смог превратиться в тирана. Не вы для республики, а республика для вас, и если тот, кому вы доверили управлять, будет плохо это делать, вы вправе сказать ему: «Уйди, мы тебя больше не хотим!». Это я говорю вам как законно избранный президент — первый президент нашей страны.

Центральная площадь Филадельфии и прилегающие к ней улицы были запружены народом — Шамплен видел белые пятна лиц на фоне моря одежд, самых разнообразных, от мундиров солдат и курток фермеров до камзолов негоциантов, сюртуков землевладельцев и сутан священников.

— Принятая нами Конституция обеспечит кооперацию всех штатов нашей федерации — *e pluribus unum*, единое из многого; гарантирует справедливость и общественный порядок, обеспечит защиту от внешних врагов и процветание, защитит ваши свободы в настоящем и будущем. Это, и только это является целями нашей Конституции!

Огюст Шамплен слышал слитное дыхание тысяч людей и чувствовал на себе взгляды тысяч глаз. Он ощущал себя частью этой человеческой массы и, казалось, искреннее верил в то, что он говорил всем этим людям.

— В нашей республике будут строго соблюдаться права человека, дарованные ему от рождения: право на жизнь, свободу, здоровье и собственность! Вы завоевали свою свободу с оружием в руках, вы будете её защищать, и поэтому право хранить и носить оружие — это право любого гражданина Объединённых Штатов Америки. Живите, трудитесь и богатейте: перед вами огромная страна, принадлежащая вам — ваша страна!

Толпа разразилась ликующими криками, и Шамплен замолчал, переводя дыхание. «Мы шли к этому часу много лет» — думал он.

* * *

— Республика, тут двух мнений быть не может, — Шамплен обвёл взглядом лица всех членов «Конгресса борцов за свободу», — но какая? Человечество накопило большой опыт демократического правления — вспомним хотя бы Элладу и Рим. Монархия — это неизбежно тирания, наша страна будет процветать, только будучи республикой.

— Выборность всех органов исполнительной, законодательной и судебной власти на

определённый срок, — начал Тома Жефри.

— В Конституции должны быть просто и ясно прописаны первичные права человека, — предложил Жан Адамо, — народу не нужны сложности. «Свобода, равенство, братство» — что может быть понятнее и привлекательнее?

— И собственность, — добавил Легран.

— Несомненно, — согласился Сэмюэль Адамо под одобрительные кивки, — это основа основ.

Отец Бюжо слушал, чуть прикрыв глаза, — очень внимательно слушал.

— Наша Конституция и наше государство создаются в уникальных условиях, — сказал он. — Нам нельзя копировать античные демократии. Более того, я настаиваю, чтобы само это слово — демократия — не было упомянуто в тексте Конституции. В дальнейшем это позволит избежать некоторых... недоразумений.

— А зачем нам копировать Грецию или Рим? Здесь, на американском континенте, есть превосходный образец народного управления, причём федеративного, в отличие от тех же греческих полисов.

— Что вы имеете в виду, Огюст?

— Ирокезов, господа. Лига Шести племён — вот пример государственного устройства, доказавшего свою эффективность. Выборность вождей, коллегиальность принятия решений, соблюдение интересов каждого племени, входящего в союз, и всей федерации в целом — это ведь те же наши Объединённые Штаты! Зачем что-то изобретать, когда это уже сделано?

— Но ведь ирокезы, — возразил младший Адамо, — дикари! Они...

— Эти дикари, — перебил его Шамплен, — подмяли под себя множество племён, и они помогли нам победить. Их называют «римлянами лесов» не только за их воинственность и отвагу, но и за весьма совершенную форму правления, похожую на древнеримскую, — ни у одного другого племени индейцев нет ничего подобного. Я хорошо знаю народ ходеносауни.

— Прямые выборы хороши, пока численность населения не превышает определённого предела. Не вы один внимательно изучали ирокезов, Шамплен, — в голосе Бюжо мелькнул еле заметный сарказм, — я тоже этим занимался. Я знаю и об их нравах, и о Мировом Дереве, и о пророке Деганвида, и о Гайавате. Сами ирокезы признают, что их выборная система даёт сбой, когда избирателей слишком много. Система выборов должна быть многоступенчатой: народ выбирает выборщиков — людей, которым он доверяет, — а уже выборщики избирают президента.

— При прямых выборах, — Жефри нервным движением поправил волосы, — когда органы управления будут избираться непосредственно народом, большинство голосов будет принадлежать не просвещённому населению, а массам, что повредит демократии! Это будет уже охлократия, господа!

— А кого вы подразумеваете под «просвещённым населением»? — поинтересовался «духовный отец» Бюжо. — Вы предлагаете совместить выборы с экзаменами по латыни?

— Не стоит придирается к словам, почтенный отец, — Мишель Легран улыбнулся, — думаю, не ошибусь, если скажу, что мерилom ценности и просвещённости человека служит его благосостояние: если человек ленив или глуп, он беден, значит... Богатство угодно Богу, не так ли?

— Да, Мишель, — поддержал Леграна сконфузившийся было Жефри, — именно это я и хотел сказать. В конце концов, в Древней Греции так и было: право голоса имели только имущие граждане!

— Я так и думал, мой дорогой Тома, — безмятежно заметил Бюжо, вновь прикрывая глаза. — Неточность и широкий смысл слов — опасная штука... Вот поэтому я и предлагаю не упоминать в тексте Конституции слово «демократия»: оно может быть неправильно понято.

— Французские мыслители считают, что все люди равны, — сказал Сэмюэль, — что мы будем делать с неграми? Давайте называть вещи своими именами: работорговля — это очень большой источник доходов, и всё хозяйство Луизиан и Пэи-де-Фам держится на рабстве.

— Давайте оставим это грядущим поколениям, — предложил Жефри, — нельзя же всё сразу...

— А как быть с равноправием женщин? — осведомился Жан Адамо. — У столь высоко почитаемых Шампленом ирокезов матриархат — его мы тоже возьмём за основу?

— Ну уж нет! — возмутился Жефри. — Женщине самой природой, самой её пассивной ролью в любовном акте отведено определённое место. Политика и война — дело мужчин.

«Понятно, почему ты так красноречив, — с иронией подумал Огюст, — твоя рабыня-квартиронка Салли исправно рождает тебе детей, которых ты столь же исправно записываешь, но признавать не спешишь. Отсюда и твоё отношение к рабам и женщинам, пылкий Тома».

— Для нас сейчас главное, — сказал он, выждав, пока шум немного утих, — заложить фундамент, основу будущего. Конституция в дальнейшем будет дополняться поправками, которые будут входить в силу после их одобрения всеми штатами, а пока... Да, и ещё насчёт ирокезов. Мне нравится их тотем — орёл. Я предлагаю сделать эту красивую, сильную...

«...и хищную» — подумал отец Бюжо.

— ...и гордую птицу гербом Объединённых Штатов.

По этому пункту у отцов-основателей возражений не было.

* * *

Город праздновал победу и рождение новой страны. Столы стояли прямо на улицах, и все желающие могли есть и пить вволю в лучших традициях старушки Европы. Поначалу отцы-основатели ещё общались с народом, демонстрируя на деле равенство и братство, но затем переместились под гостеприимную крышу дома одного из филаделфийских магнатов-негоциантов — неровен час, пьяные народные массы и покалечить могут в приступе любви и уважения, да и пить с каждым желающим никакая печёнка не выдержит. Здесь праздничный банкет продолжался уже в более изысканной обстановке, без посторонних лиц, и поэтому первый президент Объединённых Штатов был несколько удивлён, услышав обращённое к нему «Огюст...», сказанное тихим, знакомым и давно не слышанным голосом. Он обернулся и увидел женщину в чёрном.

— Исабель? Дорогая моя сестра, как ты...

— Постарела? — женщина грустно улыбнулась. — Что ж, мне уже сорок девять... Меня не хотели пропускать — хорошо, что офицер охраны меня узнал. Повезло... Поздравляю тебя, мсье президент.

— Спасибо, Исабель. Сколько же мы с тобой не виделись?

— Двенадцать лет, с самого начала войны. Ты метался по всей стране, я сидела дома и ждала, когда же эта война кончится. Вот и дождалась... — Исабель снова улыбнулась жалкой тенью улыбки.

— Но твой наряд... Что это значит? Неужели...

— Этьен. Мой сын-первенец и твой племянник. Он погиб при штурме Ричмонда — на второй день, когда победа была уже близка. Его накрыло картечью...

— Я сожалею, Исабель. Я не знал, что Этьен служил в моей армии. Но почему он не обратился ко мне? Я взял бы его в свой штаб.

— Мальчик не хотел делать карьеру на имени своего знаменитого дяди — он был горд и честен, как все Шамплены, хоть и носил фамилию Рембо. Этьен предпочёл командовать отрядом силванских стрелков и вместе с ними идти под пули... — голос Исабель дрогнул, и в её глазах блеснули слёзы.

— Значит, ты носишь траур по сыну...

— И по мужу. Полковник Луи Рембо погиб в один день с капитаном Этьеном Рембо — его убило пулей, и тоже на второй день штурма Ричмонда.

— Полковник Рембо? Я не помню такого в моей армии.

— Полковник Луи Рембо служил под знамёнами короля Франции, — негромко пояснил подошедший к ним Самуэль Адамо. — Он командовал артиллерией Ричмонда.

— Луи сражался против нас? — изумился Шамплен. — Кто бы мог подумать...

— Он был воином, верным своему королю, и не любил торговцев, — Исабель обожгла взглядом Самуэля, — меняющих имена и убеждения, как перчатки. «Я защищал Нуво-Руан от англичан, — сказал он мне, уходя, — и я буду защищать его от мятежников: это мой долг. Я вернусь, когда исполню свой долг перед его величеством». А Этьен сказал: «Я вернусь, когда мы завоюем свободу». И вот они не вернулись — оба... Я схожу с ума, когда подумаю, что они могли убить друг друга в тот проклятый день, — голос женщины прервался.

Потрясённый Шамплен ждал, что его сестра вот-вот разрыдается, но Исабель взяла себя в руки.

— Я пришла к тебе не плакать о павших — их души в руках божьих. У меня остались три дочери: они уже большие, старшим пора замуж. Их ненавидят, Огюст. Мари прибежала на днях вся в слезах — на улице её обозвали дочерью врага народа и плюнули ей в лицо. Зачем такая жестокость, Огюст? Девочкам жить — разве они отвечают за своего отца? А если мы уедем во Францию, их там что, будут называть сёстрами проклятого бунтовщика?

— Как много проблем приносит людям следование архаичным принципам чести... — пробормотал Адамо и осёкся под гневным взглядом президента.

— Я обещаю тебе, Исабель, что больше никто и никогда не оскорбит тебя и твоих дочерей, моих племянниц, ни словом, ни действием, — в голосе Шамплена зазвенела сталь. — А если это произойдёт, виновный будет предан суду — по законам нашей свободной страны! Я обещаю это тебе как президент и как твой брат. — Он обнял Исабель и поцеловал её. — Будь спокойна, сестра: мы помним своих героев и уважаем достойных противников.

— Спасибо, Огюст, — Исабель вытерла слёзы. — Мы возвращаемся домой, в Нуво-Руан — мы приезжали сюда на праздник Дня Независимости. Это всё-таки праздник, хотя для меня его вкус очень горёк...

Она повернулась и пошла к выходу, шурша платьем, а Шамплен нашёл глазами среди пирующих своего личного секретаря.

— Жак, запиши, — распорядился президент Объединённых Штатов. — У дома мадам Рембо в Нуво-Руане сделать надпись на каменной плите: «Здесь живёт семья героев Америки — помните их».

— Эффектно и патетично, — сказал Самуэль Адамо со странной интонацией, — народ оценит такой жест. И всё-таки я считаю, что президент Объединённых Штатов должен быть немного... менее сентиментален: политикам это вредит.

Огюст Шамплен промолчал.

* * *

— Полагаю, господа Конгресс, ни у кого из вас нет ни малейшего сомнения в том, насколько важным является для нашей страны введение собственной денежной единицы. Ни ливр, ни английский фунт стерлингов, ни песо, ни гульден нам не подходят — наши деньги, деньги Объединённых Штатов должны быть особыми, учитывая их важную роль в будущем. Вспомните изречение Франклина «Деньги суть отчеканенная свобода!» и вдумайтесь в его смысл. Объединённые Штаты Америки станут для всего мира образцом государственного устройства, и наши деньги, — Мишель Легран, недавно избранный секретарём казначейства, сделал многозначительную паузу, — тоже станут мировым образцом и эталоном, а в идеале — единственным мировым платёжным средством.

По рядам членов Конгресса пронёсся лёгкий шорох — Леграна очень хорошо поняли.

— Все временные деньги отменяются, — продолжал казначей, воодушевлённый этим пониманием, — их заменит талер: наш, американский талер. Серебряный талер появился в обращении в Европе — в Чехии и Германии — в конце пятнадцатого века, и до сих пор он принимается всеми странами Европы в качестве платёжного средства. Серебро — оно и есть серебро: это благородный металл, уступающий только золоту. Однако в последнее время в

Европе национальные денежные единицы всё активнее вытесняют талер — он становится вынужденным эмигрантом. Но Америка, — Мишель снова сделал паузу и хитро улыбнулся, — благожелательно относится к эмигрантам, особенно к полезным эмигрантам. Старый добрый талер долгое время был общеевропейской валютой — дадим же этому старичку вторую молодость!

— И долгую жизнь! — выкрикнул кто-то под одобрительный смех.

И под этот смех Мишель Легран, потомок пирата, принимавшего участие в захвате Нуво-Руана, называвшегося тогда Нью-Йорк, первый секретарь казначейства Объединённых Штатов Америки и одновременно очень почтенный и очень состоятельный банкир, достал из кармана сюртука серебряную монету и ловким щёлчком пальцев раскрутил её на столе — так, что она превратилась в маленький сверкающий шарик.

Монета крутилась на столе с лёгким жужжанием, и все следили за её вращением. А когда монета устала крутиться и с лёгким звоном улеглась плашмя, с её аверса глянул вверх орёл, приподнявший крылья. Орёл готовился взлететь, чтобы отправиться в долгий полёт — в полёт над миром...

* * *

1792 год

— Подсудимый Шейс Дэниэл, вам предоставляется последнее слово

Худощавый человек с видимым усилием встал с жёсткой скамьи, где он сидел под охраной двух солдат с ружьями.

— Нас обманули, — сказал он негромко, но так, что его было хорошо слышно. — Я был в Филадельфии в восемьдесят девятом и слышал, что говорил Шамплен, наш президент. Он говорил, что в нашей стране не будет привилегированной знати, и что все мы будем равны перед законом. А на самом деле нашли те, которые равнее: банкиры-ростовщики Нуво-Руана, промышленники Бастони и плантаторы Луизианы. А мы, простые ремесленники, бедные фермеры, бывшие солдаты, чьими руками была завоевана свобода нашей страны, хотели равного распределения богатств и земель, отмены всех долгов, которые растут из года в год, справедливого судопроизводства. И я повёл обиженных на обидчиков — мы нападали на помещения судов, уничтожали дела о взыскании долгов, освобождали должников. А нас называли бунтовщиками, а меня, заслужившего чин капитана во время войны за независимость, — главарём бандитов. И наше правительство, которое мы сами выбирали, послало против нас войска: многие мои товарищи были убиты, другие схвачены. Нас обманули! — закончил он с надрывом, сел и опустил голову.

В зале суда царила полная тишина всё то время, пока присяжные совещались, вынося приговор. Вердикт был суров: Дэниэла Шейса и тринадцать других руководителей восстания приговорили к смертной казни через повешение.

За президентом оставалось право помилования, и Огюст Шамплен не замедлил им воспользоваться: он решил помиловать мятежников. Но его решение встретило энергичное сопротивление вице-президента Жана Адамо и многих членов Конгресса, настаивавших на казни «проклятых бунтовщиков».

— Эти люди покусились на святая святых — на право чужой частной собственности, записанное в нашей Конституции! — гневно воскликнул Адамо. — Они преступники! А сам Шейс — преступник потомственный: его отец был одним из главарей Бастоньского бунта семидесятого года. Такие люди опасны, они никогда не успокоятся! Не впадайте в ненужную сентиментальность, мсье президент: я уже вам как-то говорил, что сентиментальность — это не самое лучшее качество политика!

— Любая революция должна вовремя остановить свой разбег, — заметил отец Бюжо, — иначе она подомнёт под себя всех своих зачинателей. Или вы хотите повторения английской революции, когда истинные левеллеры, диггеры Джерарда Уинстенли, тоже

покушались на право частной собственности? Кромвель нашёл в себе мужество остановить это безумие железной рукой — найдите мужество и вы, Огюст Шамплен.

И президент Объединённых Штатов отступил.

Дэниэл Шейс был повешен американцами на центральной площади Бастони — там же, где пятнадцать лет назад был повешен французами борец за свободу Бенджамин Франклин.

* * *

1794 год

— Господа Конгресс, мы должны обсудить чрезвычайно важный вопрос. Речь идёт о приёме в состав Объединённых Штатов ещё одного штата: Индианы, республики Великих Озёр — республики ирокезов.

Слова президента были встречены гробовым молчанием. Смущение законодателей было понятным: они не знали, как поступить. Если бы речь шла о французской Канаде, упорно державшейся обособленно, или даже об испанской Флориде, члены Конгресса нашли бы слова, но тут... В умах «просвещённого населения» свободной страны не укладывалось, как это можно считать лесных дикарей равными себе? Оно, конечно, все люди равны, но как-то очень уж непривычно. Одно дело рассуждать на словах о всеобщем равенстве и братстве, и совсем другое, когда это равенство в облике кровожадного индейца с томагавком в руке стоит у твоих дверей.

Шамплен догадывался, какие мысли роятся в головах законодателей, однако он знал ирокезов как никто другой в этой стране и надеялся убедить членов Конгресса.

— Земли, занятые Лигой Шести племён, охватывают с юга и юго-востока побережье Великих Озёр. Ирокезов к настоящему времени — с учётом втянутых племён — насчитывается около ста тысяч. Люди народа ходеносауни умны и сообразительны — они общаются с нами, белыми, уже двести лет и за это время многому научились. Да, они живут по законам своих предков — по не самым плохим законам, кстати: вспомните, что мы взяли за основу нашей Конституции, — но они смогут жить и по нашим законам. Республика ирокезов — Индиана — подала петицию с просьбой о принятии её в Объединённые Штаты в качестве субъекта федерации, на равных правах со всеми прочими штатами. Делегация сашемов ходеносауни побывала в Нуво-Руане и передала текст этой петиции, написанный на французском языке, грамотно, — мсье президент еле заметно усмехнулся, — и без ошибок.

— И всё-таки они дикари... — брюзгливо произнёс кто-то.

— Мы многим обязаны этим дикарям! — глаза Шамплена сверкнули. — Они два века были нашими верными союзниками, и ещё неизвестно, сидели бы мы с вами сейчас в этом зале, если бы не они! Вся история пошла бы по-другому, если ирокезы были бы не нашими друзьями, а друзьями англичан — ирокезы помогли Франции выиграть войну с Англией, и они же поддерживали нас в войне за независимость.

— Во время войны за независимость нас поддержали не все племена Лиги, — уточнил Жан Адамо. — Ирокезы остались нейтральными, и даже те, кто выступили на нашей стороне, не оказали нам реальной помощи.

— Они были заняты войной с русским, которую ирокезы выиграли: русские ушли из района Великих Озёр на запад. И даже дружественный нейтралитет — это уже много: ирокезы были союзниками французского короля — верховного сашема франков, живущего за Великой Солёной Водой, как они его называют, — и могли бы выступить против нас. Но они этого не сделали — неужели в ваших сердцах, господа Конгресс, нет места благодарности?

«Благодарность и политика — понятия малосовместимые» — подумал вице-президент, но промолчал.

— Мы прежде всего должны думать о благе нашей страны, — вмешался Бюжо, и в зале заседаний Конгресса наступила полная тишина: все знали, сколь весомо слово «духовного

отца» — «чёрного кардинала», как его ещё называли. Вы сказали, Огюст, что ирокезы хорошо учатся — став полноправными членами нашей федерации, они скоро научатся делать порох, лить пушки и узнают массу других полезных вещей. А если в итоге им не понравится жить по нашим законам, что тогда?

— А чем плохи наши законы? — Шамплен внимательно посмотрел на «человека-без-имени». — Почему они могут не понравиться ирокезам? Они ведь идут к нам сами — мы их не зовём!

— Они хотят вступить в Объединённые Штаты только потому, что понимают: войны с нами им не выиграть, — равнодушно проговорил «духовный отец». — Они умны, эти ваши ирокезы, — вы же это сами сказали. Что же касается законов... У индейцев есть один обычай, он называется потлач — вы о нём наверняка знаете, дорогой Огюст, я расскажу для других. Потлач, — продолжал Бюжо, скользнув взглядом по лицам членов Конгресса, — это праздник, во время которого индейцы раздаривают друг другу всё своё достояние, от ножей и одежды до вигвамов и каноэ. Они соревнуются во взаимной щедрости, причём считается, что чем богаче человек, тем больше он должен отдать. Индейцы презирают собственность — разве им понравится, что у нас право собственности возведено в закон?

Среди законодателей раздался возмущённый ропот: «просвещённому населению» явно не понравился упомянутый индейский обычай.

— Вот я и говорю, — бесстрастно продолжал «чёрный кардинал», — наши законы могут придтись не по вкусу индейцам, и тогда ирокезы потребуют отделения, чтобы жить своим умом. А если к тому времени они научатся лить пушки и делать порох, справиться с ними будет куда труднее, чем сейчас.

— Чем сейчас? Вы всерьёз думаете о войне против ирокезов? — Шамплен не скрывал своего изумления.

— А эта война неизбежна, — всё так же холодно произнёс отец Бюжо. — Нам с ними не ужиться — мы слишком разные. Мы строим величественную пирамиду и должны заранее выкорчевать все пни, чтобы фундамент нашего монументального строения был ровным. И ещё одно важное обстоятельство: на побережье Онтарио найдено серебро — рудники дадут нам миллионы унций этого металла, необходимого для чеканки талеров.

— Никакое серебро не окупит предательства наших старейших и верных союзников! — пылко воскликнул Шамплен. — Если Индиана станет частью Объединённых Штатов, мы и так получим доступ к этим рудникам, не проливая кровь. Да, мы строим величественное здание будущего, но всего один перекошенный камень в его основании приведёт к тому, что всё это здание рухнет. А предательство ирокезов — это уже не маленький камешек, а целая плита!

...Законодатели так и не смогли придти к единому мнению по вопросу об Индиане — заседание Конгресса было отложено.

— Не ожидал я, что наш Огюст окажется таким упрямым, — с досадой сказал отец Бюжо вице-президенту. — Нам нужна вся эта страна, от океана до океана, и все препятствия на нашем пути должны быть устранены. Неужели в Шамплене настолько силен голос крови его ирокезских предков?

— Я бы на его месте не колебался, — буркнул Адамо. — Уничтожить дикарей, повинных в кровавых злодеяниях против белых, — благо. У английского поэта Шекспира есть хорошие строки «Мавр сделал своё дело» — ирокезы нам больше не нужны. Однако Шамплен очень популярен: он национальный герой Америки, и даже наша новая столица названа в его честь. К мнению Огюста прислушиваются не только простолюдины, и с этим нельзя не считаться, не говоря уже о том, что Шамплен — законно избранный президент Объединённых Штатов Америки.

— Герои, в отличие от богов, смертны, — задумчиво произнёс «чёрный кардинал». — И вы правы, Жан: все препятствия на нашем пути должны быть устранены.

1795 год

Семён Лыков сидел на берегу лесного ручья, положив на колени ружьё, и жмурился на весеннее солнышко. Мог ли он подумать, что его тридцатое царство окажется таким?

Как быстро летит время... Стёрлись из памяти лица Лукерьи и детей — они далеко, и он, Семён, их уже никогда не увидит, — ушла в глубь души и почти затихла ноющая тоска по России. Его здешнему сынишке уже четырнадцать — индейцы зовут мальчишку Маленьким Медведем за небольшой (в отца) рост, косолапость и недюжинную силу, а сам Семён кличет его медвежонком. Отряд Каменского давно ушёл на запад, но дошли бывлые товарищи унтер-офицера Лыкова до Тихого океана, нет ли — Бог весть. Война вроде кончилась, на востоке образовалась новая держава, однако Семёна это мало интересовало: он нашёл свою судьбу здесь, в этих лесах — причудливы судьбы людские.

Вздыхнув, он встал, подобрал с травы трёх добытых уток, закинул на плечо ружьё и зашагал к дому. Охотник порядком оголодал, а Настя наверняка уже приготовила что-нибудь вкусное — заботливая у него жёнка, грех жаловаться.

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ. Свинцовая запятая

1795 год

...Над ночной Филадельфией бесновалась и выла снежная метель, пришедшая с Атлантики, — редкое ненастье для этих благодатных мест. Жители попрятались по домам, к теплу очагов, и сидели там, заперев двери и прикрыв оконные ставни, в щели которых лишь кое-где пробивался слабый свет. Во всём городе ярко светилось всего одно окно — на втором этаже Дворца Независимости, где пока (до завершения строительства Мезон-Бланш в новой столице Объединённых Штатов) находился рабочий кабинет президента. Но это окно горело почти каждый вечер — горожане привыкли, что президент Шамплен допоздна засиживается в своём кабинете.

— Я очень тобой недоволен, Огюст, — скорбно произнёс отец Бюжо, положив на стол свои высохшие старческие ладони, — и не только я один: мы все тобой недовольны.

«Сколько же ему лет? — думал Шамплен, глядя на эти «птичьи лапки». — Бюжо был стариком ещё при Монткальме, с тех пор прошло тридцать пять лет...».

— Ты забываешь, кто мы, Люди Круга, и что мы сделали. Мы сделали эту страну по образу и подобию, мы заложили основы. Мы нашли деньги, мы подтолкнули революцию во Франции, а ты возомнил, что всё это твоя заслуга или заслуга так называемого народа?

«...но он ничуть не изменился — словно застыл. Бюжо не только человек-без-имени: он ещё и человек-без-возраста...».

— Народ — это стадо, которому нужны поводыри, знающие, куда это стадо вести — к Земле Обетованной или в Ад, неважно.

«А может, он вообще не человек, а посланец Преисподней?».

— И ты забываешь, Огюст, что ты тоже Человек Круга, и что все твои прочие титулы и звания — ничто, пыль под ногами. Ты выходишь из повиновения, а этого делать нельзя!

Президент Объединённых Штатов молчал.

— Ты меня слушаешь, мой мальчик? — почти ласково спросил «чёрный кардинал».

— Я вас слушаю, мессир.

— И что ты мне скажешь? Конгресс объявит войну Индиане?

— Нет, Бюжо («Как, оказывается, трудно вытолкнуть из себя такое короткое слово...»). Индиана будет принята в нашу федерацию на правах штата — я буду на этом настаивать («Я его не боюсь!»).

— Мне очень жаль, Огюст.

С этими словами «духовный отец» встал, накинул капюшон и вышел — словно чёрная

летучая мышь промелькнула.

Оставшись один, президент Шамплен долго сидел неподвижно, глядя на трепещущее пламя свечей в серебряном шандале, стоявшем перед ним на столе. «Прав ли я? — думал он. — Ведь я тоже хочу построить Новый Карфаген и нашу Великую Пирамиду, и... Нет, только не такой ценой!».

Ему вдруг показалось, что в комнате есть кто-то ещё. Шамплен повернул голову и увидел у окна смутную тень, принявшую очертания женской фигуры в длинном платье. «Да ведь это же... Это она, Метэйнэй — Птица, поющая при дневном свете, индейская принцесса и жена Самуэля Шамплена, моего предка и основателя Новой Франции! Это она — я видел её портрет!». Огюст различал лицо индеанки, красивое и грустное, и ему хотелось услышать её голос. Но Метэйнэй молчала — она была всего лишь тенью...

«Как жаль, что у меня нет детей, — думал Огюст, — мой брак с Люси был бесплодным, а теперь я старик, и мне уже поздно думать о детях. На мне прервётся род Шампленов...».

Рядом с призраком Метэйнэй появилась ещё одна женская тень. И Огюст узнал и эту женщину, хотя их давняя встреча была такой недолгой, и вспомнил её имя, хоть и слышал его всего один раз.

— Нэстэйсакэй, — прошептал президент Объединённых Штатов, — Белоглазая Птица...

Он вскочил, едва не повалив кресло, бросился к окну, словно пламя свечей толкало его в спину, протянул руки, и...

Его пальцы встретили пустоту — обе тени исчезли. Растаяли...

Шамплен уткнулся разгорячённым лбом в холодное оконное стекло. Он вглядывался в ненастную темноту за окном, как будто надеялся увидеть там что-то важное. «Пока я жив, — думал президент, — народ ходеносауни будет жить, и никто не посмеет причинить зло людям Длинного Дома!».

Выстрела он не услышал — он только почувствовал тяжёлый удар в лицо.

* * *

— Это дело рук индейцев-ирокезов! — лицо Жана Адамо перекашивала злоба. — Эти дикари убили Огюста Шамплена за то, что он отказался принять их карикатурную пародию на республику в состав Объединённых Штатов и одарить их всеми благами цивилизации, которую мы строили тысячелетиями! Это сделали они — у резиденции нашего президента под окном, на том месте, откуда был сделан роковой выстрел, были найдены следы мокасин. Двое солдат охраны тоже были убиты: их убили томагавками и сняли с них скальпы — кто ещё, кроме ирокезов, мог это сделать?

Огромная толпа, собравшаяся на похороны первого президента и национального героя Америки, молчала. Воздух был пропитан человеческой скорбью, и скорбь эта мало-помалу переплавлялась в ярость и жажду мщения.

— Народ Объединённых Штатов понёс тяжёлую, невосполнимую потерю. Мы никогда не забудем Огюста Шамплена — его именем названа наша столица, и будут названы корабли и улицы, острова и горные вершины. Имя Огюста Шамплена навеки вписано в историю Америки, и прах его будет перемещён в склеп под Капитолием, строящимся в Шамплене!

Мужчины угрюмо молчали, опустив головы. Женщины плакали.

— И мы отомстим за его смерть! — В голосе Жана Адамо прорезались истеричные ноты. — Ирокезы, кровожадные убийцы, веками резавшие мирных колонистов, женщин и детей, — вспомните Бастонь! — будут стёрты с лица земли, уничтожены все, до единого человека! Это я говорю вам как американец и как президент Объединённых Штатов! Пора положить конец бесчинствам ирокезов — хватит! Хорош только мёртвый индеец!

...Через два месяца после похорон Огюста Шамплена американские войска двинулись к Великим озёрам — на территорию Лиги Шести племён: на ирокезов.

Люди Круга были довольны — сделан ещё один шаг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. БЛЕДНОЛИЦЫЕ БРАТЯ

1799 год

Костёр прогорел до угольев. Семён закатил на угли обрубок древесного ствола — пусть тлеет, тепло будет, а яркий огонь в ночи им сейчас не нужен. Сел, накинув на плечи одеяло и держа под рукой штуцер, — мало ли что. Прислушался к прерывистому дыханию спящего сына — дойдёт ли парень? Рана вроде не тяжёлая, но путь-то ох какой неблизкий. Ничего, если будет надо, он понесёт своего Медвежонка на руках хоть до самого края земли, потому что нет для них больше места в этих краях.

Бывший унтер-офицер егерского батальона Семён Лыков сидел у огня и вспоминал...

* * *

1780 год

...Когда Лыков пришёл в себя, он обнаружил, что лежит на земле, а перед ним сидят три размалёванных полуголых индейца и разглядывают его как какую-то диковину. Болела голова — крепко приложили, аспиды, — руки у Семёна были связаны за спиной. Заметив, что пленник очнулся, индейцы бесцеремонно поставили его на ноги и погнали через лес. Лыков не сопротивился — если его не убили сразу, значит, он зачем-то нужен дикарям, а там поглядим. Правда, на душе было муторно: Семён помнил рассказы о том, как ирокезы мучают пленных, жгут их огнём, срезают с головы кожу вместе с волосами и даже поедают. Но так уж устроен человек, что сам он редко когда торопится на тот свет — надежда умирает последней.

...Они шли по лесу двое суток. Ночами индейцы спали по очереди — чутко, словно дикие звери, — и один из них всегда бодрствовал, не спуская с пленника глаз. Утром третьего дня добрались до индейского селения, похожего на укреплённый форт — его со всех сторон окружал бревенчатый частокол. Маленький отряд встретила целая толпа женщин и детей; все они смотрели на пленника без особой приязни, и у Семёна ёкнуло сердце — не пора ли ему помолиться? Однако прямо с дороги мучить его не стали: отвели в дом, похожий на длинный сарай, крытой корой, и накормили варёными зёрнами, похожими по вкусу на хлебные, только покрупнее, — такого Семён ещё не едал. Потом подошла к нему какая-то суровая старуха в длинном платье из кожи и долго рассматривала пленника и так, и этак, словно лошадь на базаре. Она что-то спросила — Семён даже уловил знакомые французские слова, слышанные от офицеров, но ничего не понял и только пожал в ответ плечами. Затем подошла ещё одна женщина, молодая, и о чём-то долго говорила со старухой, время от времени поглядывая на Лыкова. В конце концов властная старуха коротко что-то буркнула и кивнула.

А через несколько часов, когда Семён немного отдохнул — ему даже ослабили путы, пришли двое воинов и вывели его из дома-сарая на свет божий. На улице их ждала толпа человек в двести; индейцы стояли двумя рядами, образуя живой коридор, а в конце этого коридора, у частокола, возвышался резной деревянный столб, увенчанный фигурой орла, расправляющего крылья. Толпа в основном состояла из женщин и подростков, но все они держали в руках длинные ремённые хлысты, и это Семёну сразу не понравилось. «Сквозь строй прогонять будут, что ли? — подумал он. — Вот тебе и дикари — знают, поди ж ты, такую забаву».

Его предположение оправдалось — с него сняли мундир и рубаху, и один из индейцев-конвоиров толкнул его в спину: ступай, мол, туда, служивый; второй изобразил бег. Указав на орлиный столб, ирокез сделал жест ладонью, как будто касался тотема, и ткнул пальцем в грудь пленника, издав при этом одобрительный возглас — мол, хорошо будет, если ты

дотронешься до столба. А затем, снова изображая бег, воин начал падать, и тогда второй индеец со свирепой гримасой взялся за томагавк. И Лыков уяснил: добежишь — твоё счастье, не добежишь — пеняй на себя.

Он бежал, а хлёсткие удары ремней сыпались на него со всех сторон, обжигая бока и спину, и дорога в сотню шагов казалась ему бесконечной. «Ништо, — думал солдат, стиснув зубы и дёргаясь при каждом ударе, — нешто у меня шкура плетью не дублёная? Сдюжим...». И сдюжил — добежал и уткнулся в столб, пытаясь связанными руками отереть с лица кровь и пот. Индейцы одобрительно загудели, а Лыков стоял и ждал следующей муки. Но вместо этого его отвели от столба с орлом, причём не грубо, а уже вроде как даже заботливо. Снова появилась давешняя старуха («боярыня местная», как мысленно окрестил её Семён), что-то сказала и провела рукой по спутанным волосам пленника. А потом — потом ему развязали руки, отвели в дом и усадили в одной из комнат — они тянулись вдоль всего дома, по обе стороны прохода, — на мягкую медвежью шкуру. Молодая индеанка — та, что говорила с «боярыней», когда Семёна только привели в селение, — уложила пленника на мех лицом вниз и долго смазывала его истерзанную спину какой-то густой мазью. Руки у неё были ловкими и добрыми, боль уходила, и Лыков незаметно провалился в забытие.

Так он и остался жить в этой комнате, где обитала заботливая Настя (её индейское имя Нэстэйсакэй Семёну было не выговорить) с сынишкой лет десяти и другая индеанка, постарше, с двумя дочерьми. У той был муж, угрюмый детина со шрамом от когтей через всё лицо, а вот Настя, как понял Семён, вдовствовала — через несколько дней, когда пленник окреп, она как-то вечером, погасив огонь в очаге, без лишних церемоний разделась и легла к нему под меховое одеяло. «Чудно, — думал Семён, обнимая дикарку, — то плетью хлещут, то жаркую бабу под бок кладут». Он тогда ещё не знал, что успешно прошёл жестокий обряд испытания³³ и был усыновлен — об этом и о многом другом Семён Лыков узнал позже, когда научился языку ирокезов.

* * *

...Семен и не заметил, как стал своим среди ирокезов, будто жил здесь всю жизнь, с самого рождения. Вместе со всеми он работал на полях, рыхлил землю собственноручно вырезанной деревянной лопатой (к немалому удивлению индейцев, пользовавшихся для этой цели заострёнными палками). Весной сеял, по осени собирал урожай в амбары и ямы-хранилища и выплетал длинные гирлянды кукурузы, которые развешивались затем под скатами крыш, под специальными навесами или внутри жилищ в виде занавесей, — этим занимались все, от мала до велика. Племя жило земледелием: на обширных возделанных полях росли маис, тыквы и бобы, на огородах — табак, подсолнечник, земляная груша, горох, конопля, арбузы и кабачки, — и запасов с лихвой хватало до нового урожая. Лыков работал в охотку — сыну народа земледельцев такая работа было по душе. Занимался он и мужским делом: в начале зимы отправлялся на лыжах в леса добывать мясо и шкуры зверя, весной ловил рыбу в реках и озёрах.

Нравились Лыкову и порядки в племени — все важные дела тут решались сообща, и никаких бар-господ у ирокезов не было и в помине. Были вожди — как же без них, особенно на войне, — но этих вождей выбирали, и если избранный вождь оказывался плох, его быстро лишали власти. Над селениями ирокезов витал дух общинности и заботы всех членов рода

---

³³ Обычай усыновления пленников был широко распространён у ходеносауни — так ирокезы восполняли свои военные потери. Матери кланов выбирали среди пленных тех, которые казались им подходящими, после чего «кандидатов» «прогоняли сквозь строй». Неудачников отправляли на пытки и на смерть (а иногда попросту приканчивали на месте), а «сдавшие экзамен» становились полноправными членами племени со всеми вытекающими правами и обязанностями, и новые сородичи относились к ним как к родным

друг о друге — Кайнерекова, или Великий закон мира,³⁴ - и это нравилось русской душе. Стол, дом и хозяйство были общими, еду делили женщины — никто не оставался голодным, и это тоже нравилось Семёну.

И удивляло Семёна Лыкова почтительное отношение к женщине у ирокезов и её роль в жизни племени — женщины были становым хребтом народа ходеносауни, подлинными хозяйками всего и вся. Грозные вожди свирепых воинов, наводивших ужас на соседние индейские племена и на белых поселенцев, беспрекословно слушались женщин — глубоко сидело в людях Длинного Дома преклонение перед воплощённым в женщине созидющим началом, приносящим в мир жизнь. «Попробовал бы тут кто поучить свою бабу вожжами, — мысленно усмехался Семён, — мигом бы остался без волос. Чудно, ей-богу...».

Однако ему самому и в голову не приходило поднять руку на Настю — Белоглазая Птица прочно свила гнездо в его сердце. Была у Семёна с Нэстэйсакэй и настоящая свадьба — оказывается, у ирокезов молодым разрешалось попробовать семейной жизни, и если через год они сами и матери кланов видели, что семья не сложилась, несостоявшиеся муж и жена мирно расходились в разные стороны. Но уж о сохранении «законного брака» заботились родственники с обеих сторон, всячески старавшиеся примирить повздоривших супругов, и в большинстве случаев это им удавалось.

Обвенчала их Каронхиакатсе — Длещееся Небо, — та самая «боярыня», старшая мать клана и хозяйка овачиры — длинного дома, в котором жило два десятка семей общим счётом в полторы сотни человек. Под одобрительные возгласы десятков свидетелей-зрителей мать клана связала руки жениха и невесты вампумом,³⁵ соединившим их судьбы. Но у невесты, похоже, изначально были весьма серьёзные намерения касательно бывшего пленника — она была уже на сносях и вскоре после свадьбы подарила мужу горластого сынишку. Взяв на руки сына, Семён вдруг почувствовал, что прирос душой и к племени, и ко всей этой земле, и, конечно, к своей «белоглазой птичке» Настеньке — сын и дочь разных народов, живущих на разных концах земли, нашли друг друга и слились в одно неразделяемое целое.

Привязался Лыков и к старшему Настиному сыну — парнишка пришёлся ему по душе. О первом муже Семён свою птичку не пытал — у ирокезов это было не принято, — а сама она не рассказывала. Вдов в деревне хватало — ирокезы воевали почти беспрерывно, а на войне вообще-то убивают, — и Семён полагал, что его предшественник на брачном ложе лесной красавицы Нэстэйсакэй сложил свою буйную голову в очередном военном походе. Однако потом, приглядевшись к пасынку, Лыков понял, что отцом Ватанэй — Птичьего Яйца — был не индеец, а белый — это было видно по чертам лица мальчишки и по цвету кожи, заметно более светлому, чем у его индейских сверстников. Иногда Семён даже ревновал жену к её бывшему возлюбленному, что не мешало ему относиться к Ватанэю как к собственному сыну.

Став полноправным членом клана, Семён стал и воином племени — воинами были все мужчины-ирокезы. На свадьбе Каронхиакатсе сделала ему подарок — торжественно вручила новобрачному его штуцер, отобранный у него при пленении. Подарку Семён обрадовался, но на военные подвиги его не тянуло — за пятнадцать лет солдатчины он настрелялся вдоволь, лил и чужую кровь, и свою (дважды был ранен), и не хотел начинать всё сначала. Чуткая Настя заметила настроение мужа и спросила его напрямик, как это было принято у индейцев:

---

³⁴ Символом Лиги ирокезов, которую индейцы называли «Великим законом мира», являлось Мировое Древо. Ирокезы считали, что его корни растут во всех уголках вселенной, даруя мир и закон всему человечеству. «Закон мира» был их Конституцией.

³⁵ Вампум — шнуры с нанизанными на них обточенными разноцветными раковинами (цвета имеют символическое значение: красный — война, чёрный — угроза, белый — мир, счастье, благополучие). Переплетения шнуров образуют полосу, которую носили как пояс. Вампум в форме пояса заменял документы — любое значительное событие у ирокезов сопровождалось вампум-поясом. Вампум применялся также для передачи сообщений (вампумное письмо) и как украшение. Иногда вампум выполнял функцию денег.

— Ты храбрый воин, муж мой, и стреляешь без промаха (жители деревни уже имели возможность в этом убедиться), так почему же ты не любишь войну, дело мужчин?

— Дурное это дело, война, — ответил Семён. — Конечно, если враг придёт, я за тебя и за эту землю буду биться, живота своего не жалея, но просто так душегубством заниматься — нет, это не по мне. Вождь скажет — пойду, куда денешься, но по своей охоте — ты уж меня уволь.

Нэстэйсакэй помолчала, подумала (он уже опасался, что она рассердится), а потом вдруг поцеловала его. И Лыков рассмеялся, вспомнив, как она испугалась, когда он в первый раз хотел её поцеловать, и отшатнулась, думая, что он хочет её укусить.

На том и порешили — Семён не сомневался, что хозяйка овачиры одёрнет военного вождя, если он вздумает понапрасну теребить «белого ирокеза» — для набегов хватало и других воинов, жадных до драки. Лыков был доволен — была у него и ещё одна причина избегать ратных дел, о которой он не сказал даже Насте: Семён не хотел стрелять в своих бывших товарищей. Но эта опаска вскоре исчезла — пришли вести, что русы покинули форт Детруа и ушли на закат, в прерии. Услышав об этом, Семён и обрадовался, и огорчился — оборвалась последняя ниточка, связывавшая его с далёкой и теперь уже навсегда потерянной родиной.

Однако грусть эта скоро растаяла, смытая потоком повседневных дел. Семён жил жизнью племени, имел семью, ощущал себя частью индейской общины и был доволен — что ещё надо человеку? Ирокезы дали ему имя Добрая Рука — не столько за умение стрелять, сколько за то, что Лыков искусно резал из дерева фигурки птиц и зверей, приводя в полный восторг индейских ребятишек, которые в этом отношении ничем не отличались от босоногой деревенской детворы средней полосы России.

Жизнь шла своим чередом, год за годом, и Семён знать не знал, и ведать не ведал о том, что на востоке, на побережье, какие-то люди решили, что ирокезы живут неправильно, и что они являются помехой, и что помеху эту непременно нужно убрать с единственно верной дороги, по которой должно идти всё человечество...

* * *

1795 год

Подходя к дому, Семён почувствовал тревогу — селение напоминало разворошенный муравейник, по которому туда-сюда мечутся его обитатели. Нэстэйсакэй встретила мужа у ворот, и это было странным — обычно она ждала его возвращения в доме, занимаясь своими делами.

— Война, — сказала она, едва заведя Семёна, и он ощутил её встревоженность. Это немало удивило Лыкова — подумаешь, война, эка невидаль, за пятнадцать лет этих войн было — не счесть, ирокезы вечно с кем-нибудь да воевали.

— С бледнолицыми, — добавила Настя, предупреждая его невысказанный вопрос, — с Лигой Семи штатов. Сашем собирает воинов — иди, тебя ждут.

Семён ещё более удивился: отношения ирокезов с Объединёнными Штатами всегда были неплохими, и Лыков знал, что ходеносауни намерены добровольно вступить в состав этой державы. И вдруг — война? Однако вопросов жене он задавать не стал — молча отдал ей уток и поспешил к дому вождя, куда уже сбегались мужчины. Семён втиснулся в плотную толпу воинов, сгрудившихся под крышей дома совета, и услышал голос сашема:

— Франглы побережья пришли на нашу землю.

«Франглы? Это ещё кто такие?» — подумал Лыков.

— Они говорят на языке франков, но у них чёрные души инглизов, — сказал вождь, как будто услышав его мысли. — Они обвинили народ Длинного Дома в смерти своего старшего сашема из рода Шам-Ле, отказались принять нас в свою Лигу и объявили нам войну. Горят деревни вдоль границы — франглы убивают женщины и детей ходеносауни. «Хорош только

мёртвый индеец», говорят они. Это будет страшная война, воины-мохоки, — заряжайте ружья и точите томагавки. Мы выступаем на рассвете — я всё сказал.

«Вот так так... — растеряно думал Семён. — Пришла беда, откуда не ждали...».

— Ты идёшь, Добрая Рука? — спросила его Настя глубокой ночью, когда вся овачира уже погрузилась в сон.

— Иду, Настенька, — и я, и сыновья. Это уже не баловство — дом спасти надобно.

Женщина прижалась к нему, и Семён почувствовал, как она вся дрожит — Белоглазая Птица чуяла недоброе.

* * *

1796 год

Жан Адамо, в отличие от Огюста Шамплена, не был полководцем — ни выдающимся, ни каким-либо вообще, — и в войне против ирокезов рассчитывал добиться победы только за счёт численного и огневого превосходства американских войск над индейцами. Ветераны Семилетней войны, помнившие разгром Брэддока, ушли на покой, а генералы, выросшие на полях войны за независимость и не видевшие ирокезов в бою, с презрением относились к «бастонским головорезам» и не считали «голых дикарей» серьёзным противником. Взяв с ходу несколько приграничных поселений ирокезов, американцы, продвигавшиеся в глубь Индианы, встретили нарастающее сопротивление ходеносауни. История повторялось: на узких лесных тропах колонны американских солдат попадали под перекрёстный огонь из засад и несли тяжёлые потери, а когда подтягивались пушки и начинали калечить деревья, ирокезы уходили из-под удара каплей ртути, чтобы вскоре появиться снова — там, где их не ждали. Они громили обозы и тылы американской армии и переносили военные действия на вражескую территорию: отряды ирокезов появились в Сильвании и Вермонте, и жители этих бывших французских колоний впервые почувствовали на себе ярость индейских томагавков. Война затягивалась: каждый шаг по Индиане стоил американцам большой крови, и впервые вошло в обиход словосочетание «неприемлемые потери».

Военные неудачи стоили Адамо президентского кресла: он не был избран на второй срок. В девяносто седьмом президентом стал Тома Жеффри, который повёл войну по-другому. Прежде всего Жеффри организовал отряды отборных стрелков-охотников, хорошо знакомых с тактикой лесного боя. Эти отряды, прообраз будущего спецназа, дрались с ирокезами на равных, а когда ходеносауни вынужденно принимали правильный бой, исход битвы решали артиллерия и штыковые атаки сомкнутым строем — в такой рукопашной томагавки уступали штыкам. Кроме того, третий президент Объединённых Штатов, вспомнив правило «Разделяй и властвуй», натравил на ирокезов соседние индейские племена — оджибве, оттава, шауни, — не забывшие «настоящим гадюкам» старые обиды. Бледнолицые братья обещали индейским союзникам золотые горы, и те подняли оружие против своих краснокожих братьев. И никто не отменял справедливую для всех уголков Земли пословицу «Сила соломѹ ломит» — при многократном численном перевесе американцев даже равные потери были для ирокезов куда более болезненными, чем для их противников.

Война переломилась — ирокезы проигрывали.

* * *

1798 год

Чёрная весть настигла Лыкова в окрестностях Канадасегеа, самого крупного селения и столицы Лиги Шести племён. Весть принёс воин-мошок, вернувшийся из родной — родной, какой же ещё? — деревни Доброй Руки.

— К нам пришла пятнистая смерть, — сообщил индеец, не приближаясь к костру, возле

которого сидели воины. — В нашем селении больше нет живых — все умерли.

— Нэстэйсакэй? — спросил Семён, надеясь на чудо.

— Все, — повторил воин и пошатнулся. — Пятнистую смерть наслали купцы-франглы — они продали нам много одеял, и никто не знал, что в них сидит болезнь.

«Нелюди, — подумал Семён с нарастающим бешенством. — Мало того, что они втихаря продают нам порох и пули, которыми мы убиваем их же соплеменников, — кому война, кому мать родна, — так они ещё вон какую пакость учинили. Ох, нелюди...».

— Тебе нельзя оставаться с нами, — негромко сказал военный вождь, и Лыков заметил на лице вестника характерные пятна оспы.

— Я знаю, вождь, — спокойно ответил ирокез. — Я должен был рассказать, чтобы вы могли отомстить, — я это сделал.

С этими словами он отступил на несколько шагов, к деревьям, вынул нож и всадил его себе в сердце. Сидевшие у костра воины склонили головы.

— Я его похороню, — сказал Семён, — ко мне эта болезнь не пристанет.

Военный вождь молча кивнул.

...С того злого дня Лыков переменялся — он весь почернел, словно выгорел изнутри. Доброй Руки больше не было — теперь Семён часто уходил ночами в стан неприятеля, и всякий раз по возвращении ирокезы видели на его поясе свежие скальпы франглов.

Да только всё было напрасно: несмотря на отчаянное сопротивление ирокезов, вокруг Индианы сжималось и сжималось железное кольцо — на смену одному убитому американцу приходил десяток других. Это была война на уничтожение — «просвещённое население» Объединённых Штатов и помыслить не могло, что в войне с дикарями применимы нормы гуманности. Захваченные селения сжигались дотла, население истреблялось поголовно, без различия пола и возраста, и пленных победители, как правило, не брали.

«Эх, не задавил король французский этих мятежников, — думал иногда Семён. — Кабы знать, что оно так повернётся...».

Народ ходеносауни умирал в бою.

* * *

1799 год

...Из последней страшной битвы под Канадасегеа Семён вышел только с младшим сыном, раненым в плечо, — Ватанэй остался среди горящих развалин ирокезской столицы, и Лыков так и не узнал, как он принял смерть. Не узнал Добрая Рука и о том, что два офицера-франгла, обходя поле битвы, обратили внимание на тело первенца Нэстэйсакэй, лежавшего навзничь. Трупов вокруг было множество, но офицеры заметили, что этот ирокез отличается от других.

— Смотри-ка, Эдмонд, — сказал один из них, — а ведь это метис! Интересно, как он оказался среди индейцев?

— Метис, — согласился второй офицер, нагнувшись над трупом. — И знаешь, — добавил он, рассматривая лицо Ватанэя, — он мне кого-то очень сильно напоминает. Подожди-ка...

Офицер достал серебряный талер, отчеканенный спустя год после смерти первого президента Объединённых Штатов — в память о нём на аверсе монеты вместо традиционного орла был выбит профиль Огюста Шамплена, — и долго всматривался в лицо убитого метиса, сравнивая его с изображением на монете.

— Не может быть... — прошептал он. — Такое сходство — это какая-то мистика. Знаешь, Жером, не надо никому об этом говорить, хорошо?

...Год спустя к воротам бревенчатого форта Росс в Калифорнии подъехали два всадника в индейской одежде: седой старик и юноша лет двадцати. Их окликнули, и велико было изумление сторожей, когда старик-индеец ответил им на чистом русском языке:

— Дошли... Родимые... Наконец-то...

Маленький Медведь был изумлен не меньше — он впервые увидел, как плачет его суровый отец.

* * *

Судьба индейцев, поддержавших франглов, была незавидной — как только на берегах Великих озёр прозвучал последний выстрел, победители тут же забыли все свои обещания. Вождь шауни Текумсе — Летящая Стрела — пытался собрать из разрозненных племён подобие могучей ирокезской Лиги и возглавил сопротивление, обречённое на поражение — было уже слишком поздно. Восстание было подавлено, Текумсе пал в бою, остатки индейцев бежали в Канаду, спасаясь от полного уничтожения. Канадские власти отказались выдать беглецов на суд и расправу, и тогда американцы, недолго думая, объявили Канаде войну, надеясь под шумок (пока истерзанная бесконечными революционными и наполеоновскими войнами Франция не имела сил вмешаться) прибрать её к рукам. Но не тут-то было — канадцы дружно взялись за оружие, призвали на помощь индейцев из числа бывших повстанцев, имевших все основания не слишком любить франглов, и знатно распушили под Квебеком американский экспедиционный корпус. Затем в войну на стороне Канады встряла Британия, имевшая собственный интерес, и Объединённые Штаты сочли за лучшее заключить мир.

Из этого американцы сделали важный вывод на будущее: не стоит затевать войну с сильным противником — исход такой войны сомнителен. Именно поэтому, когда у франглов разгорелся аппетит на Флориду, они не стали грозить Испании пушками, а предложили ей денег. В деньгах испанцы (как всегда) очень нуждались, и Флориду они продали, из чего был сделан ещё один важный вывод: торговать лучше, чем воевать — были бы деньги. А деньги у молодой державы были, и немалые...

* * *

1823 год

— Сograждане, члены сената и палаты представителей! По предложению российского императорского правительства, переданного через имеющего постоянную резиденцию в Шамплене посланника русского императора, посланнику Объединённых Штатов в Санкт-Петербурге даны все полномочия и инструкции касательно вступления в дружественные переговоры о взаимных правах и интересах двух держав на северо-западном побережье нашего континента.

Президент Шарль Монроз, бывший плантатор из Северной Луизианы, наслаждался своим красноречием: он был уверен, что эта его речь станет исторической.

— Мы всегда с интересом и беспокойством наблюдали за событиями в Европе — с этой частью земного шара у нас не только существуют тесные взаимоотношения, но и связано наше происхождение. Граждане Объединённых Штатов питают самые дружеские чувства к своим братьям по ту сторону Атлантического океана, к их свободе и счастью. Мы никогда не принимали участия в войнах европейских держав, касающихся только их самих, и это соответствует нашей политике. Мы негодуем по поводу нанесенных нам обид или готовимся к обороне лишь в случае нарушения наших прав либо возникновения угрозы нашим правам.

Президента Объединённых Штатов слушали с напряжённым вниманием — сенаторы чуяли, что самое важные его слова ещё впереди.

— По необходимости мы в гораздо большей степени оказываемся вовлеченными в события, происходящие в нашем, Западном полушарии, и выступаем по поводам, которые должны быть очевидны всем хорошо осведомленным и непредубежденным наблюдателям.

Политическая система всех европейских держав существенно отличается от политической системы Америки. Поэтому в интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих между Объединёнными Штатами и этими державами, мы обязаны объявить, — мсье президент сделал хорошо рассчитанную паузу, — что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть Западного — нашего! — полушария как представляющую угрозу нашему миру и безопасности.

Раздались аплодисменты, но Монроз сделал жест, призывающий к молчанию, — он ещё не закончил.

— Мы не вмешивались, и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Однако что касается стран, провозгласивших и сохраняющих свою независимость, а также тех, чью независимость мы признали после тщательного изучения и на основе принципов справедливости, мы не можем рассматривать любое вмешательство европейской державы с целью угнетения этих стран или установления какого-либо контроля над ними иначе, как недружественное проявление по отношению к Объединённым Штатам. Как вы понимаете, речь идёт прежде всего о Южной Америке, а также о некоторых других территориях американского континента и Западного полушария. Мы будем поддерживать молодые страны Латинской Америки в их борьбе против испанской тирании, за свободу и независимость!

Мсье президента очень хорошо поняли — ведь он открыто провозгласил: «Америка — вся, и Северная, и Южная, — эта зона интересов Объединённых Штатов, и никаким занюханым европейцам здесь делать нечего! И вообще, всё Западное полушарие — это наше полушарие, понятно? Вы думаете, мы зря назвали свою страну «Объединённые Штаты Америки», а не «Североамериканские Объединённые Штаты»?». Зал вновь взорвался аплодисментами, и на сей раз Шарль Монроз не спешил прервать овации — он всё сказал.

Бледнолицые братья впервые заявили о себе во весь голос, высказав всему миру свои амбиции. Загнав в резервации жалкие остатки индейских племён восточного побережья и верховьев Миссисипи и расширяя территорию Объединённых Штатов, они шли теперь на Дикий Запад, отстреливая бизонов и кочевых индейцев, хозяев этих мест. Они шли упорно и безостановочно, шаг за шагом приближаясь к редкой цепочке русских поселений на берегу Тихого океана, основанных егерями генерала Каменского и зверопромышленниками Аляски.

* * *

1847 год

Европейские державы не то чтобы безоговорочно смирились с лозунгом «Америка для американцев!», но понять его поняли. И когда вспыхнула война между Объединёнными Штатами и Мексикой, они не стали в неё вмешиваться. Хотя им было и не до того — в Европе шла очередная серия буржуазных революций.

Скорее всего, независимая Мексика, освободившаяся от «испанской тирании», после «тщательного изучения» не показалась её северным соседям соответствующей «принципам справедливости». Последовал вооружённый урок, за который Мексика заплатила половиной своей территории. Правда, мексиканский студент, утерев кровавые сопли, пущенные ему шампленскими педагогами, получил стипендию в талерах, официально проведённую через бухгалтерию Нуво-Руана как плата за отобранные у него земли — всё должно быть законно. На этих землях возник штат Нуво-Мекси к — очередной штат ОША.

Орёл, похищенный с тотема ирокезов, хищно расправлял крылья...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. КРЕОЛЫ И ФРАНГЛЫ

1848 год

— Учудил твой внучёк, Михал Семёныч, учудил, ничего не скажешь, — губернатор Форт-Росса раздражённо прошелся по своему кабинету. — Мало что умыкнул девку, так ещё кого выбрал, шельмец, — дочку вождя!

— Он её не воровал, — спокойно ответил старик, стоявший у дверей губернаторского кабинета. Старик доживал седьмой десяток, был сед, и если бы у него росла борода, он наверняка был бы седобородым. Но у Маленького Медведя, в крещении Михаила, борода не росла — сказывалась густая кровь его индейской матери. — Они любят друг друга.

— Любят? Вот придут завтра кашапомы под наши стены с дубинами да стрелами и покажут ему любовь да ласку! И что прикажешь делать? Из пушек по ним стрелять? Оно, конечно, можно, да только мы с индейцами сколько лет в мире живём, и Форт-Росс ещё ни разу в осаде не был!

— Мой внук не воровал девушку, — стоял на своём старый метис. — Обычай такой — её родители обо всём знали. — Старик немного подумал и добавил: — Наверное. Выкуп дадим — не будет войны.

— В общем, так, Медведь, — Шелихов пристукнул ладонью по столу, — разберись со своими влюбленными, а заодно и с твоими будущими родственниками, понял?

Лыков степенно кивнул и вышел из кабинета.

— А то я ведь и власть могу применить! — крикнул ему вдогонку губернатор Форт-Росса. — Посажу обоих в холодную — будет им медовый месяц!

Последнее было сказано уже для острастки — вся русская колония знала, что Шелихов Павел Иванович хоть и суров, но не самодурничает, и попусту над людьми не куражится — по-другому в этих краях нельзя.

Проводив старого ирокеза, губернатор сел за стол и крепко задумался — ему было о чём подумать. Свыше полувека Русская Америка ухитрялась лавировать между испанцами и местными индейскими племенами, не доводя дело до вооружённых столкновений и в то же время блюдя свой интерес и не поступаясь достоинством, что было совсем не просто. «Эх, — думал Шелихов, — французам, а до них англичанам было легче: их державы поддерживали. А мы одни как перст, и в Петербурге никому до нас дела нет. Нессельроде,³⁶ вон, какой месяц молчит: будут переселенцы, не будут — одному богу известно. А тут ещё американцы лезут — шустрые, как тараканы, так и норовят в любую щель забраться. И с ними, чую, посложнее будет сладить, чем с гишпанцами да туземцами».

...Добравшиеся до тихоокеанского побережья егеря генерал-поручика Каменского осели здесь. Многие не дошли — болезни и стычки с воинственными племенами лесов и прерий унесли сотни жизней, — но дошедшие огляделись и обустроились: поплевав на руки, взяли за топоры, и возник на берегу речки Славянки, в хорошем месте, форт Росс — новый город Русской Америки. Через год пришли корабли капитана Коцебу, и Каменский отплыл на «Рюрике» в Россию — докладывать государыне-матушке об исполнении порученного. На транспортах «Тунгус», «Алеут» и «Камчадал» уплыли и другие, однако многие остались — кто волей, кто неволей, — и Русская Америка стала набирать силы, снабжая хлебом и мясом Аляску. Земля здешняя оказалась щедрой — заколосились пшеничные поля, появились фруктовые сады и виноградники. Развивались ремёсла, завертелись ветряные мельницы, и сходили с верфи Форт-Росса промысловые шхуны, бороздившие океан от Алеутских до Гавайских островов. С индейцами племени кашайя-пома, уступившими русским землю под поселение за десяток топоров и мотыг, пару штанов да пяток одеял с нитками бус в придачу, поладили — правители Русской Америки строго следили за тем, чтобы поселенцы не чинили обид местным жителям. Испанцы хоть и ершились, однако не желали портить с Россией отношения, и министр иностранных дел Испании Хосе Луианд дал указание вице-королю

---

³⁶ Карл Нессельроде — русский министр иностранных дел при Александре I и Николае I. В 1825 году (в реале) составлялся план покупки для Форт-Росса 25 семей крепостных, которым была бы по прибытию в Америку дана свобода. План этот был отвергнут Нессельроде.

Новой Испании «проявить крайнюю деликатность, дабы добиться ликвидации русского поселения без ущерба для дружественных отношений между двумя странами». Но русские уходить не собирались — колония жила и процветала, обрастая посёлками торговцев мехами и ранчо земледельцев.

Самой большой проблемой была острая нехватка женщин — русских поселенок здесь почти не было, и новороссияне женились на индейках, разбавляя славянскую кровь. Дети и внуки первопоселенцев посмуглели, однако говорили по-русски, молились Христу и считали себя русскими. К тому времени, как Павел Шелихов стал губернатором Росса, число жителей Русской Америки превысило восемь тысяч. Это много для века семнадцатого, но к середине века девятнадцатого, когда кончились времена отчаянных смельчаков-первопроходцев вроде де ла Салы или Семёна Дежнева, когда по прериям поползли первые железные дороги, а воду Миссисипи вспенили широкие плиты гребных колёс первых неуклюжих пароходов, этого было уже мало: кто не успел, то опоздал.

Русская Америка, по сути, была брошена на произвол судьбы — выживай как знаешь. Торговля мехами не приносила особого дохода — Сибирь ближе, а мехов там не меньше, — и все доводы говоривших о важности для будущего России Аляски и особенно Калифорнии разбивались о броню холодного равнодушия Санкт-Петербурга. Шелихов слал петицию за петицией, просил, увещевал, умолял прислать поселенцев и военные корабли — тщетно. Трёх русских царей — Павла I, Александра I и Николая I — словно поразила куриная слепота, а баре ни в какую не желали для блага державы расстаться хоть с малой толикой крепостных душ — нужна им эта Америка с этими её «русскими креолами»?

А тем временем американцы, пользуясь попустительством испанского вице-короля и уповая на свою наглость и на свои ружья, самочинно заселяли Калифорнию, захватывая свободные земли — с индейцами они не считались. Шелихов знал историю Техаса,³⁷ и не без основания опасался, что эта история может повториться в Русской Америке. Как говорил отец Никодим, настоятель православной церкви Форт-Росса: «Франглы хоть и христиане, но не поладим мы с ними — Маммоне они молятся, а не Богу-Отцу, Сыну и Святому Духу».

...Шелихов встряхнулся, гоня тяжкие думы. «Уладит Мишка дело, — подумал он, — не впервой. А внучок его молодец — орёл! Так и надо: когда обоюдно любят, ничто не помеха — ни огонь, ни вода, ни медные трубы. Пойду посажённым отцом к ним на свадьбу — Лыковых в Россе уважают. А там, глядишь, и в крёстные отцы позовут: любовь детей приносит».

* * *

Жакоб Маршаль отряхнул парусиновые штаны от налипших опилок. Уф, кажется, закончил... Он поднял отпиленный брус, забросил его на штабель досок и вышел из душной лесопилки, где воздух насыщен мелкой древесной пылью, глотнуть свежего ветерка. Мерно крутилось водяное колесо, приводящее лесопилку, шумела вода под его лопастями. Подумав, Жакоб достал трубку, но высекать огонь рядом с кучами сухих стружек не стал — решил отойти подальше, к реке. Усевшись на травку неподалёку от колеса, он бросил рассеянный взгляд на громоздкое сооружение, и... замер.

На медленно ползущей лопасти отчётливо блеснула яркая золотистая искорка. Жакоб подошёл ближе — да, так и есть, там что-то блестело. Он быстро провёл рукой по мокрому дереву, норовя поймать этот блеск, а когда разжал ладонь, то увидел на ней увесистую жёлтую горошину размером с револьверную пулю тридцать первого калибра.

— Золото... — прошептал Маршаль. — Мсье Зуттер! Мсье Зуттер!

Прибежавший на крик хозяин лесопилки и работник перекрыли воду, остановили

---

³⁷ Техас, интенсивно заселяемый выходцами из Южной Луизианы, отделился от Мексики и провозгласил свою независимость, что в итоге привело к американо-мексиканской войне.

колесо и тщательно осмотрели все его плицы. Результат ошеломил обоих — в итоге набралась целая горсть золотых крупинок величиной от песчинки до спичечной головки. Сомнений не было — золото принесла вода Саваж-Ривьер.

— Вот что, Жакоб, — многозначительно сказал Зуттер, — ты языком об этом не мели. В посёлке полно всякого сброда, они нам за золото глотки перережут. Так что молчи, а я пока подумаю, что нам делать.

Иоганна Зуттера отнюдь не обрадовало золото на водяном колесе. У него было своё дело — лесопилка, — он собирался строить водяную мельницу и подозревал, что обнаружение золотых россыпей приведёт все его начинания к краху: работники попросту разбегутся и подадутся в золотоискатели. Жакоб Маршалль поклялся держать язык за зубами, но слова своего не сдержал — в тот же вечер под влиянием винных паров он расхвастался и разболтал о своей находке. Собутыльники не приняли всерьёз его рассказы, однако среди них случайно оказался торговец из Сан-Франциско Самуэль Бренань, издававший местную газету. Бренань тайком нанёс визит на берега «золотой речки», убедился, что золото там есть, и что его много, основал в посёлке контору по скупке золота, а после этого прошёл по улицам Сан-Франциско, держа в руке фиал, наполненный драгоценным металлом, и оглашая воздух криками «Золото! Золото! Золото из реки Саваж-Ривьер!».

Калифорнию залихорадило. Множество фермеров бросали всё, меняли серпы, мотыги и грабли на старательскую снасть — на лопаты, промывочные лотки, сита и, конечно, на шестизарядные револьверы Кольера, — и кидались просеивать песок калифорнийских рек, речушек и ручейков. Известие о «калифорнийском Эльдорадо» быстро разошлось по всему миру — особенно после того, как президент Объединённых Штатов Жермон Поль подтвердил факт открытия золотых россыпей в своём обращении к Конгрессу в декабре сорок восьмого, — и сотни тысяч людей со всех континентов устремились в Калифорнию, желая разбогатеть.

Опасения Зуттера подтвердились — его дело рухнуло: рабочие ушли на поиски золота, а новые пришельцы селились на его земле, воровали зерно и скот. В Калифорнии правил закон «Господь Бог создал всех людей разными, а полковник Кольер сделал их равными», и оставались в безымянных могилах тысячи старателей, которым не повезло. По итогам войны с Мексикой бывшая испанская Калифорния отошла к Объединённым Штатам, в пятидесятом году она официально стала новым штатом страны, но на её территории оставался Форт-Росс, нарушавший общее благолепие. Правители Русской Америки не церемонились с бандитами — набеги золотоискателей на ранчо и фермы «русских креолов» беспощадно пресекались силой оружия, — а в далёком Петербурге заинтересовались «золотой страной» и даже начали разрабатывать план её заселения. «Русская заноза» — последний иностранный анклав на всей территории ОША от канадской границы до мексиканской — всерьёз обеспокоила Шамплена.

* * *

1851 год

— Сделка не состоялась, мсье президент, — русские отказались продать свою колонию, — доложил государственный секретарь. — «Мы своей землёй не торгуем, мы на ней живём» — так они сказали.

— А что Петербург?

— Ответ русского министерства иностранных дел уклончив: скорее всего, император Николай ещё не принял окончательного решения.

— На него можно повлиять? Нессельроде — он ведь как будто...

— Да, с ним можно договориться, особенно если, — государственный секретарь сделал многозначительную паузу, — подкрепить наши доводы некоторой суммой талеров, тысяч в сто пятьдесят. Однако не стоит преувеличивать влияние Нессельроде на императора Николая

— царь бывает непредсказуем.

— Варварская страна с варварской системой правления, — Жером Поль дёрнул щекой. — Но военный конфликт с ней преждевременен — пока. Россия достаточно сильна — пока.

— Но ведь можно, — вкрадчиво произнёс госсекретарь, — сделать так, чтобы она стала слабее. Европейского жандарма Николая не слишком любят в Европе...

— Хорошая мысль, — оживился мсье президент, — определённо хорошая!

* * *

Удивительные дела творились в Европе в середине девятнадцатого века! Франция и Англия, две вечных соперницы, столетиями норовившие вцепиться друг другу в глотку и в очередной раз стоявшие на грани войны — на сей раз за право владеть Египтом, — вдруг резко улучшили взаимоотношения. Холодный тон политических демаршей, за которым обычно следует звон обнажённых клинков, сменился нарочитым дружелюбием. Королева Виктория и новоиспечённый император Наполеон III всё больше и больше напоминали влюблённых, милая воркотня которых вот-вот завершится счастливым браком — военный союз Британии и Франции, ещё вчера казавшийся противоестественным, становился реальностью. Ничто так не объединяет, как наличие общего врага, и враг нашёлся: на роль общеевропейского врага был назначен русский самодержец Николай I.

Европейские газеты пестрели кричащими заголовками: «Азиатский деспот страшнее Чингис-хана!», «Тиран-рабовладелец хочет надеть крепостное ярмо на все народы Европы!», «Русский монарх — душитель свобод!», «Европе надоел тупой полицейский на троне!» и «Нет русской угрозы!». Англия усиливала флот, пополняя его новейшими паровыми судами, а Франция наращивала армию, мечтая «смыть с французских знамён позор двенадцатого года». Христианские правители Европы внезапно вспыхнули любовью к мусульманской Турции, которую «нужно защитить от притязаний злобного северного соседа», и щедро снабжали оружием горцев Кавказа, «борющихся за свою свободу и независимость».

Набухавшая туча разразилась громами и молниями: в ответ на истребление русскими турецкой эскадры при Синопе в Чёрное море вошла армада франко-английских кораблей и транспортов с пятидесятитысячной армией вторжения. Союзники объявили России войну и нацелились на Севастополь — «черноморская Троя должна быть разрушена». Французские и английские войска высадились в Крыму — началась Крымская война.

Технический прогресс неумолим — Российская Империя, дремлющая в крепостных окопах, уступала просвещённой Европе в качестве вооружения, и никакой боевой дух солдат Бородино и суворовских «чудо-богатырей» не мог свести на нет техническое превосходство союзных армий и флотов. Конические пули Минье косили русские батальоны с расстояния, недоступного для гладкоствольных ружей русской пехоты, осадные орудия союзников семипудовыми бомбами сравнивали с землёй севастьяпольские бастионы, а парусный флот Нахимова не смог противостоять паровому флоту адмирала Дандаса. Русские резервы не пришли на помощь Севастополю: Австрия, забыв, как она слёзно благодарила Николая I за помощь в подавлении венгерской революции, двинула к границам России двухсоттысячную армию, и русское командование вынуждено было перебросить войска в Молдавию, Валахию и на Украину, чтобы прикрыться от немецких штыков, нацеленных в спину Империи. Флот адмирала Нейпира грозил Кронштадту и Петербургу, на Кавказе шли ожесточённые бои с турками под Карсом — Россия дралась не нескольких фронтах, и гром пушек неминуемо должен был докатиться и до Форт-Росса. Мужество русских, стоявших под ураганным огнём и вспарывавших штыками животы и разбивавших прикладами головы зуавам и шотландским стрелкам на камнях Севастополя, заставило союзников отказаться от своих далеко идущих планов: подсчитав потери, они пришли к выводу, что продолжение войны — это слишком дорогое удовольствие. Но истекающая кровью Россия уже ничем не могла помочь своей далёкой американской колонии...

1854 год

— Недобрую ты весть принёс, Пётр Степанович. Ты уверен?

— Головой ручаюсь, Павел Иванович, — Ротчев, капитан промысловой шхуны, только что вернувшейся в Форт-Росс, энергично провёл ладонью по горлу. — Эскадра французская пришла на Гавайи за две недели до меня, а потом к ней присоединились англичане. Стояли они там, когда я пришёл, — срыли остатки нашей крепости Елизаветы³⁸ и собрались дальше: англичане — к Петропавловску на Камчатке, а французы — к нам. Разорять они будут наши поселения и там, и здесь. Я как узнал про такую беду, паруса поднял — и сюда. Мой «Котик» в океане только ветер догонит — обогнал я супостатов.

— Сколько их, французов? Кораблей сколько в эскадре?

— Вот тут незадача, — Ротчев несколько сконфузился. — Гонец Каумуалаи³⁹ показал мне десять пальцев, а потом ещё два — то ли двенадцать, то ли двадцать, понимай как знаешь. Я сам видел вымпелов двадцать, но там были ещё и англичане.

— И так, и так много, — мрачно произнёс Шелихов.

— Много, — согласился промысловик, — много, Павел Иванович. Это военные корабли — большие, и транспорта с солдатами тоже есть. Эх, кабы помощь нам какую...

— Не будет её, помощи, — губернатор Форт-Росса ещё больше помрачнел, — некому нам помочь. Ты иди, Пётр Степанович, отдохни, а я пока подумаю, — сказал Шелихов, а про себя добавил: «Тут думай не думай — куда ни кинь, всюду клин...».

Ротчев вышел, однако погрузиться в невесёлые размышления Шелихову не дали — на пороге кабинета появился Егор Лыков, внук Маленького Медведя, совмещавший в одном лице секретаря и телохранителя губернатора калифорнийской Русской Америки.

— Тут к вам посетитель, — доложил он, — американец. Говорит, по важному делу.

— По важному? — Шелихов невесело усмехнулся. — Тогда проси его — посмотрим, что это за американец, и что у него за дело такое важное...

Креол понимающе кивнул, высунулся в коридор, и вскоре в кабинет Шелихова вошёл сильный лысый человек в бакенбардах и сером сюртуке, под которым был надет жилет, — по внешнему виду типичный коммерсант средней руки.

— Иоганн Зуттер, — представился он, — предприниматель.

— Прошу садиться, — Шелихов изучающе прошёлся глазами по тщедушной фигуре визитёра. — Чем могу быть полезен?

— Мсье губернатор, у меня к вам есть деловое предложение, — Зуттер говорил по-французски с заметным немецким акцентом. — Золотая лихорадка нанесла серьёзный ущерб моим здешним предприятиям, а ваши земли... Они сохранились нетронутыми, и я намерен их у вас купить.

— Я не ослышался, мсье Зуттер?

— Нет, нет, вы не ослышались, — очень вежливо ответил коммерсант и вдруг добавил изменившимся тоном: — Я гражданин Объединённых Штатов Америки, и мою собственность будет защищать вся американская армия — если понадобится. А вот там, — Зуттер кивнул в сторону окна, за которым был виден океан, — в любой момент могут появиться военные суда Франции, находящейся с Россией в состоянии войны. Вы меня понимаете, мсье губернатор?

«Ох, и сволочи, — подумал Шелихов, — за горло берут: не мытьём, так катаньём! А

---

³⁸ Крепость (форт) Елизаветы — русское укрепление на острове Кауаи (Гавайские острова).

³⁹ Каумуалаи — король Гавайских островов, пришедший к власти с помощью русских.

что делать? Драться с французской эскадрой, которая придёт со дня на день? После такой драки от всего этого, — он посмотрел в окно на дома Форт-Росса и на его невысокие бревенчатые стены, — останется пепелище. Бойцов-то у меня негусто, а пушек и того меньше — биться с французами нам не с руки. А старики, бабы, ребятишки? Могу ли я подставлять их под ядра? Что же делать?».

— Я предлагаю за эти ваши земли двести тысяч талеров, — продолжал Зуттер, — а ваши люди... Те, кто захотят остаться, примут американское подданство и сохранят свои дома и прочее имущество, а кто захочет уехать — поможем. «Дорога как скатерть» — так, кажется, у вас говорят?

Павел Иванович Шелихов, последний губернатор Форт-Росса, сумрачно молчал...

* * *

— Странно, — адмирал Дюбуа с треском сложил подзорную трубу, — берег как вымер. Спят они, что ли, эти русские? Отправляйте шлюпки с десантом. Канонирам быть наготове — от этих русских всего можно ожидать.

Шлюпки шли осторожно, однако с берега не прозвучало не единого выстрела, а у самой воды французов встретил лысый человек в цивильном платье, державший в руках флаг Объединённых Штатов.

— Чему обязан? — спросил он ошеломлённого французского офицера, командовавшего десантной партией. — Иоганн Зуттер, американский гражданин, предприниматель и владелец этой земли. Надеюсь, мсье, вы не имеете агрессивных планов по отношению к ОША?

Зуттер искренне наслаждался своей ролью в истории, пусть даже ролью марионетки. Первоначально в Шамплене планировали купить земли Русской Америки у победителей-французов — иного исхода сражения быть не могло, — но потом возникло опасение, что французы (из вредности) могут заартачиться или взвинтить цену. К тому же франглы хотели получить русскую колонию целёхонькой, а не в виде обгорелых руин, и тогда возникла идея приобрести Форт-Росс через подставное лицо (так удобнее), поставив русских в безвыходное положение. У разорившегося коммерсанта Иоганна Зуттера и в помине не было двухсот тысяч талеров — он был рад десяти тысячам комиссионных, выплаченных ему за хорошо сыгранную роль.

...Павел Иванович Шелихов, сидя с Ротчевым в тесной капитанской каюте шхуны «Котик», шедшей на Аляску, к Новоархангельску, глотал слёзы пополам с ромом — рушилась мечта всей его жизни. Вместе с бывшим губернатором Форт-Росса Калифорнию покинули немногие — русские креолы прочно приросли к этой земле...

* * *

1861 год

Серый в яблоках конь, перебирая точёными ногами, неспешным шагом нёс всадницу по тенистой аллее. Покачиваясь в седле, Экарлет считала солнечные пятна, появлявшиеся на голове лошади, между ушами, всякий раз, как лучи полуденного солнца проскакивали сквозь густую листву. Она загадала: если до конца аллеи число этих пятен будет чётным, значит, этот гордец Рене к ней равнодушен, если же нет... Но такого исхода девушка, уверенная в своей неотразимости, просто не допускала. Вообще-то этот Рене Мажордом тот ещё тип — говорят, он как-то раз проводил домой после десяти часов вечера девушку из благородной семьи, и даже не подумал на ней жениться! Нарушил приличия, опозорил девушку — так могут поступать только северяне-франглы, но не креолы-южане, свято хранящие древние аристократические традиции. Неудивительно, что после этого Рене было отказано от дома по всей округе. И всё-таки Экарлет не могла не думать об этом человеке: он был настоящим

красавцем-мужчиной, и сердце семнадцатилетней креолки дрогнуло. А тут ещё эта война, о которой столько говорят...

Юная Экарлет гордилась своей родословной: по материнской линии её предками были де Грие, переселившиеся в Америку в семнадцатом веке, когда не было ещё ни Нувель-Орлеана, ни даже Луизианы. Правда, отцом девушки стал эмигрант-ирландец, применивший в споре с английским констеблем свинцовый аргумент, оказавшийся убийственным для его оппонента, и вынужденный бежать за океан, спасаясь от виселицы. Однако с возрастом мсье Джеральд сделался уважаемым человеком, чему немало способствовал его счастливый брак с Жозефиной Дегрие, матерью Экарлет.

Креолка было довольна бытиём. Негры исправно трудились, плантация процветала, а хозяева наслаждались жизнью, похожей на ту, что вела некогда знать Старой Франции: балы, званые вечера, охота, конные прогулки и флирт под солнцем Южной Луизианы. Правда, эту жизнь осложняло неукоснительное следование множеству традиций, бравших начало ещё от рыцарских времён, однако к семнадцати годам Экарлет в полной мере выучила правила игры и находила в этой игре истинное удовольствие. Ах, если бы не эта война, о которой столько говорят... И что этим франглам неймётся? Какое им дело до негров? Ничего, лихие парни-креолы, которых учат владеть оружием и скакать верхом раньше, чем читать и писать, живо поставят их на место — пусть сидят за Потомаком и не суются в дела Конфедерации!

Так, семнадцать солнечных зайчиков... Но до конца аллеи ещё далеко, и общий итог будет чётным — в этом Экарлет не сомневалась. Как бы ещё договорится встретиться с Рене, не нарушая приличий? Злых языков хватает, и порядочной девушке так трудно их избежать!

Но креолке не удалось ни решить эту проблему, ни спокойно доехать до конца аллеи. Раздался топот копыт, она увидела всадника, скачущего ей навстречу, и узнала в нём своего брата Клода. «И чего он несётся во весь опор?» — подумала Экарлет.

— Вот ты где! — воскликнул Клод, поравнявшись с ней и поворачивая коня. — Поехали скорей, нас ждут!

— Что случилось?

— Ничего особенного, — весело ответил юноша. — Объявили набор ополчения — вечером мы уходим. Марсель, — он понизил голос и доверительно наклонился к сестре, — очень хочет тебя видеть и сказать что-то важное.

В ответ Экарлет только пренебрежительно повела плечами — Марсель её нисколько не волновал. Она чуть было не спросила Клода о Рене, но вовремя сообразила, что это может быть неприличным.

* * *

1864 год

Пушки гремели не умолкая — от орудийного грохота дрожали оконные стёкла, а гул этот всё приближался и становился всё явственней. Франглы наступали, и уже почти никто не сомневался, что к вечеру они войдут в город.

— Что теперь будет, Рене? — испуганно спросила Экарлет. — И что нам делать? Луиза после родов слаба, она не может идти! Люди бегут из города, лошадей не найти ни за какие деньги, а не могу бросить вдову Клода и его дитя!

Рене посмотрел в окно, за которым катился по улицам Атланты поток беженцев.

— Ждите меня здесь, — сказал он, — и не выходите из дома: в городе полно мародёров.

Он ушёл, а Экарлет присела возле постели Луизы. Слава богу, что старая негритянка Мамушка осталась верна своим хозяевам — она ждёт их дома, в Двенадцати Вязах. Но вот как туда добраться...

Экарлет не сомневалась, что Рене их не бросит. Его давно уже называли не иначе как «Капитан Мажордом» — Рене не пошёл на фронт, но с какой-то азартной лихостью и

отвагой он раз за разом прорывал на лёгком судёнышке морскую блокаду и возвращался, привозя из Франции оружие и боеприпасы. При этом он не забывал прихватить и кое-что из последних новинок парижской моды и парфюмерии, приводя в восторг всех женщин Атланты. Рене отвечал на комплименты, дарил дамам улыбки, но Экарлет видела, что из всех он отличает её одну. Ах, если бы не эта проклятая война — кто мог подумать, что северяне окажутся таким упорным противником. Бедняжка Луиза... И Клод — он погиб, так и не увидев своего сына и даже не узнав, что стал отцом.

Запищал ребёнок — он хотел есть, — а за окнами гремели и гремели пушки франглов...

Рене вернулся под вечер и привёл лошадь. Конечно, в былые времена от такой клячи с презрением отвернулся бы не только гордый плантатор, но и последний белый бедняк, но сейчас выбирать не приходилось. Повозка тоже не внушала доверия — её колёса клонились внутрь, как будто собираясь сложиться, однако в сумме это было средство спасения. Уложив Луизу в повозку, Экарлет с ребёнком устроилась за спиной капитана; Рене щёлкнул кнутом, и они тронулись.

Город горел. Временами раздавались глухие взрывы — отступавшие южане подожгли пороховые мастерские. Порывы ветра осыпали повозку снопами искр, Экарлет отмахивалась от них, как от назойливых moskitov. Они обгоняли беженцев, бредущих на юг, — на повозку косились, но винтовка за спиной Рене и два его «кольера» — в кобуре и за поясом — отбивали у кого бы то ни было охоту покуситься на драгоценную лошадь.

Зарево осталось позади — беглецов укрыла спасительная темнота, рассеиваемая ярким светом полной луны. Ребёнок уснул, спала и Луиза; мерно скрипели колёса, стучали копыта старой клячи, увозившей четверых людей из Атланты. Куда? Этого они не знали — прошлое ушло безвозвратно.

— Что теперь будет? — повторила Экарлет, зябко поёжившись.

— Что будет? — капитан Мажордом криво усмехнулся. — Нам придётся научиться жить по-новому. После победы франглов...

— Ты думаешь, они победят? — Экарлет всегда обращалась к Рене на «вы», но эта ночь огня и страха сблизила их, и она перешла на «ты».

— Не думаю — знаю. Мы били франглов при Фредериксберге, при Шанселорвилле, у Чикамуги, хотя каждый раз их было вдвое больше, чем нас. Но всякий раз они зализывали раны и шли на нас снова, и стоило нам только однажды споткнуться под Сен-Луи... Север — это машина: страшная, бездушная и могучая. Север не считает людей — он считает изделия заводов и фабрик, производящих пушки и патроны. Северянам плевать на наши обычаи и устои — у них свой обычай и свой бог, имя которому чистоган. Ты думаешь, их волнует судьба негров? — Рене снова усмехнулся. — Да им на них глубоко плевать! На Севере есть отдельные романтики, и даже президент Линкольн из их числа, но не они делают погоду. Наш Юг своим старомодным укладом жизни мешает Северу двигаться дальше — это и есть причина войны, дорогая моя Экарлет. Эта новая война, в которой победит тот, у кого больше денег, вложенных в развитую промышленность, — в этом нам с ними не тягаться. Как бойцы мы дадим франглам сто очков форы, но не мужество и не воинское умение решают исход этой битвы. Мы держались три года, но теперь, когда генерал Шермань взял Атланту и идёт к морю... — и капитан Мажордом безнадежно махнул рукой.

Какое-то время они ехали молча, а потом Рене вдруг остановил повозку и соскочил на землю.

— Дальше доберётесь сами, — сказал он жёстко, — отсюда дорога прямая. Возьми, — он протянул Экарлет револьвер. — Умеешь с ним обращаться?

— Я креолка. Но подожди, Рене, — Экарлет тоже вылезла из повозки, — куда же ты пойдёшь?

— На фронт. Я артиллерист и, кажется, неплохой. Моряки с потопленного нами при последнем прорыве шлюпа франглов могли бы это подтвердить, если бы пережили нашу встречу.

— На фронт? Сейчас, когда ты сам говоришь, что война проиграна? Зачем, Рене?

— Я креол, — ответил капитан Мажордом, — я не могу иначе.

Экарлет поняла. Она приникла к Рене и поцеловала его. Капитан Мажордом ответил на её поцелуй, но когда он мягко попытался уложить девушку в густую придорожную траву, Экарлет воспротивилась.

— Нет, нет, я так не могу, — зашептала она, оправляя платье, — я ведь не падшая женщина, чтобы прямо вот так, на дороге... Я буду тебе ждать, но сейчас, до свадьбы, не надо... Я люблю тебя, мой Рене, но я не могу. Прости меня...

— А если меня завтра убьют?

— Тогда для меня погаснет свет. Но если я сейчас уступлю твоему желанию и моей слабости, а ты вернёшься, мне потом будет стыдно смотреть тебе в глаза, и ты сам будешь меня презирать. А ты вернёшься, потому что я так хочу!

Рене долго смотрел на неё, затем нежно поцеловал её в губы и слегка оттолкнул.

— Тогда до встречи — жди.

Он уходил по тёмной дороге в лунный свет, а Экарлет провожала его взглядом и тихо шептала: «Вернись...».

* * *

1865 год

...Дом печально взирал на мир выбитыми окнами. Франглы разграбили Двенадцать Вязов дотла, переломали и загадили всё, что смогли, и чуть не сожгли старинную усадьбу — хорошо что Экарлет вовремя заметила угли, высыпанные на ковёр в гостиной. И хорошо, что она сообразила швырнуть в лицо солдатам северян свои фамильные драгоценности, а то кто знает, чем бы всё кончилось.

Креолка осталась совсем одна на руинах бывшего величия Юга. Негры ушли, получив свободу, — Мамушка и Самуэль не в счёт, они привыкли и не представляют себе иной жизни, — и плантация пришла в запустение: поля заросли сорной травой, скот съели, от фруктовых садов осталось одно воспоминание. Надо было жить дальше, но как — этого Экарлет не знала.

Каждый вечер она выходила на дорогу и долго смотрела вдаль: она обещала ждать, и она ждала. Только бы вернулся Рене, а там всё наладится, и снова начнётся жизнь, пусть даже другая — не такая, как раньше. «Только бы он вернулся, — думала девушка, глядя на дорогу. — И он вернётся — я знаю. А как дальше жить, — говорила себе Экарлет О'Хара, — я не буду думать об этом сегодня: я подумаю об этом завтра».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. КЛЁКОТ ОРЛА

1877 год

Почтово-пассажирский поезд, волоча за собой густой шлейф чёрного дыма, мчался по необозримым просторам штата Прери к побережью Тихого океана — в Калифорнию. Дым относил ветром, и пассажиры наслаждались дыханием степей, влетающим в открытые окна вагонов.

Юная особа в дорожном платье и в шляпке с вуалью с жадным интересом смотрела в окно. Какая страна — буйная, кипящая энергией, меряющая расстояния сотнями лье, а не десятками шагов по узким улочкам городов Европы! Эта страна жадно и ненасытно дышит полной грудью, а не вяло дремлет в закостенелых рамках европейского образа жизни. Она считает талеры миллионами, а не откладывает в чулок сантим к сантим — за неё будущее. И она, Катрин, правильно сделала, что решилась отправиться за океан — что ей делать дома, во Франции? Дворянский титул, не подкреплённый состоянием, — это ныне пустой звук,

фетиш для любителей собирать раритеты. Времена меняются, и в цене теперь совсем иное. В цене... Катрин содрогнулась, вспомнив липкие глаза мсье Шильда. Этот паук откровенно покупал её! Девушка представила, как его гнусные лапы скользят по её обнажённому телу, и её вновь передёрнуло от омерзения. Нет, только не это! Пусть у Катрин ничего нет за душой, зато у неё есть эта самая душа, и есть гордость норманнских завоевателей, вспарывавших мечами мешки с золотом. Она, Катрин, такая же, как её брат Робер, отчаянно бившийся с тевтонами, вторгшимися на землю солнечной Франции, — Робер был жестоко изранен под Седаном, но орды германцев не дошли до Парижа и были отброшены. И Катрин тосковала в четырёх стенах обветшавшего родительского замка: Франция, первая страна мира, всё ещё сильна, но пик её величия уже в прошлом. Объединённые Штаты Америки, где люди тоже говорят по-французски, станут для Катрин новой родиной. Дядюшка Батист, уехавший в Калифорнию во времена золотой лихорадки и, в отличие от многих, сумевший разбогатеть, ждёт её в Сан-Франциско. Но она не будет нахлебницей: это Катрин решила твёрдо.

Девушка имела основания гордиться собой. Отправиться в одиночку в далёкий путь — сначала на пакетботе от Шербура до Нуво-Руана, а потом на поезде через всю Северную Америку, имея при себе лишь немного денег и письмо дяди с его калифорнийским адресом, — дело трудное. Катрин была красива (она это знала), однако красота её зачастую создавала ей определённые трудности: попадались желающие попользоваться этой красотой. Девушка не расставалась с револьвером и при необходимости пустила бы его в ход не задумываясь — а что делать? К счастью, до этого не дошло: в Нуво-Руане она быстро сориентировалась и в тот же вечер села в поезд, идущий в Индиану. В Детруа она пересела на другой экспресс, и вскоре озеро Мичиган осталось позади — Катрин ждал Дикий Запад.

Публика в поезде подобралась разная — были коммивояжёры, были офицеры, и были люди, род занятий которых девушка затруднялась определить. Её не обошли вниманием, но Катрин, отвечая на комплименты и вступая в разговоры, держала дистанцию, приглядываясь к попугайкам. Её заинтересовал смуглый молодой человек со звездой на груди — Катрин уже знала, что это знак отличия прево,⁴⁰ представителя власти на пограничных территориях, где закон и порядок ещё только входили в силу. Молодому человеку было около тридцати лет, он был красив какой-то диковатой красотой — в нём наверняка перемешалась кровь индейцев и белых, — но внимание Катрин он привлёк тем, что не лез к ней с назойливыми расспросами и не распушал перья, пытаясь очаровать прелестную незнакомку. Впечатление на него она произвела — Катрин это заметила, — однако молодой прево не пытался переступить границы вежливости, и девушке это понравилось.

Познакомились они на второй день пути, когда Катрин случайно — ну, то есть почти случайно, — уронила с полки свой саквояж. Прево поймал его на лету, протянул Катрин и улыбнулся.

— Андрэ Лико, — очень естественно представился он, — из Калифорнии.

— Катрин де Нёф. О, так вы из Калифорнии? А я еду в Сан-Франциско, — девушка тоже улыбнулась, почувствовав доверие к этому сдержанному человеку. — Вы случайно не оттуда?

— Почти, мадемуазель. Я живу в Форт-Россе — это рядом.

— Рядом — это лье двести? Я уже слышана о ваших американских мерах расстояний.

— Нет, что вы. Рядом — это рядом, можно дойти пешком. Но вы сказали «о ваших американских расстояниях» — вы не американка?

— Я французенка. Но я собираюсь стать американкой — в Сан-Франциско меня ждёт дядя. Его зовут Батист де Нёф. Вы не слышали о нём?

— Слышал, — ответил Андрэ, и Катрин поняла, что он говорит искренне. — Мсье

---

⁴⁰ Прево (фр. *prévôt*, лат. *præpositus* — начальник) — во Франции XI–XVIII веков королевский чиновник или ставленник феодала, обладавший до XV века на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью. Английский аналог — шериф.

Денёф — личность известная. Я редко бываю в Сан-Франциско, да и в Форт-Россе нечасто, но я кое-что слышал о вашем дядюшке. О нём хорошо отзываются, мадемуазель.

— Вы редко бываете дома? — спросила Катрин, приняв как должное лестный отзыв о дядюшке Батисте. — А чем же вы занимаетесь, мсье Лико?

— Я прево на пограничных землях. Я неплохо стреляю, знаю несколько индейских наречий, и власти штата сочли меня подходящим для этой работы.

— Вы имеете дело с индейцами? Но это же опасно! Я слышала, что индейцы нападают на поезда.

— Не судите об индейцах по тому, что о них говорят всякие болтуны, не видевшие их в глаза, — на лицо молодого человека набежала тень. — Мой прадед был наполовину ирокез, а мать — чистокровная индеанка, и я знаю этот народ. Они не хуже белых, а во многом даже лучше.

— Простите, Андрэ, я не хотела вас обидеть, — смутилась француженка и (вероятно, в смущении) коснулась своей маленькой рукой сильной руки прево.

— Ничего страшного, мадемуазель. А что до нападений на поезда — этим занимается всякое отребье без роду-племени. Бандиты не понимают, когда с ними говорят по-хорошему, и поэтому мы разговариваем с ними по-другому. — Он сдвинул полу своей кожаной куртки, и Катрин увидела рукоятку «кольера» сорок четвёртого калибра. — Не бойтесь, мадемуазель. Но вот что я вам скажу: вы иностранка, не знаете Америки, а путь до Сан-Франциско долгий. Нам с вами по пути — позвольте мне вас сопровождать. Я доставлю вас к вашему дядюшке, и моя совесть будет спокойна.

Катрин чуть склонила голову, изображая задумчивость, хотя уже знала, что ответит «да».

...Поезд нёсся по первобытным прериям, ещё не исковерканным цивилизацией, а в его вагоне из взаимной симпатии рождалась любовь. Переплетались судьбы Андрея Лыкова, праправнука русского солдата, заброшенного в Америку волею императрицы Екатерины, и француженки Катрин де Нёф, в чьих жилах гуляла хмельная кровь авантюристов-викингов. Андрэ Лико навещал у Великих озёр могилы предков, Катрин надеялась начать в Америке новую жизнь, и какое дело было их рождающейся любви до тех людей, которые считали их обоих всего лишь крошечными частичками бимассы, существующей только для того, чтобы лепить из неё задуманное...

* * *

1890 год

— Господа, американская банковская ассоциация намерена распространить среди своих членов меморандум, предписывающий после первого сентября девяносто четвёртого года прекратить продление кредита по обязательствам, а также приостановить выдачу новых займов. Все имущество, которое к тому моменту будет находиться в залоге, должно перейти в собственность банков. Резюме простое: мы потребуем вернуть наши деньги.

Антуан Легран произнёс это будничным тоном, словно речь шла о несущественных бухгалтерских нюансах, однако все банкиры и финансисты, присутствовавшие на заседании «АБА» в многоэтажном здании на Рю де Мюр, очень хорошо его поняли.

Фактически это означало, что финансовая элита собирается обанкротить и забрать за долги всю страну от Атлантики до Тихого океана, поскольку в Объединённых Штатах чуть ли не по пальцам можно было сосчитать предприятия, не обремененные обязательствами перед финансовыми магнатами Нуво-Руана. Банки-члены «АБА» владели непогашенными государственными облигациями на сумму более трёх миллиардов талеров, и у них в залоге находились две трети американских ферм — две трети сельского хозяйства ОША.

— А вы не опасаетесь, что подобное требование может спровоцировать фермерский бунт, грандиозное народное восстание, революцию и новую гражданскую войну?

— Такой риск существует, мсье Феллер. Но нам ведь не обязательно осуществлять свои требования — достаточно дать понять, что мы в любой момент можем это сделать. Люди должны знать, кто хозяин страны, — Легран усмехнулся, и под благообразной маской банкира проступило жёсткое лицо его далёкого предка, безжалостного пирата семнадцатого века.

Ассоциированные банки Америки и стоявшие за ними международные финансовые синдикаты Франции и Англии не осуществили своих угроз, но меморандум сыграл свою роль — по сути, в стране произошел бескровный переворот. Теперь официальная власть не испытывала иллюзий насчет того, кто является настоящим хозяином Объединенных Штатов, лоббизм стал легальным явлением, а частные банки официально контролировали эмиссию и оборот денег. Даже главный фетиш североамериканской демократии — выборы президента — превратились в фарс. В девяносто шестом году лидер президентской гонки Брайан проиграл выборы ненавидимому электоратом выдвиженцу банков Роже Дюпону — финансисты просто приказали директорам своих подконтрольных предприятий объявить рабочим, что в случае победы Брайана завод будет закрыт.

Завершилась почти тридцатилетняя тайная война, которую вели в США европейские банкиры, в первую очередь французские Шильды. Во время войны между Севером и Югом президент Авраам Линкольн, изыскивая средства для её ведения, впервые в истории страны санкционировал выпуск бумажных талеров, поскольку большинство серебряных рудников остались на территориях, контролируемых креолами. Одновременно финансисту Клери было поручено распространить среди богатых биржевиков облигации государственного военного внутреннего займа на сумму миллиард талеров. Клери напечатал облигаций почти вдвое больше, но как-то так вышло, что этого почти никто не заметил. Облигации пользовались успехом на бирже, и довольно скоро Клери, распродав большую часть своих фальшивок, скрылся с выручкой в неизвестном направлении (возможно, что и на тот свет).

Факт мошенничества пришлось скрывать, допечатывая денежные банкноты, однако слухи о том, что в казне пробита брешь, все же поползли по Рю де Мюр. Тогда американские финансисты начали избавляться от военных облигаций, а покупали их (через посредничество тайных агентов на нуво-руанской бирже) крупнейшие международные банки. На фондовом рынке кипели страсти и вращались фантастические суммы, и в этой мутной водичке жирела очень хищная рыба.

В денежном обороте царил дефицит — правительство пыталось управлять инфляцией, постепенно сокращая денежную массу от двух миллиардов талеров в 1866 году до пятисот миллионов в 1886 году, но в результате этой политики значительно упала покупательская способность населения, в отдельных штатах начались мятежи. Фермеры и предприниматели малого и среднего калибра, задыхаясь, были вынуждены все чаще обращаться в банки за новыми кредитами — вся страна залезала в кабалу к международным ростовщикам.

Большинство членов американской банковской ассоциации прямо или косвенно были связаны общими интересами с французами. Самой яркой фигурой среди них был Антуан Легран — потомок Мишеля Леграна, «казначей войны за независимость». Официально он являлся председателем правления банка «Конфианс гаранти»,⁴¹ а неофициально возглавлял так называемый «денежный трест» — тайное объединение банкиров и финансистов с общим капиталом более двадцати двух миллиардов талеров. «АБА» выступала лишь официальным прикрытием этой структуры, способной обрушить экономику любой страны мира.

До девятисот тринадцатого года, когда деятельность «денежного треста» стала темой разбирательства сенатской комиссии, его существование считалось фантазией журналистов. Мнения о положении Антуана Леграна в этой организации остались самые противоречивые, поскольку человек, который при жизни распоряжался самым крупным в мире капиталом, финансировал крупнейшие монополии, назначал президентов и объявлял войны, оставил

---

⁴¹ Confiance garantie — гарантированное доверие (франц.)

после своей смерти наследство всего лишь в несколько миллионов талеров.

Вполне возможно, что он только управлял деньгами, инвестированными Шильдами и другими европейскими банкирами в ОША. Как бы то ни было, с 1891 года «денежный трест» во главе с мсье Леграном приобрел практически неограниченную власть над экономикой и политической жизнью Объединённых Штатов.

...Американцы девятнадцатого века не были ни дураками, ни инертным стадом. Они подозревали, что их облапошивают, и руки крепких парней, не боящихся ни бога, ни чёрта, тянулись к рукояткам шестизарядных «кольеров» и к прикладам скорострельных «дюпонов». Однако энергия людей, верящих прежде всего в себя, умело направлялась в нужное русло. «Перед тобой огромная страна, таящая массу возможностей, — разбогатеешь, если ты не слабак и не трус!» — этот лозунг находил отклик в сердцах многих, и когда в девяносто шестом году пронёсся слух об открытии золотых россыпей на Аляске, на север устремились сотни тысяч людей, знавших о калифорнийской «золотой лихорадке» полувековой давности.

* * *

1898 год

Стены хижины сотрясались под ударами ветра. Казалось, что если бы не сугробы, до крыши завалившие бревенчатое строение, оно давно бы рассыпалась под неистовым напором холодного воздуха, бившего в стены. У порога и на дверных косяках выросли толстые бугры наледи, и стоит приоткрыть дверь, как внутрь врывается тугой клуб белого морозного пара, тут же оседающего на льдистых шрамах новым слоем инея. Плохо, когда такая непогода застигнет тебя в пути, особенно если у тебя слабые собаки и мало еды, — белое безмолвие равнодушно к своим жертвам. И хорошо, если в это время ты сидишь у огня, в тепле, в кружке дымится горячий чай, а твои собаки накормлены и свернулись под снегом в клубок, грея друг друга мохнатыми телами.

Люди в хижине сидели у огня, и пламя красило их бородатые лица в цвет меди. Они молчали, слушая вой пурги, и говорили — неспешно, с расстановкой, цenia каждое слово как последний патрон или последний кусок пеммикана⁴² на долгом перегоне по льду Юкона от верховьев до Сен-Мишеля. Хотя зимой в такой путь отваживаются пускаться лишь безумцы, спешащие застолбить новые участки до начала навигации.

— Это ещё что, — негромко проговорил один из людей, сидевших у огня. — А вот когда мороз такой, что плевки замерзают на лету, тогда да.

— Зато если повезёт, и ты вернёшься в Сан-Франциско с мешочком, набитым золотым песком, ты победитель, и весь мир у твоих ног, — отозвался другой. — Ради этого можно и в такую погоду зимой попробовать пройти перевал Чилкут.

— Пробовали, — вставил третий. — И где они, эти смельчаки? Сгинули в тундре, и кости их будут лежать там до самого Судного Дня. У этой земли непросто вырвать золото...

— Добыча достаётся сильным волкам! — прервал их широкоплечий человек в меховой дохе. — Для настоящего мужчины почётнее вырвать золото из стылой земли и из чужих рук, чем делать деньги биржевыми махинациями, грея задницу в тёплом офисе. Белый человек — хозяин всей этой земли и всего мира. Мы диктуем свой закон всем, и женщины покорённых племён идут за нами, как собачонки, преданно глядя нам в глаза и ловя каждое наше слово. И богатство достаётся нам по праву — пусть неудачник плачет. В природе разумно устроено — выживает сильнейший, и по этим же законам живут люди: те, которые хотят выжить. А все остальные, лепечущие о жалости и снисхождении... — он пренебрежительно поморщился. — Их не стоит жалеть — они пыль под ногами победителей!

Юноша лет двадцати не вступал в разговор — он слушал. Он запоминал, и в глазах его

---

⁴² Пеммикан — измельчённое сушёное мясо с ягодами (индейск.)

горел странный огонь. Матёрые золотоискатели не обращали на него внимания — кто будет обращать внимание на чечако,⁴³ ещё не намывшего и унции золотого песка?

А в голове у этого молодого парня теснились обрывки мыслей, складывающиеся в причудливые цепочки.

«Сын волка... Закон жизни... — думал он. — Сила сильных... Неукротимый белый человек... Дочь северного сияния... За тех, кто в пути — время не ждёт».

Его звали Жак Париж, и его ещё никто не знал — мировая слава этого человека была ещё впереди.

* * *

После меморандума «АБА» стратегия развития Объединённых Штатов в области финансов и промышленности почти не изменилась. Продолжалась монополизация, рос внутренний государственный долг и зависимость фермеров от кредиторов, «денежный трест» стремился к легализации в качестве частного центробанка. Но во внешней политике началось нечто на первый взгляд необъяснимое.

ОША почти пятьдесят лет не вели войн с внешними врагами, и франглы привыкли считать себя людьми независимыми и мирными (войны с индейцами не в счёт). Купив Аляску — потеряв Форт-Росс, Россия не стала цепляться за Новоархангельск, — и превратив Канаду в полузависимое государство, Объединённые Штаты заняли всю Северную Америку. Они очистили своё жизненное пространство от влияния европейских метрополий, и теперь дела далекой Европы их мало интересовали.

И тут вдруг политики, журналисты и писатели словно по чьей-то команде принялись рассуждать о «молодых и сильных нациях», которые постепенно «вытесняют с жизненного пространства дряхлые и отжившие народы, потерявшие право на существование». На свет вытащили, стряхнув пыль, доктрину президента Монро от 1823 года, которая гласила, что странам Европы не рекомендуется вмешиваться в дела их бывших колоний в Западном полушарии. Слишком мягкую и миролюбивую формулировку подкорректировали — теперь европейцам запрещалось вообще вмешиваться в жизнь всего Западного полушария.

Легран и его французские и английские партнёры стали хозяевами американской экономики, но столкнулись с кучей проблем, накопившихся за тридцать лет перманентного кризиса. Талер был обесценен, покупательская способность населения снизилась почти на восемьсот процентов по сравнению с тысяча восемьсот шестьдесят шестым годом. Развивать реальный сектор уже не имело смысла, так как сложно было продать что-либо дороже пачки сигарет. «Денежный трест» начал наводить порядок в своём доме и решил самые насущные проблемы американской экономики в имперском духе: развязал колониальную войну.

* * *

С февраля по август тысяча восемьсот девяносто восьмого года американская пресса жила одной сенсацией: броненосный крейсер «Сен-Луи», гордость военно-морского флота ОША, при невыясненных обстоятельствах затонул у берегов Кубы. Крейсер шел в Гавану с дружественным визитом: его капитан должен был передать поздравления президента ОША правительству острова, только что получившего статус автономной провинции Испании.

Вместе с кораблём на дно ушли двести американских моряков. Газеты каждую неделю выдвигали и опровергали версии причин трагедии. «Ищите, кому это выгодно! — кричали газетные заголовки. — Испания не может смириться с потерей богатейшей колонии! Испания шлет угрозы правительству Объединённых Штатов Америки, которое порицает её варварские методы борьбы с кубинскими революционерами! В эпицентре ярости испанцев

---

⁴³ Чечако — новичок (индейск.)

взрывается и тонет лучший военный корабль ОША — пусть кто-нибудь попробует сказать, что Испания здесь ни при чём!». После подъема корабля комиссия, составленная из одних только американских экспертов, установила, что «Сен-Луи» «уничтожен подводной миной». А затем — затем останки крейсера были затоплены на большой глубине: концы в воду.

Испанский посланник Денуи де Лом заявил, что «ОША организовали провокацию с целью захвата Кубы», но протестовать было уже поздно. Одиннадцатого апреля президент Роже Дюпон выступил в Конгрессе со словами: «Интервенция есть наш особый долг, ибо всё это происходит вблизи наших границ. Наше право вмешаться оправдывается тяжелым ущербом, нанесенным торговле и предприятиям нашего народа необузданным разрушением собственности и опустошением острова». Президент открыто обвинил Испанию в гибели «Сен-Луи» и высказался против признания независимости Кубы. Обращение заканчивалось просьбой дать согласие на применение сухопутных и военно-морских сил против агрессора, а заодно и против сторонников независимости, «ибо только так можно осуществить защиту мира на острове и сформировать там стабильное правительство».

Испанский король обратился за военной помощью к Франции и Великобритании, но в ответ получил совет «как можно скорее полюбовно разрешить свои противоречия с Объединёнными Штатами».

Исход войны был предреши́т: Испания не имела никаких шансов на победу.

В мае американская тихоокеанская эскадра, выйдя с французской военной базы в Сайгоне, уничтожила в Манильской бухте сторожевые корабли испанцев и обеспечила высадку американских войск на Филиппины. «Освобождение от испанского колониального гнёта» сопровождалась истреблением местных повстанцев, не понимавших счастья попасть под цивилизованное, в отличие от варварского испанского, правление американцев. А заодно (чтобы не возвращаться к тихоокеанской луже) Конгресс ратифицировал присоединение к ОША Гавайских островов. Гавайи получили статус полноправного штата — полинезийцы показали франглам куда более цивилизованным народом, чем кровожадные ирокезы.

В июне атлантическая эскадра флота ОША разгромила у Сантьяго эскадру адмирала Серверы. Это было конец — Испания запросила мира.

Гавану освободили сами кубинцы — вмешательства американцев не потребовалось. Сказав «спасибо», франглы разоружили повстанческие отряды. Не желавших сдавать оружие поставили к стенке — не объяснять же этим тупым латиносам, что право на ношение оружия имеют только граждане ОША. К тому же Кубе предстояло сделаться элитным тропическим публичным домом для утомлённых делами воротил «денежного треста» и приравненных к ним лиц — не хватало ещё, чтобы под окнами этого борделя шарахались всякие там маньяки с ружьями.

Фредерик Эмери, начальник международного отдела департамента торговли, очень откровенно комментировал эти события: «Нечто гораздо большее, нежели чувства народных масс (которые, как известно, со временем улетучиваются) заставило Объединённые Штаты поднять оружие против испанского владычества на Кубе. Нас заставили сделать это наши экономические отношения с Вест-Индией и южноамериканскими республиками.

Коммерческий инстинкт был так силен, что даже если бы не существовало таких эмоциональных причин, как навязшие в зубах испанские злодеяния или взрыв на «Сен-Луи», всё равно в конце концов этот инстинкт заставил бы разрушить мощной рукой то, что, как нам казалось, наносит вред нашей экономике. Испано-американская война была не более чем инцидентом в общем развитии нашей законной экспансии, корни которой кроются в возросшей производительности, слишком обогнавшей возможности нашего внутреннего потребления. Стало ясно, что нам необходимо искать не только иностранных покупателей на наши товары, но и способы легкого, выгодного и надёжного доступа к иностранным рынкам».

* * *

12 августа 1898 года Испания подписала мирный договор, в соответствии с которым под протекторат Объединённых Штатов перешли её колониальные владения площадью триста тысяч квадратных километров, где проживали более десяти миллионов человек.

Этим странам ОША навязали неравноправные торговые договоры. Теперь торговое сальдо Кубы, которая даже во времена испанского господства поставляла в метрополию товары с некоторой выгодой для себя, снизилось до шестидесяти миллионов талеров в год. ОША использовали Кубу и Филиппины для распространения экономической экспансии в Латинскую Америку и на Дальний Восток. Кроме того, подконтрольные ОША страны были обременены рекламациями, которые якобы должны были покрыть ущерб американских граждан и компаний, чье имущество пострадало в ходе революционных беспорядков в этих странах. Эти заведомо преувеличенные рекламационные иски местное население называло «счетами великого капитана» — как правило, они превышали сумму ущерба, установленную местными судебными органами, в сотни раз. Куба в 1900-х годах несла бремя американских рекламаций в четыреста миллионов талеров, Мексика — в девятьсот миллионов, Венесуэла — в сто шестьдесят миллионов.

За счет экспорта инфляции талера в колонии «денежный трест» менее чем за десять лет смог если не восстановить экономику ОША, то во всяком случае создать видимость процветания и благополучия. В 1907 году это позволило финансистам реализовать идею о частном центральном банке — Легран и его партнеры получили законное право эмитировать бумажные деньги в тех количествах, в каких сочтут нужным. А Латинская Америка и другие регионы, на которые распространялась «талерная экспансия» Объединённых Штатов, быстро начали превращаться в то, что позже стали называть «третьим миром».

...Клёкот орла, похищенного с тотема ирокезов, был уже отчётливо слышен во всём Западном полушарии...

ИНТЕРМЕДИЯ ТРЕТЬЯ. Мудрые обезьяны

1900 год

— Сделан очень важный шаг, — человек в чёрном костюме-тройке, безукоризненно сидевшем на его сухопарой фигуре, поднял бокал с шампанским, — изготовлен инструмент. Созданная нами страна теперь полностью управляема и послушна нашей воле — в любой момент вся её мощь может быть брошена на достижение поставленной цели. Пример — война с Испанией, разыгранная как по нотам.

— А вы не преувеличиваете уровень достигнутого, мсье Лу? — с сомнением в голосе произнёс одутловатый толстяк, по внешности которого никак нельзя было сказать, что этот человек богаче всех античных Крезов и могущественнее всех Атилл с Тамерланами.

— О нет, мсье Арэнье,⁴⁴ - сухощавый человек, которого назвали Волком,⁴⁵ улыбнулся, и улыбка его и в самом деле напоминала волчий оскал. — Наш инструмент великолепен: политическая система подчинена, а вся экономика ОША является нашей собственностью: она лежит у нас — у вас — в кармане. Эта страна — настоящее произведение искусства: шедевр, достойный кисти лучших мастеров эпохи Возрождения. Немаловажно также, что её народ — компонент, который во все времена был головной болью всех властителей, — получил очень удобную, простую и понятную всем идею: сделай себя сам, не уповая и не оглядываясь на других. Цель — богатство, способ — любой. Это заманчиво и вполне достижимо, надо только не стесняться идти по головам. И последнее оправдано: социал-

---

⁴⁴ Araignee — паук (франц.)

⁴⁵ Loup — волк (франц.)

дарвинизм⁴⁶ дал научное обоснование постулату «выживает сильнейший», применив этот закон природы к обществу.

— Голов, которые будут всего лишь ступеньками, на всех не хватит...

— Об этом на первых порах мало кто задумается. А потом — головы-ступени найдутся за границами ОША: кто мешает нашему народу почувствовать себя первым народом мира, со всеми вытекающими отсюда правами? Двадцатый век будет эпохой *Rax Americana*...⁴⁷ ...в которой мы будем мировыми банкирами, — мсье Арэнье аккуратно пригубил бокал. — Пусть другие работают и производят материальные ценности — пользоваться ими будем мы, владеющие всеми деньгами мира: эквивалентом всего и вся. Правда, существует высокая вероятность того, что не все обитатели этой планеты с радостью согласятся на такое разделение прав и обязанностей. Процесс может быть болезненным...

— При любой болезни помогает обильное кровопускание, — небрежно заметил мсье Лу. — Война мирового масштаба — это прекрасная процедура. Все мировые державы должны сцепиться между собой в смертельной схватке, а мы...

— ...будем наблюдать. На Востоке есть притча о мудрой обезьяне, следившей с дерева за схваткой тигров. Мы не будем вмешиваться в мировую свару до последнего момента, пока не определится победитель. А до того — талеры будут сражаться вместо солдат, талеры будут разить гораздо эффективнее, чем снаряды.

Хрустальные бокалы с мелодичным звоном соприкоснулись — Люди Круга мыслили в унисон.

— И ещё одно, — Залман Шильд «Арэнье» поставил на столик пустой бокал, — Россия. Эта страна малопредсказуема. Её народ, как это ни странно, отторгает нашу создававшуюся веками систему ценностей — это может быть опасным. Россия в статусе великой державы — явление нежелательное. Как мировой игрок она нам не нужна, да и вообще...

— Строптивых коней берут под уздцы и осаживают, мессир, — жёстко сказал Антуан Легран «Лу». — Есть масса способов, начиная с военно-экономических, и кончая...

— Вы правы. Но не пора ли нам с вами спуститься вниз? Нас ждут.

Их действительно ждала утончённая роскошь светского раута: старинное столовое серебро и китайский фарфор, устрицы и лангустины, изысканные блюда и экзотические фрукты, столетние вина и сверкавшие в электрическом свете бриллианты на шеях холёных дам — элита Рю де Мюр встречала новое столетие.

Среди гостей сказочными феями скользили юные красавицы в шелках и жемчуге. Они собирали пожертвования в пользу сырых и убогих — в этом мире всё очень гармонично устроено: какие в этом могут быть сомнения?

* * *

В конце января 1904 года японские носители торпед внезапно атаковали на внешнем рейде Порт-Артура русскую тихоокеанскую эскадру. Началась русско-японская война, через полтора года закончившаяся унижительным поражением России. Мир был изумлён — как это так? Никому дотоле неведомая азиатская страна, только-только выползшая из средневековья, и вдруг такой впечатляющий дебют на мировой сцене! Ну да, первоклассный военный флот, выстроенный на верфях Франции и Англии; армия, обученная германскими инструкторами, но всё-таки... Победить Российскую Империю, державу с многовековой боевой славой —

---

⁴⁶ Социал-дарвинизм — социологическая теория, согласно которой закономерности естественного отбора и борьбы за выживание, выявленные Чарльзом Дарвином в природе, распространяются на отношения в человеческом обществе.

⁴⁷ *Rax Americana* — американский мир (лат.)

тут что-то не так...

В тени осталось главное: вся эта война была щедро профинансирована «денежным трестом» — непредсказуемую Россию выжимали из клуба великих держав. Субъект вложения капитала был выбран правильно: американский военный корреспондент Жак Париж восторгался доблестью японских самураев, совсем забыв, что они принадлежат не к белой, а к жёлтой расе.

...А затем последовала русская революция — с виду обычная и назревшая, потрясшая до основания Российскую Империю, расшатанную военным поражением. Непредсказуемую Россию брали под уздцы и осаживали, словно строптивого коня, не желающего бежать в общей упряжке. И это было только началом...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. МИРОВАЯ БОЙНЯ

Пятого августа 1914 года к западу от Сицилии германский панцеркрейсер «Зигфрид», шедший под флагом контр-адмирала Сушона в сопровождении лёгкого крейсера «Фрейя» к Дарданеллам, был перехвачен французскими мёртрье-крейсерами⁴⁸ «Сюркуф» и «Сюффрен».

Первая Мировая война (вернее, вторая, если первой считать Семилетнюю войну полуторавековой давности) шла уже второй день. Немцев погубила погоня за двумя зайцами: вместо того, чтобы сразу же рвануть на восток, к спасительным турецким проливам, они решили не отказать себе в удовольствии пострелять по алжирским портам Франции, где грузились на транспорты дивизии корпуса зуавов. Эффект этой шумной диверсии был невелик, но в ходе её германский разбойник был опознан, и командующий французским флотом в Средиземном море вице-адмирал Буа де Ляперер немедленно выслал в погоню за корсаром двух новейших «убийц». Немцев настигли у берегов Сицилии — французы точно рассчитали курс рейдеров, и бой был неизбежен: «адмиралы» не уступали «Зигфриду» в скорости хода. Каждый мёртрье-крейсер нёс восемь орудий главного калибра в четырёх линейно-возвышенных башнях в оконечностях (схема, впервые опробованная на знаменитом «Вермонте»⁴⁹) — французы имели шестнадцать тридцатисантиметровых пушек против десяти двадцативосьмисантиметровых орудий германского панцеркрейсера. В бою один на один «Зигфрид», прикрытый более толстой броней, вполне мог надеяться на победу, но при двойном перевесе противника шансов у него практически не было.

Бой был коротким, но ожесточённым. «Сюффрен» получил подводную пробоину и осел на нос, приняв девятьсот тонн воды; на «Сюркуфе» германский снаряд пробил барбет башни номер три и вызвал возгорание боезапаса. Спешно затопив погреба, французский крейсер избежал взрыва, но обе его кормовые башни выгорели и вышли из строя. Однако «Зигфриду» пришлось ещё хуже: девятнадцать прямых попаданий поставили точку в его биографии. Панцеркрейсер затонул на ровном киле, до последней минуты отстреливаясь из уцелевших орудий. Адмирал Сушон застрелился на мостике тонущего корабля — прорыв «Зигфрида» в Дарданеллы, на который возлагалось столько надежд, не состоялся. «Фрейя» под шумок улизнула, проскочила ночью Мессинский пролив и прорвалась в Адриатику под крылышко австрийцев, но это было уже слабым утешением для германского командования.

---

⁴⁸ Мёртрье-крейсера («убийцы крейсеров», франц.) — специальный тип быстроходных бронированных крейсеров с мощным вооружением, сопоставимым с вооружением линкоров. Назначение — эффективное уничтожение неприятельских крейсеров-рейдеров в войне на коммуникациях, а также поддержка своих линейных кораблей в эскадренном бою.

⁴⁹ «Вермонт» — линейный корабль нового типа, построенный в США в 1906 году, сразу же после русско-японской войны. Класс «ту-ле-гран-канон» — корабль, вооружённый орудиями одного (крупного) калибра. Его название стало именем нарицательным: европейские аналоги — французский «Шарлемань» и английский «Дредноут» — вошли в строй годом позже.

«Зигфрид» не прибыл в Стамбул, и блистательная Порта, с опаской поглядывая на дымы французской эскадры у Дарданелл и русской — у Босфора, так и не решилась вступить в войну на стороне центральных держав. Черноморские проливы остались открытыми для транспортных судов Антанты, и через них шло и шло оружие, остро необходимое русской армии. Контр-адмирал Сушон имел основания покончить жизнь самоубийством...

* * *

На исходе первого десятилетия двадцатого века мир походил на перегретый котёл, в котором давление пара дошло до критической отметки. Мир, некогда казавшийся огромным, стал уже тесноват, и разбухшие колониальные империи — и старые, и новые — лихорадочно вырывали из-под носа друг у друга последние свободные территории. Африка напоминала лоскутное одеяло, сшитое из разноцветных франко-англо-бельгийско-португальских кусков с появившимися на нём свежими заплатами немецких колоний. После долгих споров между Англией и Францией (едва не дошедших до драки) в Египте был установлен коимпериум⁵⁰ — давние противники уселись по разным берегам прокопанного Лессепсом Суэцкого канала, на пару собирая мзду с проходящих судов. В качестве компенсации Франция не стала мешать Британии приструнить свободолюбивых буров — взаимоуступка заложила основу сердечного соглашения: Антанты. Опоздавшая к столу Италия резво набросилась на Абиссинию, но, к удивлению просвещённой Европы, получила хорошего пинка от эфиопов в битве при Адуа и удалилась, повизгивая, на «сапог» Апеннинского полуострова — до поры до времени.

Охраняя жемчужину своей короны — Индию — от французских посягательств, Англия уступила Франции Цейлон, и в этом районе мира разногласия между этими двумя великими державами также были сведены до минимума. Аналогичным образом произошло и в Китае: Британия прочно прибрала к рукам Гонконг, позволив Франции выкинуть португальцев из Макао и укрепиться там. За Сингапур Англия держалась обеими руками, и Франция, избегая конфликта, сосредоточила свои усилия на Индокитае, к концу девятнадцатого века подмяв его под себя.

Западное полушарие (по правилам хорошего имперского тона) было признано сферой влияния Объединённых Штатов Америки. Но вприщурку присматривалась к Тихому океану и Китаю Япония, быстро набиравшая силу. Самураи оценили лозунг франглов «Америка для американцев» и не прочь были его перенять, чуть изменив — «Азия для азиатов». Слово «панмонголизм»⁵¹ обретало смысл, хотя японцы пока ещё молчали, храня на своих скуластых лицах восточную бесстрастность.

Зато во весь голос ворчала «несправедливо обделённая» Германия. Дитя Бисмарка, принимавшего роды с помощью своих специфических акушерских средств — крови и железа, Германия, кичась своей промышленной мощью, всерьёз претендовала на гегемонию в Европе (и даже на большее). И претензии Германии не были пустой похвалой: франко-прусская война хоть и закончилась вничью, но показала, что грубый немецкий мясник способен пощипать перышки гордому галльскому петушку. Германия ковала тевтонский меч — перевооружалась армия, и один за другим сползали в холодные волны Северного моря новенькие вермонты и панцеркрейсера, одетые в крупновскую броню.

Обе складывающиеся коалиции — австро-германская и англо-французская — старались перетянуть на свою сторону Россию с её неисчислимым людскими резервами и

---

⁵⁰ Коимпериум (coimperium) — совместное господство над чужой территорией

⁵¹ В историософской концепции Вл. Соловьёва понятие «панмонголизм» выражает идею восточной опасности для Европы, исторического возмездия Европе со стороны народов Востока

необъятными просторами: принцип «умей воевать чужими руками» ценился во все времена. В итоге выбор Российской Империи пал на Антанту: с кайзеровской Германией у России было существенно больше камней преткновения, а главное — золотой поток французских займов размыл память о прошлых обидах.

Люди чувствовали приближение чего-то страшного: в искусстве и литературе царил декаданс, и в преддверии грядущего Апокалипсиса многие старались забыться, оглушая себя вином, кокаином и безлюбой любовью.

Стрелка на манометре перегретого котла дрожала у красной черты...

* * *

1915 год

Земля вздрогнула. По стенке окопа шуршащей змейкой скатилась струйка песка. Над головами заунывно простонал шрапнельный стакан и чавкнул, врезавшись в землю где-то рядом. Ещё один толчок, словно отголосок далёкого землетрясения. И ещё один, и ещё...

Германская артиллерия третий час месила русские окопы. Тяжёлые «чемоданы» с гулом раздвигали воздух и врезались в землю, оставляя на ней глубокие язвы воронок. Люди сидели, забившись в узкие щели, уповая на теорию вероятности, согласно которой тяжкая стальная туша может ударить куда угодно, но только не в то место, где сжалось в смертной тоске хрупкое человеческое тело, а проще говоря — надеясь на древнее: «Господи, спаси мя и сохрани...».

Зауряд-прапорщик Игнат Лыков вместе со всеми пересиживал огненный ураган. На лопающиеся в небе шрапнели никто уже не обращал внимания — козырьки прикрывали от шрапнельных пуль. Но когда нарастал паровозный рёв очередного «чемодана», лица разом бледнели: солдаты прекрасно знали, что прямое попадание такой дуры в окоп перемешает с землёй целое звено траншеи со всем его содержимым. Однако теория вероятности (или милость господня) работала: попадания были редки, и оглушённых близким разрывом людей обжигала нелепо-радостная мысль: «До следующего снаряда я теперь точно доживу...».

Лыков вжимался в стенку окопа, пытаясь по звуку вычислить траекторию немецкого гостинца. «Ещё полчаса, — автоматически думал он, — и всё это кончится. А потом германцы поднимутся из своих траншей и пойдут на наши пулемёты. И полягут, добавив к тысячам гниющих трупов сотни новых. А дня через три, когда они выдохнутся, роли переменятся: наши пушки будут гвоздить по их окопам, и наши солдаты полезут на немецкие пулемёты, устилая землю своими мёртвыми телами. Это не война — это какое-то всеобщее массовое помешательство, бесцельное и бессмысленное...»

Подобные мысли бродили в умах тысяч и тысяч людей по обе стороны фронта. Война изменила свой лик: не было больше картинных атак конницы в ярких мундирах, победных фанфар на поле брани среди поверженных вражеских знамён и усталых генералов, сдающих шпаги вежливым победителям. Была мясорубка, конвейер смерти, протянувшийся на востоке от Балтики до румынской границы и на западе от Ла-Манша до Швейцарии. Не было больше небольших профессиональных армий, обученных и привыкших профессионально убивать и профессионально умирать — в серые шинели одели миллионы людей, оторванных от семей и мирных дел и брошенных в окопы. И подавляющее большинство этих людей и понятия не имело, зачем всё это нужно. Патриотический угар первых месяцев войны прошёл, и уже не убеждали догмы о тевтонских или славянских ордах, априори одержимых свирепой жаждой разрушения. Мотивы войн прошлого, когда жители мирных городов защищали свои дома от нашествия завоевателей (или наоборот, когда лихие воины брали на меч вражеские города, ища славы и военной добычи) стёрлись и потускнели: никто всерьёз не верил, что германцы хотят изнасиловать всех француженок или что у русских кончились немецкие младенцы для ежедневной трапезы. Высокоумные разговоры о сферах влияния, источниках сырья и рынках сбыта не интересовали людей, сидящих в окопах: вряд ли кто-нибудь из них в здравом уме и

трезвой памяти согласился бы отдать свою единственную и неповторимую жизнь за какие-то там рынки сбыта, от которых ему — Жану, Джону, Фрицу, Ивану, — ни жарко, ни холодно.

Не было больше славных битв, решавших исход войн, — многосоттысячные потери ни на йоту не приближали ни одну из сторон к полной и окончательной победе. Частные победы сменялись поражениями, и страшный конвейер продолжал работать, превращая множество людей со всеми их надеждами и чаяниями в распадающуюся органику. В этой войне не было идеи, простой и понятной рядовым бойцам и способной призвать их к самопожертвованию — не было ответа на вопрос: «Ради чего?». Французы и русские, англичане и немцы убивали и умирали, скованные цепями законов своих стран, традициями и привычкой к послушанию. И никто из них не мог сказать, какую цену придётся заплатить, чтобы всё это кончилось.

«Это похоже на чикагские боины, — записал в своём дневнике молодой американский солдат, попавший добровольцем на фронт, — разница только в том, что на чикагский бойнях мясо не закапывают в землю».

Этого солдата звали Эрни Демингуэ, и эти слова пятнадцать лет спустя прочёл весь мир в его романе «Прощай, оружие!».

* * *

1916 год

Над Северным морем гремели пушки — куда более мощные, чем те, что грохотали здесь двести пятьдесят лет назад, во времена де Рёйтера. К юго-западу от Ютландии сошлись две армады бронированных морских чудовищ, чтобы решить вопрос, кому владеть морями. Для обеих сторон вопрос этот был жизненно важен: к третьему году войны Германия стала уже задыхаться в петле блокады, а Британия без подвоза не продержалась бы и месяца. Для Франции сам по себе вопрос господства на море так остро не стоял — исход её борьбы с Германией решался на суше, — однако Франция не могла себе позволить потерять Англию и остаться с тевтонами один на один. Правда, у неё была ещё и Россия, но два союзника лучше одного.

Строго говоря, в Ютландском бою встретились не два флота, а три — эскадрам немцев противостояли эскадры французов и англичан. Гонка морских вооружений перед войной привела к тому, что флот Германии несколько превосходил по отдельности флот любого из двух её главных противников, почти вдвое уступая объединённому флоту союзников. Но к шестнадцатому году, когда кайзер и его советники поняли, что Германия проигрывает войну на истощение, у немцев не осталось иного выхода, кроме как попытаться переломить ход войны неожиданным ходом, граничащим с авантюрой.

На суше ничего не вышло: войска обеих сторон глубоко врылись в землю, опоясав линии траншей рядами колючей проволоки, и даже многодневные артиллерийские обстрелы были не в состоянии подавить вражескую оборону до конца. Как только в атаку поднималась пехота, оживали уцелевшие пулемёты, укрытые до времени в «лисыих норах» и спрятанные в бетонных колпаках, и наступавшие откатывались назад, обильно умываясь собственной кровью. У высших чинов кайзеррейха, хорошо осведомленных о проблемах русской армии, оставалась надежда мощным ударом выбить из войны Россию, перенеся острие наступления с запада на восток, но этой надежде не суждено было сбыться: яростный германский натиск разбился о знаменитую русскую стойкость, подкреплённую потоком военного снаряжения, поступавшего через черноморские порты. Турция так и осталась нейтральной — командиры «Сюркуфа» и «Сюффрена», потопившие «Зигфрид», более чем заслужили полученные ими ордена.

Не оправдалась и ставка на новое оружие — боевые газы. Их эффективность оказалась значительно ниже предполагаемой, и очень быстро нашлось противоядие: защитные маски и противогазы. Предлагалось атаковать газовыми бомбами с «цеппелинов» Париж и Лондон, однако кайзер Вильгельм, поколебавшись, отказался от этой крайней меры. Говорили, что в

нём разыграл рыцарский дух, не одобрявший грязных методов ведения войны, но говорили и другое: «Кайзер просто опасается, что газовые атаки вражеских столиц не принесут нужного результата и только спровоцируют ответное химическое нападение французских аэропланов дальнего действия на германские города».

Оставалось море: адмираль-штаб рассчитывал разгромить флоты врагов Германии поодиночке, уповав на фактор, хорошо известный из истории войн: на несогласованность действий союзников. Овладение морем ставило Англию в безвыходное положение, резко ухудшало положение России, зависящей от военных поставок, и затрудняло ведение войны Францией, в свою очередь оказавшейся в морской блокаде. От адмиралов Шеера и Хиппера требовалось спасти кайзеррейх, и адмиралы сказали: «Яволь! Мы победим или умрём!».

Германия по праву гордилась своим флотом, детищем адмирала Тирпица, до этого времени тщательно оберегаемым от малейшего риска. В Ютландском бою немцы выставили восемнадцать вермонтов и пять панцеркрейсеров против четырнадцати вермонтов и пяти мёртрь-крейсеров Франции и пятнадцати вермонтов и шести линейных крейсеров англичан. При этом немецкие корабли были конструктивно прочнее, имели более толстую броню, а германская артиллерия превосходила по эффективности артиллерию англичан и не уступала артиллерии французского флота. У адмирала Шеера были шансы выполнить свою клятву...

Союзный флот, опасаясь атак немецких подводных лодок, базировался в Скапа-Флоу. Формально объединённым флотом на правах хозяина базы командовал английский адмирал сэр Джон Джеллико, однако адмирал Шаторено, считая себя ничуть не менее значимой фигурой, не находился в его прямом подчинении — складывалась анекдотическая ситуация «я выполняю любой ваш приказ, но вы сначала меня убедите». И поэтому, когда было получено сообщение, что, судя по данным радиоперехвата, германский Хохзеефлотте⁵² вышел в Северное море и намерен атаковать берега Британии, Джеллико пришлось убеждать своего самолюбивого французского коллегу в необходимости срочного выхода союзного флота на перехват. В итоге Шаторено вял, однако выговорил себе право следовать отдельно, в двадцати милях от английских сил, «во избежание путаницы при подаче сигналов», и это обстоятельство чуть было не стало роковым для союзников, хотя оно же, в конечном счёте, и принесло им победу.

Враждебные флоты встретились 31 мая около двух часов дня. Бой между крейсерами сложился неблагоприятно для англичан: около трёх часов под германским огнём взлетел на воздух линейный крейсер «Инвинсибл», двадцатью минутами позже — «Куин Мэри», и лишь появление эскадры быстроходных вермонтов спасло адмирала Битти от разгрома. Тяжёлые снаряды «вэлиентов» качнули чашу весов: «Лютцов» и «Зейдлиц» получили повреждения, а «Фон дер Танн» лишился артиллерии главного калибра — три из четырёх его башен были разбиты, а затем вышла из строя и последняя башня. Но тут на поле боя появился немецкий линейный флот, и англичанам пришлось спасаться бегством.

Погоня закончилась в начале шестого, когда колонна германских вермонтов, походя пустив на дно пару старых английских крейсеров завесы, угодила прямо в центр британского флота, развернувшегося в боевой порядок. «Байерн», шедший во главе эскадры «кёнигов», попал под сосредоточенный огонь десятков орудий — вся полудуга горизонта превратилась в огненное море от вспышек выстрелов. Оценив обстановку, Шеер немедленно начал поворот «все вдруг», чтобы реализовать своё численное превосходство. И ему бы наверняка удалось это сделать, но в этот момент из туманной дымки показались корабли французов.

Адмирал Шаторено появился как нельзя кстати и очень удачно: колонна германских линкоров оказалась зажатой между двумя флотами — немцам пришлось идти сквозь строй под перекрёстным огнём. Яростно огрызаясь с обоих бортов и теряя корабли, Шеер прошёл сквозь этот огненный строй, однако бой был проигран, и только наступившая темнота спасла истерзанный Хохзеефлотте от полного уничтожения. Темнота и разногласия командующих,

---

⁵² Флот Открытого моря (нем.)

не сумевших прийти к единому мнению по вопросу, как и где ловить германский флот ночью и на следующий день, позволила немцам добраться до своих баз, но с мыслью о господстве на море германцам пришлось распрощаться — они понесли слишком тяжёлые потери.⁵³

* * *

1917 год

Взрыв торпеды вспорол днище грузового парохода с лёгкостью ножа, вскрывающего консервную банку. Судно повалилось на борт, окутываясь клубами дыма и пара от залитых водой котлов, и в считанные минуты скрылось под волнами Ирландского моря. С трудом забравшись на чудом спущенную шлюпку, капитан, дрожа от холода в насквозь промокшей одежде, в который раз задавал себе вопрос, на который не мог найти ответа: «Как же так? Обычно немцы всплывали, приказывали остановиться, посылали досмотровую партию и уже потом топили судно, позволив команде сесть в шлюпки. А тут — без предупреждения, из-под воды, по-разбойничьи! Господи, мир сошёл с ума...».

...Потерпев поражение при Ютланде и не сумев овладеть морем, Германия развязала неограниченную подводную войну, надеясь поставить на колени Англию. «Опасной зоной» были объявлены Средиземное море и воды Атлантики, омывающие побережья Британии и Франции. На германских верфях лихорадочно стучали пневматические молотки и шипело пламя электросварки — строился подводный флот; ремонт и постройка крупных надводных кораблей были приостановлены. Пресса проклинала «тевтонских варваров, презревших гуманные нормы ведения войны», упорно не замечая, что все эти «гуманные нормы» давно уже выкинуты в мусорную корзину, и что разница между солдатами и некомбатантами стала не более чем условностью: бомбы с аэропланов и дирижаблей падали на военные объекты и на головы мирных жителей, тяжёлые снаряды дальнобойных орудий разносили в пыль и укрепления, и дома крестьян, а в клубах иприта одинаково задыхались мужчины, женщины и дети.

Первая Мировая война стала войной нового типа — той самой, о которой говорил Экарлет Рене Мажордом на тёмной дороге ночью 1864 года. Для устроителей мировой бойни важен был результат, и все так называемые «нормы» были отринуты за ненадобностью — они попросту мешали.

Устроители внимательно следили за ходом мировой бойни. Всё шло по плану, и чем выше росли горы трупов на полях сражений, тем весомее округлялись банковские счета тех, кто организовал этот чудовищный кровавый спектакль. Решение о вступлении ОША в войну было уже принято — оставалось только выбрать день и час. Это время пока ещё не пришло, и режиссёры ждали, подогревая общественное мнение регулярными истериками по поводу потопления германскими субмаринами пассажирских лайнеров с гражданами Объединённых Штатов на борту.

Устроители не торопились — их обогащала каждая минута всемирной бойни. Они знали, что победитель в этой войне должен быть только один, чьей бы формальной победой она не окончилась. А пока они превращали в золото человеческую кровь, как будто владели жуткой магией, которая и не снилась злобным колдунам Чёрного Круга, созданным мрачным воображением одного из основателей жанра фэнтези Робера Говардье.

Вскоре после выхода в свет повести «Люди Чёрного Круга» писатель Робер Говардье покончил с собой. Хотя скорее всего, это было всего лишь простое совпадение.

Наверное.

---

⁵³ Подробное описание альтернативного Ютландского боя выходит за рамки романа. Состав сил и потери сторон — в Приложении (в конце текста).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. БЕССМЫСЛЕННЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ...

1917 год

«Весна... Весной пахнет...» — думал Игнат Лыков, шагая по Лиговскому проспекту. Лицо ласкали лучи мягкого весеннего солнца, а вокруг гомонил и суетился огромный город, выплеснувший на улицы всех своих обитателей. Это была не просто весна, какая приходит каждый год, — это была надежда на долгожданное новое, наконец-то взломавшее вековой лёд и забурлившее, унося мусорные обломки прежней жизни. Петербург кипел; на улицах кишела разношёрстная толпа, всё ещё пьяная от сказанного месяц назад — во весь голос! — сладкого слова «свобода».

Прапорщик был рад, что оказался здесь и сейчас, и даже благодарил германскую пулю, ткнувшую его в бедро во время осеннего наступления: помаялся, пострадал, однако выжил (и даже не остался инвалидом) и прямо с койки тылового госпиталя попал в самый центр событий, вздыбивших Российскую Империю. Царь-государь отрёкся, власть перешла к Временному правительству. Многое оставалось неясным — давно всем осточертевшая война продолжалась и даже обретала второе дыхание, опаляя турецкие берега, а крестьяне в серых шинелях думали не о славной виктории и не о черноморских проливах, а о помещичьей земле. И многое, очень многое говорило о том, что всероссийская размашистая замятня ещё только начинается...

— Вы позволите? — мелодичный женский голос оторвал Игната от размышлений.

Перед ним стояла девушка — молоденькая, чистенькая, пахнущая весной и юностью. В руках она держала букетик красных гвоздик и протягивала одну из них Лыкову.

— Возьмите...

— Благодарю вас, сударыня, — вежливо ответил прапорщик, взял цветок и воткнул его в верхнюю пуговичную петлю расстёгнутой шинели. «Вчерашняя гимназистка, — подумалось ему, — из числа ликующих...».

Девушка улыбнулась и лёгкой походкой пошла дальше, высматривая фронтовиков-офицеров — их в столице было предостаточно.

— Ух, какая краля, — раздался над ухом Игната сиплый голос, — вот бы ей задрать подол, да как...

Прапорщик обернулся. Обладателем сиплого голоса оказался мозглявый солдатик в обмотках и замызганной шинели. От солдатика густо несло сивушным перегаром, однако на ногах он держался и, хуже того, был не один, а в компании троих таких же мятых субъектов. В мутных глазах всех четверых было *нехорошее*, и Лыков почувствовал, как сердце у него вдруг гулко стукнуло и зачастило. «Не фронтовики, — определил он наметанным глазом, — резервисты: из тех, которых в окопы ни калачом не заманишь, ни оглоблей не загонишь. Но винтовками где-то разжились...».

Сиплый не удостоил Игната вниманием — он вцепился взглядом в девушку, которая тем временем остановила молодого флотского офицера и что-то говорила ему, улыбаясь и протягивая гвоздику. Солдаты целеустремлённо направились к ним, и прапорщик, отчётливо понимая, что добром это не кончится, пошёл следом.

Всё дальнейшее случилось очень быстро.

Сиплый, похабно хехекнув, ухватил девушку за ягодицы. Она жалобно пискнула, а флотский, мгновенно побледнев, левой рукой отбросил её к себе за спину, а правой сшиб наглеца с ног. Папаха слетела с головы солдата и упала бесшумно, а вот винтовка лязгнула о камни мостовой, и лязг этот был зловещим.

— Ат-т, с-сука... — взвыл мозглявый. — Мать твою в бога душу!

Моряк непослушными пальцами рвал кобуру револьвера, но не успевал — один из товарищей сиплого без размышлений вскинул винтовку.

Бахнул выстрел. Закричали люди.

По щеке флотского офицера как будто провели невидимым когтём — брызнула кровь.

А стрелявший ткнулся лицом в булыжники — Лыков сзади подставил ему подножку и резко толкнул его в спину. В следующую секунду только опыт штыковых боёв спас прапорщика — он едва успел уклониться от падавшего ему на голову винтовочного приклада. «Порвут на куски» — вспыхнуло в сознании Игната.

Солдаты не стали стрелять — им хотелось штыками выпустить кишки проклятому офицерью, а уж потом, на их трупах, потешиться с чистенькой барышней — свобода потому что. Будь нападавшие трезвы, они вряд ли позволили бы себе такое средь бела дня, в центре города, но водка и ощущение вседозволенности — заплатим таперича барам-господам за все вековые обиды! — сделала трусоватых резервистов отчаянными и смертельно опасными.

Трёхгранная игла штыка летела в живот Лыкова, но не долетела: флотский наконец-то вытащил револьвер и выстрелил в упор. Краем глаза Игнат видел, как к месту драки со всех сторон бегут другие солдаты. «Не от германцев, а от своих смерть принять, — подумал он, — какая глупость...».

Цокот копыт показался ему пением ангелов. Высокий солдат, целившийся в моряка, отлетел в сторону, сбитый лошадиной грудью. Лыков видел под брюхом коня, как солдат встал, и как его ноги тут же подкосились — чубатый казак перегнулся в седле и взмахнул шашкой. По мостовой дьявольским мячиком покатила отсечённая голова.

Солдаты бросились врассыпную, бросая винтовки. Игнат успел заметить, как один из казаков настиг мозглявого зачинщика и словно играючи разделил его надвое клинком.

— Спасибо вам, прапорщик. Если бы не вы... — флотский протянул Лыкову руку. — Позвольте представиться: старший лейтенант Макаров, Владимир Степанович.

По щеке моряка стекала кровь, пачкая золотой погон, но лейтенант не мог её унять — левой рукой он поддерживал девушку, после всего пережитого еле стоявшую на ногах.

— Лыков, Игнат Пантелеевич. Пойдёмте-ка отсюда — барышня совсем сомлела.

Несколько минут они шли молча, не обращая внимания на взгляды зевак.

— Революция... — произнёс Лыков, когда молчание сделалось напряжённым.

— Это не революция, — отозвался старший лейтенант. — Это бунт, российский бунт, бессмысленный и беспощадный. Любая революция имеет вождей, а вот нашей с вождями не повезло. И теперь чернь будет грабить и наси... — он осёкся, почувствовав, как вздрогнула под его рукой спасённая.

— Это не чернь, Владимир Степанович, это народ, — возразил прапорщик, — народ, над которым измывались столетиями. Не судите обо всём народе по кучке пьяных негодяев.

— Я видел этот народ, Игнат Пантелеевич. Я честно сражался за него с тевтонами, и мои матросы — народ! — стояли рядом со мной на одной палубе у Готланда под германскими снарядами. А потом эти же мои матросы проламывали черепа моим товарищам-офицерам, и сбрасывали их на дно Финского залива... Народ, — он скрипнул зубами, — слишком много слёз пролито над его горькой судьбой, а он, народ этот, предпочитает лить кровь — нашу с вами кровь!

Девушка молчала, понемногу приходя в себя.

— Это революция, — упрямо повторил Лыков, — а революция — это дело такое. И что будет дальше...

— Резня будет, — перебил его Макаров. — Стенька Разин и Пугачёв в одной компании с Марксом. Слышали о таком деятеле?

— Доводилось. Но ведь по старому-то нельзя, Владимир Степанович!

— Нельзя. Но и допустить разгула черни — тоже нельзя. Для разгулявшейся черни есть только одно проверенное лекарство: плеть и виселица, так я вам скажу. И поэтому...

— Знаете, — прапорщик резко остановился, — нам с вами дальше не по пути. Я ведь эту чернь, как вы изволили выразиться, три года в окопах наблюдал — вблизи. Так что идите вы... своей дорогой, а я пойду своей.

Лейтенант понял.

— Честь имею, — глухо сказал он, вскинув пальцы к козырьку фуражки.

— Честь имею, — ответил Игнат.

Пройдя шагов сорок, Лыков обернулся. Девушка осторожно стирала платком кровь с лица офицера и, судя по шевелению её губ, что-то ему говорила — негромко, слов было не разобрать. Прапорщик отвернулся и пошёл дальше — к Николаевскому вокзалу. Поезда хоть и с перебоями, но ходили, и он надеялся добраться до родной Рязанщины: к Марии, которую он не видел полтора года — со времени своего последнего отпуска по прошлому ранению.

На фронт зауряд-прапорщик Игнат Лыков решил не возвращаться.

* * *

...Ещё осенью шестнадцатого года ничто, казалось, не предвещало надвигавшейся бури. Положение на фронтах внушало оптимизм: прошлогоднее германское наступление было остановлено без существенных территориальных, людских и материальных потерь, а удар армий Юго-Западного фронта генерала Брусилова послал Австрию в глубокий нокаут, из которого она так и не выбралась до конца войны. Люди устали от крови и смертей, но устали не только русские — французам пришлось усмирять пулемётами свои бунтующие батальоны, раздражённые бессмысленными потерями под Верденом и «бойней генерала Нивеля»,⁵⁴ и даже знаменитый тевтонский боевой дух изрядно поблек и обесцветился. После ошеломившего всю Европу Брусиловского прорыва вновь забрезжила надежда на победу, и русское командование, окрылённое успехом, решило начать наступление на Западном и Северо-Западном фронтах, перебросив туда резервы и лучшие части Юго-Западного фронта. «Немец тот же австриец, и его тоже можно бить, — таков был нехитрый ход рассуждений генералов Ставки, — было бы только вдоволь патронов и снарядов». Оружия и огнеприпасов хватало — союзников более чем устраивал «русский натиск» на Германию, и Франция, Англия и, само собой, США не скупилась на военные поставки. Эти поставки шли теперь не только через Чёрное море, но и через новорождённый Романов-на-Мурмане, связанный с Петербургом ниткой железной дороги, проложенной с лихорадочной быстротой по лесам и болотам Карелии. Но каждый винтовочный патрон и каждая пара солдатских ботинок скрупулёзно учитывалась в бухгалтерских книгах: клерки «денежного треста» считали каждый талер и намерены были стребовать с России все её долги. А пока Россия платила кровью своих сыновей, готовившихся перейти в наступление ради очередного спасения «западных демократий».

Однако ожидаемый триумф не состоялся: если вдоль балтийского побережья русским удалось продвинуться на запад и вновь выйти к границам Восточной Пруссии, откуда им пришлось отступить в четырнадцатом году, то в центре успех был более чем скромным. Да, хватало и снарядов, и патронов, и новейших артиллерийских систем, и людских резервов, но не хватало умения полководцев прорывать современную многополосную оборону. И главное — не хватало желания солдат идти навстречу огненному смерчу: проклятая война непонятно за что у всех уже сидела в печёнках.

Наступление, в котором был ранен прапорщик Лыков, захлебнулось, добавив десятки тысяч новых солдатских могил. А три месяца спустя ахнуло гулкое эхо: в России началась революция. Революция эта вызревала давно, она была неизбежной: не хватало только лишь последнего толчка. И грохот пушек на фронте рассыпался треском винтовочных выстрелов на улицах Москвы и Петрограда.

Союзники насторожились, но вскоре успокоились: Временное правительство заявило о своей верности союзническому долгу и о своём намерении продолжать войну до победного конца. А победный конец в начале семнадцатого года уже просматривался: США вступили в войну, бросив на чашу весов всю свою мощь, и поражение кайзеррейха стало всего лишь вопросом времени.

---

⁵⁴ «Бойня генерала Нивеля» — неудачное наступление войска Антанты во Франции. Успех был почти нулевым, а потери французов и англичан убитыми и ранеными составили 350.000 человек. Названо по имени главнокомандующего французской армии Робера Нивеля.

Новые правители России тоже почуяли запах грядущей победы и были намерены не упустить свой заслуженный кусок пирога. Через три недели после отречения царя Россия, отложив на потом больной для крестьянской страны вопрос о земле, объявила войну Турции, нацелившись на вожделённые проливы — за что, в конце концов, кровь проливали? Расчёт был прост: Австрию уже можно сбросить со счетов, Германия задыхается в железном кольце союзных армий и флотов, а сама Турция слаба — она давно не игрок на мировой арене. И победа, победа — народу нужна весома и осязаемая победа, которая всё спишет и поднимет престиж новой власти.

Господство русского флота на Чёрном море было полным: пара древних турецких броненосцев ни в коей мере не могла соперничать с новейшими русскими вермонтами, и в Севастополе уже концентрировались сотни десантных «эльпидифоров», готовых высадить сорокатысячный русский экспедиционный корпус прямо на берега Босфора.

И невдомёк было новым обитателям Зимнего дворца, что подобная самодеятельность очень сильно не понравилась кое-кому — и даже не в просвещённой Европе, а за океаном...

* * *

— Дальнейшее существование России как мировой державы нецелесообразно.

Лысоватый полный человек небольшого роста произнёс эту фразу равнодушно — таким тоном напоминают слугам о необходимости прибраться в доме и вынести мусор, нарушающий строгую упорядоченность элитного жилища.

— Исход войны ясен, победители определены, и увеличение их числа не требуется. И тем более не требуется присутствие среди победителей России: её непредсказуемость может создать нам определённые трудности уже в самом ближайшем будущем. Франция, Британия, Германия — все они укладываются в схему, тогда как Россия с её вечным богоискательством и мессианством так и норовит вырваться за рамки, которые мы устанавливали веками. Наш следующий шаг — власть над миром, а Россия может стать досадной помехой на нашем пути. И поэтому...

— Вы предлагаете вооружённое вмешательство, мсье Шильд?

— Зачем же так примитивно, мсье Феллер. Играть надо по правилам, тем более что правила эти нами же и установлены. В России революция, а отец-основатель Бюжо когда-то сказал, что «любая революция должна вовремя остановить свой разбег, иначе она подомнёт под себя всех своих зачинателей». Разбег русской революции надо подтолкнуть — пусть эта революция превратится в лавину, сметающую всё и вся. Россия должна быть отброшена в средневековье — только так мы сможем обезопасить себя от её непредсказуемости. Ситуация благоприятна: нынешние правители России напоминают импотентов, получивших гарем, но не знающих, что и как делать с его обитательницами. А это чревато — как это по-русски? — бабьим бунтом. Томные гурии, изнывающие от недостатка внимания, охотно прислушаются к серенадам, которые будет распевать под окнами их сераля любой проходимец, и потеряют головы, наслушавшись сладких песен. А если учесть, что эти гурии не боятся крови и ловко владеют топорами, то участи неуклюжих гаремных евнухов, а также случайных прохожих не позавидуешь. Русские живут сердцем, а не разумом — в любой стране людей, желающих во время войны поражения своей державе, сочли бы обыкновенными предателями, а в России их почему-то называют радетелями за народное дело. Эту особенность русского менталитета можно и нужно использовать — разумеется, в наших целях.

— Германский генеральный штаб намерен...

— Это намерение можно только приветствовать. Вам ведь известно, мсье Дюпон, что в проект «Детонатор» вложены и наши деньги — они должны принести дивиденды. В мутное российское варево надо бросить чуточку дрожжей, и оно тут же пойдёт через край. А для подогрева кастрюли — одно-два военных поражения, чтобы добить остатки энтузиазма армии и народа.

— Полетят брызги... — задумчиво произнёс высохший старик. — Как бы нам самим не обжечься и не запачкать одежду...

— Россия далеко, мсье Легран, — между нами океан. Однако осторожность не повредит — нужно держать наготове перчатки. Бронированные, как мне кажется, — они надёжнее.

— Мировая война не окончена, — возразил Феллер. — Германские субмарины нещадно топят торговые суда — Англия изнемогает, и Франции тоже несладко. Не даст ли выход из войны России шанс Германии?

— Никоим образом! — мсье Шильд сделал энергичный жест рукой. — Оставьте пустые надежды тевтонам — я привык верить сухому языку цифр. А цифры говорят, что экономика кайзеррейха на грани коллапса — Германию уже не спасут ни подводные лодки, ни выход из войны Российской Империи, то есть республики. Поздно, господа, — Германия обречена. Мы раздавим её и без помощи России, так пусть же напоследок Германия нам поможет — мы не будем ей мешать. Будут ли какие-нибудь возражения?

Возражений не было.

* * *

Тихой апрельской ночью спящий Севастополь был разбужен тяжёлым грохотом — в Северной бухте по неизвестной причине взорвался линкор «Императрица Мария». Над водой встала стена алого пламени, и полусонные обыватели с ужасом наблюдали агонию тонущего корабля. А через две недели у Босфора был торпедирован линкор «Императрица Екатерина Великая», прикрывавший высадку русского десанта на турецкий берег. Поражённый двумя торпедами вермонт сумел добраться до Севастополя, где надолго встал в док, но сам факт этой атаки буквально ошеломил русское командование: в Чёрном море появились немецкие субмарины! Союзники — французы и англичане — клялись-божились, что такое невозможно, однако две громадные пробоины в борту «Екатерины» доказывали обратное. А вскоре было получено и ещё одно доказательство: под Новороссийском эсминец «Беспощадный» таранил и потопил германскую подводную лодку и подобрал из воды трёх членов её экипажа. После допроса пленных, одним из которых оказался командир лодки, удалось установить, что через Дарданеллы и Босфор прошли уже шесть немецких подводных лодок, и ещё шесть движутся к проливам. Появление тевтонских субмарин резко меняло обстановку: противолодочная оборона русского Черноморского флота пребывала в зачаточном состоянии, а это означало, что битком набитые войсками русские транспорты у Босфора станут лёгкой мишенью для германских подводников.

Неожиданно крепким орешком оказались и береговые форты, на которых откуда ни возьмись (и очень быстро) появились германские офицеры-инструкторы, одетые в турецкие фески. Начатая по плану высадка десанта кончилась лишь тем, что турецкие камни обильно оросила русская кровь, пролитая зря, — из патристических российских газет конфузливо исчезли аляповатые рисунки, на которых усатый казак, отпихивая ногой мелкорослого турка, прибывал к воротам Цареграда щит князя Олега. Не большего успеха добились и союзники, торопившиеся проломиться к Стамбулу с дарданелльского крыльца, — узкую щель пролива густо усеяли мины, а плотный огонь турецких батарей срывал все попытки траления. Лёгкой победы над Турцией не получилось ни у кого, но если для союзников это было уже не столь важно, то для Временного правительства турецкая неудача стала роковой.

Мало того, престижу новых правителей России был нанесён и ещё один удар: в июле германский флот одним броском захватил Моонзундские острова. Четыре новых балтийских линкора хоть и уступали по мощи пяти немецким вермонтам и панцеркрейсеру «Мольтке», участвовавшим в операции, однако могли бы, стоя за минными полями и поддерживаемые береговыми батареями, сорвать германские планы. Но этого не случилось — экипажи русских вермонтов отказались идти в бой «за буржуев и капиталистов», и дорогу немецкой армаде пытались преградить только два старых броненосца-ветерана русско-японской да

несколько эсминцев и канонерок. Силы были неравны — немцы захватили острова и вымели русский флот из Рижского залива, заплатив за это повреждением подорвавшегося на минах «Бадена», распоротым на камнях брюхом «Рейнланда» и гибелью десятка миноносцев и тральщиков.

Северо-Западный фронт дрогнул — солдаты дезертировали ротами и батальонами, и только отряды добровольцев-ударников, засевших в капонирах с ящиками пулемётных лент, не позволили германским дивизиям взломать русскую оборону.

Но это были уже конвульсии: в Петрограде готовилась взять власть крепко спаянная и имевшая чёткую цель подрывная группа, умело нажимавшая на болевые точки массы людей, ждавших от революции многого и не получивших от неё ничего. А Временное правительство не делало решительно никаких телодвижений, чтобы удержать эту власть...

Дождливой октябрьской ночью грохнуло пятнадцатисантиметровое баковое орудие крейсера «Юнона», дав сигналу к штурму Зимнего дворца, за окнами которого беспомощно ждали свои участи министры Временного правительства.

Это стало концом старой России и началом кровавой гражданской войны.

* * *

1920 год

Неказистый грузопассажирский пароход под французским флагом, служивший всю Мировую войну военным транспортом и при этом избежавший смертного поцелуя торпеды с германской субмарины, медленно раздвигал тупым носом мелкую рябь Мангата-Бэ. На его палубе было людно: пассажиры, измученные двухнедельным переходом через штормовую Атлантику и духотой трюмов с их трёхъярусными солдатскими нарами, жадно вглядывались в береговую черту: что принесёт им этот новый мир, земля обетованная, куда все они так стремились?

Нуво-Руан равнодушно встречал гостей — сумрачный город привык к нескончаемому потоку беженцев из разорённой войной Европы. Сетка дождя казалась маской, накинутой на причалы и на размытые силуэты домов; маской, из-под которой на приезжих бесстрастно взирали холодные глаза: ты приехал, и ладно, живи, как знаешь и сумеешь — здесь у каждого есть шанс, но здесь никто никому не помощник.

Усталый человек в чёрной морской шинели стоял у леера, поддерживая под локоть женщину в потёртой шубке и белом пуховом платке. Человек это был ещё молод, но жизнь уже помяла его от души — промозглый осенний ветер шевелил рано поседевшие волосы его непокрытой головы. Женщина тоже была молодой, но выглядела предельно измученной — никто не узнал бы в ней сейчас ту наивно-радостную гимназистку, три с половиной года назад жадно вдыхавшую воздух свободы и раздававшую гвоздики на улицах такого далёкого теперь Петрограда.

Они оба молчали, глядя на зеленоватую, словно вылезшую из воды, статую Свободы — подарок Англии Объединённым Штатам к столетию независимости бывших французских североамериканских колоний. Статуя обосновалась на месте старинного форта, её домашний островок называли Иль де ла Либертэ, и никто уже не вспоминал, что когда-то этот остров назывался островом Рембо — майор Луи Рембо хоть и защитил Нуво-Руан от атаки англичан, зато потом он сражался под знамёнами короля Франции против борцов за свободу Америки, и этого ему не простили.

Пароход ткнулся в причал, уцепился за него тонкими щупальцами швартовых и напоследок шумно вздохнул машиной, словно усталая лошадь, наконец-то добравшаяся до конюшни. Подали трап, к нему вдоль бортов потянулись вереницы людей, толкая друг друга, — они спешили поскорее ступить на землю обетованную.

— Влади... мир Макаруа... — запинаясь, прочёл иммиграционный чиновник. — Вы из России, мсье? И ваша жена — тоже?

— Мы оба из России, мсье, — сухо ответил седой человек в шинели морского офицера. — Мы покинули её полгода назад.

Чиновник посмотрел на них с интересом — нечасто в Америку прибывают беженцы из страны, в которой творится чёрт знает что, — но натолкнулся на льдистый взгляд офицера и воздержался от дальнейших вопросов. В конце концов, какое ему дело до этих русских? Документы у них в порядке, а откуда они, что с ними было, и что будет дальше — какая разница?

— Добро пожаловать в Объединённые Штаты Америки, — чиновник шлёпнул печатью и улыбнулся казённой улыбкой. — Желаю вам удачи, мадам и мсье.

— Благодарю, — сын русского адмирала чуть поклонился, взял паспорта и тронул свою спутницу за рукав. — Пойдём, Лизонька, — нам далеко идти.

...И они пошли по американской земле, оставив за спиной океан и Россию, любовь и ненависть, горечь поражения и боль утраты. Чиновник проводил их взглядом и вернулся к своим обязанностям — в очереди на контроль стояли сотни и сотни людей, жаждавших начать в Америке новую жизнь.

...Красный командир Игнат Лыков был убит при штурме Перекопа, так и не увидев своего маленького сына, которому в день гибели отца исполнилось два с половиной года.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЧУМА ВО ВРЕМЯ ПИРА

1929 год

Эжен Денёф, внук удачливого калифорнийского золотоискателя Батиста Денёфа, финансист в третьем поколении и преуспевающий биржевой спекулянт, отрешённо смотрел в окно. Гул голосов в здании биржи сливался в монотонный шум, похожий на шум дождя. Временами шум этот прореза ли визгливые выкрики, означавшие, что ещё кого-то дождь финансовой непогоды — да что там дождь, ливень! — промочил до нитки и до потери здравого рассудка. И сам Эжен чувствовал, что скоро и с ним случится то же самое — его воспалённый мозг не выдерживал абсурдности происходящего.

Эжен с детства привык жить среди незыблемых законов мира, стоявшего на деньгах. В этом мире всё было понятно и просто: каждый талер должен расти и распухать, принося прибыль. Талеры трудолюбивыми пчёлами со звоном-жужжанием вылетали из ячеек-сейфов банка-улья и возвращались обратно, неся нектар-прибыль, собранный на цветущем лугу под названием Объединённые Штаты Америки. Луг этот был огромен и обилен, и расширился с каждым годом, постепенно вбирая в себя соседние лужайки, над которым кружили пчёлы-франки, пчёлы-фунты и пчёлы-марки, обитатели похожих ульев. Пчёлы-соседи не слишком радовались визитам заморских гостей, но пчёлы-талеры не обращали на это внимания: они брали своей энергией и нахальством, особенно после того, как европейские пчёлки насмерть перессорились из-за мировых делянок и усеяли их миллионами своих трупиков. Всё шло по законам природы: побеждал сильнейший, и душистый мёд заполнял соты американского улья, где выкармливались всё новые и новые личинки-талеры.

Выбрав стезю биржевого дельца, Эжен Денёф ни разу в жизни не испытал сомнений и колебаний: он был уверен в том, что деньги — сила сама по себе, что они самодостаточны, и поэтому нет никакой необходимости ломать себе голову над вопросом, откуда они берутся: главное, чтобы их было как можно больше. Эжен не обращал внимания на неодобрительные взгляды тётушки Катрин и на молчаливое презрение её мужа-креола — нравится этим старым чудакам жить в глуши, среди дикарей, и гордиться тем, что они зарабатывают себе на хлеб своими руками, и пусть. А он, Эжен, будет зарабатывать своим умом, за месяц сколачивая азартной игрой на бирже больше, чем эти старомодные идеалисты сумели заработать за всю свою жизнь. И только однажды в юности ему стало как-то не по себе, когда дедушка Батист, просмотрев «Биржевой вестник», усталым жестом снял пенсне и сказал, глядя на внука: «Это странно, Эжен: химические концерны, заводы «рено» и

судостроительные верфи гордятся прибылью в пять процентов, рост национального дохода на те же пять процентов считается прекрасным показателем, а банк Леграна, — старик подчеркнул жёлтым ногтем строчку в газете, — обещает вкладчикам десять, двенадцать и даже пятнадцать процентов годовых! И так продолжается из года в год — откуда берётся такая прибыль, и что за этим стоит? Я стреляный волк, малыш, — я нутром чую здесь какой-то капкан, пружина которого взводится. И этот капкан когда-нибудь щёлкнет, и горе тому, кто не успеет вовремя убраться лапы. Думай головой, Эжен...».

Но это неприятное ощущение было мимолётным, оно быстро прошло, и Эжен Денёф, в очередной раз снимая сливки с удачной биржевой операции, так и не задумался головой, что за деньгами, рождёнными курсовой разницей стоимости проданных и купленных акций и увеличившими его банковский счёт, *нет ничего* : ни построенных домов, ни сшитых брюк, ни выращенного хлеба. Среди рабочих пчёл появлялось всё больше трутней, не приносящих в улей ни капли мёда, но требовавших свою долю — и немалую! — и оттиравших от кормушки скромных трудяг. И по тому же самому закону природы, в который свято верил Эжен Денёф, этот растущий перекося должен был вызвать стихийное бедствие, рано или поздно. И время пришло: внезапно, как гром среди ясного неба...

Дверь кабинета с треском распахнулась.

— Мсье Денёф, акции «Тэмпико Петролеум» продаются по цене обёрточной бумаги! Это конец...

Внешним видом — выпученными глазами, взлохмаченными волосами и растрёпанным костюмом — Йозеф Зуттер, многолетний деловой партнёр и сподвижник Эжена, напоминал обитателя сумасшедшего дома. И голос его походил на предсмертный хрип, когда он через силу выдавил:

— Что же нам теперь делать, Эжен?

— Что делать? — лицо мсье Денёфа исказила судорожная гримаса. — Стреляться, друг мой Йозеф, — что нам ещё остаётся? Или ты будешь ждать, пока кредиторы не возьмут тебя за жабры и не бросят на сковороду?

— А... Стреляться... Ну да, конечно...

Пошатываясь, Зуттер вышел, не закрыв за собой двери. Эжен хотел встать, чтобы закрыть дверь кабинета, но передумал. Вместо этого он выдвинул ящик стола, достал оттуда старый шестизарядный «кольт», подаренный ему дедом на совершеннолетие, и задумчиво провёл пальцами по перламутру рукояти. А потом он вложил холодный ствол револьвера себе в рот и нажал на спусковой крючок.

* * *

Старушка Европа ещё не избавилась от болезненно-острой памяти о бредово-вязком кошмаре Мировой войны и смотрела в недавнее своё прошлое полными огня и боли глазами Анри Барбюса и Ремарка. Ещё не заросли траншеи; не были извлечены из земли все ржавые снаряды, впившиеся в неё за годы мировой бойни и не разорвавшиеся; не все затопленные в Скапа-Флоу германские боевые корабли были подняты и разрезаны на металл; и миллионы вдов, не дождавшихся возвращения с фронта своих мужей, ещё не состарились и одинокими ночами забывались в горячечных снах, щедро политых слезами. Отстраивались разрушенные города, и уже подрастало поколение торопливо рождённых детей войны, но прежняя жизнь умерла, расстрелянная пулемётами, отравленная газами и пропоротая в жестоких штыковых атаках. Мир изменился необратимо: психика человечества была тяжело контужена взрывами крупнокалиберных фугасов и раскисла от пролитой крови. На этой крови не взошли цветы — Европа напоминала человека, тащившего тяжкий груз, дотащившего его и сбросившего, но при этом не избавившегося от боли в натруженной спине и дрожи в коленях. Жизнь брала своё, однако далеко не все понимали, какой она будет, эта новая жизнь, и очень неуютно было жить в развороченном войной европейском доме. Стены этого дома покорёжило, в окна дул стылый ветер, пробитая крыша подтекала. А у хозяев потрёпанного дома не было денег

на ремонт — эти деньги уплыли за океан в уплату за оружие, с помощью которого европейцы четыре года самозабвенно истребляли друг друга. Победителем из мировой бойни вышла только одна страна, вернее, её хозяева, создавшие эту страну как инструмент для достижения своих далеко идущих планов. И победители эти спокойно наблюдали за растерянной суетой европейцев, пытавшихся возродить хотя бы подобие своего былого величия.

Победители пожинали плоды: оставшиеся в стороне от ужасов войны Объединённые Штаты Америки переживали невиданный подъём и расцвет. В стране стремительно росло всё: валовой национальный продукт, объёмы производства, прибыли компаний и уровень жизни, причем у всех слоёв населения. Каждый год приносил новые чудеса инженерии; строились небоскрёбы и мосты; символ преуспевания автомобиль стал в Америке предметом массового потребления (в двадцать девятом году было произведено и продано свыше одного миллиона легковых «рено»). Экспорт превышал импорт, ОША играли все большую роль в мировой экономике. Франглы всерьёз уверовали в то, что это навсегда, что их возлюблённая Богом страна нашла формулу безграничного процветания. Экономическая и социальная система Америки, по убеждению её граждан, лучше всего соответствовала природе человека, истинной морали и Божьему замыслу. Трудолюбивым и честным в ней был обеспечен успех, а если кто-то остался беден — так это только его вина; для таких ордекотенов⁵⁵ существует благотворительность, призванная смягчать отдельные неизбежные язвы общества.

Но грянул гром: три дня осени тысяча девятьсот двадцать девятого года — «чёрный четверг» 24 октября, когда началось обвальное падение цен акций, «чёрный понедельник» 28 октября, когда это падение приняло масштабы катастрофы, и «чёрный вторник» 29 октября, день биржевого краха на Рю де Мюр — стали поистине Судными Днями. Фондовый рынок рухнул, ломая людские судьбы — десятки разорившихся предпринимателей выбрасывались из окон. Резкие падения биржевых курсов случались и раньше, но на этот раз биржевой крах оказался только стартовым сигналом к невиданно глубокому кризису, поразившему всю экономику Объединённых Штатов Америки на долгие годы. Этот кризис, ставший для ОША историческим рубежом, получил название «Великая депрессия».

Кризис шёл волнами, словно цунами, порождаемые непрекращающимся подводным землетрясением, и следующая волна смывала то, что не смыла предыдущая. Расширявшаяся воронка кризиса втягивала в себя всё новые отрасли экономики и всё более широкие слои населения. За четыре года производство в Объединённых Штатах упало вдвое, разорилось более ста тысяч предприятий, безработица в стране выросла в десять раз — с трёх до тридцати процентов. Десятки миллионов людей испытали на себе резкое снижение уровня жизни и социального статуса: владельцы новых домов лишались их, будучи не в силах расплатиться по ссуде; люди, имевшие раньше «свое дело», теперь обречённо толкались на бирже труда; рабочие высокой квалификации хватались за любую подёнщину. Сбережения всей жизни улетучивались в один день, и никто не мог сказать, что принесёт день следующий. Тяжелее всего для многих американцев было то, что ни добросовестный труд, ни предприимчивость не помогали — люди чувствовали себя бессильными что-либо изменить. Повсюду в городах выстроились очереди за бесплатной похлёбкой, и в них стояли те, кому прежде сама мысль о благотворительности показалась бы оскорбительной. И всё это никак не кончалось: кризис перешёл в затяжную депрессию, которая с годами стала проникать в умы и души. У людей опускались руки: они переставали искать работу, перебиваясь чем Бог пошлёт и не надеясь на лучшее. Американская мечта — «сделай себя сам и наслаждайся жизнью» — разлеталась дымкой, туманной фата-морганой, миражом в пустыне. Привычный эгоизм уже не спасал, и выяснилась вдруг страшная штука: при выплавке «общества всеобщего процветания» по-американски слишком многие люди

---

⁵⁵ Ордекотен (от французского hors du cTti — в стороне) — тот, кто остался вне; неудачник, изгой. Английский аналог — аутсайдер.

должны осыпаться бесполезным шлаком...

...И махровым цветом расцветала преступность, очень быстро организовывающаяся и крепнущая — если на жизнь нельзя заработать, значит, всё для неё необходимое (а также сверх необходимого) надо украсть или отобрать силой, не обращая внимания на жалобные вопли слабых. Пусть неудачник плачет — заманчивый девиз «Сделай себя сам» оборачивался беспощадной борьбой за выживание на чужих костях, зловещим эхом тёмных веков и диких пещерных времён. И жалкие ростки гуманизма, проращиваемые с эпохи Возрождения и уже нещадно прополотые лемехом мировой бойни, безжалостно вытапывались железной пятой кризиса...

* * *

1933 год

— Господа, в это тяжёлое время помочь могут только решительные и крайние меры, — президент Франсуа Делано-Руз сделал паузу, давая возможность слушавшим его сенаторам осознать весомость и значимость этих слов. — Кризис захватил банковскую сферу: по всей стране вкладчики осаждают банки, требуя вернуть деньги, но банки не в состоянии этого сделать. Банковская система, а с нею и вся экономика, на грани полной остановки.

В зале заседаний Конгресса повисла мёртвая тишина: вершители судеб страны очень хорошо понимали, что это значит.

— Я принимаю решение с завтрашнего дня приостановить операции во всех банках страны и объявить о срочных мерах по защите частных вкладов. Я выступлю по радио, чтобы успокоить народ: сейчас главное — это сбить панику, чтобы затем провести реформу всей банковской системы для повышения надежности банков и предотвращения спекуляций. Будут введены гарантии для вкладов, не превышающих пяти тысяч талеров. Прежде всего — неотложные экстренные меры, а затем — подбор более основательных решений, под которые, — президент снова сделал паузу, — будут написаны новые законы. Мы остановим Великую депрессию, а наше время потомки назовут временем смелого исторического творчества, какого Объединённые Штаты не знали ни до, ни после!

Президент замолчал, ожидая реакции зала. Предлагаемые меры были неслыханными для Объединённых Штатов, оплота «сводного предпринимательства» с их традицией невмешательства государства в экономику, — Делано-Руз покушался на святая святых. Но зал безмолвствовал, и президент продолжил свою речь.

«Он действует правильно, — думал один из людей, слушавших президента. — Рынок — это стихия, и наивно полагать, что буйный ветер сам построит здание нужной архитектуры. Недоумки, не видящие дальше своего кошелька, назовут Франсуа социалистом, смеющим посягать на неприкосновенность частной собственности, и даже революционером, тогда как он — наш человек и делает только то, что нужно нам, а бенефиции всем прочим — это всего лишь вынужденная необходимость. Когда ветер усиливается и грозит сорвать парус, умный капитан берёт рифы и продолжает путь даже против ветра: лавируя. А задержка прибытия в порт назначения — это куда меньшее зло, чем кораблекрушение или бунт на борту — такой, например, как в России. Он большая умница, наш Франсуа Делано-Руз...».

...Капитан кренящегося под штормовым ветром и захлёстываемого волнами корабля действовал, не обращая внимания на глухое ворчание пассажиров первого класса.

Во избежание новых «черных» вторников и прочих дней недели были приняты законы, регулирующие рынок капиталов, образована полномочная Комиссия по ценным бумагам и биржам. Дальше — больше. Делано-Руз провел целый пакет законов о труде, за которые ранее безуспешно боролись профсоюзы: были установлены минимальная почасовая оплата труда и максимальная продолжительность рабочей недели, закреплено право рабочих на коллективные договоры с хозяевами, запрещён детский труд. Фермерам выплачивались

дотации при условии ограничения ими посевных площадей и специальные надбавки для покрытия разницы сельскохозяйственных и промышленных цен. Домовладельцы получали помощь в погашении ссуд, а их кредиторам запрещалось отбирать дома за долги. В тысяча девятьсот тридцать пятом году был принят закон о социальном обеспечении, заложивший основы общенационального обязательного пенсионного страхования. Неизмеримо выросла система выплаты пособий безработным и другим малоимущим. До сознания адептов чистой прибыли начала доходить мысль, что само по себе изобилие произведённых товаров ничего не значит: предложение должно встречать спрос, а если у людей нет денег на покупки, то самые заманчивые товары так и будут лежать на витринах магазинов, покрываясь пылью, и деньги, затраченные на их изготовление, никогда не вернутся в кошельки производителей.

С невиданным размахом шли общественные работы. Была создана Администрация общественных работ, которая осуществляла множество проектов по строительству дамб, прокладке дорог, посадке лесов, электрификации сельской местности. На этих работах были заняты миллионы людей, оплачиваемых из казны и кормивших свои семьи. А помимо всего прочего, результаты их труда не являлись товаром — мосты и дороги не надо было никому продавать, они как бы вырывались из магического круга «произвёл — продай» и работали только на долгосрочную перспективу, крепя оснастку штормовавшего судна под названием Объединённые Штаты Америки. Регулирование экономики стало делом государства, а для создания государственного финансового рычага в масштабах всей страны был осуществлён «добровольно-принудительный» выкуп по твёрдым ценам всего золота, находившегося на руках у населения. Уклоняться от выполнения этого «гражданского долга» было опасно — с принятым «Законом о золотом резерве» шутить не стоило.

И была ещё одна составляющая, значение которой прекрасно понимали и капитан, и стоявший за его спиной «совет штурманов». Винтовки и боевые корабли, аэропланы и пушки тоже не являлись товаром, нуждающимся в немедленной реализации. Но для творения всех этих разнообразных орудий уничтожения затрачивался труд миллионов людей — создавались рабочие места, а хозяева военных заводов гарантированно получали деньги (и прибыль) от заказчика-государства. Массоваяковка мечей позволяла справиться с кризисом эффективнее и куда быстрее, чем неспешное производство мотыг для обработки хлопковых полей.

Однако арсеналы всё-таки не безразмерны, и накопленное оружие должно было рано или поздно быть использовано и растрачено (хотя бы для того, чтобы освободить место для нового оружия). Единственный же способ использования оружия в больших масштабах — это война, и желательно мировая. Война становилась неизбежной.

...Зубы дракона прорастали — мир неумолимо соскальзывал к новой войне (что бы там не говорили велеречивые господа из Лиги Наций), которая должна была стать гораздо более страшной, чем предыдущая...

* * *

Над планетой сгущались грозные тучи, и кое-где уже посверкивало-погромыхивало, хотя многие этого ещё не замечали — или не хотели замечать.

Британию мировой кризис настиг чуть позже, чем ОША. Правительство лейбористов хотело увеличить бюджетные расходы для облегчения положения широких слоев населения за счёт повышения налогов на богатых, но подобная политика встретила сопротивление со стороны последних, и в результате к власти в Англии пришли консерваторы.

Эти начали бороться с кризисом по-своему, стремясь в первую очередь сохранить устойчивость финансовой системы страны за счёт обеспечения бюджетного равновесия. Важным мероприятием стала отмена в тридцать первом году золотого паритета фунта, из-за чего произошла его девальвация. За Британией вынуждены были последовать её колонии и доминионы, которые устанавливали курс своих валют на основании английского фунта, — империя спасла метрополию.

К концу тридцать третьего года Англии удалось достичь стабилизирующего эффекта, а начавшийся в тридцать четвертом подъём подкрепился государственными ассигнованиями на вооружение. Как следствие — британскому льву тоже понадобилась война...

Франция переживала кризис тяжелее, чем её островная соседка. Имея свои колонии, Франция могла бы использовать английский опыт, но положение осложнилось политическим хаосом внутри страны. Память войны во Франции, понёсшей большие жертвы, чем Англия, было куда болезненней, и породила кучу всевозможных политических течений. К власти рвались и социалисты, и фашисты, и коммунисты, решавшие свои споры с помощью оружия, и в этой сваре экономические проблемы отступали на второй план — извините, не до того.

В конце концов победу одержало правительство Народного фронта, ориентированное на нужды не слишком богатых граждан, однако увеличение расходов по социальным статьям поставило его перед проблемой непомерно разбухшего дефицита государственного бюджета. Пришлось пойти на первую девальвацию франка, что немедленно отрицательно сказалось на уровне жизни французов. Призрак коммунизма, замаячивший во Франции, вызвал бегство капиталов из страны — то, чего когда-то удалось избежать Ришелье, — и рост сопротивления решениям правительства со стороны «толстых денежных мешков».

Правительство Блюма не решилось поставить под контроль государства деятельность Французского банка и начать налоговую реформу. Сменившие его социалисты также не смогли запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань, и вторично девальвировали франк. На этом всё и кончилось: сформированное в апреле тридцать восьмого года правительство Даладье окончательно отказалось от программы Народного фронта.

Величие Франции как первой страны мира стало достоянием истории, хотя Даладье удалось несколько оживить экономику страны. Чем? А всё тем же — премьер подсыпал в кормушку отощавшему галльскому петушку воронёные зёрна военных заказов...

По экономике Германии, потерпевшей поражение в Мировой войне и зависимой от стран-победительниц, кризис ударил дубиной, к середине тридцать второго года умертвив всю её промышленность и вызвав тотальную безработицу и гиперинфляцию. Неспособность властей справиться с экономическим кризисом, обострение социальных противоречий и страстное желание германских монополий вернуть утраченные позиции на мировых рынках — опьянение страны этим дьявольским коктейлем, настоящим на острой ностальгии немцев по былому величию кайзеррейха, проложило дорогу к власти вождю национал-социалистов Юлиусу Терлигу, в тридцать третьем году самым что ни на есть демократическим путём ставшему канцлером Германии.

Если Делано-Руз только допускал вмешательство государства в экономику, то Юлиус Терлиг полностью подчинил экономику интересам государства. Способом вывода страны из кризиса (и осуществления далеко идущих планов) стала тотальная милитаризация всего её хозяйства. Нацисты создали мощный аппарат государственного регулирования экономики: она управлялась из единого центра — Главного хозяйственного совета, перераспределявшего все финансовые, людские и сырьевые ресурсы. Диктатура меча при отсутствии средств на инвестиции, прекратившейся помощи извне и самоизоляции страны пустила в ход прямое принуждение. Резко вырос государственный сектор экономики — предприятия выкупались, а у «расово неполноценных» владельцев попросту отбирались. В последнем случае бывшему собственнику в качестве компенсации оставлялась его драгоценная жизнь и возможность убраться из Германии на все четыре стороны.

Такой вариант интервенции государства в экономику оказался весьма эффективным и позволил всего за один год покончить с кризисом (прежде всего в тяжелой промышленности) и обеспечить быстрые темпы роста. И неудивительно, что в первую очередь росла военная промышленность Германии — под знаменем реванша страна шла к новой войне...

В Италии кризис положил начало новому этапу становления фашистского режима. Под предлогом принятия антикризисных мер фашистское государство поставило под свой контроль основные отрасли экономики. Однако по сравнению с экономикой нацистской Германии, уровень государственной монополизации в Италии был гораздо ниже — действие

рыночных механизмов сильно ограничивалось, но они не были целиком демонтированы. Модель государственно-монополистического капитализма по-итальянски была скорее монополистически-государственной: государство, приобретя тысячи акции промышленных предприятий, стало не хозяином экономики, а всего лишь одним из крупнейших акционеров. В итоге финансовые круги пошли по пути компромисса: с одной стороны, они сохраняли внешнюю лояльность режиму Муссолини, а с другой — продолжали деловое сотрудничество с западными партнерами (когда легальное, а когда и не очень).

Тем не менее, экономический рост позволил дуче задуматься о внешней экспансии, и монополии его поддержали: милитаризация экономики, военные заказы и завоевание новых территорий открывало перед ними очень заманчивые перспективы...

В Японии на волне мирового кризиса к власти пришли оголтелые милитаристы, рассчитывавшие решить все экономические проблемы исключительно расширением своей сферы влияния: вооружённым путём — а как же иначе? И Страна Восходящего солнца встала на путь ускоренной милитаризации, точнее, продолжила начатое ещё полвека назад.

За этот выбор ратовали не только потомственные самураи, не мыслившие жизни без войны, но и концерны-дзайбацу, возникшие в годы Первой мировой и на американский манер сколотившие капитал на военной конъюнктуре. Япония строила мощный военный флот и усиливала армию, готовясь померяться силами с крупнейшими мировыми державами и воплотить в жизнь заветный лозунг «Азия для азиатов»...

И была ещё Россия, которая — как всегда — оставалась для Запада уравнением с очень многими неизвестными...

...Мир неумолимо соскальзывал к войне — война была нужна всем ведущим актёрам мировой сцены, а мнения массовки и тех, кто надеялись остаться зрителями этого кровавого спектакля, традиционно не спрашивали...

* * *

1937 год

...Двое кадетов военно-морской академии в Аннапелье основательно начистили друг другу физиономии, повздорив из-за ветреной девчонки, но потом стали лучшими друзьями и надеялись попасть после выпуска на один корабль или хотя бы на один флот — желательно на Тихоокеанский, на Гавайи, в Порт-де-Перл. Этих парней звали Луи Мажордом и Жак Рембо.

...Шестнадцатилетний Степан Макаруа, названный так в честь своего деда, мечтал стать военным лётчиком. Но лётчиком морской авиации — любовь к морю он унаследовал от своего отца, русского морского офицера.

...Двадцатитрёхлетний Пьер Лико не думал о военной службе — ему нравилось жить на земле, на маленькой отцовской ферме у Форт-Росса, неподалёку от Сан-Франциско. Что ещё нужно для счастья, особенно если лукавая Жанна, дочка соседей, согласится выйти за него замуж?

...Девятнадцатилетний курсант артиллерийского училища Петя Лыков, которого ещё никто не называл Петром Игнатьевичем, подперев стриженую голову, старательно изучал по тонкой брошюре устройство семидесятипятимиллиметрового орудия образца 1891/1902 года.

ИНТЕРМЕДИЯ ЧЕТВЁРТАЯ. Строители пирамиды

1935 год

— Это будет выглядеть так.

Седовласый поджарый человек вложил в проектор плотный лист бумаги с рисунком и щёлкнул тумблером.

И на белом экране, занимавшем почти всю стену, возникло изображение усечённой пирамиды, с плоской вершины которой взирал глаз из треугольника, окружённого короной сияющих лучей.

Шестеро людей, сидевших полукругом, молча смотрели на экран. Они знали латынь, и поэтому понимали надписи на изображении: верхнюю, над глазом, — «ANNUIT COEPTIS», что означало «он содействует нашим начинаниям», и нижнюю, на ленте под основанием пирамиды, — «NOVUS ORDO SECLORUM»: «новый порядок времён». Известен был этим людям и совместный перевод обеих этих фраз, напоминавших туманные изречения оракула: «Предуказан новый (мировой) порядок (на веки вечные)».

Они продолжали молчать, когда на экране появился второй рисунок: белоголовый орёл — тот самый, некогда сидевший на тотемном столбе гордых «римлян лесов»-ирокезов, — сжимавший в одной лапе пучок стрел войны, в другой — оливковую ветвь мира, а в клюве — ленту с надписью

«E PLURIBUS UNUM»: «Единое из многого».

- Вся символика выдержана полностью, — пояснил седовласый, — число тринадцать повторяется на эскизе семь раз: сакральные числа присутствуют. Такой будет графика новой купюры достоинством в один талер.

— Кто автор эскиза?

— Один русский художник-эмигрант, эзотерик Николай Константинович Керих, он же Сергей Макроновский. Как впечатление?

— Вполне, — неопределённо отозвался один из шестерых.

— Мысль ясна, — сказал другой, — для того, кто умеет думать. Но не считаете ли вы, Терций, что нам ещё рановато вот так прямо заявлять о себе на весь мир? Банкноты могучей державы — это ведь вам не афиши с анонсом бенефиса какой-нибудь шансонетки!

— А я думаю, Кварт, что время пришло, — вмешался третий. — Война не за горами — пора вывесить на боевой щит наш герб!

— Давайте без патетики, — поморщился тот, кого называли Квартом. На самом деле всех этих людей звали иначе, и их имена были известны и уважаемы, но здесь, среди своих, они называли себя римскими числительными. Эти имена-символы были переходящими, и когда кто-то из Людей Круга завершал земной путь и уходил в мир иной (по-другому отсюда не уходили), освободившееся имя-числительное наследовал другой. И само по себе имя отнюдь не означало старшинства — Старейшиной Круга мог быть и Септим, и Секонд, и Квинт.

— Патетика здесь не при чём, — возразил Секст. — Деньги — это наше знамя. Миллионы наших сторонников рассеяны по всему миру — пусть они узнают, что мы уже достаточно сильны, чтобы принять и бросить вызов. Это их ободрит и воодушевит — сторонники станут соратниками и мы, оставаясь архитекторами, общими усилиями построим нашу Великую Пирамиду. И все они тоже будут делать своё дело — каждый на своём месте, в меру своих сил, способностей и возможностей, — и в результате...

— Да, идеи — это страшная сила, — произнёс Примеро, — особенно когда они свивают гнёзда в сознании множества людей и овладевают их умами.

— Прописная истина...

— Прописные истины время от времени надо повторять — хотя бы для того, чтобы они не стёрлись из памяти и не утратили остроту. А для войны — для будущей войны — идейная подоплёка важна чрезвычайно. Вспомните Первую мировую — солдаты всех стран воевали неохотно, по обязанности. А теперь сравните её с гражданской войной в России — вот там смертоносный энтузиазм бил через край; обе стороны резали друг друга с воодушевлением, до полного физического уничтожения противника. И грядущая война должна иметь такую же окраску — именно поэтому мы терпим Юлиуса Терлига с его замашками, и даже помогаем ему восстанавливать экономику и вооружаться. Солдаты Тевтонского Рейха, опьянённые идеями расового превосходства, будут великолепными бойцами — их боевого духа хватит на долгие годы.

— Вопрос в том, куда пойдут легионы Германии, — заметил Кварт. — Они ведь могут двинуться как на восток, так и на запад.

— Тевтоны должны двинуться на восток, — жёстко заявил Секст. — Война идей станет идеей войны — мы столкнём лбами двух мутантов, угрожающих нашим планам на будущее.

— И кто из них, по-вашему, опаснее? — с интересом спросил Септим.

— Коммунистическая Россия. Идея расового превосходства, принятая в Германии, далеко не нова — это мы уже проходили: бремя белого человека, и так далее. Ещё древние греки считали людьми только обитателей своих полисов, а всех прочих — варварами. А вот государство, созданное Тимуром Железным... По сути это военно-феодалная империя, восточная деспотия, построенная на страхе, пронизывающем всю страну сверху донизу, где каждый начальник есть полновластный хозяин всех нижестоящих и бесправный раб всех вышестоящих. Что-то похожее было у Чингисхана, и его войско, как вы знаете, опустошило полмира. Но у России есть два отличия от монгольской державы, и очень важных.

Первое — это заманчивая идея счастья для всех. В эту идею искреннее верят, а все, так сказать, неурядицы считают явлением временным — трудности роста, как говорят русские. И в будущей войне эта идея может воодушевить солдат — точно так же, как она воодушевляла красных во время гражданской войны. Тевтоны и русские будут убивать друг друга каждый за свою идею, то есть долго и с восторгом, — что и требуется. А почему Россия, то есть Союз Вечевых Общинных Земель, для нас опаснее — потому что в основе государственного строя СВОЗ лежит полное отрицание частной собственности: краеугольного камня нашей системы. Тевтонский Рейх, образно говоря, вышел из нашей общей утробы — правда, это дитя имеет несносный характер, начинает не слушаться старших и делает кое-что непозволительное, — а вот Вечевой Союз уродился непонятно в кого и норовит разрушить сам фундамент нашей пирамиды. Марксистские идеи в России трансформировались в нечто странное, но само их присутствие и есть вторая — и абсолютно нетерпимая — особенность этой страны. И неважно, что России вряд ли удастся построить рай на земле — не те методы, не то время, и не те люди, — сам факт существования этого государства крайне опасен: воплощённый соблазн, знаете ли. Непредсказуемость России проявилась в полный рост — ни в одной стране мира не могло появиться подобного государственного образования: эклектичного, весьма несовершенного, но потенциально опасного — во всех смыслах этого слова. Скажу больше: пока существует Россия — в любой более-менее значимой форме — все наши планы под угрозой!

— И поэтому ни в коем случае нельзя допустить заключения союза между Юлиусом

Терлигом и Тимуром Железным, — добавил Секонд. — Такую возможность надо исключить!

— Значит, война, — подытожил Квинт. — Война, в которой мы должны победить!

— Война... — эхом отозвался Терций, глядя на рисунки на экране. — Наша пирамида строится на крови...

— Да, на крови, — бесстрастно произнёс Старейшина. — Кровь, как хорошо известно любому Человеку Круга, — это самый прочный строительный раствор. Так было, так есть, так будет.

— Прописная истина, — равнодушно повторил Септим.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. СОРВАВШИЙСЯ С ЦЕПИ

1939 год

Серая взъерошенная река протискивалась под опорами нахохлившегося моста, как будто прячась от моросящего дождя, монотонно капавшего с такого же серого осеннего неба. По спине моста полз серый транспортёр; мосту, наверно, было щекотно, но у него не было рук, и он не мог стряхнуть с себя меланхолично урчащее насекомое.

Лейтенант Лыков следил за бронированной машиной германцев. Расстояние плёвое — с такого расстояния снаряд, взрыватель которого установлен на фугасное действие, прошьёт эту консервную банку с небрежной лёгкостью. Но стрелять, похоже, не придётся: это ещё не война. Или уже не война?

Части Народной Красной Армии и TRW⁵⁶ встретились на Буге и остановились, недоверчиво глядя друг на друга. Потом где-то кто-то что-то решил, и люди с обеих сторон зачехлили пушки и закинули за плечи карабины. А за их спинами осталась лежать Польша, разодранная на две половины и в который раз за свою историю прекратившая существовать как суверенная держава. Война на востоке началась и кончилась за три недели — так думали многие.

* * *

Месяцем раньше

Огромная толпа заполнила площадь Конунгплац, залила её, затопила до краёв. Белые пятна лиц сливались в одно большое мозаичное безликое лицо, и на этом лице проступало выражение преданности и какого-то экстатического восторга — германский народ слушал своего вождя.

Юлиус Терлиг умел говорить. Он хлестал толпу бичами резких фраз и доводил людей до состояния ментального оргазма — слушавшие его были готовы на всё, лишь бы испытать ещё раз это пьянящее чувство единения и ликующей сопричастности. Юлиус Терлиг играл с толпой — люди слышали то, что хотели слышать, и бурлящее людское море вздыбливалось высокой волной, готовое нести великого вождя на своём гребне — вперёд, вперёд, вперёд, пока тонкая нить горизонта не лопнет под напором этой волны.

Канцлер говорил, люди заворожено слушали. Взрывы криков «Хох!» случались лишь в конце фраз вождя, когда Юлиус делал паузы, — всё остальное время на Конунгплац царила трепетная тишина, и поэтому негромкий хлопок выстрела слышали тысячи людей.

Толпа ахнула и качнулась, словно суп в тарелке, которую неосторожно задела локтем, и вскипела неподалёку от трибуны — там, откуда взлетел сизый дымок выстрела. А через три секунды люди в чёрно-серебряном выволокли из толпы тщедушного человека — он

---

⁵⁶ TRW — тевтонрейхсвер, сухопутная армия терлиговской Германии

растеряно мотал головой, как будто не понимая, что случилось, и что с ним происходит. Человек этот был бледен и немного растрёпан, однако цел-невредим — телохранители Терлига успели выхватить стрелявшего из десятков вцепившихся в него рук прежде, чем они разорвали его на части.

На следующий день потрясённая и возмущённая страна узнала подробности. Стрелял польский еврей, движимый чувствами ненависти к великому конунгу Тевтонского Рейха (и, естественно, ко всему германскому) и мести за сородичей, так или иначе пострадавших во время возрождения Великогермании. Более того, выяснилось, что покушавшийся выполнял задание польских спецслужб и лично президента Пилсудского, и только благоволение Тора и Вотана спасло великого вождя Юлиуса Терлига — любимец богов не получил ни царапины.

На некоторые нестыковки официальной версии никто не обращал внимания, и никто не слушал жалкий лепет оправдания, раздавшийся из польских пределов. Преступник был публично повешен — с гипсовым кляпом во рту, чтобы не посылал перед смертью проклятий германскому народу. Его тело ещё дёргалось в конвульсиях, когда бронеходы гвардейской штурмовой бригады «Потомки Зигфрида» раскрошили гусеницами пограничные столбы и, рыча моторами, устремились в глубь Польши, сметая жиденькие заслоны польских войск. Эскадрильи «воронов Вотана» обрушили бомбовый ливень на Варшаву — военная машина Тевтонского Рейха успешно проходила ходовые испытания.

Судьба Польши была решена: через три дня после начала германского наступления с востока, навстречу стремительно продвигавшимся легионам тевтонрейхсвера, пошли полки Вечевого Союза.

* * *

Европа безмолвствовала.

Формально Франция и Англия объявили войну Германии, но фактически войны не было: самолёты союзников сбрасывали на Рейх только листовки, а десятки французских и английских дивизий тихо сидели в окопах, уютно обустроившись, и не выказывали никакого желания вылезать из этих окопов. Немцы тоже не суетились — Даладье с Чемберленом имели все основания полагать, что «цепной пёс Терлиг» чутко принюхивается к востоку (что и требовалось) и ждёт только удобной минуты, чтобы намертво вцепиться в горло восточному соседу. При таком раскладе можно и потерпеть, что этот пёс задирает ногу на рубежи стран, которые было решено ему скормить, рычит и даже скалит клыки на кое-что священное. И Европа молчаливо признала Польшу, равно как и ранее съеденные Австрию и Чехословакию, законной добычей Тевтонского Рейха.

Тимур Железный, неукоснительно следуя логике империй — если пошла делёжка, зевать некогда, а то останешься на бобах, — забирал своё. Румыния молча уступила грозному восточному соседу изрядный кусок своей территории — лучше откупиться частью, нежели потерять всё, — зато Болгария на волне народного ликования вошла в состав Вечевого Союза на правах Общинной Земли. Лозунг воссоединения с братьями-славянами, веками спасавших болгар от турецкого геноцида, был очень популярен в Болгарии, и её присоединение к Союзу прошло без сучка без задоринки (незначительные эксцессы не в счёт).

В прибалтийских странах по аналогичному поводу ликовали существенно меньше. Их встраивание в структуру новой России было добровольно-принудительным, однако оно состоялось, и боевые корабли Красного Балтийского флота обживали старые базы флота императорского — Ревель, Либаву и Виндаву. Но на Карельском перешейке случилась осечка: убогие чухонцы предпочитали жить в своих приютах среди озёр, скал и лесов сами по себе, в сторонке от мировых гегемонов с их безразмерными амбициями. Финны взялись за оружие, и зимняя война обернулась для Вечевого Союза большой кровью, застывавшей на дымном снегу красными льдинками. В результате Финляндия пошла на территориальные уступки, но не была проглочена целиком, а Тимур Железный задумался над реальной

боеспособностью своей армии. Зимняя война показала, что до титула «непобедимая» этой армии очень далеко, и Верховный Вождь выпустил из темниц часть опальных воевод — толковых полководцев у него явно не хватало.

Границы Тевтонского Рейха соприкоснулись с границами Вечевого Союза, и Запад, затаив дыхание, ждал лязга скрестившихся германского и русского мечей. Но вместо этого две империи заключили договор о ненападении — договор, который легко и просто мог стать союзным. В Европе и за океаном (особенно за океаном) встревожились не на шутку, однако анализ ситуации успокаивал: противоречия между Германией и Россией никто не отменял, и ни Юлиус Терлиг, ни Тимур Железный не собирались отказываться от своих идей: расовой избранности и геноцида «неполноценных» и, соответственно, мировой революции. Что же касается договора, то европейцы и франглы прекрасно знали по своему собственному опыту: все договоры заключаются только для того, чтобы быть нарушенными, как только одна из сторон сочтёт, что она сильнее и поэтому может использовать листы договора в качестве туалетной бумаги.

Европа безмолвствовала...

* * *

1940 год

Безмолвие было взорвано летом 1940 года громом тевтонских пушек. Накопив силы, Терлиг нанёс сокрушительный удар. Удар этот был многосерийным: сначала Рейх играючи заглотил европейскую мелочь вроде Дании-Голландии, а затем немецкие войска высадились в Норвегии.

Британский военный флот вчетверо превосходил по численности флот Германии, но немецкие крейсера только что сошли со стапелей, а корабли англичан воевали ещё в Первую мировую — новые линкоры и авианосцы ещё только строились. Французы не могли помочь своему союзнику: Италия выступила на стороне Тевтонского Рейха, и французский флот требовался на Средиземном море. Новейшие германские панцеркрейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау», вооруженные тридцативосьмисантиметровыми орудиями — по шесть штук на каждом, — потопили английский линейный крейсер «Ринаун», уступавший им по скорости и бронированию, затем растерзали авианосец «Глориес», шедший без прикрытия и на свою беду наткнувшийся прямо на них, и вынудили отойти линкор «Уорспайт». Направлявшийся к Нарвику линкор «Нельсон» был торпедирован тевтонской субмариной и вернулся в Скапа-Флоу — англичане вынужденно уступили противнику норвежские воды. Захват Норвегии немцами прошёл по плану, хоть и не без потерь для кригсмарине: в узкости фиорда погиб прорывавшийся к Осло тяжёлый крейсер «Зигфрид», пара лёгких крейсеров и несколько эсминцев стали добычей английской авиации и подводных лодок, а также мин и береговых батарей викингов.

Норвегия была потеряна, и под угрозой оказалось господство Британии на море — эта угроза не давала спокойно спать лордам Адмиралтейства ещё со времён Первой мировой. Англия взмолилась о помощи, и Франция откликнулась. Адмирал Дарлан действовал смело и решительно: сначала самолёты с авианосца «Беарн» атаковали Таранто, где они потопили один и вывели из строя ещё два итальянских линкора, а затем флот дуче, нацелившийся на Мальту, потерпел серьёзное поражение у южного побережья Сицилии. Победу французов обеспечила авиация и превосходные радары: были потоплены три итальянских тяжёлых крейсера, а флагманский линкор «Витторио Венето» получил повреждения и еле унёс винты. После этого флот потомков гордых римлян попрятался по своим портам, боясь высунуть нос, а французы перебросили значительную часть своих морских сил в Атлантику для поддержки англичан.

Британия вздохнула с облегчением, тем более что французская помощь оказалась эффективной: мёртрь-крейсер «Дюнкерк» перехватил и отправил на дно тевтонский рейдер

«Адмирал Шпее», бесчинствовавший на атлантических коммуникациях.

Но радость была недолгой. Финальный удар германской серии оказался весьма впечатляющим: подмяв одним прыжком Бельгию, тевтонрейхсвер обошёл линию Мажино и вырвался на оперативный простор французских равнин. Бронированные клинья «Любимцев Валгаллы» взрезали французскую оборону — галльский петушок не успел и кукарекнуть, как ему свернули голову и начали деловито ощипывать для германского бульона. Это был шок, усугублённый дюнкеркским разгромом, где под гусеницами тевтонских бронеходов полегли лучшие английские дивизии. Из двухсот тысяч солдат британского экспедиционного корпуса уцелели немногие: тучи «воронов Вотана» висели над Ла-Маншем, а возле родных портов транспорты ждали магнитные мины и холодные глаза перископов немецких субмарин.

Люди Круга просчитались — пёс сорвался с цепи и набросился на Запад.

* * *

1941 год

Маховик войны набирал обороты.

Овладев Средиземным морем — французский флот как организованная сила перестал существовать: часть кораблей затопилась, часть была захвачена немцами, часть разбежалась по портам Англии и колоний Франции, — итальянцы перебросили в Африку значительные силы и начали теснить англичан, одновременно начав наступление на Грецию. Тевтонские парашютисты элитной дивизии «Берсерки конунга» одним броском захватили Крит. Велись переговоры с каудильо — Испанию Франко втягивали в войну для захвата Гибралтара.

К несчастью для Муссолини, праправнуки легионеров Сципиона войсками оказались никакими: потомки древних эллинов, разбавившие свою кровь буйной кровью турецких янычар, разгромили впятеро превосходящие силы итальянцев и остановили их наступление на Афины. Не лучше обстояли дела и в Африке: немногочисленные отряды англичан, почти не получавшие помощи из метрополии, от души гоняли по пустыне итальянские части, пока не загнали их в Тобрук. Пришлось вмешаться Юлиусу Терлигу: германские войска быстро сломили сопротивление греков и заняли всю Элладу, а перебросенный в Африку корпус Роммеля деблокировал Тобрук и отбросил Монтгомери к Эль-Аламейну. И на этом рубеже англичане не смогли остановить противника — через неделю боев их войска были смяты, и выкрашенные в жёлто-бурый цвет бронеходы Роммеля ворвались в Египет. Германские бронеходчики фотографировались у седых пирамид, и жёсткая рука Тевтонского Рейха пережала артерию Суэцкого канала. Юлиус Терлиг замыслил поход на Индию, желая превзойти Александра Македонского.

Конунг Великогермании колебался. Он не испытывал особых иллюзий насчёт Тимура Железного и его дружеских чувств — в геополитике эмоциям вообще нет места — он пытался понять, кто из его конкурентов в борьбе за мировое господство опаснее, и кого надо сбить с ног в первую очередь. Загадочная Россия с её просторами и неисчислимыми резервами молчала, как сфинкс, надевший на своё каменное лицо непонятную ухмылку Железного, и конунг страстно мечтал оставить от этой страны дымящиеся обломки. Однако силу «коLOSSа на глиняных ногах» трудно было оценить математически, а Терлиг помнил слова Бисмарка, предостерегавшего Германию от войны на два фронта. Помнил Юлиус Терлиг и урок Первой мировой, когда именно война на два фронта погубила кайзеррейх. По данным разведки, перевооружение Вечевое Союзу ещё не было закончено — этим и объясняли аналитики Генштаба TRW миролюбие восточной империи — время у конунга Великогермании было. И он решил добить Англию — с тем, чтобы объединить под своей латной перчаткой всю Европу и затем, опираясь на всю её промышленную мощь, бросить вызов и России, и Объединённым Штатам Америки.

* * *

Президент Объединённых Штатов Франсуа Делано-Руз был мрачен. Дальновидный политик, он прекрасно понимал опасность сложившейся ситуации: Франция раздавлена, Англии еле дышит, позиция России непонятна. Почти вся Европа захвачена головорезами Терлига, и как только конунг переварит захваченное, он нанесёт следующий удар. По кому? А вот это вопрос, хотя ответ на него напрашивается: Объединённые Штаты всё равно станут объектом нападения — хоть в первую очередь, хоть во вторую. На троне мирового владыки не сидят вдвоём...

И есть ещё Япония, которая давно наточила свой самурайский меч и размахивает им в Китае, тысячами снося украшенные косами головы китайцев. Страна Восходящего солнца не прочь всадить этот меч в живот Америке — от этого шага японцев удерживает только обоснованный трепет перед её экономической мощью. Восточные поэты-воины — реалисты: они сознают всю опасность военного столкновения с Объединёнными Штатами. Но такое столкновение очень желательно: Япония непременно будет разгромлена, несмотря на всю свою мощь, а Америка автоматически окажется в состоянии войны с Тевтонским Рейхом. По-другому никак — тупоголовые сенаторы, убаюканные сладким звоном монет и шелестом денежных купюр, сыплющихся в их кошельки в результате оплаты военных поставок всем воюющим странам, в упор не видят опасности Юлиуса Терлига и до сих пор не принимают его всерьёз. Они надеются, что ОША полностью повторят сценарий Первой мировой войны и выступят под занавес — согласия Конгресса на объявление войны Германии не получить. И только он, Франсуа Делано-Руз (и ещё кое-кто) понимает, что этот занавес вместе со всем сценическим оборудованием может упасть на головы франглов, что чревато увечьями и даже летальным исходом. Что ж, если Объединённые Штаты не могут начать войну, надо сделать так, чтобы войну начала Япония — всё очень просто.

Мозг человека по имени Франсуа Делано-Руз просчитывал варианты. Вскоре ОША объявили эмбарго на поставки нефти и стратегического сырья в Японию и заморозили часть японских активов в американских банках. Горло Страны Восходящего солнца захлестнула экономическая удавка, и президент Объединённых Штатов даже не удивился, когда генерал-префект департамента внешней разведки доложил ему, что японцы готовят нападение на американский флот — на уединённом атолле в Тихом океане создана точная копия Порт-де-Перла, и японские самолёты, до отказа нагруженные бомбами, день за днём отрабатывают на этом макете точность воздушных ударов.

Генерал-префект был удивлён и даже разочарован спокойствием, с которым Делано-Руз воспринял это сообщение, а через неделю командующий американским флотом Тихого океана адмирал Эрн-Жозеф Лёруа получил шифрованное предписание. Президент ОША и главнокомандующий вооружёнными силами советовал адмиралу как можно меньше держать в гавани авианосцы — пусть постоянно находятся в море и отрабатывают боевые задачи.

Предписание было принято к исполнению. О повышении бдительности и готовности флота в связи с возможным нападением Японии в шифровке не было ни слова.

* * *

22 июня 1941 года сто шестьдесят тевтонских субмарин атаковали конвои в северо-восточной Атлантике. Германия нанесла массированный удар по коммуникациям Британии.

Перед войной Юлиус Терлиг лелеял мысль о создании мощного надводного флота, однако адмиралу Деницу, бывшему подводнику, удалось убедить конунга сосредоточить усилия на постройке подводных лодок. «Субмарины почти поставили Англию на колени во время Первой мировой, — сказал адмирал, — нам нужно всего лишь убрать слово «почти». По линкорам нам Британию не обогнать, мой конунг». И конунг внял — в состав кригсмарине в дополнение к дальним рейдерам и панцеркрейсерам вошли только два тяжёлых крейсера — «Зигфрид» и «Аларих» — и два линкора, законченных постройкой в

начале сорок первого: «Бисмарк» и «Тирпиц». Зато строительство подводных лодок развернулось с невиданным размахом: корпуса собирались конвейерным методом, из готовых секций, и от закладки до передачи флоту очередной боевой единицы проходил всего месяц. Причём новые субмарины не сразу посылались в бой: по замыслу командующего подводным флотом, удар должен был быть массированным. Надежды «подводного Карла» сбылись: к лету 1941 года Тевтонский Рейх имел триста лодок, и сто девяносто шесть из них к назначенному часу были развёрнуты в Атлантике и вдоль всего побережья Британии.

В первые же часы подводного наступления на дно пошли десятки транспортов и танкеров, а к концу дня число жертв «деток папы Деница» возросло до двухсот. Англия содрогнулась — тевтонский меч рубил пуповину, питавшую британские острова. А Юлиус Терлиг бросил на чашу весов и надводный флот — в море вышли все боеспособные корабли Германии.

В Атлантике корсарствовал дальний рейдер «Адмирал Шеер», и туда же направилось ударное соединение адмирала Лютьенса в составе «Бисмарка», «Тирпица», «Шарнхорста» и «Гнейзенау». Следом за линкорами и панцеркрейсерами шёл авианосец «Граф Цеппелин», прикрытый тяжёлым крейсером «Аларих», лёгким крейсером «Нюрнберг» и девятью эсминцами. Рейх бросил вызов британскому флоту.

В то же время итальянская эскадра в составе четырёх линкоров, двух тяжёлых и пяти лёгких крейсеров с эсминцами охранения атаковала Гибралтар, осаждённый германскими войсками, любезно пропущенными Франко через территорию Испании. Итальянцы отнюдь не рвались в бой, однако дуче не посмел возразить «старшему брату». Германские адмиралы не возлагали чрезмерных надежд на эскадру адмирала Кампиони — рейд итальянского флота был задуман как демонстрация, чтобы отвлечь внимание англичан. Затея удалась: четыре линкора британского соединения «Н» — «Нельсон» и три ветерана Ютланда — на всех парах устремились к Гибралтару, вдвое ослабив линейные силы флота метрополии.

24 июня немецкие корабли были замечены к северо-востоку от Исландии, и флот метрополии немедленно вышел на перехват. Погода не благоприятствовала воздушной разведке: англичане засекли только два корабля, причём даже не установили точно их типы — все тяжёлые корабли кригсмарине строились под один силуэт, — а о присутствии германского авианосца британцы даже не догадывались.

Набег обернулся морским сражением. Предполагая, что придётся иметь дело только с двумя тевтонскими линкорами (или панцеркрейсерами), адмирал Тови, торопясь перекрыть Датский пролив, увеличил скорость. Тихоходный «Родней» отстал — английский адмирал шёл навстречу Лютьенсу, имея два новых линкора — «Принс оф Уэлс» и «Кинг Джордж V» — и линейный крейсер «Худ». Впрочем, Тови в победе не сомневался — кроме линкоров, у него были ещё авианосец «Викториес» и крейсера с эсминцами, а с юго-востока приближались авианосец «Арк Ройял» и линейный крейсер «Рипалс».

Противники встретились ранним утром 25 июня. Тови испытал лёгкий шок, увидев перед собой лучшие корабли кригсмарине — все четыре, — а после третьего германского залпа шок стал куда более тяжёлым: «Худ», представительский корабль Ройял Нэви, исчез в вихре взрыва. А через две минуты адмиралу сообщили, что обнаружен немецкий авианосец, и шок сэра Тови приобрёл форму сердечного приступа.

Английская эскадра легла на обратный курс, чтобы соединиться с «Роднеем» — силы были неравны, и продолжение боя грозило уничтожением лучших кораблей Его Величества. Обмен авиаударами кончился вничью: «Граф Цеппелин» и «Викториес» получили по одному бомбовому попаданию, отражённому их бронированными полётными палубами, и взаимно проредили свои авиагруппы — сбитые «суордфиши» и «физелеры» падали в холодные волны. Оба английских линкора были серьёзно повреждены тяжёлыми тевтонскими снарядами, хотя британцам удалось влить пару ответных подарков в «Бисмарк». С появлением «Роднея» силы несколько выровнялись, и тогда Лютьенс, памятуя о своей главной цели, прекратил бой и отошёл, пользуясь преимуществом в скорости хода. Германские корабли разделились: панцеркрейсера, разбрасывая пену, понеслись в Атлантику

претворять в жизнь девиз «Топи их всех!», а «Тирпиц» с «Бисмарком», огибая по широкой дуге британские острова, взяли курс на Брест, увлекая за собой английские крейсера. «Графу Цеппелину» с его охранением, учитывая потери палубных самолётов и расход топлива, было приказано возвращаться — Лютьенс не хотел рисковать единственным авианосцем Великогермании.

Панцеркрейсера свою задачу выполнили на отлично, посеяв хаос на коммуникациях, и без того терзаемых подводными лодками, и через месяц прибыли во Францию вместе с «Шеером»; благополучно добрался до своих берегов и «Граф Цеппелин» со своим эскортом. Не повезло только «Бисмарку» — и самому адмиралу Лютьенсу.

Тевтонские линкоры несколько раз отрывались от погони, но упорные англичане снова брали след. Лютьенс надеялся прорваться, и его надежды не были лишены оснований — соединение «Н», отогнав от Гибралтара уже традиционно не принявших бой итальянцев, не успевало его перехватить. Но всё изменила одна-единственная торпеда с палубного самолёта «Арк Ройяла», заклинившая рули «Бисмарка». Линкор охромел, и «Тирпиц» вынужден был сбросить ход, прикрывая покалеченного собрата.

Развязка наступила утром 28 июня, когда английские крейсера навели на германцев линкоры соединения «Н». После нескольких залпов Лютьенс приказал «Тирпицу» уходить — адмирал трезво оценивал силы сторон. Приказ был выполнен с немецкой пунктуальностью — «Тирпиц», маневрируя на полном ходу среди высоченных всплесков и отстреливаясь из всех башен, скрылся за горизонтом. Британские линкоры не могли за ним угнаться и обрушили ярость всех своих тридцати трёх стволов крупного калибра на обречённый «Бисмарк». Через час тевтонский корабль превратился в пылающий остов и был добит торпедами. Спасённых почти не было. Адмирал Лютьенс погиб вместе со своим флагманским кораблём.

Но победители дорого заплатили за свой успех. Через час после гибели «Бисмарка» «Арк Ройял» был торпедирован германской субмариной (авианосец затонул на следующий день), а через полтора часа над мачтами английских линкоров появились «вороны Вотана», взлетевшие с французских аэродромов. «Нельсон» был невезучим кораблём: в самом начале войны он подорвался на mine, потом был торпедирован, а третье невезение стало для него роковым — получив тринадцать бомбовых попаданий, линкор взорвался и затонул.

...Цур зее капитан Гюнтер Гинце, командир «Тирпица», глотал шнапс в офицерском клубе Бреста и проклинал лётчиков и подводников за то, что они не появились на поле боя хотя бы на четыре часа раньше...

...К августу сорок первого Англия уже задыхалась от нехватки горючего; её корабли и самолёты резко снизили боевую активность. Тевтонские рейдеры безнаказанно выходили в Атлантику и рассеивали британские конвои, которые затем добивались атаками подводных лодок. В сентябре в Брест прибыли два лучших итальянских линкора, три тяжёлых и четыре лёгких крейсера, переданные под германское командование. Усиленный флот и авиация вымели англичан из Ла-Манша, подавили наспех созданную береговую оборону, и в начале октября тевтонрейхсвер перепрыгнул пролив. Через неделю пал Лондон — волна немецкого наступления покатила на север.

* * *

5 октября 1941

Вынырнувшее из океана солнце было умытым и ласковым. Гавайи — это рай земной, где положено любить, а не заниматься такими прозаическими вещами, как боевая подготовка или даже превращение одного талера в два. И почему только люди этого не понимают?

Примерно в таком лирическом умонастроении лейтенант Жак Рембо возвращался на корабль. Молодой офицер торопился: нельзя опаздывать к подъёму флага. Это само по себе

нарушение дисциплины, а ко всему прочему, Жак не хотел подводить друга. Лейтенант Луи Мажордом подменил лейтенанта Жака Рембо на дежурстве, щедро даровав ему возможность провести восхитительную ночь с Мадлен, прилетевшей на Гавайи к своему жениху. Вообще-то это тоже было нарушением дисциплины (хотя и не слишком вопиющим), и поэтому Жак спешил попасть на борт «Индианы» до подъёма флага, чтобы бодро доложить старпому: за время моего дежурства в кубриках команды и во всех прочих отсеках огромного линкора ничего предосудительного не стряслось.

Лейтенант опаздывал и теперь клял себя за то, что не смог хотя бы на полчаса раньше оторваться от тёплых ладоней Мадлен и дурманящего запаха её волос. На его счастье, из-за поворота дороги, серпантином спускавшейся к причалам, вылетел военный «пежо», за рулём которого сидел полужнакомый капитан третьего ранга — кажется, с «Калифорнии». Бравый капитан тоже возвращался с поля любовного сражения и не преминул подобрать товарища по оружию. Жак воспрял духом: появилась надежда успеть. Впереди уже видна была гавань Порт-де-Перла, заполненная боевыми кораблями, когда с океана пришёл лопающийся звук, словно там разбилось что-то очень большое и очень стеклянное. А затем мирную утреннюю тишину раздёрнуло жужжание авиационных моторов, постепенно разбавляемое нервным кашлем зениток.

— *Quel merde...*⁵⁷ — потрясённо прохрипел капитан, нажимая на тормоз. Жак ткнулся лицом в лобовое стекло, а когда поднял голову и посмотрел вперёд, оцепенел.

В гавани вырос лес белых водяных столбов, среди которых появлялось всё больше чёрных клубящихся кустов — лейтенант Рембо не сразу осознал, что это прямые попадания. А над головами остолбеневших офицеров со свистом пронёсся самолёт с красными кругами на крыльях.

— Хиномару!⁵⁸ — прорычал капитан. — Проклятые азиаты!

Машина сорвалась с места. Через пять минут они были у причала — только для того, чтобы увидеть всё своими глазами и во всех подробностях: катера у пирса не оказалось.

Жак Рембо видел, как в небе густо роятся японские самолёты, поблескивая стёклами кабин. Он видел, как они пикируют, и как чёрные капли бомб падают на корабли. Он видел пенные следы торпед, видел взрывы и пожары. Он видел, как валится набок «Калифорния» — корабль капитана третьего ранга, подобравшего его на дороге, — как по её палубе катятся и срываются за борт маленькие фигурки людей, и как выпали из гнёзд, раздавливая воду своей многотонной тяжестью, орудийные башни главного калибра, когда линкор опрокинулся.

И ещё он видел гигантский дымно-огненный смерч, проглотивший «Индиану». Этот смерч, взметнувшийся вверх на тысячу метров, на мгновение принял форму исполинского томагавка. Призрачный силуэт был виден секунду, не более, но зрелище индейского боевого топора, грозившего Порт-де-Перлу чёрным лезвием, намертво врезалось в память молодого лейтенанта.

Когда облако взрыва рассеялось, на месте «Индианы» остался пылающий остов. И лейтенант Рембо понял, что лейтенант Мажордом, оставшийся за него на корабле, подарил ему не только ночь с Мадлен, но и целую жизнь: подарил, отдав при этом свою.

— Луи... — прошептал Жак. — Будьте вы все прокляты...

Кого проклинал лейтенант Жак Рембо, потомок героя-защитника Нуво-Руана? Он был уверен, что проклиняет японцев...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

---

⁵⁷ *Quel merde* — какое дерьмо (франц.)

⁵⁸ Хиномару — знак солнца (яп.). Опознавательный знак японских ВВС.

Корабли шли на запад. Свинцовая вода угрюмо толкалась в бронированные борта и, перемолотая винтами, превращалась в шипящую пену, волочившуюся за кормой длинным шлейфом. Корабли бежали на запад, спасаясь от победителей, подмявших под себя страны, где родились эти корабли, — их главный калибр не смог остановить тевтонские легионы. И корабли уходили, чтобы не поднять на своих мачтах флаги с крючковатым крестом.

Линкор «Ришелье» прибыл в Норфольк ранним ноябрьским утром. Матросы занялись приборкой: адмирал Женсоль не хотел, чтобы его корабль выглядел бездомным бродягой, забывающим бриться. Адмирал наблюдал, как становится на якорь «Дюнкерк», прибывший следом за «Ришелье», и не удивился появлению шести американских эсминцев, окруживших мёртвые-крейсер. На борту «Дюнкерка» находилась большая часть золотого запаса Франции, выхваченная из-под самого носа тевтонов, — тут без почётно́го эскорта не обойтись.

Ближе к вечеру на рейд вошли англичане: линкор «Кинг Джордж V» и два крейсера с эсминцами. Женсоль знал, что беглецов было больше, но встреча с завесой германских лодок стала роковой для авианосца «Викториес», а линкор «Принц оф Уэльс» тевтонская авиация потопила прямо на выходе из Скапа-Флоу. А многие корабли англичан не сумели покинуть родные порты, ставшие для них ловушками. Королевский флот Британии повторил горькую судьбу флота Франции...

На следующий день на «Ришелье» прибыл американский офицер связи — совершенно седой, хотя ещё не очень старый капитан первого ранга

— Влади Макаруа, — представился он, вскинув руку к козырьку, и по одному его жесту Женсоль понял: перед ним настоящий флотский офицер, а не резервист, надевший погоны в силу обстоятельств. — Направлен к вам для осуществления оперативного взаимодействия.

— Надеюсь, мои корабли пойдут в бой под флагом Свободной Франции? — спросил адмирал, принимая из рук офицера увесистый пакет с документами.

— Да, господин адмирал, — уверенно ответил капитан первого ранга, хотя этот вопрос наверняка лежал вне его компетенции. — Имею честь пригласить вас в штаб Атлантического флота Объединённых Штатов Америки: адмирал Лёруа ждёт вас.

Французский адмирал кивнул, и через пятнадцать минут шустрый катер уже нёс их к причалам Норфолка.

— Хочется верить, что вы, франглы, принесёте свободу своей прародине Франции, — сказал Женсоль, глядя на серые громады американских линкоров и авианосцев, стоявших на якорях, — и всей Европе.

Это прозвучало как скрытый комплимент Америке, однако ответ офицера связи был несколько неожиданным для французского адмирала.

— Мне почему-то кажется, что Европу, которую Терлиг пользуется во все щели, избавит от него Россия. Есть у русских такая традиция-привычка — спасать западные демократии от татар, турок и всяких прочих шведов.

* * *

— Юлиус Терлиг — полновластный хозяин Европы. Британия доживает последние дни — остатки английских войск ещё сражаются за Шотландию и держатся в Ирландии, но это не меняет сути дела. Все европейские страны или покорены, или стали союзниками Германии. Формально Испания и Швеция сохранили нейтралитет, чего нельзя сказать о независимости, — они смотрят в рот конунгу Великогермании. Вывод очевиден: Терлиг нападёт на Вечевой Союз — у него больше нет противников. Тигр-людоед, вкусивший человеческого мяса, уже не будет питаться кроликами. Есть мнение, — Верховный Вождь, ступавший по ковру мягкой походкой большого и сильного хищника, остановился, — нам пора нанести удар Германии. И чем раньше, тем лучше, пока её самые боеспособные войска

заняты на западе.

Генералы молчали. Они прекрасно понимали, что Железный уже принял решение, и теперь он всего лишь хочет знать мнение своих воевод. Нет, технические соображения — как наносить удар, когда, где, какими силами — он, конечно, выслушает внимательно и кое с чем наверняка даже согласится, но главное обсуждению не подлежит: война неизбежна. Многие из генералов имели по этому вопросу другую точку зрения, но никто из них не собирался её высказывать. И Тимур, в свою очередь, хорошо это понимал.

— А что скажет товарищ Шмелёв? — спросил он, пристально глядя на кряжистого воеводу с лицом, словно высеченным из камня не слишком умелым скульптором.

— Союз с Германией бесперспективен, война с ней неизбежна, — по-солдатски прямо ответил генерал, вставая. — Есть только одно «но», товарищ Железный: начав эту войну, мы в глазах всего мира будем выглядеть агрессорами.

— Вы генерал или монах, товарищ Шмелёв? — Тимур говорил вкрадчиво, но в глазах его разгорался тигриный блеск, и воевода ощутил бритым затылком касание холодной стали палаческого топора. — Агрессор не тот, кто первым выстрелил, а тот, кто первым потянулся за оружием! Войны не выигрываются одной обороной — вам ли этого не знать? Победителей не судят, а что до мнения мира — от этого мира скоро останутся одни обломки, украшенные свастикой. Вам хочется, чтобы среди этих обломков были и руины Вечевого Союза?

— Нет, товарищ Железный, мне этого не хочется.

— А раз так, — Верховный обвёл взглядом сидевших воевод, — давайте думать, как нам превратить в обломки Тевтонский Рейх, пока он не сокрушил нас. Я слушаю вас, товарищи генералы.

* * *

Вечером 6 декабря 1941 года посол Германии в Москве граф фон Шуленбург был извещён, что Союз Вечевых Общинных Земель объявил войну Тевтонскому Рейху, а ранним утром 7 декабря Народная Красная Армия перешла в наступление по всей линии западной границы от Балтийского до Чёрного моря.

Русские дивизии шли вперёд по территории Польши, оккупированной тевтонами. Дальняя авиация бомбила восточные города Германии, бронеходы с красными звёздами на бортах ломали границы Пруссии, подводные лодки и корабли Балтийского флота появились в Данцигской бухте, перехватывая шведские транспорты, гружёные железной рудой. Части тевтонрейхсвера отступали, яростно огрызаясь и цепляясь за каждый рубеж — бои принимали затяжной характер.

Но самые ожесточённые сражения развернулись на юге — там, где армии Вечевого Союза рвались к нефтяным полям Румынии, зажатой в клещи между Болгарией и Украиной. Командование TRW понимало, что потеря Плоешти станет началом конца Великогермании, и делало всё, чтобы удержать румынские скважины — хотя бы до тех пор, пока в Рейх не пойдёт нефть Ближнего Востока. Но сил не хватало, и тогда Терлиг принял решение снять с Запада все свои части и соединения, поручив надзор за оккупированными землями охранным дивизиям и полицейским батальонам местных коллаборационистов. Шотландские бригады, под градом снарядов «молотобойцев Тора» из последних сил державшие фронт в предгорьях на одной только любви к своей суровой родине, ненависти к завоевателям и национальном упрямстве, зимним утром сорок второго года были изумлены внезапной тишиной, повисшей над их позициями. Тевтоны остановили своё наступление, а вскоре валлийские партизаны сообщили, что германские легионы покидают британские острова — точно так же уходили некогда легионы римлян, понадобившиеся для спасения империи, трещавшей под секирами варваров.

К весне сорок второго положение на Восточном фронте изменилось: тевтонрейхсвер, лучшая армия Европы, перехватил инициативу. Измотанные русские дивизии вынуждены

были перейти к обороне, а в мае Юлиус Терлиг нанёс ответный удар. Удар этот был страшен — фронт войск Тимура Железного был прорван и начал разваливаться на куски. За три месяца боёв немцы захватили всю Польшу и всю Прибалтику (Балтийский флот был запечатан в бутылочном горле Финского залива), клинья бронеходных легионов глубоко вонзились в тело Белоруссии и Украины. В «котлах» многочисленных окружений варились сотни тысяч красноармейцев, победители считали трофеи и пленных с помощью арифмометров. Реальная угроза нависла над обеими столицами Вечевое Союзу: над Москвой и над Петроградом — Финляндия, припомнив недавние обиды, выступила на стороне Тевтонского Рейха, шедшего на восток.

В войну вступила и Турция: победы тевтонрейхсвера впечатляли, и занозой сидел в памяти турок урок Первой мировой войны. Болгария рухнула в одночасье под ударами с трёх сторон — турецкие аскеры резвились в захваченных болгарских селениях в лучших традициях эпохи Сулеймана Великолепного. В Чёрное море вошли итальянские военные корабли, резко изменившие соотношение сил. Африканский корпус Роммеля шёл на Индию через Сирию — Железному пришлось срочно вводить войска в Иран, преграждая путь тевтонам. И там, где когда-то шагали копыеносные фаланги Македонии и проносились конные отряды монголов и скифов, сшибались теперь плюющиеся огнём бронеходы двух империй, и песок пустыни засыпал разбитые машины и обгорелые трупы.

«Отомстим коварным варварам, напавшим на нас! — неистовствовал Юлиус Терлиг. — Мне не нужны пленные — эти азиаты должны быть истреблены, а немногие уцелевшие будут трудиться, не смея поднять глаз на тевтонского господина!».

А Тимур Железный переживал крушение иллюзий. Война показала, что его армия, его любимое детище, которое он холил и лелеял, *не умеет сражаться*. Неся неоправданные потери, его армия была беспомощна в наступлении и неуклюжа в обороне, словно неумеха с колуном в поединке с мечником-профессионалом. Что-то было очень сильно не так — Тимур не мог (или не хотел?) понять, где же и в чём он ошибся, создавая свою армию (и державу). Хватало и военной техники, и боеприпасов (не говоря уже о людских резервах), а Народная Красная Армия отступала, сдавая врагу город за городом. Война вошла в Россию, и Великий Вождь боялся даже себе представить, как далеко она бы дошла, если бы он не начал боевые действия, а дожидался бы первого удара тевтонских легионов.

И всё-таки, умытая кровью, Россия сделала главное: она приковала к себе почти все силы терлиговской Германии, давая время тем, кто был отгорожен от тевтонов широченным рвом, заполненным водой Атлантического океана.

* * *

1942 год

Франсуа Делано-Руз не терял времени даром. После японской атаки на Порт-де-Перл настроения в Объединённых Штатах резко изменились: нация сплотилась, готовая мстить и сражаться до конца, а президент (и ещё кое-кто) умело дирижировали этим возмущённым хором.

Вся экономика ОША перестраивалась исключительно на войну — охотно и даже с радостью: лавина военных заказов окончательно погребла под собой саму память о кризисе и заложила основы будущего процветания Америки. Конвейеры заводов с фантастической скоростью рожали тысячи и тысячи бронеходов и самолётов, автомашин и артиллерийских орудий, а волны двух океанов не успевали улечься после спуска очередного боевого корабля, как со стапелей соскальзывал новый. Штабеля снарядов и торпед громоздились в арсеналах, норовя превзойти высотой пирамиды фараонов, — вся Америка работала не войну, превращая накопленное золото в оружие.

Правительство Делано-Руза приняло жёсткие меры, чтобы обеспечить бесперебойное вращение этого колеса: неуплата налогов была приравнена к государственной измене. Всё

очень просто: у государства должны быть деньги, поступающие от налогов, — этими деньгами оплачиваются военные заказы. Производители оружия щедро платят своим рабочим, а те тратят полученные деньги на блага жизни, коими в избытке насыщен американский рынок, на который не падают германские и японские бомбы. А производители тушёнки и тёплых бюстгальтеров, получая прибыль, исправно платят налоги державе (пусть только попробуют не заплатить!). Казна не скудеет, и завтра в строй флота Объединённых Штатов вступит ещё один авианосец.

Никто не роптал на ограничение свобод. «Война, — говорил президент, — это не время для демократии, это время выполнять приказы. Не хотите выполнять приказы избранного вами правительства — будете выполнять приказы завоевателей-самураев!». Это было понятно всем, и приказы выполнялись: без долгих размышлений и лишних дебатов. А с теми, кто пытался ловчить, разговор был коротким.

На ремонт повреждённого в бою в Коралловом море авианосца «Ричмонд» частная верфь-подрядчик запросила полтора месяца — разумеется, при соответствующей оплате. На следующий день в офис хозяина верфи пришли вежливые люди и спросили, не считает ли мсье, что электрический стул станет прекрасным дополнением интерьера его конторы? Мсье миглом сообразил, что в обычном кресле сидеть гораздо удобнее (и главное — безопаснее), и в итоге «Ричмонд» был отремонтирован за два дня.

Правда, подобная практика не распространялась на *неприкасаемых*. Этим было можно всё, в том числе и продавать оружие японцам и тевтонам. Во-первых, это святое, а во-вторых — деньги, полученные от врагов свободы и демократии, не складывались в кубышку, а смазывали военно-промышленное колесо Америки, и микадо с Терлигом, расплачиваясь за контрабандные военные поставки, на лишний сантиметр углубляли свою же собственную могилу.

Шли поставки и Вечевому Союзу — в основном через Персидский залив, поскольку отправлять конвои в Мурманск при господстве кригсмарине в Атлантике было бы безумием. И русские солдаты в Иране стояли насмерть, прикрывая «трассу дружбы». Франглы считали цифры кредита, а Россия расплачивалась сырьём и — как всегда — кровью своих сыновей, перемалывавших отборные легионы Тевтонского Рейха.

Тем временем Япония тоже шла на восток (как, впрочем, и на юг). Флот Страны Восходящего солнца одерживал всё новые победы: за Порт-де-Перлом последовало полное уничтожение всех морских сил союзников у азиатского побережья, на Филиппинах и в Индонезии. Бесхозные колонии разгромленных Терлигом европейских держав стали лёгкой добычей самураев: защищать их было некому и нечем. Держались ещё британская Индия и французский Цейлон, однако и им уже угрожали штыки японской пехоты, пробиравшейся через бирманские джунгли, и орудия японских линкоров, вышедших в Индийский океан.

Правители Японии хорошо понимали, что надежда высадиться в Северной Америке, захватить всю её территорию и подписать капитуляцию ОША в Шамплене — это фантастика, и рассчитывали заключить выгодный мир, расширив свою «азиатскую зону процветания», отгородившись от франглов оборонительным периметром по линии Алеутские острова — Гавайи — Соломоновы острова — Индонезия и сделав войну на Тихом океане слишком дорогостоящей даже для могучей экономики Америки. Захватывая атолл за атоллом, японцы закрепились в Новой Гвинее и в апреле вплотную подошли к Гавайским островам. А в мае огромный японский флот направился к атоллу Мидуэй, чтобы навязать Тихоокеанскому флоту франглов генеральное сражение, разгромить его и уничтожить.

Японцы были уверены в победе — они имели пять тяжёлых авианосцев против трёх американских и десять линкоров при полном отсутствии таковых у противника. Но на этот раз богиня Аматерасу⁵⁹ обделила самураев своей милостью.

---

⁵⁹ Аматерасу Амиками — одна из главных богинь синтоистского пантеона. Богиня Солнца и легендарная праматерь японской императорской династии.

Во-первых, франглы знали о плане японцев; во-вторых, они смогли отремонтировать и бросить в бой четвёртый авианосец — «Ричмонд», — а в-третьих, американцы сумели пройти незамеченными через завесу японских подводных лодок: появление у Мидуэя вражеских авианосных соединений стало неожиданным для сынов Аматерасу.

Американские лётчики и моряки сражались доблестно. Группа в составе авианосцев «Ричмонд» и «Бастонь» приняла удар на себя. Она потеряла почти все самолёты в отчаянных атаках на японские корабли; «Ричмонд» был потоплен торпедоносцами адмирала Нагумо, «Бастонь» тяжело повреждён и добит японской субмариной. Но пока японцы терзали эту пару, «ализе» с «Нувель-Орлеана» и «Нуво-Руана» атаковали вражеские авианосцы — именно в тот момент, когда те заправляли горючим и готовили к повторному вылету свои самолёты, вернувшиеся после бомбардировки Мидуэя. Три корабля микадо вспыхнули факелами, а к вечеру был сожжён ещё один. Пятый японский авианосец покинул поле боя — в его ангарах уже не осталось крылатых машин. Японцы проиграли — грозные линкоры императорского флота отступили без единого выстрела.

...Степан Макаруа, выводя самолёт из пике и оставляя позади объятый пламенем флагманский японский авианосец, услышал голос, донёсшийся непонятно откуда: «Спасибо, внук...»...

* * *

Русская рогатина остановила тевтонского зверя осенью сорок второго года на полях центральной России. Споткнувшись под Москвой и завязнув на подступах к Петрограду, немцы перенесли направление главного удара на юг. Одновременно зашевелились турки — поддержанные альпийскими стрелками и частями Африканского корпуса, они рвались через Кавказ к нефтяным приискам Баку.

Донские степи стонали от лязга гусениц и грохота взрывов и задыхались в чёрном дыму. Наступление тевтонрейхсвера замедлилось и наконец замерло: германцы, мечтавшие

зачерпнуть касками воды из Волги, не сумели даже форсировать Дон. Тевтонские бронеходы уперлись лбами в Перекоп, так и не прорвавшись в Крым, а турки, ломая кости, скатились с обледенелых скал Кавказа. Сила встретила силу.

Эта сила родилась в огне. Молот Тора, сокрушивший столько стран и бывший по России, выковал своими ударами — себе же на погибель — меч из русской стали. Русская армия стала иной: в боях выросли новые воеводы, научившиеся воевать и побеждать, а не только говорить правильные слова и льстиво поддакивать московским боярам. Наука эта стоила большой крови, но русские смогли заплатить за неё высокую цену: такую, на какую вряд ли согласился бы любой другой народ планеты Земля.

Изменилось и настроение русского солдата. Разговоры об интернациональном долге и о помощи стонущим под игом капитала западным «братьям по классу» скользили по умам, не задевая сердец, тем более что германские классовые братья в мундирах дрались свирепо и беспощадно, и отнюдь не изъявляли желания побрататься с русскими «одноклассниками». Но когда солдаты Красной Армии узнали — и увидели свои глазами, — что творят терлиговцы на русской земле, разговор с тевтонами пошёл совсем другой. Поднимаясь в атаки и лоя в прицелы чёрные бронеходы с белыми крестами, русские солдаты помнили, как истошно кричат опоганенные женщины, как выглядят изуродованные трупы детей, и каким смрадом тянет от руин деревянного сарая, в котором заживо сожгли сотню мирных жителей. И теперь они готовы были воевать и год, и два, и три, пока эта чума не сгинет бесследно, и готовы были за это умирать. Теперь руки русских солдат, сжимавшие оружие, не дрожали.

А оружия было вдоволь — военные заводы страны работали чётко. Система Тимура Железного, малопригодная для мирного строительства, превосходно показала себя во время войны, при обесцененности человеческой жизни. Россия превратилась в единый боевой механизм, способный работать на износ, спаянный ненавистью и прошедший испытания болью и смертью. Тевтонский Рейх был обречён.

Зимой обе стороны копили силы, а летом сорок третьего под Орлом столкнулись две стальные лавины. Месяц горели земля и небо, плакавшее кровавым дождём, а потом тевтоны дрогнули и попятились. Попятились — и покатались на запад, усыпая русскую землю битым железом и сотнями тысяч трупов германских трупов. Война повернула вспять — на запад.

* * *

1944 год

После поражения в «битве титанов» под Орлом Юлиус Терлиг всё чаще стал впадать в истерику — конунгу Великогермании мерещился разъярённый русский медведь, вставший на дыбы. Терлиг приказал перейти на востоке к жёсткой обороне, чтобы заставить русских дорого платить за каждый шаг на запад и выиграть время, пока учёные Тевтонского Рейха не создадут обещанное wunderwaffe,⁶⁰ которое решит исход войны. Одновременно германская дипломатия прилагала все усилия, чтобы втянуть Японию в войну против Вечевого Союза — удар двухмиллионной японской армии по дальневосточным границам России заставил бы Железного ослабить свой натиск на Европу. Однако японцы откровенно дали понять, что они связаны по рукам и ногам противостоянием с ОША, и потому не могут ничем помочь — при равных потерях, которые несли стороны в боях на Тихом океане, для Японии эти потери были куда более болезненны. Вот если бы великий конунг пощекотал Америку, а ещё лучше — крепко врезал бы ей по затылку, тогда японские дивизии смогли бы надавить на Вечевой Союз с востока.

Тевтонские субмарины изрядно пощипали американское судоходство, но уже в сорок

---

⁶⁰ Wunderwaffe — чудо-оружие (нем.)

третьем фланглы построили эскортный флот и очень сильно осложнили жизнь «бородатым мальчикам папы Деница» — потери германских подводных лодок у восточных берегов США резко возросли. Более того, увеличившиеся в числе американские субмарины появились у берегов Европы — подводная война стала обоюдоострой. И тогда Юлиус Терлиг решил бросить в бой свой надводный флот, пополненный трофейными кораблями и ставший к сорок четвёртому году грозной силой. В состав кригсмарине вошли три бывших английских авианосца, но конунгу нужен был непотопляемый авианосец: Терлиг потребовал от своих адмиралов высадить десант на Кубу. Конунг надеялся поднять против фланглов всю Южную Америку — о пылкой «любви» латиноамериканцев к северным бледнолицым братьям он был хорошо осведомлен. План этот пахивал глобальной авантюрой, однако война показала, что самые авантюрные планы — от высадки в Норвегии до высадки в Англии — могут увенчаться успехом.

В мае сорок четвёртого тевтонский флот вторжения сосредоточился на Азорских островах, без звука уступленных Рейху Португалией. До берегов Кубы новой Непобедимой Армаде предстояло пройти тысячи миль, но это мало смущало вождя германского народа. И операция «Конкиста» началась.

Адмирал Шнивинд располагал шестью авианосцами, восемью линейными кораблями, десятью тяжёлыми и девятью лёгкими крейсерами и четырьмя десятками эсминцев. Тевтоны не ожидали, что фланглы смогут выставить значительные силы — основным театром военных действий для США оставался Тихий океан, — но вышло иначе. Американцы перебросили в Атлантику лучшие корабли с опытными экипажами — диверсия против шлюзов Панамского канала провалилась, а потрепанный в боях сорок третьего года японский императорский флот не смог провести сколько-нибудь серьёзную отвлекающую операцию.

Адмирал Лёруа получил возможность смыть с себя позор Порт-де-Перла (за который он, впрочем, не был слишком строго наказан) — к Бермудам вышли девять авианосцев, десять линкоров, четырнадцать крейсеров и около пятидесяти эсминцев. Основное преимущество фланглов заключалось в превосходстве их палубной авиации — Лёруа имел около шестисот самолётов против трехсот германских, — а с учетом четырёхсот машин береговой авиации это превосходство становилось подавляющим. Поэтому американский адмирал со спокойной совестью отправил свои старые линейные корабли к берегам Кубы: опыт боёв на Тихом океане показывал, что исход сражения определится в воздухе.

Так оно и вышло — три яростные атаки «воронов Вотана» не принесли Шнивинду желаемого успеха. Радары американских кораблей засекали «юнкерсы» и «валькирии» за сотню миль, и более опытные (и более многочисленные) пилоты фланглов перехватывали атакующих ещё на подлёте. Тевтонам удалось потопить всего один авианосец противника и нанести повреждения двум другим, а на германские авианосцы вернулось не более четверти самолётов, взлетевших с их палуб. И кое-кому некуда было возвращаться — американские лодки, заранее развёрнутые в завесу, потопили «Зейдлиц» и повредили «Мольтке». А затем прилетели «мораны» и «ализе», и начался разгром: на дно ушли «Лютцов» и «Гинденбург». Повреждённый «Граф Цеппелин» держался до темноты, пока начавшийся шторм не заставил затопить искалеченного ветерана; такая же судьба постигла и «Мольтке».

Шнивинд приказал линейным кораблям навязать противнику артиллерийский бой, и экипажи линкоров попытались выполнить его приказ. Попытка оказалась самоубийственной — не имея прикрытия с воздуха, тевтонские корабли становились лёгкой добычей авиации: два линкора погибли, два были тяжело повреждены и затоплены своими командами. Кое-кому из них всё-таки удалось сойтись с противником на расстояние выстрела — только для того, чтобы погибнуть в неравном бою. «Ришелье» и «Дюнкерк» встретили панцеркрейсер «Блюхер» — бывший «Страсбург», захваченный тевтонами в Тулоне, — и французские пушки отправили на дно корабль, построенный на французских верфях: «Блюхер» затонул после упорного боя. «Ришелье» отделался незначительными повреждениями, а из офицеров

на его борту погиб только один: капитан первого ранга Влади Макаруа. Адмирал Женсоль счёл, что цена победы невысока...

Под вечер «Тирпиц» и «Шарнхорст» сумели повредить авианосец «Шарль Монроз» и обменялись залпами с «Нуво-Мексик», «Сильванией», «Массачусетсом» и «Кинг Джордж V», после чего «Шарнхорст» перевернулся и затонул. Повреждённому «Тирпицу» удалось уйти, но в Германию он не вернулся: флагманский корабль Непобедимой Армады бесследно исчез в Бермудском треугольнике вместе со всей командой и адмиралом Шнивиндом (вероятно, затонул от полученных повреждений). Ночью франглы потопили «Хиппер», а на следующий день — «Литторио» и ещё несколько кораблей флота вторжения, оказавшихся в пределах радиуса действия палубной авиации. Правда, германская субмарина торпедировала и потопила авианосец «Франклин», но это стало для тевтонов слабым утешением.

Операция «Конкиста» закончилась катастрофой. В бою при Бермудах Юлиус Терлиг потерял флот; франглы захватили Азорские острова и перебросили на аэродромы Исландии соединения дальней бомбардировочной авиации. Помочь Стране Восходящего солнца не получилось, и в августе японский флот потерпел тяжёлое поражение у Марианских островов. Японские дивизии остались стоять в Манчжурии, а стальной каток Тимура Железного уже плющил границы Тевтонского Рейха.

* * *

1945 год

Пока Народная Красная Армия ломала хребет тевтонрейхсверу, ежедневно платя за это тысячами жизней, американцы не находили особых причин для беспокойства — людские потери в морских боях, которые вели Объединённые Штаты, не шли ни в какое сравнение с потерями сторон на Восточном фронте, где дрались многомиллионные армии. Но как только раскалённая лава русского наступления выплеснулась за пределы Вечевоего Союза и начала заливать Европу, настроение шампленских политиков изменилось.

Империя Юлиуса Терлига рушилась на глазах — союзники Тевтонского Рейха отпадали один за другим. Финляндия вышла из войны тихо и незаметно — так же незаметно, как и воевала, — но другие так легко не отделались. Русский прибой захлестнул Румынию, докатился до Греции и накрыл Афины; бросали оружие и разбегались по дома венгерские дивизии. Наступление с двух направлений — с Кавказа и из Болгарии — закончилось взятием Стамбула: сбылась многовековая мечта русских царей. К весне сорок пятого была занята вся Польша; русские штурмовали Восточный вал и одновременно продвигались через Австрию и Югославию к границам Италии. И тут уже в Шамплене встревожились не на шутку.

Ещё зимой 1944–1945 годов на совещании комитета начальников штабов Делано-Руз потребовал начать освобождение Британии. «Если у нас не хватит сил одновременно драться за Англию и за Филиппины, приоритет должен быть отдан Англии: Филиппины не убегут». «А Британия убежит?» — спросил кто-то из генералов. «Нет, она останется на том же месте, — с иронией ответил президент Объединённых Штатов, — как и вся Европа. Но мы рискуем в скором времени увидеть старушку Европу в счастливом — или не очень счастливом — браке с Тимуром Железным».

Отвага кельтов оказалась не напрасной: они удержали плацдарм, с которого в марте сорок пятого началось мощное наступление франглов. Сопротивление немцев было слабым: лучшие силы Рейха сражались на востоке. Юлиус Терлиг не оставлял надежды заключить со Штатами приемлемый мир, уповая на присказку «Мы с тобой одной крови!», и дожидаться создания тевтонского чудо-оружия для победы над Россией.

19 мая 1945 года в пустынной местности штата Нуво-Мексик, неподалёку от россыпи

скал, носящей многозначительное название Пуэбло-дель-Дьябло,⁶¹ вспыхнуло искусственное солнце. Лучшие физики мира, бежавшие за океан, сделали Америке атомную бомбу. И уже в июне эта бомба была сброшена на японский город Ниигату.

Делано-Руз ждал реакции Железного на появление у ОША сверхоружия, однако её не последовало. Вернее, реакция последовала, но оказалась не такой, какой ждал президент Объединённых Штатов. Тимур, похоже, разделял мнение своего заокеанского коллеги насчёт «не убежит»: русские войска, обходя с юга оцетинившийся и отчаянно сопротивлявшийся Берлин, растекались по Европе, добывая остатки тевтонских легионов. Режим Муссолини рухнул, и труп дуче был вывешен для всеобщего обозрения на площади в Милане. Русские бронеходы мчались к французской границе.

Франглы поспешно высадились в Нормандии и предъявили Терлигу ультиматум: немедленно сложить оружие. В случае отказа — по Берлину и другим городам Германии будут нанесены атомные удары. Американцам позарез нужна была срочная капитуляция Тевтонского Рейха, пока русские не дошли до Ла-Манша. Конунг не ответил, и утром 6 июля атомная бомба упала на Кёльн. Ядерный гриб взметнулся к небу на глазах у русских солдат, и Делано-Руз остался доволен: пусть генералы Железного увидят радиоактивные развалины и задумаются. Берлин франглы бомбить не стали — отдельные отчаянные «вороны Вотана», храня верность великому конунгу, ещё поднимались в воздух, а сбитый «гран-фортерес» с бомбой мог стать ценнейшим трофеем союзника, который уже превращался в противника.

В конце июля Берлин был взят штурмом. Над рейхстагом взвился красный флаг, а Юлиус Терлиг, загнанной крысой метавшийся в подвале Имперской канцелярии, принял яд.

Германия капитулировала.

* * *

Союзники, ещё не ставшие противниками, встретились на Рейне. Воины двух армий, говорившие на разных языках, но сражавшиеся с общим врагом, быстро нашли общий язык — ведь все они хотели верить, что страшная война, в которой они победили, станет последней.

Майор Пётр Лыков, командир дивизиона «танюш», как ласково называли реактивные миномёты, почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Повернувшись, майор увидел американского капрала примерно такого же возраста, как и Пётр, смотревшего на Лыкова с каким-то странным выражением. С минуту они глядели друг на друга, а потом улыбнулись и уважительно пожали друг другу руки.

Пётр Лыков и Пьер Лико не знали, что они кровные братья — человеческая память слишком коротка для девяти поколений, отделявших этих двух парней от их общего предка, екатерининского егеря Семёна Лыкова.

Два солдата-победителя просто приветствовали друг друга...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ЛЁД И ПЛАМЯ

1947 год

Длинная пулемётная очередь прошла по стене дома. Посыпалась клочья штукатурки и кирпичные осколки, жалобно зазвенели, рассыпаясь, оконные стёкла. Поль втянул голову в плечи, присев за баррикадой; Бертран поплотнее нахлобучил кепку и выругался сквозь зубы. Спокойнее всех выглядел Гаврош — в пятнадцать лет война ещё кажется увлекательной (хотя и опасной) игрой.

На Рю де ла Виктуар шёл свинцовый дождь. Версальцы, заняв южную часть города,

---

⁶¹ Pueblo del Diablo — селение дьявола (исп.)

переправились на правый берег Сены и продвигались в сторону Монмартра. Из-за реки была артиллерия; осколки царапали белые стены базилики Сакрэ-Кёр, секли контур старинной тюрьмы на булыжнике Плас де Бастий и звякали по бронзе Вандомской колонны у Дворца Юстиции. Впрочем, арtnалёты не отличались особой ожесточённостью: генерал Шарль де Голль всё-таки был французом и не хотел разрушения Парижа. На площади Конкорд⁶² — как будто в насмешку над её названием — и в садах Тюильри дело дважды дошло до рукопашной: версальцы были отброшены, и только после того, как орудия с того берега накрыли опорные пункты восставших, бой переместился в паутину узких улочек за бульваром Капуцинов. И завяз в них: коммунары перегородили улицы баррикадами и стреляли из каждого подъезда.

Снова заработал пулемёт. С гребня баррикады полетели обломки и куски дерева — крупнокалиберные пули крошили мебель, уложенную в тело самодельного укрепления вперемежку с камнями и мешками с песком. На перекрёстке улиц Победы и Сен-Жорж встал бронированный транспортёр и мёл огнём, не давая поднять головы. Версальцы готовились к атаке.

Бертран приподнял голову, стараясь не высовываться из-за баррикады. «Да где же эта чёртова штука?» — подумал он, и тут поймал краем глаза быстрое движение: Гаврош змейкой скользнул через баррикаду и вжался в стену соседнего дома, чудом избежав пулевой плети, высекавшей искры из мостовой. А в руках у мальчишки — и когда только успел? — были две бутылки тёмного стекла. И в этих бутылках колыхался не перебродивший сок винограда Гаскони или Бургундии, а «молотовский коктейль» — тот самый, которым русские угощали тевтонов под Москвой в сорок втором.

— Назад, дурак! — крикнул Бертран, но Гаврош не услышал — или не хотел слышать. Он упрямо полз вдоль стену к перекрёстку, и Бертран был уверен, что глаза Гавроша горят азартом и жаждой подвига: что ему сейчас какие-то окрики старших, даже если этот старший — его командир? А транспортёр водил башенкой, и капли свинцового дождя падали и падали на Рю де ла Виктуар.

Добравшись до угла, мальчик подобрался и рывком привстал. Замахнулся, и...

Вспыхнуло пламя. Наверно, в бутылку попала пуля — кто-то из версальцев высмотрел отчаянного паренька, — зажигательная смесь окатила Гавроша с головы до ног, и он тут же превратился в пылающий факел. В кричащий факел — огненный клубок катался по мостовой, пока его не настигла милосердная пуля. А транспортёр довольно заурчал и двинулся вперёд.

Бертран скрипнул зубами. «Мальчишки, — подумал он с горечью, — пылкие и чистые душой и сердцем, первые жертвы всех войн и революций. А я так и не узнал, как его зовут по настоящему. Знаю только, что сирота — отец погиб в сороковом, мать попала под случайную пулю в сорок четвёртом, — а вот насчёт имени...». И тут он наконец-то нашёл то, что искал — фаустпатрон (этого добра после войны хватало) завалился между брёвен. Транспортёр был уже близко, и командир двадцать девятого отряда парижских коммунаров не промахнулся: стальная коробка треснула, как раздавленный каштан, и густо задымила. Выскочивших из машины солдат скосил Поль, припавший к пулемёту: никто из них не ушёл дальше двадцати шагов от обугленного трупа юного коммунара — Поль не пожалел целой ленты.

Бертран снял кепку, вытер вспотевшее лицо и облизал пересохшие губы.

— Ну, идите, — прошептал он, заметив в дыму фигуры перебежавших версальцев, — поговорим.

И услышал тяжёлый рыкающий гул, донёсшийся с Рю Лафайет.

Горящий транспортёр зашевелился и сдвинулся. И на улицу Победы вылез лобастый бронеход с белой звездой на борту. «Шермань», — подумал Бертран, холодея. —

---

⁶² Place de la Concorde — площадь Согласия (франц.)

Франглы...»

...Колонна «шерманей» и военных грузовиков с солдатами шла по Шанз-Элизе.⁶³ От неё то и дело отделялись две-три машины и втягивались в лабиринт простреленных улиц — президент Объединённых Штатов Жорж Турмень, раздражённый «мягкотелостью» генерала де Голля перед лицом «коммунистической угрозы», приказал командующему группой войск ОША во Франции «навести конституционный порядок».

Открытое вооруженное вмешательство американцев означало смерть для Парижской Коммуны. Восставшие дрались трое суток, пока не были оттеснены к кладбищу Пер-Лашез. А потом по авеню Републик на кладбище ворвались американские бронеходы, и сто сорок семь последних коммунаров были взяты в плен и расстреляны. Парижская Коммуна пала, просуществовав немногим больше двух месяцев, — Вечевой Союз, ещё не имевший атомного оружия, не смог ей помочь.

* * *

Послевоенная Европа залечивала раны и одновременно бурлила, раздираемая борьбой за власть в странах, освобождённых от тевтонских кандалов и теперь решавших, как жить дальше. Различные партии и силы тянули эти страны всяк в свою сторону, но наместники Тимура Железного во исполнение воли Вождя не стеснялись «подсказывать» оказавшимся на распутье «единственно правильный» путь. И путь этот выглядел очень соблазнительным: если Россия сокрушила чудовищную военную машину Юлиуса Терлига, подмявшего под себя всю Европу, значит, Россия и в самом деле знает, что и как надо делать, и может предлагать свой опыт другим. И почти все страны Европы так или иначе (с незначительными нюансами, обусловленными национальными особенностями и местными условиями) копировали русский образец, прошедший успешную проверку войной — самой страшной войной за всю историю человечества. Кое-где — в Польше, Румынии, Турции — доходило до вооружённого сопротивления переменам, однако очень многие искренне стремились «жить по-русски» — что плохого в том, что «хозяева жизни» поделятся несправедливо нажитым с теми, кто создавал всё это богатство? Зреющие глубинные конфликты были ещё впереди, а пока Европа дышала воздухом свободы и наслаждалась долгожданным миром.

В побеждённой Германии было тихо: немцы не без основания опасались мести за всё содеянное легионами Тевтонского Рейха на чужих землях и не перечили победителям ни словом, ни делом. Голландия, Бельгия, Австрия, меланхоличная Дания спокойно восприняли происходящее — в конце концов, почему бы и нет? Островком старого мира в море мира нового осталась Швейцария: ни один русский солдат не переступил её границы, и внутри этой тихой и благопристойной страны всё шло по-прежнему. Хладнокровные северяне тоже не спешили что-то менять: Норвегия, Швеция и Финляндия глубокомысленно кивали в ответ на увещевания и прямые намёки московских эмиссаров, и даже вроде бы соглашались с ними, однако дальше этого не пошло — от добра добра не ищут.

Зато повсю кипели страсти в Югославии, Греции и особенно в Италии: пылкие южане делали свои революции темпераментно. Италия отрекалась от своего фашистского прошлого и от своей сопричастности к деяниям Юлиуса Терлига — в Риме пришло к власти народное правительство, изгнавшее из страны последнего короля и провозгласившее Итальянскую социалистическую республику. В Испании назревала вторая гражданская война — каудильо Франко чувствовал себя очень неуютно и благодарил всех святых за то, что у него хватило ума не влезть в мировую войну на стороне терлиговской Германии и терпеливо проводить политику национального примирения. Объединённые Штаты теряли Европу — новый президент ОША Жорж Турмень мог быть спокоен только за Англию, на территории которой спешно создавались многочисленные американские военные базы и ликвидировались

---

⁶³ Champs-elysées — Елисейские Поля (франц.)

вооружённые формирования валлийских, ирландских и шотландских «левых экстремистов», остановивших германское нашествие и отстаивших свою страну. И поэтому реакция франглов на появление Парижской Коммуны была острой и болезненной. «Вот только коммунистической Франции нам и не хватало!» — воскликнул Турмень, узнав о революции в Париже.

Подавление этой революции американской военной силой поставило мир на грань новой глобальной войны: лётчики ночевали на аэродромах, военные корабли вышли в море с полным боекомплектom, бронеходы прогревали моторы, готовые ринуться в бой по первому приказу. В обмен на Францию Объединённым Штатам пришлось поступиться интересами на Дальнем Востоке: ОША не стали вмешиваться в гражданскую войну в Китае и смирились с появлением «красного Корейского полуострова», ограничившись установлением контроля над побеждённой Японией.

Бывшие колонии — Алжир, Египет, Сирия, Индия, Цейлон, Вьетнам — одна за другой обретали независимость, и великие державы (а их после Второй мировой войны осталось практически только две) спешили подобрать их под своё крыло уже в новом статусе, заменяя прямое колониальное господство политическим влиянием и экономической зависимостью. На Ближнем Востоке под лозунгом «уважения к памяти жертв, понесённых еврейским народом» страны-победительницы воссоздали древнюю Иудею, рухнувшую под римскими мечами без малого две тысячи лет назад, причём каждая сторона связывала с новой Иудеей свои собственные планы.

Имея атомную бомбу и мощную стратегическую авиацию, Объединённым Штатам удавалось ограничивать аппетиты Тимура Железного (удовлетворяя при этом свои), но в сорок восьмом ядерная монополия ОША кончилась: Вечевой Союз, используя собственные достижения и наработки вывезенных из Германии немецких физиков-ядерщиков, испытал свою атомную бомбу, а затем и водородную. И всё дальше и дальше летели первые русские боевые ракеты — неуязвимости Америки и неоспоримому превосходству Объединённых Штатов в сфере вооружений пришёл конец.

В мире сформировались новые центры силы — почти как в популярной на Западе книге французского писателя Жоржа Орвеля «1994 год». Контур «Евразии» и «Океании» уже обозначились, хотя появление на карте мира «Остазии» было ещё вопросом будущего. И Жорж Орвель не предвидел появления ещё одной силы, которая в девяносто четвёртом году станет очень серьёзной: в сорок девятом, когда была написана его антиутопия, арабский мир был ещё аморфным.

Пламени новой «горячей» войны удалось избежать, но на планету надвигался лёд «холодной войны»: противостояние Объединённых Штатов и Вечевого Союза изначально было непримиримым.

* * *

В сорок пятом, следуя мнению Делано-Руза «Филиппины не убегут», ОША уделяли основное внимание Европе, стараясь вырвать хоть что-то из-под загребущей лапы русского медведя. Тихоокеанский театр военных действий стал второстепенным — японцев выгнали с Филиппин лишь в апреле, а высадка на Окинаву началась в июле. Кое-кто из американских генералов всерьёз полагал, что атомный удар заставит Японию тут же бросить самурайский меч и встать на колени, но японцы с восточным стоицизмом только покосились на ядерный гриб над Ниигатой и намерены были сражаться до конца. А высадка на Окинаву показала, что крупномасштабные десантные операции сопряжены с большими потерями, и это отнюдь не привело франглов в безудержный восторг. Сыны Аматарасу дрались ещё злее, чем даже сыны Вотана, и жертвовали собой с непонятным для американцев самоотречением. А пока франглы размышляли, что лучше — выжигать города Японии напалмом, обрушить на Страну Восходящего солнца десятки атомных бомб или всё-таки высаживаться на японские острова, — Тимур, не дожидаясь окончания военных действий в Европе, начал переброску

войск на Дальний Восток, к границам Маньчжурии. В сентябре Вечевой Союз объявил Японии войну, и Объединённые Штаты двинули флот вторжения к берегам Страны Восходящего солнца — а что делать?

Но вторжение не понадобилось. Квантунская армия была разгромлена за две недели — Япония, уже потерявшая флот, авиацию и захваченные заморские территории, лишилась ещё и своей крупнейшей группировки сухопутных войск. Россия быстро вернула всё потерянное в русско-японскую войну и вошла в Корею. Японская империя капитулировала, и основной заботой ОША стало теперь не допустить чрезмерного усиления Вечевого Союза на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана.

Смирившись с потерей Кореи, Объединённые Штаты закрепились в Индокитае, сменив там французов, которым после Второй мировой и Парижской Коммуны было как-то не до колоний, и выговорили у Британии (в конце концов, кто вас освободил от тевтонов?) право на американское военное присутствие в Малайзии. Франция и Англия, скорбя о былом величии, покорно следовали в кильватере Америки, теша имперскую ностальгию наличием колониальных крох и доминионов — французской Канады и британских Австралии и Новой Зеландии.

Не делая резких движений, ОША очень внимательно следили за развитием событий в Китае. Коммунистический выбор Мао-Цзедунa не составлял секрета для Шамплена, однако Америка ограничилась тем, что добилась от Китая гарантий неприкосновенности Гонконга и Макао. Не стали ОША бурно возмущаться и в сорок девятом, когда Чан-Кайши был выбит с материка — они просто предоставили свои транспорты для перевозки остатков его армии на Формозу, а заодно сразу же признали независимую Тайваньскую республику.

Существование этой республики, враждебной континентальному Китаю, устраивало Объединённые Штаты, но в пятьдесят первом Мао-Цзедун, опираясь на поддержку Вечевого Союза, решил «восстановить территориальную целостность Китая». Началась Тайваньская война.

Война эта стала неожиданностью для Жоржа Турмения. Китайские войска высадились на западном побережье Тайваня и начали продвигаться к Тайбэю. Чан-Кайши взвыл, и тогда франглы поняли, что пора вмешаться.

ОША провели через Совет Безопасности КОН⁶⁴ резолюцию, осуждающую агрессию Китая. Американский флот подошёл к берегам Формозы и блокировал Тайваньский пролив, отрезав китайские войска на острове. Правда, не обошлось без потерь — крейсер «Детруа» был торпедирован и затонул, ещё несколько кораблей получили повреждения в результате атак китайской авиации. Франглы были неприятно удивлены — они подозревали, что за штурвалами китайских самолётов сидят не совсем китайцы, а «Детруа» потопила совсем не китайская субмарина, однако прямых доказательств этого подозрения у них не было.

В ответ на действия ОША китайские войска обложили Гонконг и Макао, угрожая захватом этих европейских анклавов, если Объединённые Штаты Америки не прекратят своё вмешательство во «внутренние дела Китайской Народной Республики». Напряжённость нарастала — франглы всерьёз обсуждали возможность полномасштабной войны с Китаем и применения атомного оружия. Новый президент ОША Омар Бредель, бывший командующий американской армией в Европе во время Второй Мировой войны, колебался, понимая всю опасность ядерного конфликта, а Тайваньская война тем временем зашла в тупик.

Поворотной точкой кризиса стала кончина Тимура Железного. После смерти Вождя Верховное Вече Союза Общинных Земель проголосовало за окончание войны. Лишившись поддержки, Китай пошёл на попятную, и в мае пятьдесят третьего был заключен мир на условиях сохранения предвоенного статус кво. Президент Бредель вздохнул с облегчением, а председатель Мао затаил обиду: он считал, что русские его предали. И с этого времени пути-дороги России и эмбриона будущей Поднебесной Империи начали расходиться.

---

⁶⁴ КОН — Конгресс Объединённых Наций. Международная организация, созданная в 1946 г.

* * *

1954 год

— Дал я по нему четырёхторпедный веер, — краснолицый капитан второго ранга расстегнул верхнюю пуговицу кителя. — Три попадания — и как не было его, только пузыри пошли, буль-буль-буль... Только об этом — ни-ни, сам понимаешь.

— Да ясное дело, — сидевший напротив кап-три нетрезво, но утвердительно кивнул. — А дальше, Сергей Иванович?

— Дальше? Гоняли нас до посинения, часов восемь. Думаю, хотели заставить всплыть — на физиономии наши посмотреть, раскосые они у нас или не очень. Хорошо, слой скачка⁶⁵ подвернулся — отстрельнули из кормовых пару имитаторов, и под него. Так и ушли.

— А если бы... — начал капитан третьего ранга.

— А не было бы никакого «если», Василий Ильич, — перебил его кап-два. — Приказ был: при угрозе опознавания государственной принадлежности — лодку взорвать. Погибнуть геройски, и концы в воду: чтоб, значит, международного скандала не устроить. Вот тебе и всё «если», друг мой Вася. Я даже орден получил за заслуги, так сказать, а не за крейсер этот долбаный, хрен ему в грызло.

— Хм... А как тебя звали китайские товарищи?

— Как звали? — краснолицый криво ухмыльнулся. — Сунь-Хунь, или Вынь-Вань, как тебе больше нравится? Шучу... А товарищи эти нам ещё устроят козью рожу, попомни моё слово. Давай-ка мы лучше за твоего новорождённого сынишку выпьем, чтоб моряком стал!

И размашистым движением опрокинул в рот гранёный стаканчик со спиртом.

* * *

1956 год

Русские войска шли через Альпы тропой Ганнибала (только по куда более удобным дорогам) и Суворова (только в обратном направлении). Через древние горы шли не только русские — в Италии вспыхнул фашистский мятеж, и войска Берлинского договора спешили его подавить.

Строго говоря, итальянское восстание вряд ли можно было назвать мятежом, а тем более фашистским. Всё было и проще, и сложнее: итальянцы разочаровались в «социализме по-русски», и вызревшее народное недовольство выплеснулось на улицы Рима и Неаполя. Пока национализировались предприятия крупных магнатов, процветавших при Муссолини, и земли богатых латифундистов переходили к беднякам, итальянцы радовались торжеству справедливости, но как только началась организация коллективных хозяйств, настроение крестьян резко изменилось: они ни за что не хотели расставаться со своими виноградными лозами, политыми потом поколений. Масла в огонь подлила антирелигиозная пропаганда (чего в стране с традиционно сильным влиянием Ватикана делать было нельзя ни в коем случае) и, конечно, умелые действия Запада, раздувавшего тлеющие искры до пожара.

Мятеж возглавил «Чёрный Принц», князь Валерио Боргезе: потомственный знатный аристократ, прославившийся при Муссолини своими военными подвигами (потому-то мятеж и был назван фашистским). Созданная им «Подводная когорта» — соединение водителей торпед и боевых пловцов — в сороковом году подорвала в Александрии английский линкор

---

⁶⁵ Слой температурного скачка — граница между слоями воды с разными температурами. Рассеивает и отражает посылки гидролокатора.

«Малайя» и французский авианосец «Беарн», тяжело повредила в Тулоне мёртвые-крейсер «Страсбург», который впоследствии был захвачен немцами, а в сорок первом году потопила английский авианосец «Игл» на рейде Гибралтара и линкор «Родней» в Скапа-Флоу. На общем унылом фоне более чем скромных успехов итальянской армии и флота звезда Чёрного Принца сияла особенно ярко — говорили даже, что если бы в сорок четвёртом удар по Панамскому каналу поручили Боргезе, а не тевтонским диверсантам, шлюзы были бы разрушены, исход Бермудского сражения был бы совсем иным, и, как следствие, изменился бы весь ход войны и вся дальнейшая история человечества. Князь готовился атаковать из-под воды гавани Нуво-Руана и Норфоля, и только выход Италии из войны помешал ему осуществить этот план. Последней — и самой дерзкой — операцией «Подводной когорты» стало уничтожение захваченного русскими итальянского линкора «Джулио Чезаре». Корабль был взорван в Стамбуле, где он готовился к переходу в Севастополь, и как боевым пловцам Чёрного Принца удалось до него добраться, так и осталось загадкой.

Неудивительно, что после войны Валерио Боргезе остался уважаемым человеком, и даже новая Итальянская республика платила ему пенсию — слишком велик был его авторитет среди военных. Этот человек хорошо подходил на роль знамени, и он стал знаменем мятежа.

Волнения распространились по всей Италии. Коммунистическое правительство пало, отряды «когортистов», как называли сторонников Боргезе, захватывали власть на местах, начались аресты «московских прихвостней», а кое-где и расправы. Новый дуче обратился к Объединённым Штатам Америки, прося помощи и поддержки.

Однако до гражданской войны дело не дошло. Новый Верховный Вождь Вечевого Союза Никита Хрющев оказался достойным учеником Тимура Железного — он действовал быстро и решительно. В Неаполь вошли боевые корабли Средиземноморского флота России и высадили десант, русские парашютисты заняли Рим. В Италию были введены войска стран Берлинского договора. Колеблющиеся части итальянской армии разоружались без боя, хотя в ряде случаев имели место стычки, перестрелки и жертвы среди мирных жителей. ОША не вмешались: перспектива установления в Италии неофашистского режима их не прельщала, да и региональное соотношение сил в Средиземноморье было не в их пользу. И уповать на атомный шантаж не приходилось: ядерная бомба давно уже имела в арсеналах Вечевого Союза. Помощь Объединённых Штатов ограничилась дипломатическими демаршами, кое-какими экономическими санкциями и предоставлением политического убежища Чёрному Принцу, бежавшему в Испанию на борту субмарины (как и положено создателю «Подводной когорты»).

Итальянское восстание было подавлено, но в Москве поняли, что Евразийский Союз далеко не монолитен, и что пытаться выстроить все европейские страны от Нидерландов до Греции в одну шеренгу и заставить их замереть по стойке «смирно», поедая глазами высокое начальство, неразумно. В европейских странах сохранялось единоличное сельское хозяйство и разрешалось заниматься мелким предпринимательством — пусть вольничают в допустимых пределах.

* * *

1962 год

...Работать на палубе, когда палящий жар тропического солнца смягчается свежим морским ветерком, — одно удовольствие. Хорошо...

— Тебя где так учили шкрябать, селёдкин сын? — бушевал боцман, загорелый до черноты жилистый мужик в головном платке, повязанном на манер разбойничавших некогда в этих местах буканьеров Франсуа д'Олонэ, тыча корявым пальцем в палубу, на которой остались ошмётки несчищенной старой краски и даже — о, ужас! — пятна ржавчины. — Как по такой халтуре красить? Чтоб оно слезло всё через неделю?

— Да я зачищу, Трофимыч, — оправдывался тощий конопатый матрос, плававший раньше на рыбаках и прозванный за это «селёдкиным сыном».

— Не зачистишь — языком будешь вылизывать! — сурово пообещал боцман.

Настроение у старого морского волка было не очень. Не нравился ему этот рейс, хоть ты тресни. Сама по себе Куба — это ещё куда ни шло (бывают заходы и хуже): Трофимычу не нравился груз и люди, сопровождавшие этот груз. Боцман не любил таинственности, от которой, как правило, хорошего не жди, а в этом рейсе таинственности было с избытком: и что везём, и куда, и зачем, и вообще. Куда — это в итоге выяснилось, но на все остальные вопросы ответов не было, и это раздражало: где это видано, чтобы боцмана, хозяина трюмов и палубы, не пускали лишний раз проверить крепление груза? А тут ещё у этого селёдкина сына руки из задницы растут...

Боцман в сердцах отвернулся и посмотрел в синюющую даль, где на штилевой воде Атлантики танцевали тысячи солнечных зайчиков. И увидел серый силуэт военного корабля, шедшего наперез.

...На мостике «Волгодонска» американский крейсер заметили ещё раньше. Второй штурман вызвал капитана и, как требовала инструкция, зачитанная перед выходом в море, старшего сопровождающего груза. Оба появились на мостике через минуту — кэп заметно нервничал, сопровождающий был спокоен. А крейсер тем временем приблизился, лёг на параллельный курс, и...

— Требуют остановиться, товарищ капитан, — доложил штурман пересохшим голосом.

— Вижу, — отозвался капитан, не отрываясь от бинокля. Сопровождающий молчал.

— Они пишут, что в случае неподчинения откроют огонь... — голос штурмана сел до шёпота.

— Следовать прежним курсом! — властно приказал сопровождающий. Капитан бросил на него изучающий взгляд и промолчал.

Трёхорудийные носовые башни крейсера развернулись и уставились стволами на «Волгодонск».

— Следовать прежним курсом! — повторил сопровождающий. — Это приказ.

На мостике висела нервная тишина — люди ждали, что она вот-вот будет расколота взрывом двадцатисантиметрового снаряда. И тут море между «Волгодонском» и крейсером франглов вспучилось.

Из воды вынырнула чёрная покатая спина, увенчанная горбом рубки. Всплывшая субмарина походила на доисторического ихтиозавра — капитан, служивший в молодости на военном флоте, таких ещё не видел. «Атомная, что ли? — подумал он. — Чья?».

На крейсере, похоже, знали ответ на этот вопрос. Американский корабль с минуту размышлял, а потом резко отвернул и начал удаляться, вернув орудийные стволы в прежнее положение...

— Сучий по трох... — Боцман выдохнул воздух, застрявший в лёгких, и пообещал, провожая взглядом хищный силуэт уходящего крейсера: — Придём в Матансас — напьюсь.

— И бабу! — радостно осклабился «селёдкин сын». — Кубинки, говорят...

— Сексу захотелось? — оборвал его Трофимыч. — Обратись к первому помощнику — он тебя за одно намерение нарушить правила поведения вечевое моряка за границей отымеет по полной программе: два притопа, три прихлопа.

Он хотел добавить ещё кое-что, но передумал. Времена, конечно, стали помягче, но язык распускать не следует: кто его знает, как оно аукнется?

Торговый теплоход «Волгодонск» шёл на Кубу с грузом особого назначения...

* * *

...Карибский кризис был самым острым за всю послевоенную историю. Впервые возникала угроза не интересам ОША в отдалённой точке мира, а их городам — Нуво-Руану,

Шамплону, Нувель-Орлеану. «Евразия» и «Океания» вплотную подошли к атомной пропасти и даже заглянули в неё, держа пальцы на пусковых кнопках. К счастью, и у Хрящёва, и у Канадье хватило благоразумия не сделать шаг вперёд. Был найден компромисс — русские ракеты были вывезены с Кубы (с «непотопляемого авианосца», на который зарился ещё Юлиус Терлиг) в обмен на вывод американских ракет из Британии.

По злой иронии судьбы, оба «спасителя мира» дорого за это заплатили. Спустя год Никита Хрящёв был отстранён от власти в результате «мирного переворота» — «новым русским боярам», помнившим времена Тимура Железного, не нужен был беспокойный и непредсказуемый царь, мешавший им спокойно наслаждаться достигнутым. А Жана Канадье просто застрелили: в «Океании» чрезмерная самостоятельность и попытки нарушить правила игры карались ещё более жёстко, чем в «Евразии».

Разделив мир на сферы влияния, Объединённые Штаты Америки и Союз Вечевых Общинных Земель балансировали на грани ядерной войны, и не началась она только лишь потому, что оба противника понимали: в такой войне победителей не будет.

А победить хотелось — и той, и другой стороне.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЯТАЯ. Стрела Аримана

1966 год

— Я завершаю свой земной путь, — спокойно сказал высохший старик, лежавший на широкой кровати под атласным одеялом. Он произнёс эти слова без тени напыщенности, как и подобает Старейшине Людей Круга, — впрочем, перед ликом Смерти, Владычицы Сущего, мало кто впадает в патетику.

Шестеро людей в тёмных костюмах, сидевших перед ложем умирающего, молчали — они ждали слов «духовного отца», как по установившейся традиции называли главу Людей Круга. Обычно с умирающим прощаются родные и близкие, друзья, но у мессиров были свои правила: они считали себя неизмеримо выше других людей, и вычурная роскошь Комнаты Прощания была далеко не самым важным атрибутом этого превосходства.

Жизнь уже еле теплилась в иссохшем теле Старейшины, однако разум его оставался ясным, и говорил он хоть и негромко, но чётко и размеренно.

— Мы поднимаемся на вершину построенной нами пирамиды, чтобы видеть будущее. Могущество созданной нами страны велико — мы овладели почти всем золотом мира: рычаг, с помощью которого можно перевернуть Землю, находится в наших руках. Враги повержены — кто оружием, кто талером. Остался только один противник — Вечевой Союз, и он тоже будет сокрушён.

«Духовный отец» замолчал. Мессеры почтительно ждали.

— Держава, созданная Тимуром Железным, — продолжал старик, собрав силы, — это результат попытки идти другим путём, отличным от нашего. Грубая работа, не идущая ни в какое сравнение с произведением нашего искусства... Русские попытались создать человека нового общества с помощью топора, когда нужна была тонкая и кропотливая работа резцом скульптора. Прекрасная по материалу заготовка испорчена — вместо мраморного шедевра получился уродливый каменный идол. И даже не каменный, а глиняный, и глина эта была густо замешана на крови. Кровь высохнет — идол рассыплется. Вечевой Союз держался только на авторитете Тимура, ставшего для своего народа живым богом. Он ещё долго будет оставаться богом — к нему будут взывать снова и снова, не понимая, что мрачные языческие боги — это достояние прошлого, а не ключ к воротам будущего. Мёртвый бог не отзовётся — держава Тимура Железного обречена.

Старейшина прикрыл глаза, притушив их яростный блеск, совсем не свойственный умирающим, и какое-то время в комнате был слышно только его свистящее дыхание. Потом он открыл глаза и снова заговорил — ровно и бесстрастно, словно машина:

— Война с Вечевым Союзом бесперспективна — атомная бомба изменила лик войны.

Но у нас есть наше абсолютное оружие, которое мы оттачивали веками. Это оружие, — слова старика, тихие и шелестящие, падали в тишину тяжёлыми камнями, — деньги, они принесут нам победу. Вечевой Союз будет разрушен изнутри, руками самих русских, и прежде всего — руками новых бояр. При Тимуре Железном у них была власть и право повелевать, но любой боярин в любой момент мог лишиться не только всех своих привилегий, но и расстаться с жизнью. Русские бояре лизали масло с ножа — и вкусно, и можно порезаться. Они вошли во вкус, вот только нож этот — а точнее, карающий меч, постоянно висевший над их головами, — они хотят убрать. Поэтому они свергли Никиту Хрящёва и поставили на царство удобного во всех отношениях Забережного — теперь уже никто не помешает им сладко есть и мягко спать. Идейных борцов среди них не осталось — Стрела Аримана⁶⁶ бьёт без промаха. Эту стрелу выпустил Тимур Железный — нам остаётся лишь подправить её полёт.

А народ, простые люди... Сейчас русские ещё надеются на лучшее — выиграна война, исправлены ошибки, жизнь улучшается и есть основания для энтузиазма, — но это пройдёт. Сидящие наверху уже не верят словам, которые они произносят, обращаясь к народу, и люди скоро это поймут. Можно долго обманывать немногих, можно недолго обманывать многих, но нельзя долго обманывать целый народ, особенно такой, как русский, и так неумело, как это делают новые бояре. Народ изверится и устанет ждать светлого будущего, тем более что он увидит — кое-кто уже живёт в светлом настоящем и отнюдь не спешит позвать туда всех остальных. И это будет началом конца — русские встанут стеной, если кто-то придёт к ним с мечом, но не пошевелит и пальцем, когда будут рушиться картонные декорации лжи.

А бояре... Им скоро мало будет статуса вельмож — они захотят той власти, которую дают только деньги, принадлежащие лишь тебе, и никому другому. И они станут копить эти деньги, и переводить их в швейцарские банки — недаром Швейцария осталось тихой гаванью Евразии, — а потом захотят приумножить эти деньги: так, как это делаем мы. И тогда они поймут, что Вечевой Союз непригоден для приумножения денег, и демонтируют его: сами, без всякой войны. Деньги мощнее водородной бомбы — наше абсолютное оружие сработает.

Умиравший обессилело замолчал, утомлённый длинной речью. Глаза его остались открытыми, но горевший в них тёмный огонь погас. Один из мессиров шевельнулся, однако «духовный отец» ещё не всё сказал.

— Тысячелетиями люди рвались к Свету, бережно взращивая в своих душах светлые ростки... А мы идём по дороге Тьмы, — злое проговорил он, и мрачная сила этих его слов не соответствовала облику полумёртвого дряхлого старца. — Тьма — это куда более удобная субстанция, из неё, — пальцы Старейшины чуть шевельнулись, — легче лепить нужное... Да будет так... Не останавливайтесь на полпути — до вершины осталось немного... Нового главу Круга выберете сами — меня призывает Глаз Божества...

И духовный отец Бюжо Четвёртый смежил веки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. БЕЗВРЕМЯ

*Я никогда не верил в миражи,
В грядущий рай не ладил чемодана.
Учителей сожрало море лжи
И выбросило возле Магадана
И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз.
Мы тоже дети страшных лет России*

---

⁶⁶ Стрела Аримана — тенденция, согласно которой при нравственной деградации общества в первую очередь погибают, так или иначе, лучшие представители этого общества, способные что-то изменить. Остаются (прежде всего во власти) те, кто способствуют деградации.

В такие дни Серёжа просыпался рано — как можно спать, если прямо под окнами уже в шесть утра начинает надрываться уличный репродуктор, из которого льются бравурные мелодии и не очень разборчивые, но очень радостные словосочетания? Но этот радиокрик не раздражал — пробуждение всегда было радостным, потому что Первое Мая, и потому что впереди целый день праздника. Серёже хотелось тут же бежать на улицу, чтобы посмотреть вблизи на военные машины и тягачи с прицепленными к ним зеленоватыми длиннотелыми ракетами, похожими на великанские сосиски, но все улицы уже были загодя перегорожены грузовиками, между которыми оставались только узкие проходы со стоявшими там строгими дядями. И Серёжа торопился к окну, прилипал носом к стеклу и смотрел вниз. Он жалел, что из окон не видно бронеходов, не видно их было и с крыши, куда ему как-то раз удалось забраться вместе с другими мальчишками, — бронеходов не было. Серёжа спросил отца, почему по Красной площади в Москве бронеходы идут, а по Дворцовой площади — нет, и отец объяснил, что на Красной площади — брусчатка, а на Дворцовой — асфальт: бронеходам туда нельзя, потому что они покарябают его гусеницами, и площадь придётся чинить. Это было понятно, но всё равно казалось несправедливым — Серёже очень хотелось увидеть настоящие бронеходы. По телевизору — это не то, да и телевизора у них не было: «на телевизор» они ходили к соседям, рассматривая через линзу, похожую на плоский аквариум (только без рыбок), блеклые движущиеся картинки на экране размером с тетрадку.

Большой треугольный дом жёлтого цвета стоял в самом центре города, рядом с Исаакиевским собором. Острым углом дом утыкался в сквер перед гостиницей «Астория», одной стороной глядя на собор, другой — на Александровский сад, где росло много дубов, и где по осени можно было собирать жёлуди, а третьей стороной, на которую выходили окна коммунальной квартиры, где с папой и мамой жил Серёжа, — на улицу Майорова. И по этой улице нескончаемым потоком шли люди с флагами и транспарантами. «Демонстрация» — это умное слово Серёжа узнал очень рано.

Он смотрел из окна на людское шевеление и ощущал настроение людей — настроение это было радостным. Над праздничной толпой витало что-то весёлое и слегка разухабистое, и жизнь казалась прекрасной и удивительной. А вечером был салют, и идти на салют было недалеко. Всё было рядом — и Зимний дворец, и Адмиралтейство, и даже Петропавловская крепость, откуда стреляли пушки и взлетали стаи разноцветных ракет. А на Неве стояли военные корабли, надевшие флаги расцвечивания, а вечером — гирлянды огней, и это было красиво. На Неве стояли боевые корабли, значит, никогда больше не будет войны, и никогда на Петроград не упадут бомбы — Серёжа видел выбоины на колоннах Исаакиевского собора, оставленные осколками тевтонских снарядов в сорок втором, когда германцы подходили к городу.

И ещё вечером были гости, шумные и весёлые. Женщины были в нарядных платьях, они доставали из свёртков туфли и переобувались. Мужчины были одеты в костюмы, а папа всегда надевал форму — женщины смотрели на него, и маме это почему-то не нравилось. На общей кухне хозяйки готовили угощение — обязательный салат из кубиков колбасы, зелёного горошка, огурцов и варёной картошки, обильно политый майонезом, — и растаскивали его по своим комнатам, где ждали гости. Дети путались у них под ногами и совали носы в тарелки — матери ругались, но беззлобно. На столах выстраивались батареи бутылок, люди пили, пели, шутили и смеялись. Первое Мая — это было весело, и много лет спустя мальчик Серёжа, уже ставший Сергеем Васильевичем, вспоминал искренние праздники шестидесятих годов...

* * *

В школьном зале на третьем этаже, где на переменах чинно гуляли парами девочки в

коричневых платьях и белых передничках и бегали мальчики в серой школьной форме, висел большой портрет Самого Первого Великого Вождя — того, кто сделал революцию, прогнал царя и помещиков и основал Вечевой Союз: самую лучшую страну в мире. Портрет этот имел одну особенность: с какой стороны на него не взгляни, глаза Вождя всегда смотрели прямо на тебя, строго и пытливо. Вождь на портрете совсем не походил на кудрявого Вождя маленького, каким он был изображён на октябрятских звёздочках, — Вождь большой был лысым, и взгляд его не отличался особой теплотой. Серёжа это чувствовал, и поэтому не любил зал на третьем этаже и старался бывать там пореже — ему казалось, что Вождь знает про каждую вину каждого школьника, даже про самую маленькую.

Однажды на уроке учительница заметила, как Серёжа, делая вид, что смотрит в учебник, на самом деле читает совсем другую книгу. Отпираться было бесполезно, и Серёжа вынужден был предъявить свою подпольную, то есть подпартную нелегальную литературу. «Фенимор Купрэ, «Последний из ирокезов», — прочла учительница на обложке. — Да, это хорошая книга, но разве можно читать её на уроке ботаники?». Серёжа молчал — не мог же он сказать, что хотел сразу после уроков зайти в библиотеку. Книжку надо было сдавать, а Серёже хотелось ещё раз прочитать конец — вдруг окружённый франглами вождь ирокезов Орлиное Перо останется жив и победит врагов? Серёжа знал, что отважный ирокез погибнет, но всё-таки... И он не удержался — раскрыл заветную книжку прямо на уроке. Сказать это он не мог, чтобы не вызвать насмешек, и пробормотал традиционное: «Я больше не буду, Нина Фёдоровна...». После этого случая Серёжа месяц не заходил на третий этаж, чтобы не видеть укоряющих глаз Самого Первого Великого Вождя.

Но свою страну Серёжа любил, и был очень рад, что родился в России, а не в ОША, где человек человеку волк, и гордился своей страной. Ещё в старшей группе детского сада он ликовал, когда воспитательница сообщила, что в космос полетел первый человек Земли, и что этот человек — русский. Серёжа был юным пионером, и ему нравился пионерский лагерь с его линейками, кострами, песнями, лесными походами и военной игрой «Зарница». Ему нравился устроенный в лагере День Труда, когда пионеры чистили территорию и делали разные мелкие работы, за которые они получали разноцветные бумажки. А на следующий день за эти бумажки — совсем как за настоящие деньги — можно было купить лимонад и даже шоколадные конфеты. Серёжа заработал немного — хватило только на леденцы, но это был его первый заработок, и Серёжа его запомнил.

Жизнь улучшалась. В шестьдесят седьмом году родители Сергея получили отдельную двухкомнатную квартиру в новом районе — город строился, коммуналки расселялись. В доме появилась новая мебель, телевизор, радиол, а потом и магнитофон. И многие тогда верили, что обещанный Хрящёвым коммунизм к восьмидесятому году действительно будет построен — если, конечно, не будет войны. Правда, в новом районе иногда опасно было ходить в магазин — шпана нападала на школьников-одиночек и отбирала у них мелочь. Сергею как-то раз сломали нос, однако он воспринял это событие без особого ужаса: мальчишки дерутся, иначе из них никогда не вырастут воины-защитники.

...Шли годы. В России подрастало послевоенное поколение — сыновья и дочери солдат-победителей Второй мировой...

* * *

1973 год

— Товарищ капитан первого ранга! Тридцать третья рота готова к занятиям по военно-морской подготовке!

— Товарищи курсанты, — седой офицер подошёл к развешанным на стене плакатам, — тема сегодняшней лекции — парогазовая торпеда «53–61». Торпеда калибра пятьсот тридцать три миллиметра, принята на вооружение флота в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Предназначена для поражения...

...Учился Сергей с удовольствием. Морское училище — это был его самостоятельный и сознательный выбор. Сергей хотел стать моряком, и жёсткие рамки дисциплины принимал как должное. Море — оно не шутит; корабли тонут, несмотря на всё достижения науки и техники, а волю свободолюбивой натуре можно дать и на берегу. Сергей подумывал даже после окончания училища пойти служить на военный флот: океаны кишели авианосцами и субмаринами франглов — должен же кто-то противостоять этой армаде. Отговорил его отец — узнав о намерении сына, он помолчал, а потом сказал с горечью:

— Не надо, сынок. Армия стала не та — гниль завелась. Плавай лучше под торговым флагом — будешь офицером запаса, и случись война, ты всё равно понадобишься.

Эти слова отца стали неожиданностью, но Сергей не сомневался, что у него имелись основания так говорить. Отец честно служил и ушёл в запас, когда была принята концепция «мирного сосуществования» и началось сокращение вооружённых сил Вечевое Союзу: шли под пресс новенькие крейсера и субмарины, а недостроенные авианосцы разбирались прямо на стапелях. И помнил Сергей тоску, появившуюся в глазах отца на похоронах его старого друга по Дальнему Востоку, каперанга Иваныча, и оброненную отцом фразу «Боевой офицер был — мирной жизни со Второй мировой не знал. От американских глубин ушёл — свои чинуши доконали...». Упоминание американских глубинных бомб заинтересовало Сергея, но подробностей ему узнать не удалось: отец замкнулся, упомянув подписку о неразглашении.

А вторым человеком, заставившим Сергея задуматься на тему армии, стал отец его приятеля по училищу Юрки Лыкова. Полковник Пётр Лыков был фронтовиком; он прошёл всю войну в противобронной артиллерии и знаменитых «танюшах», а потом вдруг оставил службу. «Дышать трудновато стало, — сказал полковник Лыков, когда Сергей прямо спросил его о причинах. — На войне всё было ясно, а вот потом... Однако это материи скучные, — он хитро улыбнулся, — у вас, ребятки, сейчас одни девчонки на уме. Понимаю, дело молодое».

Девчонки девчонками, однако несоответствие слов и дел бросалось в глаза любому, кто хоть немного умел думать. Коммунизм приближался, а прилавки пустели: мать Сергея каждый месяц отправляла с поездом мясные посылки родне на Урал — в Петрограде мясо ещё можно было купить. Хотя само слово «купить» почти вышло из употребления: его заменил глагол «достать», куда более точно отражавший суть процесса. Везде и всюду торжествовал дефицит — под эту категорию подпадало буквально всё, от туалетной бумаги до автомашин, владельцы которых казались какими-то небожителями. Честный труд на благо Родины не был гарантией того, что к празднику у тебя на столе появится кусок хорошей ветчины, и что твоя жена сможет надеть зимой тёплые сапоги. Жировали откровенные спекулянты, а также те, кто обзаводился нужными связями, значившими гораздо больше, чем деньги. И эти люди не скрывали своего презрения к тем, кто «не умеет жить» и корячится в поле или у станка. И было непонятно, как это так: летаем в космос, наши атомные подводные лодки всплывают на Северном полюсе, с нами вся Европа, а у людей остро не хватает самого простого и нужного — не бриллиантов, а хлеба насущного?

Но молодость брала своё — особо задумываться о причинах и следствиях не хотелось. Временные трудности — так это объяснялось. Мы ведь, в конце концов, первыми идём по непроторённому пути, зато когда дойдём...

* * *

1975 год

— Есть мнение, — политический воспитатель факультета ощупал Сергея изучающим взглядом, — что тебе, курсант Киреев, пора вступать в партию. Ты у нас отличник, да ещё к тому же и депутат, так что...

Затягивать с ответом на «высказанное мнение» было нельзя, и Сергей, помедлив самую

малость, произнёс, глядя прямо на политического воспитателя:

— Не заслужил я ещё. Коммунисты шли на пулемёты, а я что? Ничего ещё в жизни не сделал, а хорошо учиться — это моя прямая обязанность.

Веки политического воспитателя дрогнули. Он был далеко не глуп и понял, о чём думал стоявший перед ним курсант.

— Ладно, иди, Киреев, — устало сказал он. — Но всё-таки подумай.

Насчёт подумать — этим Сергей занимался уже давно: пищи для ума хватало (если не лениться, конечно). И общая картина, получившаяся в результате его умозаключений, как-то не радовала.

...Началось с того, что на втором курсе его, восемнадцатилетнего парня, выбрали депутатом районного народного вече. Хотя «выбрали» — это не совсем точно: Сергея вызвал политвоспитатель и сообщил ему об этом. Курсант Киреев ошалел: он, мальчишка, — и вдруг «депутат Балтики», член вечевой власти! Однако действительность быстро развеяла все его юношеские иллюзии: депутатство оказалось сущей синекурой, не имевшей ровным счётом никакого отношения к реальным делам (а тем более к решениям власти). Нудные сидения на собраниях, оставлявшие после себя только лишь ощущение бесцельно потерянного времени, и единогласные одобрения чего-то кем-то давно уже решённого — вот и всё, чем обернулось его депутатство. И — чувство разочарования, оставившее в душе Сергея горьковатый осадок.

А потом была первая плавательская практика и зарубежные порты: Руан с чёрным крестом на площади, выложенным на месте сожжения Жанны д'Арк, и Гуль с массивной каменной башней, сохранившейся со времён викингов и пережившей тевтонское нашествие. И увиденный собственными глазами вражеский мир, в котором, как оказалось, люди живут не так уж плохо — во всяком случае, очередей «за тем, что выкинули», здесь не наблюдалось. «Гниют, сволочи, — сказал старшина группы, глядя на чужеземное магазинное изобилие, — но как вкусно пахнет!».

Невнятный бубнёж с трибун и с экранов телевизоров, равно как и примелькавшиеся лозунги, смысла которых давно уже никто не понимал, воспринимались как данность — как снег зимой или как вешняя капель, — но запомнилось Сергею ощущение, испытанное в зале кинотеатра при просмотре хроники новостей, предшествовавшей показу фильма. Он тогда только что вернулся из первого своего длинного рейса (почти полгода не был дома) и решил сходить в кино — надоели зарубежные телефильмы, то и дело прерываемые рекламой.

На экране появился Забережный, а за его спиной занимали места в президиуме члены Верховного Вече — почтенные и еле передвигавшиеся старцы. Вождь монотонно мямлил что-то по бумажке, а зал рукоплескал, и Сергея поразили лица людей, сидевших в зале, — глаза у них были пустыми, словно все они полуспали или находились под гипнозом. Видя подобные картины постоянно, раньше Сергей этого не замечал — при регулярном употреблении глаз замыливается, — но сейчас, после полугодового перерыва, он был неприятно поражён этим зрелищем. Это была фальшь — чистая и незамутнённая; ложь, которой жила огромная страна под названием Союз Вечевых Общинных Земель. Диссидентом Сергей никогда не был, и не прислушивался к радиоголосам, раздававшимся из Парижа, Лондона и Шамплена, но эту ложь он чувствовал, как чувствовали её миллионы других русских людей.

...Курсант Киреев уклонился от предложения вступить в партию. Сергей видел, что сегодняшние коммунисты — это уже не те люди, которые воевали в гражданскую и первыми поднимались в атаки во Вторую мировую. Он знал, что вступление в партию — это гарантия будущей карьеры, и что многие вступают в партию только ради этого, но ему такой подход не нравился — не по нутру.

* * *

В семьдесят седьмом году у берегов Канады затонул теплоход «Коммунар». Сергей

узнал об этом от двоюродного брата, механика Балтийского пароходства, и узнал от него кое-какие подробности. «Коммунар» попал в сильный шторм, удары волн повредили его кормовую аппарель, и внутрь корпуса стала поступать вода. Дальше всё произошло в полном соответствии с законами физики: когда этой воды набралось много, судно перевернулось и затонуло. Спасённых почти не было: вода в Северной Атлантике зимой — не мёд и не сахар.

Но самое мерзкое — оказывается, спасти могли всех. «Коммунар» своевременно дал сигнал бедствия (его капитан правильно оценил ситуацию), и через сорок пять минут над тонущим теплоходом появились вертолёты береговой охраны ОША. Времени было больше чем достаточно, чтобы снять с палубы весь экипаж — «Коммунар» тонул медленно. Но с мостика гибнущего корабля так и не было дано согласия на спасение — капитан выполнял полученный по радио приказ «Помощи от врага не принимать, ждать подхода наших судов». И два наших теплохода действительно подошли к месту катастрофы, но через три часа, когда было уже поздно: живыми из ледяной воды выловили всего пятерых из тридцати человек команды «Коммунара».

Этого Сергей не понимал — не мог понять. Ну да, враг, но даже враги (даже во время войны) оказывают помощь тонущим морякам противника: так поступали и наши, и тевтоны, и франглы, и самураи. А тут, в мирное время... Могучая держава бросила своих сыновей — пусть тонут, но не принимают вражьей помощи! — лишь бы не пострадал лозунг «Вечевые люди сильнее любой стихии!». Неужели правители этой державы не понимали, что так они роняют свой авторитет в глазах своих же людей (в конце концов, на международное мнение можно и наплевать) — что это за страна, которая бросает своих граждан в беду и отказывает им в помощи, пусть даже помощь эта придёт со стороны?

Жизнь шаг за шагом лишала Киреева остатков иллюзий. Он помнил, как однажды к нему в каюту зашёл первый помощник (так называли на торговых судах политических воспитателей) и спросил, увидев на полке пару книжек на французском (не порнуху, ни в коем разе — обычные развлекательные издания в мягких обложках, боевики да фантастика): «Электрик, а зачем тебе нужен французский язык? Ты вроде не штурман, по работе он тебе без надобности». Сергей не сразу нашёлся с ответом и пробормотал что-то вроде «ну как же, а если поговорить с кем-нибудь на берегу, я же представитель Вечевого Союза за границей». «Представитель Вечевого Союза за границей — я! — безапелляционно заявил политический воспитатель. — Я и буду говорить (Сергей представил себе, как это будет выглядеть, — по-французски политвоспитатель знал только «Qu'est que c'est?» и «C'est combien?»⁶⁷ — и чуть не улыбнулся). А ты — электромотор тебя и так поймёт, и общаться с кем-то на вражеском берегу тебе ни к чему. Или, — глаза первого помощника похолодели, — ты у нас эмигрировать собираешься, а?». Вопрос был диким, и подразумевал такой же дикий ответ: «Да вы что! Да я ни сном, ни духом, и вообще...». Инцидент этот неприятных последствий не имел, но с тех пор Сергей зарёкся покупать и держать на виду иностранное чтиво.

И помнил Киреев, как первый помощник изумил его, сказав на политбеседе, что Вечевой Союз строит теперь не коммунизм, а развитый социализм, а коммунизм — это потом. Однако вскоре Сергей понял, в чём тут штука: восьмидесятый год уже не за горами, коммунизма в означенном году, судя по всему, не будет, и власть предрежащие пытаются наивной манипуляцией — сменой вывесок — создать видимость «неуклонного продвижения вперёд». Это выглядело глупо, и было бы смешно, если бы не было грустно.

Но отношение Сергея к родной стране не изменилось — разве можно пенять матери, что она билетёрша в кинотеатре, а не кинозвезда? Она вырастила тебя, как могла, выпустила в большую жизнь, за что же теперь поливать её грязью? За то, что ей не повезло с мужем, который наобещал с три короба, а на деле оказался никчёмным пустобрехом? Уговаривать Родину-мать разводиться с мужем-Властью и начинать новую жизнь? А с кем и как? На этот вопрос Киреев ответа не знал...

---

⁶⁷ Qu'est que c'est? — Что это? (франц.); C'est combien? — Сколько (стоит)? (франц.)

1978 год

Её звали Манефой. Родители девушки были детьми даурских казаков, покинувших Россию после гражданской войны и осевших в китайском Харбине. Там они и жили, пока председатель Мао, затаивший обиду на Вечевой Союз (и на русских вообще), не начал свои «революционные преобразования» и не решил заодно очистить Поднебесную Империю от всех «чуждых и враждебных элементов». Русским харбинцам велено было в двадцать четыре часа покинуть Китай, иначе... И они уехали — в Канаду и Австралию (Манефа родилась уже в Мельбурне).

Несмотря на своё архаичное имя, Манефа была самой обычной светловолосой девчонкой последней трети двадцатого столетия, каких на планете Земля миллионы — самой обычной для всех, но не для Сергея. По-русски Манефа почти не говорила — они объяснялись на смеси французского, английского и русского языков, но почему-то хорошо понимали друг друга. Их любовь была короткой, как вспышка — к несчастью (а может быть, и к счастью) экспедиционное судно «Академик Обручев», на котором плавал Сергей Киреев, простояло в Мельбурне всего три дня. А потом они расстались, чтобы никогда больше не встретиться...

Эти три дня были сумасшедшими. В последний день стоянки Сергей со своей группой (поодиночке на берег в странах «враждебного окружения» ходить не полагалось) опоздал из увольнения на три часа — нарушение первое. Двое товарищей Сергея, оставшись без надзора в гостеприимном эмигрантском доме (Сергей весь вечер провёл с Манефой — о том, чтобы остаться ночевать на берегу, не могло быть и речи), налегли на спиртное и по возвращении на борт предстали перед политическим воспитателем в полуразобранном состоянии. Это стало вторым нарушением правил поведения вечевого моряка за границей.

Само по себе — оно бывает (пили русские моряки, пьют, и будут пить), но дело в том, что в воскресенье, перед началом рабочей недели (а последний день стоянки «Обручева» в Мельбурне пришёлся на воскресенье) по всей стране Австралии все бары и винные магазины закрыты, и выпивку не найдёт даже кенгуру (если, конечно, заранее не припасёт бутылку-другую в своей сумке). А поскольку brave матросы вернулись с берега под сильным хмельком, первому помощнику не нужны были таланты комиссара Мегрэ, чтобы установить, откуда дровишки. Если выпили — значит, были в гостях у кого-то из местных, что строжайше запрещено. И это стало третьим нарушением, и самым серьёзным.

По совокупности прегрешений Сергей был отстранён от заграничного плавания сроком на два года. На этом вроде всё и кончилось, однако через три месяца Киреева вызвали в отдел кадров. «С вами хотят поговорить» — сказали ему, и Сергею очень не понравилось то, как это было сказано: он догадывался, кто именно хочет с ним пообщаться.

Киреев, естественно, слышал об Особой Комиссии Внутренних Дел (да и кто о ней не слышал во всём Вечевом Союзе и за рубежом!), но контактов с ней доселе не имел. И не был огорчён этим обстоятельством: над анекдотом «Чем отличается ОКВД от КВД?» — «В КВД тебя вылечит от амурных заболеваний максимум за десять дней, амбулаторно, а в ОКВД тебя будут лечить от вредных заблуждений минимум десять лет, причём в стационаре» можно было посмеяться, однако бывало и не до шуток. ОКВД боялись на уровне инстинкта — за этой организацией тянулся след недоброго прошлого.

В небольшой комнате Сергей ждал непримечательный человек средних лет в простом цивильном костюме.

— Здравствуйте, — сказал он. — Догадываетесь, о чём будем говорить?

Представляться непримечательный человек не стал: понял по лицу Сергея, что тот уже знает, с кем имеет дело.

— За Австралию? — уточнил Киреев (так, на всякий случай — о чём же ещё может

идти речь?).

— Именно так. Ну, я вас слушаю.

Сергей изложил всю историю своего преступления, как делал уже не раз (умолчав, понятное дело, о Манефе). Безопасник слушал.

— Вы не всё рассказали, — сказал он, когда Киреев закончил свой рассказ. — Была ведь ещё и девушка, верно? Вы ведь не хотите, чтобы у меня сложилось впечатление, что Сергей Киреев был неискренен?

К счастью, Сергей был готов к такому повороту душевной беседы тет-а-тет — знал он, что на всех торговых судах работают люди, получающие зарплату не только по штатному судовому расписанию и сообщающие «куда положено» обо всех «интересных» разговорах на борту.

— Да не было никакой девушки, — произнёс он равнодушно, — хвастовство одно. Вот, мол, мы какие — нас под каждой пальмой знойные красотки ждут. Мальчишество...

Получилось очень естественно: похоже, собеседник был удовлетворён ответом.

— Хорошо, — безопасник встал и даже протянул Сергею руку. — Икупайте свою вину перед Родиной и больше не делайте глупостей. Если понадобится, мы вас ещё вызовем.

«Какая вина перед Родиной? — думал Сергей, возвращаясь домой. — В чём она, эта вина? В том, что я целовал австралийскую девчонку русского происхождения? Из неё такая же агентка американской разведки, как из меня Папа Римский, да и я не физик-ядерщик. И не говорили мы ни о чём таком — у нас времени было до обидного мало. Глупость какая-то...».

...В Особую Комиссию его не вызвали: вероятно, сочли, что морской электрик Сергей Киреев не представляет собой угрозу безопасности Союза Вечевых Общинных Земель.

* * *

1981 год, осень

...Запись была скверной — пято-десятой, как говорится, — но энергетика «шансонье всея Руси» рвалась с намагниченной ленты и продирала до нейронов...

Что за дом притих, погружён во мрак,
На семи лихих продувных ветрах,
Всеми окнами обратясь в овраг,
А воротами — на проезжий тракт?

...Тихо вращались пластмассовые зубчатые колёсики компакт-кассеты. Сергей сидел и слушал. Внимательно. Не шевелясь...

Кто ответит мне, что за дом такой?
Почему во тьме, как барак чумной?
Свет лампад погас, воздух вылился,
Али жить у вас разучились?

Двери настезь у вас, а душа взаперти!
Кто хозяином здесь — напоил бы вином?!
А в ответ мне: — Видать, был ты долго в пути
И людей позабыл — мы всегда так живём

Траву кушаем, век на щавеле,
Скисли душами — опрыщавели,
Да ещё вином много тешились,
Разоряли дом, дрались, вешались

...Хриплый голос, в котором сплелись извечная русская неприкаянность и тяга к чему-то прекрасному, чего нет (и быть не может) — или есть где-то, но туда ни дойти, ни доехать, — и пел, и плакал без слёз. Одновременно...

— Я коней заморил, от волков ускакал,
Укажите мне край, где светло от лампад!
Укажите мне место, какое искал —
Где поют, а не стонут, где пол не покат!

— О таких домах не слыхали мы,
Долго жить впотьмах привыкали мы,
Испокону мы в зле да шёпоте,
Под иконами в чёрной копоти!

...Сергей плеснул в стакан вина. Выпил. Легче не стало — скорее наоборот. Темнело. За окном зажигались огни, но тьма наступала, окружая фонари, словно последних бойцов, ещё силившихся удержать линию фронта...

Сколько кануло, сколько схлынуло!
Жизнь кидала меня — недокинула...⁶⁸

...Запись оборвалась. Темнота за окном мяла мягкими лапами одинокие фонари...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА

О происходящем в мире (за границами Вечевого Союза и за пределами Евразийского блока) жители России кое-что знали. Но именно кое-что: информация была препарированной и не отражала сути и подлинных причин событий. Правители Союза следовали принципу Талейрана «Народу надо говорить правду, одну только правду, но не всю правду», творчески его доработав: процентное содержание правды было снижено до минимума — до чистой фактологии, от которой никуда не денешься: произошёл переворот в некоей банановой республике — значит, произошёл; где-то начались беспорядки — да, есть такое. А что там да как — что за переворот, какие такие беспорядки, и кто за всем этим стоит — это уже вопрос другой, и трактовать его можно по-разному. Правители России не были оригинальны — точно так же действовали правители Объединённых Штатов: детали должен знать тот, кому положено, а для всех остальных есть кривое зеркало средств массовой информации. Кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево...

После окончания Второй мировой больших войн не было, зато малых хватало — они вспыхивали постоянно. В мире то и дело стреляли: в Африке, в Азии, в Латинской Америке. Это называлось «имперские происки ОША» и «борьба угнетённых народов за свою свободу» или «расползание красной угрозы» и «защита демократии» — в зависимости от того, кто сообщал об этих локальных конфликтах. Две сверхдержавы, два враждебных военных блока — Океанический пакт и Организация стран Берлинского договора, Новый Карфаген и Новый Рим, — напоминали боксёров на ринге, наносящих друг другу удары в уязвимые точки: туда, где побольнее, и где противник, зазевавшись, ослаблял защиту. Выиграть поединок ядерным нокаутом не представлялось возможным: отдача неминуемо и жестоко — от растяжения связок до перелома позвоночника — искалечит и того, кто нанесёт удар (не говоря уже о том, что некому будет чествовать победителя — зрителей не останется). Оба противника это

---

⁶⁸ Здесь и выше (до звёздочек) — строки из песни В.Высоцкого «Дом» (1973 год).

понимали — они старались выиграть по очкам, и тут незримый строгий рефери фиксировал явное преимущество Запада.

«Воевать надо было, — сказал как-то Сергею отец, — тогда бы ещё бабушка надвое сказала, кто кого. А так — рассыпят они нас этим мирным сосуществованием, вот увидишь». Это было сказано полшутя, да ещё на нетрезвую голову (отец Киреева в последние годы стал крепко попивать), однако за чёрным юмором просматривалась горькая правда: Вечевой Союз проигрывал, при этом усиленно делая вид, что всё путём, вот он сейчас отдышится, да как врежет супостату по сусалам...

А потом пришёл восемьдесят пятый год, и Михаил Дергачёв провозгласил «новый курс» — хорош размахивать кулаками. Давайте жить дружно — Запад распахивает нам свои братские объятия. Дело за малым: нам надо только немножко перестроить нашу архаичную систему, чтобы она органично вписалась в «цивилизованный мир», и вот тогда мы наконец-то заживём по-людски. И самое странное, что ему поверили — точно так же, как поверили в семнадцатом тем, кто обещался рай земной и счастье для всех и каждого: поверили потому, что устали жить во лжи.

Евразийский союз, казавшийся несокрушимым, рушился на глазах — сам собой, как могучее дерево, подточенное и выеденное изнутри термитами. Страны Европы отпадали от него одна за другой — большинство мирно, хотя кое-где не обошлось без крови. Но русские бронеходы не давили «мятежников» гусеницами: согласно приказу, войска Вечевого Союза оставляли «оккупированные территории», бросая на радость местным властям (и особенно предприимчивым дельцам) огромное количество военного имущества, оружия и снаряжения. А Дергачёв обнимался с западными вождями, демонстрируя единение и взаимопонимание, и всё происходящее напоминало конец наводнения на Неве, когда стихает тугой подпирающий ветер с Финского залива, гнавший воду вспять, и Нева снова входит в свои берега, отступая и освобождая гранит набережных и оставляя на обсыхающих каменных плитах липкую грязь, принесённую бурлящей водой...

А в мутных ручьях, стекавших в канализацию, резвилась рыбка большая и маленькая — в стране нарастало то, что именовалось сочным словом «бардак». Прежнее рушилось, а долгожданного нового как-то не наблюдалось — то есть наблюдалось, но на словах, а не на деле. И всё-таки очень многим стильный западный сквозняк казался свежим ветром перемен, ворвавшимся в затхлую комнату, в которой сто лет не открывали наглухо законопаченных окон. Это ничего, что от этого ветра чихалось и кашлялось (иногда до кровавой мокроты) — ведь по законам природы за прохладной весной должно придти жаркое лето, правильно?

Россию корёжило в корчах перемен, и запомнились Сергею слова его тестя: «Если бы в пятьдесят третьем власть взял товарищ Мизерия, мы бы до такого не дошли. Вся история пошла бы другим путём — серьёзный был человек...». Тесть Киреева сам был человеком серьёзным — ветеран спецчастей ОКВД, он провоевал всю Вторую мировую (и несколько лет после неё, в Европе). Под занавес службы он был начальником лагеря на Колыме (жена Сергея родилась в Магаданской области) и после выхода в отставку сохранил многие свои старые связи. Тесть всегда был в курсе всего происходящего в стране и за рубежом, причём информация эта была реальной, а не той, которую доводили до сведения населения газеты и радио. Сергей примерно представлял, что имел в виду отец его супруги под словами «пошла бы другим путём», хотя явственно заметил нотки бессильной обречённости в его голосе...

* * *

1990 год

— Привет, мореманы! — Сашка Оленин был весел и жизнерадостен: как всегда. — Ну, что пьём? Пивка для рывка, потом водочки для заводочки?

Выпили и того, и другого — для начала. В силу профессиональной специфики, бывшие однокашники встречались редко, но уж если встречались, тем более если впереди был целый

день, свободный от всех иных дел и обязанностей... Происходящее (пока?) не отразилось на пивном баре «Гавань», испокон веку облюбованном курсантами мореходки — как бывшими, так и сегодняшними, — для встреч, дружеских бесед и приятного времяпрепровождения. Было здесь и неплохое пиво, и традиционные наборы с рыбкой и солёной соломкой, а что до цен — водоплавающий народ это как-то не особо смущало, да и цены эти были отнюдь не запредельными.

Выпив, заговорили. Для вдумчивой дискуссии о женщинах выпито было маловато, а потому, обменявшись новостями — кто где плавает, кто развёлся, кто стал счастливым отцом, — перешли на политику: о чём ещё могут говорить под выпивку русские мужики, особенно когда эта политика так и лезет в глаза из всех щелей?

— Революционная ситуация, — глубокомысленно изрёк Юрка Лыков, глядя в дымный зал так, словно именно в нём и сложилась упомянутая ситуация в концентрированном виде.

— Ага, — подтвердил Оленин, энергично раздирая принесённую с собой воблину. — Это когда тот, кто сверху, больше не может, а та, кто снизу, больше не хочет.

Киреев улыбнулся. Шурка всегда отличался известной оригинальностью мышления — на экзамене по «закону божьему», то есть по научному коммунизму, бойко отбарабанив тему билета «Государство», он вогнал в лёгкий шок преподавателя нестандартным ответом на дополнительный вопрос. «Значит, — спросил доцент, — государство — это машина подавления. А кого оно у нас подавляет?». «А у нас уже всех подавили! — бойко ответил курсант Оленин и добавил, заметив неподдельное изумление в глазах экзаменатора: — Ну, это, подавляют ещё кое-кого — алкоголиков там разных, тунеядцев...».

— Философ, блин, — фыркнул Юрий. — Тоже мне, сексуал-демократ доморощенный. Всё тебе смехреночки да звездихаханьки — поглядим, что ты запоешь, когда...

— Этот стон у нас песней зовётся, — невозмутимо парировал Оленин. — А фригидность хуже импотенции, поэтому революционная ситуация не лечится — только хирургически. Но если честно, мне всё это глубоко до лампочки. Не пропадём — вон, греки не успели свободу получить, как уже зашевелились: вербуют наших моряков на свой ржавый флот. И платят, между прочим, так, как нам и не снилось — много, и в талерах. Они и раньше мировыми перевозчиками были, а теперь, как вышли из-под нашей отеческой руки, так вообще... Так что не вижу я основания для пессимизма, Юрик. Бабы как давали, так и будут давать, а если ты ещё зарабатывать станешь, как белый человек, они тебе вдвое охотнее давать будут.

Сергей снова усмехнулся, но уже с кислинкой. Он не то чтобы усматривал прямую зависимость между женской благосклонностью и толщиной кошелька, однако замечал, что его благоверная становилась заметно ласковее, когда он, приходя с рейса, выкладывал на стол пачку денег — бытие определяет сознание, и не только сознание, но и поведение.

— К этому всё и шло, — продолжал между тем Лыков, возвращаясь от фривольной темы к теме политической (вероятно, ещё недостаточно выпил). — Система окостенела, как хитиновый панцирь: её не переделать, как бы там Миша Дергачёв не суеился. Её можно только сломать, а уже потом...

— А что будет потом, Юра? — спросил Киреев, отхлебнув из кружки. — Ты себе это «потом» хорошо представляешь? Вот ты, например, что делать будешь?

— Что делать? Дело своё заведу! — решительно заявил Лыков.

— Это навроде свечного заводика? На буржуинство потянуло? — иронически уточнил Оленин.

— Хозяина у нас нет на производстве, потому и ходим с голой задницей, — продолжал Юрий, проигнорировав язвительный вопрос. — А вот когда этот хозяин будет...

— Слушай, Юр, а с чего ты взял, что хозяином будешь именно ты, а не кто-то другой? — спросил Сергей, внимательно глядя на воодушевившегося приятеля. — Найдутся ведь люди и пошустрее, и в плечах поширше.

— Если хочешь есть варенье, не ловили хлебалом мух, — отрезал тот. — Весь мир так живёт, и нам не хрен выёживаться и изобретать велосипед. Зарабатывай деньги, а остальное

приложится. Скажешь нет? Тогда слушай дальше сказки Шахерезады про светлое будущее, а с меня хватит.

— Ну зачем же? — примирительно сказал Сергей. — Меня вот, например, интересует возможность поработать под чужим флагом — это по мне. А предпринимательство — к этому, брат, склонность нужно иметь. Если у тебя эта склонность есть — что ж, флаг тебе в руки.

— А потом придут революционные матросы, — добавил Оленин, — и воткнут древко этого флага тебе в ж..., и ты испытаешь при это глубокий оргазм, приправленный чувством восторжествовавшей социальной справедливости.

— К старому возврата не будет, — возразил Киреев, — кнут поистрепался, а пряника у наших правителей в заглазнике не имеется. Ты, Шура, очень точно подметил насчёт «она не хочет, он не может». Если она не хочет — это ещё полбеды, уболтать можно, а то и просто силком взять: нас ведь все эти годы не сильно спрашивали, хотим мы или нет. А вот когда не можется — это уже всё, туши свет. Вы что же думаете, всю эту бузу народные массы затеяли, двигатель истории, как нас учили? Или что всё это дело рук одного Миши Дергачёва? Чёрта с два! Стоят за всем этим очень серьёзные люди, массовики с вот такими затейниками, — Сергей вытянул вперёд правую руку и слегка пристукнул сверху по её локтевому сгибу чуть согнутой левой ладонью. — Хотел бы я на них разок посмотреть, да боюсь, что после этого мне глазки закроют, причём навсегда. Так что... У нас пока ещё идёт период полураспада, но вот как далеко он зайдёт — это вопрос. Полураспад может ведь стать и полным распадом, как учит нас наука физика.

— Наука физика этому не учит, — начал Юра, — наука физика...

— Слушайте, мужики, — предложил Оленин, — может, ну её на хрен, замогильную эту тематику? Давайте лучше о бабах, а?

И с этими словами достал из «дипломата» новую бутылку.

* * *

1991 год

По улицам Москвы шли гвардейские бронеходы — элитная штурмовая дивизия «Сокол», рождённая в огне гражданской войны, получившая гвардейское знамя под Орлом, в «битве титанов», прошедшая с боями всю Европу до самого «последнего моря», а потом ещё добивавшая самураев в Маньчжурии, была переброшена в столицу «для наведения порядка». Дивизия стала последней надеждой людей, стоявших у власти, цеплявшихся за неё и не понимавших, что всё уже решено, и что на сцену к огням рампы уже выходят другие актёры, исподволь готовившие свой бенефис не один год.

Последняя надежда оказалась тщетной — солдаты «Сокола» отказались стрелять в народ, и вечевая власть за одну короткую летнюю ночь перестала быть властью. Никого уже не интересовало, что происходит в далёкой Бельгии, Польше или Германии — ветер перемен бушевал над городами России, превращая в мусор обветшавшие строения прошлого, ещё вчера выглядевшие поставленными на века. Наступало смутное время крушения идеалов, переоценки ценностей и неуверенности в завтрашнем дне — что будет завтра, сказать не мог никто, хотя в силу извечной человеческой привычки надеяться на лучшее, хотелось верить: завтра будет лучше, чем вчера.

О несостоявшемся военном перевороте Киреев узнал, будучи в рейсе, на подходе к Петрограду, и вернулся он уже в другую страну, хотя внешне в ту же самую. На улицах былолюдно, все куда-то спешили, суетились, и подрагивала над головами людей трепещущая аура встревоженной неопределённости: а что дальше? И мало кто мог дать ответ на этот вопрос.

Не мог сделать этого и Сергей, но по куда более тривиальной причине, казавшейся ничтожной на фоне социальных потрясений. Вернувшись домой, жены он дома не застал, а словоохотливая соседка (конечно же, из чисто альтруистических побуждений) сообщила

Кирееву о том, что супруга ему неверна. Проинформировав мореплавателя о вступлении его в неформальный орден роконосцев, добрая женщина ненавязчиво предложила себя взамен, мотивировав это предложение нехитрым тезисом «Серёженька, ты мне давно нравишься, а мой в отъезде». От сексуальной милостыни Киреев отказался, заметно огорчив этим фактом несостоявшуюся благотельницу, и решил дожидаться своей неверной благоверной. Он не собирался устраивать никаких разборок (роконошение — это профессиональное заболевание моряков дальнего плавания, не он первый, не он последний): ему просто хотелось расставить точки над «и» — чего тянуть?

Блудная жена явилась под вечер. Запираться она не стала, а перешла в наступление (войны обороной не выигрываются) по принципу «А сам-то ты каков? Ведь ни одной юбки не пропускаешь, а то я не знаю!». Считаться лаврами, заслуженными на любовном поприще, Сергей не стал, предложив жене согласиться по части достижений в этой области на боевую ничью, собрал пару чемоданов и уехал к родителям, оставив все формальности на потом. Вот так и связались воедино в памяти Киреева два разновеликих события: конец страны, где он родился и вырос, и распад его какой-никакой, но всё-таки семьи.

До следующего рейса он жил у родителей, периодически навещая дочь и отклоняя попытки бывшей жены вступить в мирные переговоры, и дожид до зимы, когда практически незамеченным прошло известие о встрече в Беловежской Пуще трёх президентов — России, Украины и Белоруссии — и о прекращении существования могучей державы под названием Союз Вечевых Общинных Земель. Смерть Вечевого Союза была тихой: не было ни массовых демонстраций протеста, ни сколько-нибудь заметных выступлений, ни возмущений по этому поводу. Люди торопливо и как-то боязливо старались вычеркнуть из памяти семьдесят лет своей истории и всё связанное с этими десятилетиями: и плохое, и хорошее. Сообщили — и всё, словно и не было никогда могучей Империи, подмявшей под себя половину мира и на равных говорившей со второй его половиной.

Кончину Союза переживали немногие, и одним из этих немногих был отец Сергея. Услышав о беловежском некрологе, Киреев-старший сначала окаменел, а потом пошёл на кухню и долго пил, не пьянея, — Сергей дважды бегал в магазин за пополнением водочного запаса. Сунувшуюся на кухню и попытавшуюся прекратить «это безобразие» мать Василий Ильич шуганул матом, чего с ним раньше не случалось, а потом повернулся к сыну (Сергей старался не оставлять отца одного и сидел рядом) и тихо сказал, прозрачно глядя на него:

— А ведь я этой стране присягал...

Спать он лёг поздно, а утром не проснулся — умер во сне, умер тихо и спокойно, как та держава, которой он служил верой и правдой.

«Период полураспада сопровождается радиацией, — подумал Сергей на похоронах, — а радиоактивное излучение — штука опасная. От радиации умирают, вот ведь какое дело нехорошее...».

* * *

1994 год

— Я рад видеть в своём доме русского, — мсье Лико поднял тонкостенный бокал, на дне которого плескалось бренди. — Вы знаете, Серж, у меня ведь тоже русские корни, да, да, — мой далёкий предок был русским солдатом. С тех пор прошло двести лет, нет, больше, но в нашем роду бережно сохраняется память о прошлом. Ваше здоровье, мсье Кирье!

Встреча эта была случайной — в жизни человеческой много случайностей. Древний греческий сухогруз с гордым названием «Эгль»,⁶⁹ на котором пятый месяц плавал Сергей Киреев, ветром случайного фрахта занесло в Сан-Франциско. «Эгль» ходил под дешёвым

---

⁶⁹ * Aigle — орёл (франц.)

флагом Либерталии, и экипаж его в основном состоял из филиппинцев, парней простых и неприхотливых, готовых работать годами — лишь бы шли заветные талеры да были в портах заходов недорогие проститутки.

Русские моряки были ещё редкостью на торговых судах мирового флота — этакой диковинкой. И поэтому неудивительным (и уже неслучайным) стало то, что Сергей привлёк к себе внимание представителя компании-грузоотправителя, наблюдавшего за погрузкой. Они разговорились, а вечером к трапу подъехала машина, и вышедший из неё мсье спросил «электрисьена рюс». Так Сергей познакомился с Антуаном Лико и оказался у него в гостях — времена, когда ходить в гости на чужом берегу запрещалось, канули в Лету: единственное, что требовалось от всех членов экипажа на борту греческих судов во время стоянки в порту — это вовремя (и в работоспособном состоянии) выйти на работу.

Хозяева встретили Киреева радушно — как говорится, «стол ёжиком» (роль «ежиных иголок» исполняли горлышки бутылок). Говорили по-французски — по-русски креолы знали всего лишь несколько слов, употребляемых ими к месту и не к месту. Впрочем, беседе это не мешало — Сергей свободно владел французским (и никто уже не спрашивал, зачем ему это нужно — наоборот, без знания международного языка общения Киреев вообще не получил бы место на иностранном судне).

— Мой отец воевал, — рассказывал Антуан, — ещё в ту, большую войну, с тевтонами. Он дошёл до Рейна и встретился там с вашими солдатами — жаль, у меня нет хороших фото.

«Интересно... — подумал Сергей. — Отец Юрки Лыкова тоже дошёл до Рейна и тоже встречался там — с франглами. Может, Антошин папая и Пётр Игнатьевич видели там друг друга? А что — очень даже может быть... И ещё: «Лико» — это, часом, не переделанная на французский манер русская фамилия «Лыков»? Тогда получается, что в сорок пятом году на Рейне могли встретиться очень дальние родственники. Очень интересно...».

— Мы помним, — продолжал Антуан, наполняя бокалы. — Да, молодежь возраста моего сына и немного постарше — они уже другие. Они франглы, а не креолы, — мсье Лико заметно погрузтел. — Но всё равно: многие помнят — у нас тут много потомков русских поселенцев из Форт-Росса. И мы рады, что у вас теперь свобода. Выпьем, Серж!

— Спасибо за память, — ответил Киреев, смакуя коньяк («хорош, зараза!»). — А насчёт свободы — не всё у нас так просто, Антуан: там, в России.

— Я знаю, — хозяин дома посерьёзней. — Знаю, Серж. У вас там — как это по-русски? — *плёхо*, да? И вот что я вам хочу сказать: а надо ли вам возвращаться в Россию? Оставайтесь здесь, у нас! У вас есть хорошая специальность — будете работать на американском судне и зарабатывать в несколько раз больше, чем у греков. Через пару лет у вас будет такой же дом, — он обвёл рукой гостиную, где они сидели, — и всё остальное. Вы мужчина в самом соку, женитесь, — он подмигнул, — на какой-нибудь хорошенькой креолке с русскими корнями, вырастите детей, и будете ждать внуков. Что ещё надо человеку? Оставайтесь, Серж. Мы вам поможем — мы люди одной крови.

«Заманчиво, — подумал Киреев, — весьма». В России его ничего не держало — бывшая жена вышла замуж за какого-то предпринимателя из Нуво-Руана и уехала в Объединённые Штаты. «Наконец-то я встретила мужчину, который оценил меня по достоинству, — сказала она с гордостью, — и наконец-то я буду жить по-человечески!». Сергей пожелал ей счастья (равнодушно — что было, то давно перегорело, да и было ли?) и дал согласие на то, чтобы она увезла с собой дочь — пусть ребёнок будет с матерью, а не с отцом, который бывает на берегу раз в год по обещанию. А в том, что заокеанский жених по достоинству оценил его бывшую супругу, Киреев не сомневался: американцы охотно женились на невестах из развалившегося Евразийского блока, в особенности на россиянках — в общем случае россиянки оказывались куда более покладистыми жёнами, чем франглинки, озверевшие от эмансипации.

Так что не было у Сергея Киреева в России особых зацепок — кроме самой России.

— Что я могу на это сказать? — сказал он. — Спасибо, конечно, но... Слушай, Антуан, давай на «ты», раз уж мы люди одной крови — мне так легче. Выпьем!

Хозяин кивнул, соглашаясь, и чокнулся с гостём. Выпили.

— Так вот, Антуан, — Киреев высмотрел на столе среди общего изобилия изящный корншон и бросил его в рот. — Живёте вы, конечно, хорошо — аккуратно у вас всё налажено. Только знаешь, Антуан, — ты только не обижайся, ладно? — весь этот причёсанный ваш порядок мне напоминает ухоженное кладбище: мраморные памятники, надгробья, дорожки, цветы на могилах, кустики ровно подстриженные... Жизни нет — на кладбищах в основном зомби обитают, а правят упыри — те, которые по ночам вылезают и шастают. Я не знаю, что будет в России и с Россией через несколько лет, но я останусь с ней — до конца, каким бы он ни был. Понимаешь, Антуан?

— Понимаю, — ответил Лико, помолчав. — Не знаю, может быть, ты и прав... Выпьем?

...На отходе Сергей долго стоял на палубе, курил и смотрел, как тают за кормой огни Сан-Франциско. «Эмиграция из нашей страны всё больше похожа на эвакуацию» — думал он, и проворачивались в его голове стихотворные строфы:

Когда корабль, которым правят худо,
Истрёпанный в бессмысленных штормах,
Течёт, как проржавевшая посуда,
Вода упорно поднимается в трюмах

Насосы плохи, и качают скверно,
Команда сводит старые счета,
Самоуверен капитан безмерно,
Хотя и он не знает ни черта!

Матросы (те, которые бойчее)
Уже поближе к шлюпкам норовят
Пройти на них бурунные качели,
А там куда-нибудь да вынесет пассат

К тем берегам далёких стран цветущих,
Где сыты все, где отдых и покой,
К тем берегам, где мало неимущих,
Они хотят приплыть с протянутой рукой

По кубрикам вовсю сучат ножами,
Как дикий конь, не слушается руль,
Но те, кого стюарды ублажали,
Привычно верят в силу слов и пуль

Скорее в шлюпки, а не то верёвка
Петлёй на шею, в трюме течь рекой,
Но почему-то всё-таки неловко
Придти в их сытый мир с протянутой рукой...

«Надо было спеть эту песню Антуану, — подумал Сергей, швыряя за борт окурок. — Только по-русски он бы её не понял, а переводить стихи на французский — та ещё задача...».

* * *

Полураспад набирал силу.

Рушилось величественное здание; не успевшие отбежать оставались под обломками, и никто не спешил придти к ним на помощь — девяностые годы в России были наполнены борьбой за выживание и самыми настоящими человеческими трагедиями.

По всей территории бывшего Вечевого Союза шёл «парад суверенитетов» — всякий мало-мальский ушлый боярин (а то и просто мелкий служивый) спешил провозгласить себя «законно избранным» властителем отдельно взятой волости. Союзные общинные вечевые земли провозглашали свою независимость от «московского ига» — людям говорили, что так они наконец-то смогут жить для себя, а не кормить столичный центр, привыкший сгибать в бараний рог окраины. Эти красивые декларации имели мало общего с действительностью — удельные князья просто удовлетворяли свои властные амбиции, следуя античному принципу «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме».

Лучше жить не становилось — единый экономический организм разрушался, а полукустарное производство не могло заменить мощи промышленных гигантов союзного значения. Да и не радел никто за восстановление промышленности: лукавый лозунг «Богатей собственным трудом!» обернулся стремлением разбогатеть сразу и быстро — продав то, что плохо лежит. Вся страна торговала — кто чем. Бабушки у метро продавали сигареты и носки домашней вязки, а воеводы сбывали людям с восточными чертами смуглых лиц оружие — от автоматов и гранатомётов до бронеходов и боевых самолётов. И — точно так же, как это было шестьдесят лет назад за океаном — росла преступность. Люди боялись выходить на улицы, а преступность организовывалась и матерела, и лезла во власть, и уже диктовала свои волчьи правила игры и чиновникам, и предпринимателям, образуя с ними жуткий симбиоз.

А самое страшное — бесплатно экспортированный в Россию девиз «Деньги — это всё!» разъедал святая святых: русскую душу, надежду и опору народа в самые страшные лихолетья. Как-то очень быстро забылось, что деньги — это ещё далеко не всё, что не всё продаётся и не всё покупается, и даже издревле ироничное отношение русских к богатству и его носителям выветрилось из памяти. Молодёжь впитывала и принимала злую философию личного успеха любой ценой, не считаясь ни с чем — по трупам так по трупам. И немудрено: ведь на этой философии стояли могучие Объединённые Штаты, держава-победительница, первая страна мира! Молодежь стремилась к богатству, гоняясь за «символами престижа»; молодежь учила французский язык, и многие юные россиянки начинали изучение этого языка с фразы «Вуле ву куше авек муа?»,⁷⁰ которую доморощенные лингвисты переводили как «За сотню талок⁷¹ на пару палок», — ведь каждый добивается успеха так, как умеет (и тем, чем может).

А за разноцветной рекламной мишурой, заполнившей улицы и экраны телевизоров, шла борьба за верховную власть между олигархистами⁷² и администратами⁷³ — между двумя самыми сильными партиями, вокруг которых гиенами возле тигров суеились мелкие группы и партии, жаждавшие урвать если не жирный кусок, то хотя бы огрызок посочнее. Бурлило в чадном российском котле вонючее варево, разбрасывая жгучие брызги, и не хотелось думать о том, что будет, если оно выплеснется и зальёт всю страну...

Полураспад набирал силу, всё ближе подбираясь к той грани, за которой начинается полный распад.

А мир тем временем решал свои дела, уже не оглядываясь на Россию.

---

⁷⁰ Voulez-vous coucher avec moi? — Не переспите ли вы со мной? (франц.)

⁷¹ Тал, талка — талер (разговорное аргю)

⁷² Олигархисты — партия крупного капитала, поддерживаемая ОША

⁷³ Администраты — военно-чиновничья партия, ориентированная на методы управления эпохи Тимура Железного

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ХОРОШО ЗАБЫТОЕ НОВОЕ

90-е годы XX столетия

Свято место пусто не бывает: не успела осесть пыль, поднятая колоннами русских армейских грузовиков и бронеходов, уходивших на восток, как в Европе появились войска франглов. До этого американские базы располагались только во Франции, Англии, Испании и Норвегии, но стоило образоваться вакууму, как военное присутствие ОША в Европе стало стремительно нарастать. Правительства (и особенно население) суверенных европейских держав не слишком охотно встречали бравых заморских парней, увешанных оружием с головы до ног, но предлогов для размещения новых баз на территории Бельгии, Германии, Польши, Дании, Чехии, Италии, Греции у франглов было предостаточно, начиная с «защиты от рецидивов красной угрозы» и кончая «необходимостью контроля над использованием американских инвестиций, предназначенных для возрождения национальных экономик по плану Маршала».

И европейские страны, бывшие вассалы Вечевоего Союза, послушно выстраивались в колонну по одному и шли в указанном направлении, следя за взмахом руки заокеанского капрала, отдававшего команды. Кое-кто ещё пытался сохранить подобие самостоятельности, но эти робкие попытки подавлялись в зародыше грозным окриком: «Равняйся! Смир-р-рна!». Талер превосходно справлялся с ролью полицейской дубинки: запутавшись в кредитах «на восстановление экономики» как мухи в паутине, европейские «независимые державы», потрепыхавшись, смирялись со своей участью — прав тот, кто сильнее (и экономически, и в военном отношении). С упрямыми не церемонились — несговорчивая Югославия, жившая на особицу в рамках Евразийского блока и упорно не понимавшая своего нового счастья, стала объектом военной операции, была расчленена и прекратила своё существование как единое государство. Операция эта проводилась без наркоза: с жертвами среди мирного населения никто не считался. Генералы Объединённых Штатов заявили, что высокоточное оружие по определению не может поразить невоенные объекты, и поэтому все рассказы досужих писак о разрушенных больницах и убитых детях — ложь, клевета и выдумки: этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Доехав до границ бывшего Вечевоего Союза, бронеходы франглов нажали на тормоза: командование сочло, что применение силы за этими границами преждевременно (пока) и связано с неоправданным риском — у правителей Новой России хватило ума не расстаться с атомным оружием, и это заметно охладило пыл американских полководцев. Помня слова Филиппа Македонского «Стены укрепленного города не перепрыгнет боевой конь, однако легко перешагнёт осёл, нагруженный золотом», франглы отложили в сторону своё хвалёное высокоточное оружие и вытащили другое, привычное и хорошо себя показавшее — деньги. За считанные годы талер стал в России чем-то вроде оккупационной марки — наподобие той, что имела хождение в сорок втором на землях, захваченных тевтонрейхсвером. Американцы щедро финансировали олигархистов, подкупали видных администраторов, холили и лелеяли всех кричавших (кто по недомыслию, а кто и вполне сознательно) о «свободе и демократии», поддерживали сепаратистов всех мастей и подкармливали марионеточных удельных князей, алчущих «полной независимости». Лозунг «Roma delenda est!»⁷⁴ не был снят с повестки дня — осаждавшие готовились к штурму и только выбирали подходящий момент для его начала.

Остановились американцы и у границ Турции: здесь они встретились с новой силой: вызревшей, поднявшей голову и заявившей о себе.

---

⁷⁴ Roma delenda est — Рим должен быть разрушен (лат.)

Арабский мир спал столетиями. После Второй мировой войны и разгрома Юлиусом Терлигом Франции и Британии арабские колонии этих держав почти автоматически обрели независимость: и Англии, и Франции после тевтонского погрома было не до реставрации былого величия. Вечевой Союз и Объединённые Штаты Америки пытались включить арабов в сферы своих интересов, однако прямое противостояние отнимало у обоих противников слишком много сил — их не хватало для того, чтобы всерьёз заниматься «третьим миром». К тому же арабы решительно воспротивились экспорту как американского, так и вечевого образа жизни: с оружием в руках. Россия ничего не сумела добиться в Афганистане, ОША ни с чем ушли из Аравии: сферы влияния обеих сверхдержав на арабском Востоке были весьма условными — мусульманский мир остался вещью в себе и, как оказалось, вещью очень непостоянной.

У арабов имелось средство, эффективность которого на стыке тысячелетий многими подвергалось сомнению: религия. Скептики ошиблись: ислам сплотил весь арабский мир так же, как сделал это тринадцать веков назад. С точки зрения Корана, ислам — это единственная верная религия человечества, и все пророки были её последователями. В окончательном виде ислам был представлен в проповедях пророка Мухаммада, получившего сведения о новой религии в виде Божественного Откровения. С точки зрения ислама, последователи древних пророков отошли от первоначального пути, который был указан им Богом, а священные тексты древних книг постепенно искажались. И поэтому для обновления истинной веры — ислама — Господь время от времени отправлял к людям разных народов своих посланников, которыми были Авраам, Моисей, Иисус. Последним посланником Бога стал Мухаммад, принеший человечеству ислам в его окончательном виде. После пророчества Мухаммада Бог отменил все предыдущие законы, а их основные принципы были усовершенствованы и стали частью ислама.

Сплотив мусульман цементом истинной веры, которой следовали сотни миллионов людей во всём мире, арабские шейхи пошли дальше. Они с интересом присматривались к научно-техническим достижениям Запада, перенимали их, закупали технологии, оставаясь в то же время равнодушными к соблазнам западного образа жизни. Они обучали своих детей в элитных университетах Европы и Объединённых Штатов, и за всё это платили полновесной звонкой монетой: «чёрная кровь земли» — нефть, в изобилии сочившаяся из песков жарких пустынь, — нужна была мировой экономике. Мир покупал арабскую нефть, а новые эмиры разумно распоряжались огромными деньгами, полученными от её продажи. Они не спешили окунуться с головой в биржевые спекуляции и разного рода инвестиционные аферы: ислам считал ростовщичество смертным грехом, и арабские банки выдавали только беспроцентные ссуды. И этого «строители пирамиды», которым были безразличны теологические тонкости, стерпеть уже не могли: на ростовщичестве держалась вся экономика Запада, и его отрицание было для них равносильно посягательству на священное право неприкосновенной частной собственности.

Ещё в семидесятые годы за океаном раздавались призывы к новому «крестовому походу» против «неверных сарацин», однако Объединённые Штаты так и не решились на полномасштабную агрессию: шла «холодная война», и резкие движения Америки толкнули бы арабов в объятия Вечевого Союза, что изменило бы соотношение сил на мировой арене далеко не в пользу ОША. А локальные операции армии и флота франглов привели только к тому, что арабский мир ошетинился и всерьёз начал готовиться к войне. И как реакция на экономические санкции, на вылазки американских десантников и на обстрелы прибрежных арабских городов американскими линкорами родился международный исламский терроризм. Западный мир вздрогнул: инфраструктура цивилизации западного типа оказалась хрупкой и очень уязвимой для террористических атак. А кадры обученных диверсантов у арабов были — Объединённые Штаты сами их подготовили во время войны в Афганистане, полагая, что они будут использованы исключительно против Вечевого Союза.

С началом перемен в Европе и России процесс консолидации и усиления арабского мира резко ускорился. К рождавшемуся Новому Халифату присоединились Египет и Сирия, а также всё африканское побережье Средиземного моря — Ливия, Тунис, Алжир и Марокко. Усилилось арабское влияние в среднеазиатских землях Вечевого Союза — Таджикистане, Узбекистане, Туркмении, Азербайджане — их вхождение в состав Нового Халифата было уже всего лишь вопросом времени. И именно «арабский фактор» и остановил американские бронеходы у границ Турции.

Турция рассталась с «европейскими ценностями» — турецкий президент, которого турки называли не иначе как «Явуз-Султан-Селим»⁷⁵ (хотя настоящее его имя было совсем другим), взял курс на воссоединение с единоверцами, решительно отвергая «соблазны мира неверных» и западный «путь порока». Казалось, что на берегах Босфора вот-вот вспыхнет война, однако до войны не дошло: дивизии франглов, потоптавшись на Балканах, отступили и расположились в Греции и Болгарии — прежде чем соваться в Азию, надо было закрепить за собой вновь обретённую Европу. Но карта «исламской угрозы» была успешно разыграна шампленскими политиками: для защиты от бомбардировщиков «джинн» и ракет среднего радиуса действия «ифрит», созданных арабами на основе купленных технологий Запада и Вечевого Союза, в Европе развёртывалась система противовоздушной и противоракетной обороны, заодно и прикрывавшая военные базы франглов от возможных «непредсказуемых выходов» со стороны «недобитой России». Истинный предприниматель из любой ситуации должен уметь извлечь пользу...

Новый Халифат обретал черты настоящего государства. Последним штрихом стало введение в девяносто девятом году общеарабской валюты — золотого динара, который очень быстро начал укреплять свои позиции: ведь за ним стояла нефть. А завершающая точка была поставлена в Медине на пороге нового тысячелетия, в двухтысячном году. Мусульманский съезд объявил о возрождении арабского халифата и об избрании великого халифа — первого после почти пятисотлетнего перерыва.

У франглов резко прибавилось головной боли: с единым исламским государством, неуязвимым для талера и малоподходящим в качестве мишени для небольшой победоносной войны без применения атомного оружия, нельзя было не считаться.

* * *

ОМОН прибыл к шапочному разбору, когда всё было уже кончено. И нельзя сказать, что милиция тянула да мешкала: как только было получено сообщение, что в китайской части Владивостока слышна интенсивная перестрелка, поднятые по тревоге бойцы отряда милиции особого назначения быстро загрузились в машины и на полной скорости понеслись к Шанхай-слободe, как называли во Владивостоке район компактного проживания китайских граждан. Но когда грузовик и два микроавтобуса затормозили у въезда в слободу и из них горохом посыпались, слаженно разворачиваясь в цепь, камуфляжно-пятнистые омовцы с короткими автоматами, навстречу им вышла группа китайцев во главе с хорошо известным предпринимателем Ваном (русские звали его именно так, пренебрегая полным именем главы местной китайской общины).

— Спасибо, — вежливо сказал Ван командиру омовцев, — мы справились сами.

Затем он повернулся к своим соотечественникам, бросил несколько слов по-китайски, и те, не выпуская из рук помповых ружей и охотничьих карабинов, выволокли из дверей ближайшей «фанзы» (хотя вообще-то это здание было современным коттеджем) нескольких основательно помятых и связанных молодых людей в изодранных куртках и рубашках — судя по внешности, чеченцев.

— К сожалению, — добавил Ван, когда захваченных налётчиков заталкивали в кузов

---

⁷⁵ Явуз-Султан-Селим — султан Сулейман Великолепный

грузовика, — мы взяли не всех.

С этим словами он сделал рукой приглашающий жест — мол, сами посмотрите, и командир ОМОНа, сделав несколько шагов, увидел под стеной дома пять мёртвых тел — то, что эти люди мертвы, и что они застрелены, омоновец определил в считанные секунды: чего-чего, а трупов он за свою жизнь насмотрелся. «А вооружены китайцы неплохо, — подумал он, бросив взгляд на китайцев, молчаливо стоявших в сторонке. — И откуда только что взялось? Хотя — о чём это я: в нашей стране сейчас можно хоть бронеход купить и ездить на нём под красный свет...».

— На всё оружие есть разрешение, — пояснил Ван, перехватив его взгляд.

— Что здесь произошло? — сумрачно спросил милиционер, не требуя предъявить упомянутый документ: ясно было, что у китайцев он имеется. — Рассказывайте, господин Ван.

История оказалась обычной — хватало таких на просторах России в лихие девяностые. Чеченские бандиты надумали взять под своё крыло китайских торговцев, обосновавшихся во Владивостоке — крышевание куда выгоднее грабежа. Конкурентов вроде бы не наблюдалось, однако гости с далёких гор не учли спайки и организованности гостей из Поднебесной. У тихих торговцев нашлось оружие, которым они неплохо владели, и наезд кончился тем, что шестерых абреков скрутили, а не пожелавших сдаться перестреляли — просто и без затей. С одной стороны, командир омоновцев почувствовал облегчение — китайцы ликвидировали опасную банду, для пресечения деятельности которой власти никак не могли найти законных оснований, но с другой — он не мог избавиться от неприятного чувства, возникшего у него при виде мирных торговцев с автоматами: уж очень они напоминали дисциплинированных солдат, готовых выполнять приказы своих командиров...

...А две недели спустя господин Ван, одетый в прекрасный костюм европейского покроя, подъехал на своём элегантном «ниссане» к зданию мэрии. Его приняли без задержки — глава городской администрации был заранее извещён, и встреча была согласована.

После официозного обмена любезностями и благодарности, высказанной господином мэром господину главе китайской диаспоры за помощь в борьбе с преступностью, стороны (под ароматный кофе, поданный ухоженной секретаршей) перешли к делу.

— В городе живут тысячи китайцев, — начал господин Ван на хорошем русском языке.

«А то я этого не знаю! — несколько раздражённо подумал мэр. — Вас тут целая куча!».

— Многие живут здесь годами, — продолжал китаец, — торгуют, работают и вносят свой посильный вклад в развитие и процветание Владивостока.

— М-м-м... гхм, — мэр кашлянул, — да, мы это ценим.

— И многие из моих соотечественников, — Ван сделал многозначительную паузу, — женаты на русских девушках. В их крепких семьях растут дети — дети разных народов.

«Куда гнёт эта желтолицая бестия?».

— То есть эти китайцы — практически жители России, и было бы логичным, чтобы их интересы защищались на уровне городской законодательной и исполнительной власти. И мы хотели бы выдвинуть своих кандидатов в депутаты городского законодательного собрания следующего созыва — не за горами выборы.

«Ах, вот оно что! — мысленно изумился глава городской администрации. — Ну ты и гусь, дядя Ван! Хитёр...». И прервал собеседника:

— Но ведь ваши люди — граждане Китая. Как же они могут быть избранными в органы российской власти?

— Не все, — невозмутимо заметил Ван. — Многие имеют двойное гражданство, а кое-кто — только российское. В кандидаты будут выдвинуты самые достойные люди из их числа — мы уважаем русские законы. И нам не хочется всё время самим защищать себя с оружием в руках — мы живём здесь, работаем на благо России и вправе рассчитывать на её помощь и защиту наравне с россиянами.

— Это вопрос чрезвычайно сложный... — начал было мэр.

И тогда господин Ван спокойно вынул из внутреннего кармана пиджака толстый

конверт и положил его на стол, слегка сдвинув кофейную чашку. У господина мэра мигом вспотели руки — он догадывался, что в этом конверте.

— Здесь пятьдесят тысяч талеров. Мы понимаем, что решение сложных вопросов — господин Ван сделал ударение на слове «сложных», — требует известных финансовых затрат. И мы готовы нести эти затраты — мы хотим нормальной жизни, господин мэр. Китайцы, в отличие от кавказцев, не конфликтуют с местным населением — так давайте и дальше жить дружно и... взаимовыгодно.

— Полагаю, — глава городской администрации залпом проглотил остатки кофе, смочив пересохшее горло, — мы можем рассмотреть этот вопрос... на ближайшем заседании...

— Рассмотрите, — китаец благодушно кивнул, наблюдая, как мэр, ставя на стол пустую чашку, одним движением пальцев смахнул конверт в приоткрытый ящик стола. — Русские жёны китайцев, а также родственники этих жён — это ведь и ваши избиратели. А выборы, как я уже говорил, не за горами...

...Похожие беседы (в разных интерьерах) проходили в Хабаровске, Благовещенске и других городах Дальнего Востока. Трудолюбивое и многочисленное китайское население (кое-где китайцев было уже больше, чем русских) отвоевывало себе место под солнцем — без выстрелов.

* * *

Новая Поднебесная Империя шла к своему величию путём извилистым. Было время, когда незабвенный «председатель Мао», решив превзойти в стремительности достижений самого Тимура Железного, прыгнул «большим скачком», учинив «культурную революцию», сопровождавшуюся репрессиями против интеллигенции, выплавкой чугуна по технологиям раннего средневековья в кустарных домашних условиях, истреблением воробьёв и стычками с русскими пограничниками на Амуре. К счастью для страны, нашлись среди китайского руководства трезво мыслящие люди, сумевшие отстранить «великого кормчего» от кормила и положившие конец всем его оригинальным социальным экспериментам. Мао Цзэдун скончался (по официальной версии — от старости лет, по слухам — надорвавшись в утехах с юными наложницами, до коих он был весьма охоч, а как там было на самом деле — об этом знали единицы, отнюдь не склонные к чрезмерной разговорчивости), и в Китае начался экономический подъём — реальный.

Китайская модель получилась своеобразной и, как показало время и достигнутые результаты, весьма эффективной. Сохранив жёсткую и не допускавшую никаких отклонений от «генеральной линии» структуру центральной власти, на которой тысячелетиями стояла Поднебесная, китайцы поплёвывали с Великой Китайской стены на все «демократические принципы» Запада, предпочитая придерживаться своих древних национальных принципов. Выступления против власти беспощадно подавлялись вооружённой силой, инакомыслящих бросали в тюрьмы, чиновников-взяточников вешали на площадях на глазах многотысячной толпы, наркоторговцев и мафиози отечественного производства расстреливали (не публично, но безотлагательно).

Но вместе с тем китайские вожди поняли, что заклинаниями экономику не оживишь, и пошли на введение и расширение частного сектора, не позволяя вместе с тем денежным мешкам набрать реальную силу и влиять на внутреннюю и внешнюю политику Империи — в отличие от Запада, в Китае статус человека всегда ценился выше денег, сколько бы их у него ни было. Приглядываясь к тому, что творилось у северного соседа, китайцы сообразили, что горстка риса и драная кофта — это немножко маловато для счастливой жизни и беззаветного труда на благо родины: частный сектор прежде всего был предназначен для насыщения внутреннего рынка доступными «товарами народного потребления», как это называлось в России. И сектор этот со своей задачей справился: он не только одел и обул всё население Поднебесной, но и завалил мировой рынок дешёвыми товарами китайского производства.

И тут вдруг оказалось, что Поднебесная успешно конкурирует с ведущими мировыми державами в сфере экономики: китайский ширпотреб завоевал мир. А заодно по миру бойко расползались и сами китайцы — китайские диаспоры в Объединённых Штатах и Европе стали серьёзной силой. И всё больше и больше «желтел» русский Дальний Восток, испокон веку страдавший от недостатка рабочей силы.

Окрепнув, китайская экономика вплотную занялась высокими технологиями, и в этом ей помогла её островная соседка — Япония. Китайская кровь, пролитая японцами во время Второй мировой, давно высохла, выросло уже второе послевоенное поколение, и на встрече глав двух держав в Токио японский премьер и китайский председатель нашли общий язык — в беседе с глазу на глаз за закрытыми дверями было извлечено из-под сукна пыльное слово «панмонголизм» и определены враги и друзья. У присмиривших самураев оказалась хорошая память — они не забыли ни поражения в войне на Тихом океане, ни атомной бомбардировки Ниигаты. Военно-политический союз японского «дракона» и китайского «тигра» становился реальностью — его контуры уже прорисовывались, — а пока сплав технических достижений Японии и людских ресурсов Китая обеспечивал неуклонный рост экономики Поднебесной, уверенно вытеснявшей с мирового рынка не только европейские и арабские тапки-тряпки, но и американские авто и электронику.

Прямым следствием экономического роста стало усиление вооружённых сил Китая. В своё время Мао Цзэдун сумел выклянчить у Тимура Железного атомную бомбу, а теперь китайская армия получала самое современное оружие, купленное за рубежом на выручку от продажи китайских фонариков и на прибыль от китайских инвестиций в экономику США и сделанное на китайских заводах. Китайский военно-морской флот оснащался атомными подводными ракетноносцами, а когда в России вовсю забушевал демократический ураган, китайцы под шумок купили два русских авианосца, обречённо замерших на бочках в бухте Золотой Рог. Корабли якобы предназначались для переделки их в увеселительные центры, однако у американских экспертов возникли на этот счёт серьёзные сомнения: авианосцы прибыли на рейд Люйшуня (бывшего Порт-Артура, гавани закрытого для иностранцев пятимиллионного города Далянь) неразукомплектованными — на них не была демонтирована боевая радиоэлектроника, на пусковых остались «забытые» зенитные ракеты, и даже топливные цистерны были залиты по горловины. Китайцы объясняли это традиционной «русской безалаберностью», но озвучивались и другие версии, далеко не столь прозаические.

Франглы повысили голос, однако выяснилось, что Китай, с двухтысячного года уже официально именовавшийся Поднебесной Державой (что для западного уха было синонимом слова «Империя»), владеет не только ядерным арсеналом, но и львиной долей американских ценных бумаг, и если он вздумает в одночасье предъявить их к оплате или, хуже того, переведёт все свои валютные резервы в арабские динары, на Рю де Мюр разразится кризис похлеще Великой депрессии. Пришлось смолчать, но с этого момента американцы поняли: у них появился ещё один опасный враг.

И очень неуютно чувствовала себя Индия, зажата между Поднебесной и Халифатом. От щедрот Вечевое Союзу она получила атомное оружие и теперь лихорадочно закупала в России ракеты и бронеходы, самолёты и боевые корабли, уже ненужные некогда могучей империи, проигравшей «холодную войну» и мирное сосуществование...

...В мире складывались новые «центры силы», хотя их правильнее было бы назвать «хорошо забытыми старыми».

* * *

2002 год

— По имеющимся у нас сведениям, ваш недостроенный авианосец ржавеет и скоро превратится в груды металлолома. У вас нет никаких возможностей не только достроить этот

корабль, но и просто получить от него хоть какую-нибудь пользу. И мы предлагаем...

«За горло берёт, — думал седой человек в военно-морской форме, слушая элегантного араба, который манерами ничуть не отличался от высших дипломатов и предпринимателей «цивилизованных стран» Запада, воспитанных на лжи и привыкших говорить одно, думать другое, а делать третье. — Спокойно и уверенно даёт понять, что деваться нам некуда». Посланец Халифата назвал себя Ахмедом; адмирал был стопроцентно уверен, что имя это условное, однако не придавал этому значения: полномочия у его визави (воевода это знал) были отнюдь не условными.

— У вас ещё сохранились кое-какие производственные мощности соответствующего профиля и опытные специалисты. Мы финансируем строительство, а вы в итоге передаёте нам корабль «под ключ», укомплектованный всеми видами вооружения и авиагруппой и готовый к переходу в Персидский залив и к бою — это нормальная международная практика. Предварительно оцениваемая стоимость заказа — полтора миллиарда талеров. Деньги, как вам, надеюсь, известно, у нас есть.

«Да, уж чего-чего, а денег у вас хватает... Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг» — он продаётся...».

— И кроме того, — голос «Ахмеда» несколько не изменился, как будто речь шла о несущественных мелочах вроде ветоши для протирки запчастей к палубным самолётам, но старый воевода тут же понял, что вот сейчас они и подошли к самому главному, ради чего и затевалась вся многоходовая комбинация, закончившаяся встречей в этой уютной квартирке. — Нам бы очень хотелось, чтобы в комплект поставки — *неофициально* — вошли *специзделия* в количестве десяти-двенадцати единиц, — он сделал паузу, — среднего калибра и выше. Я не предлагаю ничего нереального — возможности у вас есть, иначе мы бы к вам не обращались, а цена вопроса: за каждую *специединицу* к общей сумме контракта будет добавлено по два миллиарда талеров. *Неофициально* — у нас есть возможности это осуществить.

— Послушайте, Ахмед, давайте называть вещи своими именами. Эта квартира не под колпаком: стараниями жёлтой прессы всем давно известно, что адмирал Иванов не прочь порезвиться на старости лет с молоденькими потаскушками — для чего и предназначено это уютное гнёздышко — и не совмещает дела с оргиями. Так что говорите прямо.

— Хорошо, — смуглое лицо посланца великого халифа осталось бесстрастным, — так даже лучше. Будем говорить как мужчины и воины, сардар. Заказ авианосца — это ширма, за которой можно многое спрятать. Нам нужны водородные боеголовки мощностью от двухсот до пятисот килотонн. Продайте их нам, пока это возможно — пока ядерный арсенал России не перешёл под международный контроль. Вы в своё время передали атомное оружие Индии и Китаю — теперь наш черёд. А враг у нас, — в чёрных глазах «Ахмеда» загорелись фанатичные огоньки, — общий.

«Можно подумать, вы нам друзья, — адмирал мысленно усмехнулся. — Но враг моего врага — это лучше, чем якобы друг моего вроде бы друга. Ядерные боеголовки — не иголки, за ними следит множество глаз, и авианосец мало похож на стог сена. И тем не менее...».

Он посмотрел в окно. Над стеклобетонным зданием супермаркета, облепленного сотнями машин, припаркованных на обширной автостоянке, медленно вращался на столбе рекламный треугольник. Грани его сменялись, но на каждой было написано одно и то же: «Дай волю жадности!». Чёрные буквы лозунга кричали, бросались в глаза, лезли в мозг, и человек в форме почувствовал, как у него сводит скулы от ненависти — к тем, кто вывесил над городом эту похабень. Он представил себе, как ударная волна ядерного взрыва сметает всю эту липкую плесень, проходясь по запакощенной земле очистительным огнём. В глазах потемнело, ногти впились в ладони рук, стиснутых в кулаки.

«Мне плевать на ваши сраные деньги, — думал старый воевода. — Я знаю, против кого будут использованы наши *специзделия*, и меня это устраивает. Если я сам не могу покарать убийц моей страны, пусть это сделают другие».

— Хорошо, — сказал он, не узнавая собственного голоса. — Я согласен. Перейдём к

деталям.

* * *

Месяцем позже

— По имеющимся у нас сведениям, — в голосе генерал-префекта, начальника службы внешней разведки, явственно различалась встревоженность, — угроза расползания по миру русского атомного оружия стала реальной. Международные террористы — это ещё не самое страшное, но если русская ядерная бомба попадёт в руки великого халифа — это уже очень серьёзно.

Президент Объединённых Штатов Америки Жорж Буше-младший молчал, медленно переваривая услышанное.

ИНТЕРМЕДИЯ ШЕСТАЯ. Погонщики стада

2001 год

Белоснежная яхта с грацией живого существа скользила по ослепительной голубизне Карибского моря навстречу третьему тысячелетию. Она была прекрасна: соразмерность её острых и в то же время плавных очертаний, пропорции корпуса и надстройки, зализанность силуэта, стремительность хода говорили о совершенстве этого творения рук человеческих, воплощённом в слове «красота». Назвать этот корабль яхтой можно было лишь по традиции — по размерам он не уступал круизному лайнеру средней величины. И мирная безобидность белой красавицы была обманчивой: яхта была вооружена не хуже многоцелевого крейсера и с лёгкостью пустила бы на дно ракетный эсминец, не говоря уже о сторожевиках береговой охраны ОША, охотившихся здесь за катерами наркоторговцев. Но ни одному офицеру флота франглов и в страшном сне не привиделось бы атаковать этот корабль: все они очень хорошо знали, чья эта яхта.

Владелец яхты принимал гостей в просторном салоне, копировавшем по интерьеру кают-компаний фрегатов семнадцатого века, на которых его предок в этих водах превращал человеческую кровь в золото. Достойный потомок знаменитого флибустьера занимался тем же самым (только с куда большим размахом), и поэтому и он, и его соратники чувствовали себя комфортно среди деревянного декора «под старину» и абордажных сабель и мушкетов, развешенных на переборках. Тусклый блеск оружия создавал нужный настрой: Люди Круга не отдыхали — они *работали*, как делали это всегда, ежедневно и ежечасно, осуществляя программу, запущенную на этой планете тысячи лет назад.

— Осталось сделать последний шаг, — сказал один из них.

— Предпоследний, — поправил его другой. — Пока Россия существует в любой мало-мальски организованной форме, она опасна.

— Интегрирование организованной России в нашу глобальную структуру невозможно, — поддержал третий. — Несмотря на все наши усилия, русские упорно пытаются сохранить то, что они называют самобытностью. Этим они похожи на ирокезов, с которыми наши отцы-основатели поступили так, как и следовало поступить. Вывод однозначен, не так ли?

— Рим осаждён, — задумчиво произнёс четвёртый, — но сможем ли мы его взять?

— Если защитники крепости готовы стоять до конца... — осторожно начал пятый.

— ...то приступ будет трудным, — добавил шестой. — Русские «ирокезы» — противник серьёзный, вспомните историю.

— Вы сказали, — подытожил Старейшина, — я слышал. Итак, о штурме: зачем лезть на стены, если тебе готовы открыть ворота? Это первое. Второе: враг силён, когда он знает, за что сражается, а если он этого не знает, то... Русские будут свирепо драться за себя, за

свои дома и за свои семьи, за свою землю, за свой народ, но они не будут сражаться за власть государства, которому они не верят. Мы не должны повторять ошибок Юлиуса Терлига — никаких разговоров о расах «недочеловеков», а тем более действий. Наоборот, мы должны выступать в роли спасителей-благотетелей, пришедших только для того, чтобы прекратить хаос — а он будет, это я вам обещаю, — и навести порядок. В конце концов, нам ведь нужно некоторое количество русских рабочих для того, чтобы они исправно качали нефть из недр холодной Сибири — я, например, терпеть не могу холод. Поэтому: никакого явного геноцида — мы ведь не завоеватели, мы освободители, — и тогда нас встретят не стрелами с ядерными наконечниками, а цветами и улыбками.

Одной из роковых ошибок правителей Вечевоего Союза было резкое несоответствие интеллектуального уровня правящих и огромного числа их подданных. Думающими трудно управлять — вожди России этого не учли, они дали людям знания, научили их думать, а в результате... Мы не повторим их ошибки — погонщикам требуется стадо, бездумно жующее в тёплом хлеву и не думающее о мясокомбинатах. И мы достигли заметных результатов: в основной своей массе русские уже почти не отличаются от людей Запада. Пресловутый русский дух, с которым они носятся, *как с расписной торбой* — есть у них такая поговорка, — практически демонтирован. И это третье, хотя правильное считать это первым. У русских нет общей связующей идеи — они хватаются за всё подряд, от богоискательства до реанимации «крепкой руки Тимура Железного», и в этом вакууме веры хорошо приживаются наши идеи. В древности при осадах хорошо укреплённых городов осаждающие при помощи катапульт забрасывали за стены глиняные кувшины, наполненные ядовитыми змеями, — у древних есть чему поучиться.

И ещё, что тоже немаловажно. Сегодняшний Рим не так и силен: башни обветшали, старые мечи затупились и заржавели, дерево щитов и копий сгнило, ремённые застёжки панцирей изгрызли мыши. По оценкам наших аналитиков, боеспособность русской армии невысока — она не может даже справиться с немногочисленными вооружёнными отрядами сепаратистов. Для очень многих русских воевод звон монет сегодня куда приятнее лязга боевой стали, а если кто-нибудь из них всё-таки станет защищать свой участок стены — что ж, горе побеждённым. Решающий час близок, мессеры.

— Вы говорили только о России, — заметил один из Людей Круга, — но ведь есть ещё и Новый Халифат, и Поднебесная Империя, да и в нашей стране всё ярче проявляются кое-какие неприятные тенденции: и социальные, и экономические.

— Задачи сортируются по степени их приоритетности, — холодно ответил «духовный отец». — Россия непредсказуема — уравнение со многими неизвестными должно быть решено в первую очередь. А «новые чингизиды» и «новые бедуины» — с ними мы разберёмся потом, равно как и со всем прочим *мясом*. Прежде чем сделать последний шаг, нужно сделать ещё и предпоследний.

Присутствующие молча склонили головы — мессеры, Люди Круга, вершители судеб всей планеты, хорошо понимали друг друга.

...Яхта грациозно скользила по зеркальной поверхности штилевого Карибского моря. Прогноз погоды был благоприятен, бури не ожидалось, и ни одному человеку, видевшему со стороны снежно-белую красавицу, резавшую голубую воду и купавшуюся в золотом потоке солнечного света, и в голову бы не пришло, что внутри этого корабля клубится чёрная Тьма, тысячелетиями ждавшая своего часа...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ

Президент Российской Федерации Борис Николаев скончался весной 2003 года. Он умер на своём посту, будучи избранным на третий срок, — по вечевой традиции, вожди цепко держались за власть, пока скипетр из их рук не вырывала смерть. Избрание Николаева на третий срок стало сюрпризом для многих зарубежных наблюдателей — неэффективность

его правления и рост в России внутренней напряжённости были слишком очевидны. Но сработал принцип «из худшего выбирают лучшее»: люди предпочли голосовать за привычного «дядю Борю», чем за кого-то из тройки «НУ ИХ НАХ»: коммуниста Николая Угрюмова, трескучего популиста Иннокентия Хренниковича и «талероносца» Натана Абрамовича Хвощановского. Администраты не сумели подобрать своего кандидата, устраивавшего всех — армию, силовые ведомства и чиновничий аппарат, и упустили шанс на победу в президентской гонке. А шанс этот был реальным: не зря все претенденты на пост президента, используя прикормленные масс-медиа — каждый свои, — всю пугали народ «военной диктатурой нацистского толка» и «сапогом тирании», грозящим растоптать ростки демократии, а заодно и развязать ядерную войну. По итогам выборов все заинтересованные лица вздохнули с облегчением: приход к власти адмирала Иванова, сумевшего сохранить остатки русского атомного флота, или генерала Гордеева, никогда не строившего иллюзий насчёт превращения потенциального противника в заклятого друга, мог сильно осложнить «охоту на медведя».

Состояние здоровья «гаранта Конституции» давно уже оставляло желать лучшего, и всё-таки его скоропостижная кончина явилась неожиданностью. В Думе шли бурные дебаты о временном — до внеочередных президентских выборов — исполняющем обязанности главы государства, а тем временем группировки, располагающие реальными возможностями для захвата власти, действовали. Поток талеров, лившийся из-за океана в «чёрные» партийные кассы и на личные счета «перспективных персон», заметно погустел; нарастала истерика в СМИ разного рода «борцов за народное счастье», владевших истиной в последней инстанции и универсальным рецептом исцеления всех экономических и социальных болячек. В итоге за власть зацепился Временный Совет, тут же окрещённый «тринадцатиилигархщиной» (по аналогии с некогда правившей на Руси семибоярщиной). Это настораживало знавших, чем кончилось её правление, — такие люди, несмотря на все усилия «историков», всё ещё были. Однако «временщиков» куда больше беспокоила армия: они допускали, что генерал Гордеев может ворваться в Москву на бронеходах недореформированной (то есть не доведённой до небоеспособного состояния) штурмовой дивизии «Сокол» и скорой рукой перевешать всю их чертову дюжину на башнях Кремля. Тревожил и адмирал Иванов — маловероятно, конечно, что он санкционирует пуски ракет по Рублёвке, называемой в народе «Талеровкой», но кто его знает, что на уме у этих имперцев?

Купить этих воевод, к удивлению почтенных негоциантов, не удалось — безотказное клише «цена вопроса» почему-то не сработало, не дала желаемого результата кампания по их дискредитации, не удалась и организация случайного дорожно-транспортного происшествия. Пришлось довольствоваться удалением Гордеева в Сибирь (под благовидным предлогом усиления напряжённости в отношениях с Поднебесной), а что касается Иванова, то он и сам не рвался в столицу, а сидел безвылазно в Северодвинске, лично контролируя завершение работ на авианосце, заказанном флотоводцами Нового Халифата. Несколько других воевод из числа неподкупных удалось привязать к южным границам России, где активизировалась наиболее рьяные удельные князья, изощрявшиеся в свободолюбивой риторике. И всё-таки Временный Совет чувствовал себя очень неудобно: все его члены были людьми умными и не рассчитывали на пылкую любовь большинства россиян, которых разгул демократии достал уже до печёнок. «Тринадцатиилигархщине» требовалась поддержка, и в Шамплене хорошо это понимали: франглы инициировали чрезвычайную конференцию «Глобаль» в Париже, и конференция эта должна была быть посвящена исключительно «русскому вопросу».

* * *

— Сходняк всех мировых «воров в законе», как говорят «дети криминала», это шанс — возможно, единственный. При одновременной физической ликвидации всей верхушки этой преступной группировки весь ход истории может измениться, причём кардинально. Точка

бифуркации, как называют это специалисты по альтернативной истории.

Флотский офицер с погонами капитана второго ранга говорил спокойно, контролируя эмоции, словно врач, диагностировавший у пациента смертельно опасную болезнь и теперь доказывающий консилиуму необходимость хирургической операции. Исход этой операции неясен, но без неё летальный исход неизбежен. Трое других офицеров, капитан третьего ранга и два капитан-лейтенанта, слушали его не перебивая, лишь время от времени молча покачивая головами — то ли соглашаясь, то ли возражая, то ли обдумывая.

— Эти люди — точнее, не люди даже, а... ну, вы знаете не хуже меня, кто они такие, — сотни лет целеустремлённо гнобят весь мир, не говоря уже о России, и при этом добиваются своего исключительно чужими руками, не рискуя своими драгоценными жизнями. Не пора ли им заплатить по счетам? Если мы сегодня будем бездействовать, то завтра их пригласят к нам — приходите, варяги, вразумите сырых и убогих, владейте нами, только научите жить и наведите порядок. Было уже такое в истории... Но было и другое, — кавторанг сжал кулак, — был Милош Обилич, заколовший султана Мурада прямо в его шатре!

— Но сербы всё равно проиграли битву на Косовом поле, — возразил один из капитан-лейтенантов.

— Програли, потому что остался жив Баязид! Но если уничтожить всех... У нас ведь есть кое-что посерьёзнее кинжала сербского рыцаря. И нет у нас другого выхода, и времени нет, и другого такого случая уже не будет. Они приедут на «Глобалъ» — все. Вопрос слишком важен: потребуется их личное присутствие, а не виртуальное.

— Но это означает войну — заметил кап-три, — ядерную. Это ты понимаешь?

— Не будет никакой войны. Европа — не Америка; не будут франглы чересчур нервно реагировать на трагический несчастный случай не у себя дома, пусть даже повлекший за собой большие человеческие жертвы. Глобальная термоядерная война не нужна ни им, ни нам — последует соответствующее заявление с нашей стороны, и всё.

— Сотни тысяч людей... — медленно проговорил второй капитан-лейтенант. — Или даже миллионы. Мирных людей — имеем ли мы на это право?

— Вспомни Ниигату и Кёльн — сколько там погибло мирных людей, причём без всякой на то необходимости?

— Но это грязные методы...

— Обратней не взять честной сталью, — кавторанг сверкнул глазами, — не говоря уже о том, что честной сталью до них не дотянуться! Да я бы их голыми руками... Но они делают то же, что делали некоторые завоеватели древности — прячутся за спинами женщин и детей, гоня их к стенам осаждённой крепости под стрелы защитников! Они не примут рыцарский поединок — слов «честь воина» для них не существует. Думаешь, мне легко? А что делать?

— Каковы шансы на успех? — спросил капитан третьего ранга, и по его тону было ясно — он всё для себя решил. — Не забудь, в Европе развёрнута защитная система.

— Пятьдесят на пятьдесят. На нашей стороне — полнейшая внезапность и небольшое расстояние до цели: подлётное время минимально. Остальное — в руках Всевышнего. Но если он нам не поможет, я задам ему вопрос «Почему?», когда предстану перед ним — а это будет скоро, и случится при любом исходе дела.

— На бога надейся...

— Да. И поэтому, — капитан второго ранга поочерёдно посмотрел на всех троих, чуть задерживая взгляд на каждом, — помните: одно неосторожное слово погубит всё — и Россию, и нас, и весь этот мир.

* * *

Атомный подводный ракетоносец «Аскольд» следовал на боевое патрулирование. Времена, когда Мировой океан бороздили десятки атомных субмарин Вечевое Союза, прошли — теперь даже единичный выход боевого корабля за сто миль от базы для

проведения учебных стрельб считался событием. Офицеры Северного флота знали, чего стоило Иванову выбить у правительства Николаева минимум средств для ремонта и поддержания хотя бы нескольких единиц флота в боеспособном состоянии, не говоря уже о строительстве новых кораблей, как знали и то, что с воцарением «тринадцатилигархии» даже этот скудный ручеек почти иссяк. Но знали они и то, что зыбкая неопределённость «временной власти» может обернуться чем угодно, и поэтому «Аскольд» шёл в океан, неся на борту шестнадцать межконтинентальных ракет с шестью водородными головками каждая.

Почти одновременно с «Аскольдом» в Баренцево море вышел и флагман атомного флота — тяжёлый подводный крейсер «Рюрик», последний из шести уникальных кораблей типа «Ураган», ещё остававшийся в строю. «Рюрик» вышел на испытания новой ракеты, предназначенной для вооружения строящихся (вот уже десять лет) новейших субмарин, и шёл в сопровождении группы фрегатов, заодно прикрывавших выход «Аскольда» — с орбиты за немногочисленными действующими кораблями русского флота следили холодные глаза спутников, и хватало на берегу доброхотов, твёрдо усвоивших правило нового времени «всё продаётся, особенно ценная информация».

Выход «Аскольда» едва не сорвался из-за внезапной болезни его командира. Москва (с явным облегчением) порекомендовала отложить «это не особо нужное мероприятие», но Иванов назначил старпома, капитана второго ранга Н., временно исполняющим обязанности командира и выпустил лодку в море — московская «рекомендация» очень не понравилась старому воеводе. Правда, ему пришлось смириться с присутствием на борту «Аскольда» некоего «обеспечивающего» с неясными полномочиями, экстренно присланного из Москвы, однако адмирал счёл, что главное — это выход крейсера на боевое дежурство, а столичными капризами можно и пренебречь.

...В центральном посту «Аскольда», среди мигания экранов, разноцветных искорок сигнальных светодиодов и характерного шороха работающей аппаратуры капитан второго ранга — старпом, временно исполняющий обязанности командира, — в очередной раз бросил взгляд на часы. Всё вроде складывалось нормально: лодка шла на глубине пятидесяти метров — стартовая глубина, командир очень своевременно заболел (не будем о подробностях его внезапного недомогания), и выход «Рюрика» пришёлся как нельзя кстати: испытательный запуск «кладенца» создаст отвлекающий фактор. И всё-таки кавторанг испытывал — нет, не страх — смутное беспокойство. Ему казалось — где-то что-то не так, и ещё этот московский «обеспечивающий», чёрт бы его побрал...

Кроме командира, в посту находились ещё трое: кап-три, командир ракетной боевой части, и два каплея — штурман, взявший на себя управление лодкой, и помощник ракетчика. Четыре человека, две недели назад принявшие решение...

Кавторанг снова взглянул на часы, глубоко вздохнул, встретился глазами с капитаном третьего ранга и еле заметно кивнул. Оба ракетчика молча встали со своих мест и вышли из центрального поста. Время пошло...

Обеспечивающий, просидевший в ЦПУ с самого отхода, вышел передохнуть в пустой командирской каюте. Оснований для беспокойства у него пока не было: все люди на борту корабля вели себя адекватно, и вообще — в Москве, похоже, зря гонят волну. Улёгшись, он позволил себе немного расслабиться (а заодно и пожалеть о том, что вынужден находиться внутри этого набитого ядерной дрянью железного презерватива вместо того, чтобы куда более приятно проводить время подальше от всего этого плавучего военного железа).

Из состояния лёгкой полудрёмы его вывел негромкий стук в дверь.

— Товарищ капитан первого ранга, — встревожено доложил появившийся на пороге капитан-лейтенант, — чэ-пэ! В реакторном отсеке. У кого-то там или крыша съехала совсем, или просто я не знаю что: заперлись и угрожают взорвать реактор.

— Мать твою неоднократно! — облегчил душу кап-раз, выбираясь из койки. — А куда вы смотрели? Радио на базу — прекратить поход!

Он выскочил из каюты, оттолкнув посторонившегося каплея, и... тяжело рухнул на палубный настил, получив удар по затылку рукояткой пистолета.

— Наручники! — коротко бросил стоявший за дверью кап-три, пряча оружие. — Тащим его в каюту.

Замкнув «браслеты» на конечностях потерявшего сознания «контролёра», ракетчики заволокли его грузное тело в каюту и уложили на койку, аккуратно заклеив ему рот липкой лентой.

— Отдыхай, дорогой товарищ, — резюмировал кап-три, запирая двери на ключ. — Спи спокойно.

— Всё, командир, — спокойно сказал он, вернувшись в центральный пост, — сделано.

Его помощник так же спокойно сел на своё место и активировал интерфейс ввода данных в систему целеуказания и наведения ракет. Вернее, одной ракеты: полновесный залп трудно списать на техническую неполадку. Время пошло...

— Боевая тревога!

Отсеки «Аскольда» наполнились надрывным звоном колоколов громкого боя. Люди на субмарине замерли на своих постах. Вопросов ни у кого не возникло: в конце концов, все военные корабли и создаются только для того, чтобы когда-нибудь тишина их отсеков была взорвана сигналом боевой тревоги...

...В тридцати двух милях к северо-западу от «Аскольда» с борта «Рюрика» стартовал «меч-кладенец» и пошёл в небо, волоча за собой длинный белёсый шлейф...

— Ввод данных завершён, — спокойно, как на учениях, произнёс капитан-лейтенант.

— Предпусковая подготовка завершена, — доложил командир ракетной боевой части.

«Точка возврата пройдена» — подумал кавторанг. Он каким-то необъяснимым чутьём ощущал приближение опасности, и не зря: четыре корабля-охотника из эскорта «Рюрика» вдруг развернулись и, набирая ход, устремились к «Аскольду»...

— Пуск!

Корпус субмарины вздрогнул. Ракета выскочила из серых волн морским чудовищем и начала подниматься, забираясь всё выше и выше. Время пошло...

И пришло спокойствие: кавторанг сел в командирское кресло и вдруг запел старую гротескную песенку, которую никто и никогда не воспринимал всерьёз:

Медленно ракеты уплывают вдаль,
Ты от них хорошего не жди
И хотя Америку немного жаль,
У неё всё это впереди

В небеса уходит красноезвёздный «МиГ»,
В Лувре занимается пожар
Эйфелевой башни заржавелый пик
С корнем вырвал ядерный удар

Он пел, и плевать ему было, что головки самонаведения противолодочных торпед, выпущенных по «Аскольду», уже захватили цель. На фрегатах не рассуждали: они получили (прямо из Москвы, через голову главкома ВМФ и командования Северного флота) приказ «Уничтожить взбунтовавшуюся лодку, захваченную международными террористами», и командиры охотников выполняли этот приказ, как и положено людям, одетым в военную форму...

* * *

— Ты что, с ума сошёл? — Натан Абрамович Хвощановский был близок к истерике, от его хвалёного делового спокойствия не осталось и следа. — Как вы допустили, что офицеры с такими настроениями и убеждениями оказались на борту ракетноносца, несущего водородные боезаряды? Вы что, об этом не знали? А за что мы вам тогда платим, merde-

fuck?⁷⁶

— Да не переживайте вы так, — вальяжно успокоил его человек со строевой выправкой и манерами типичного дельца. — Всё под контролем, кто надо — извещён, остальное уже неважно. Ситуация развивается в нужном направлении, а случайные жертвы — кто их будет считать, они ведь *случайные*. Вы лучше выпейте — коньяк у меня отменный, французский. Надеюсь, вопрос о моём назначении военным министром в правительстве «Протектората Русь» можно считать решённым?

— Посмотрим по результатам, — буркнул «талероносец», сдерживая колотившую его нервную дрожь, и посмотрел на часы. — Немного осталось: считанные минуты...

...Не зря беспокоился капитан второго ранга, глядевший на дёргающуюся секундную стрелку часов в центральном посту «Аскольда». Слово не воробей; вылетело неосторожное слово, и долетело до ушей тех, чьи жадные руки жаждали талеров, и как можно больше...

...Система противоракетной обороны Европы отработала превосходно — тревога было объявлена всего через несколько секунд после того, как ракета с «Аскольда» вырвалась из-под воды. Электронные мозги компьютеров быстро просчитали её траекторию, и десятки антиракет без промедления стартовали на перехват. Но «секира», падая из стратосферы, всё-таки успела разделиться на отдельные боевые блоки и выбросила фантомные цели, сбивая с толку перехватчиков...

...Пять из шести сегментов «секиры» были сбиты и посыпались вниз тлеющими обломками. До Парижа долетела только одна «долька», однако хватило и одной...

...Боеголовка взорвалась над городом на высоте пятисот метров. Ударная волна смела и впечатала в дымящуюся твердь оплавленные и скрученные фермы Эйфелевой башни, рассыпались раскалённой каменной пылью химеры Нотр-Дам. Столица Франции, страны, породившей Объединённые Штаты Америки, сгорела в атомном огне...

...Мир в ужасе замер — ядерный Армагеддон, которым людей столько пугали, и в который они уже не верили, вдруг стал кошмарной реальностью...

И почти никто среди этого общего ужаса не обратил внимания на то, что *ни один* из Людей Круга не прибыл на конференцию «Глобал», хотя все они получили приглашения, и даже окончательная резолюция по России не могла быть принята без их *неофициального* одобрения. Мессеры не отказались приехать, нет: они всего лишь задержались под разными благовидными предлогами — все до единого.

* * *

События развивались стремительно — они хлынули потоком, прорвавшим плотину. Волна паники, прокатившаяся по всей Европе вслед за водородной вспышкой над Парижем, накрыла мир. Скалящийся призрак ядерного Апокалипсиса, мерещившийся шестьдесят лет, сгустился и обрёл плоть, встав во весь рост из радиоактивных руин столицы Франции. Мир завис на краю бездны: вратами преисподней распаивались шахты баллистических ракет, уставивших в небо тупые головы в ожидании команды «Пуск!», высвобождающей яростное пламя реактивных двигателей. Крылатые монстры «стратофортересы» уже летели к заданным целям, изнывая от зуда в когтях, стиснутых на чёрных глыбах мегатонных бомб, и библейскими левиафанами всплывали из тёмных глубин ракетоносные «луизианы», спеша принять участие в атомном пиршестве.

Мир повис на тонкой нити оптоволоконного кабеля, по которому вспотевший от страха «НАХ» пытался докричаться до впавшего в полный ступор Жоржа Буше, никак не ожидавшего такого поворота событий. Радиоэфир и глобальная Сеть были полны версиями случившегося, и на этих мутных волнах поплавок скакало официальное заявление Москвы

---

⁷⁶ Merde-fuck — дерьмовый трах (сленг). Самое расхожее ругательство у франглов.

о роковой технической неполадке на борту «Аскольда», приведшей к случайному пуску. Для большинства обывателей такое разъяснение выглядело правдоподобным: техника — это дело такое. Тонули же атомные субмарины, падали самолёты с ядерными бомбами и шли вразнос реакторы электростанций. В конце концов, в это просто хотелось верить — лучше уж авария, чем сознательный глобальный обмен ядерными ударами.

Военных экспертов, хорошо знакомых с системами блокировок ракетно-ядерного оружия, «версия для лохов» не убеждала, хотя они и допускали, что в «непредсказуемой России» может случиться всё (и даже невозможное). Для них было подготовлена строго конфиденциальная информация о «фашистском путче, затеянном группой экстремистски настроенных офицеров, сумевших захватить подводный крейсер, чтобы шантажировать весь мир», а также о том, что только благодаря решительным действиям «обезумевшая субмарина не смогла выстрелить весь свой боезапас и была своевременно уничтожена». Но главное — не хотелось Западу влезать в полномасштабную термоядерную войну с Россией, исход которой был ясен любому школьнику. И ещё меньше хотела этой войны Москва: для суицида есть масса других способов — куда более простых, хоть и не столь экзотических.

В итоге после нескольких часов томительного ожидания, в течение которых в Европе и Америке произошло огромное количество самоубийств, а в психиатрических лечебницах не осталось свободных мест, ядерная напряжённость резко пошла на спад. Погонщики стада, державшие руку на пульсе, предоставили президенту Буше успокаивать население планеты (а заодно и подогревать их праведное возмущение «русскими варварами, доигравшимися со своей атомной дубиной»), а сами занялись делом. И очень скоро «тринадцатилигархщина» поняла, что её расчётливо и хладнокровно загнали в угол.

Запад благосклонно принял обе версии — и «техническую», и «путчистскую» — и с убийственной логикой предъявил правительству России жёсткий ультиматум. «Если вы не в состоянии, — говорилось в нём, — поддерживать на должном уровне безопасность вашего ядерного арсенала, а также гарантировать невозможность доступа к нему безответственных лиц, создающих угрозу существованию человечества, этот арсенал должен быть передан под международный контроль во избежание повторения парижской трагедии в будущем. Если же вы не согласны с этим выводом и будете препятствовать установлению такого контроля, а также вводу на территорию России миротворческих сил для обеспечения безопасности всей планеты, мы оставляем за собой право применить любые средства, имеющиеся в нашем распоряжении, с тем, чтобы раз и навсегда положить конец угрозе миру во всём мире».

Погрозив кулаком, франглы не преминули и достать из красивой упаковки аппетитно пахнущий кусок консервированной ветчины. Прекрасно зная, что для «новых нерусских» нет никакой разницы между Россией и Берегом Слоновой Кости, «чертовой дюжине» прозрачно намекнули, что всем им найдётся достойное место под солнцем свободного мира (на всякий случай напомнив, в чьих банках хранятся их трудовые сбережения). Такие же предложения были сделаны всем видным администратам, поставив их перед дилеммой: или красиво жить дальше, или умереть непонятно за что — мессирам было хорошо известно, что во властных структурах Новой России слова «патриотизм» и «любовь к Родине» выступают всего лишь в роли разменной монеты.

Безвыходное положение, в котором оказался Временный Совет, усугубилось его же собственными действиями, переломившими настроение простого народа. Слухи в России имеют свойство распространяться чрезвычайно быстро: известие о том, что «ополоумевшие вояки никак не наиграются в войну, теща свои имперские амбиции, а людям надо спокойно жить», не способствовало повышению авторитета армии, которая и без того не пользовалась всенародной любовью — годы «демократических перемен», когда армию называли «язвой на теле общества» и «чёрной дырой, куда уходят народные деньги», не прошли бесследно.

Ракета «Аскольда» обернулась бумерангом, ударившим по самой России — мало кто готов был стать «новым панфиловцем» и перекрыть бронеходам франглов дорогу к элитным особнякам Талеровки. Отношение людей к происходящему лучше всего выражалось русской пословицей «ворон ворону глаз не выклюет» — на хрена я буду вмешиваться, своя баба

ближе к телу. Ни о какой мобилизации не могло быть и речи — отборные дивизии Океанического пакта, присевшие перед прыжком у границ России, ждали только приказа, а в кадровых частях русской армии, ослабленной к тому же замысловатыми реформами, царили разброд и шатание: разговоры о «фашистском военном путче» выбили почву из-под ног патристически настроенных молодых офицеров, чьи деды воевали с тевтонским фашизмом.

Временный Совет принял ультиматум ОША, одновременно отдав приказ войскам «ни в коем случае не препятствовать выполнению американскими войсками миротворческих функций и всячески избегать конфликтов».

* * *

«Наворотили вы дел, ребята, — с горечью думал Иванов, получив из специального отдела Северного флота результаты расследования ядерного инцидента, с мрачным юмором окрещённого кем-то «аскольдовой могилой», — и сами погибли, и сколько людей погубили. Хотели как лучше, а получилось... Думали одним махом решить все проблемы, а оно вон как вышло. И что теперь?». Ему хотелось изо всех сил врезать кулаком по полированной крышке стола — чтоб до боли, до крови! — да только после драки кулаками не машут. И не время было для эмоций: перед командующим Северным флотом лежали ещё две очень серьёзные бумаги — куда более серьёзные, чем докладная особистов по «аскольдовой могиле».

В первой сообщалось, что через час после взрыва над Парижем в Норвежском море «неизвестной» подводной лодкой был торпедирован авианосец «Сайфуллах Халид ибн аль-Валид», направлявшийся в Персидский залив. Корабль получил четыре попадания и затонул. Дерзость этой пиратской атаки говорила о том, что кому-то стало известно, какой именно груз находится на борту авианосца. Глубина в районе его гибели достигала трёх километров, однако при современной технике и остром желании можно было добраться до внутренностей затонувшего корабля (особенно если знать, что там лежит). Дело пахло скандалом, но адмирал был уверен, что никакого скандала не будет — он уже не нужен, хотя американцы наверняка припрячут этот козырь на будущее. А сейчас франглы шуметь не станут — они уже добились своего, как явствовало из второй бумаги, лежавшей на столе командующего Северным флотом.

Эта вторая бумага по содержанию напоминала акт о безоговорочной капитуляции. Войскам Северного военного округа предписывалось «содействовать частям ограниченного миротворческого контингента в подтверждение доброй воли, проявленной правительством Новой России, и во избежание повторения инцидентов, поставивших мир на грань гибели». Группы «международных наблюдателей» (со своей вооружённой охраной!) допускались на военно-морские базы, в районы дислокации ракетных войск и авиации дальнего действия, в хранилища ядерного оружия, вырубленные взрывчаткой в холодном граните северных скал. Флоту, в особенности атомным субмаринам, приказывалось стать на прикол «до прояснения ситуации, чтобы не обострять предельно накалённую международную обстановку». А для подслащения пилюли сообщалось, что весь личный состав флота вместе с семьями будет обеспечен командованием миротворцев всеми видами довольствия — мол, не волнуйтесь, вас и накормят, и оденут, и обуют, только не делайте глупостей, ладно?

«Обуют, — с нарастающей яростью подумал адмирал, — они нас уже обули, по самые невыразимые. Давно ли казалось невозможным появление военных кораблей франглов на рейде Севастополя, города русской славы, а теперь они вот-вот войдут в Кольский залив. Эх, ребята, не туда вы свою ракету нацеливали...». Адмирал знал, что будет дальше: его корабли будут захвачены франглами — точно так же, как были захвачены тевтонами боевые корабли французов и англичан в Тулоне и Портсмуте. Открытое неповиновение центру безнадежно: ему не на кого опереться, штаб флота так и кишит непонятно чьими людьми, и мятежный командующий очень быстро получит пулю в спину — ставки в этой грязной игре уж больно высокие. Да и не может он, русский адмирал, начать свою собственную атомную войну — пусть даже с самыми благими намерениями...

Немного подумав, Иванов достал чистый лист бумаги и набросал на нём несколько строк — адмирал не сомневался, что стены его кабинета нашпигованы «жучками». Потом он нажал кнопку вызова, и на пороге возник офицер-порученец, молодой капитан-лейтенант, чем-то похожий на офицеров императорского флота, которого не было уже восемьдесят пять лет.

— Отправляйся в Ягельную, — приказал командующий, — на «Рюрик». Пусть ждут моего приезда. Будем выполнять приказ Москвы.

С этими словами он встал и подал офицеру листок — так, чтобы тот смог его прочесть.

Командиру АПРКСН «Рюрик»

Приказываю.

Быть готовым к немедленному выходу в море — в полном боевом.

Моим именем известить командиров всех «аскольдов» — это касается и их тоже.

Иванов

Р.С. Анатолий, ты знаешь мой почерк. Надеюсь на тебя. Будь осторожен.

Порученец молча сложил записку и сунул её в карман кителя. Потом поднял глаза и встретился взглядом с адмиралом. «Не подведи, сынок, — яснее ясного читалось во взгляде старого воеводы, — не меня: Россию».

* * *

Механизированные колонны франглов шли по дорогам России с большой опаской, в любую минуту готовые принять бой. Но боёв не было: повторялась история Франции 1940 года, когда страна, ещё имевшая достаточно возможностей для продолжения сопротивления, сложила оружие, подчинившись приказу своего правительства, наполовину растерявшегося, наполовину ставшего на путь предательства. Франглы вели себя очень осторожно, строго соблюдая положения межправительственной договорённости и не претендуя на большее — пока. Главное — вырвать у русского медведя зубы и притупить когти, а насчёт того, чтобы водить его на цепочке по ярмаркам на потеху толпе, приручив лаской да таской, — это потом. И бравые наёмники Карфагена старательно улыбались туземцам, демонстрируя дружеские намерения. Их не встречали цветами, но это не очень расстраивало американских генералов: главное — чтобы не встречали гранатомётами.

Случилось невероятное: в Москву вошли с оружием в руках солдаты чужой страны — такого столица России не знала без малого двести лет. И неважно, что солдат этих было не так много, и что официально они именовались не оккупантами, а миротворцами — убийство тоже можно назвать «освобождением от жизни». До самого последнего момента многие не верили, что такое вообще возможно — наяву, а не в кошмарном сне: точно так же, как даже в девяносто первом никто не верил, что очень скоро перестанет существовать могучая держава под названием Вечевой Союз.

Миротворцы, взяв под контроль ядерный арсенал России и дёргая за ниточки, на которых плясали декоративные клоуны Временного Совета, блюли политкорректность. «Не лезьте под юбки местным девушкам, если они против, — внушали дюжие сержанты солдатам, пускавшим слюни на молодых славянок, — можете остаться без яиц! А если невтерпёж — тут хватает шлюх, которые всего за сотню талеров распахнут ноги настезь. Поняли, парни? А кто не понял, тому я могу разъяснить подходчивее». И разъясняли — по всем российским каналам транслировали в синхронном переводе на русский открытый судебный процесс над тремя военными служащими армии США, изнасиловавшими шестнадцатилетнюю саратовскую девчонку. Мессеры хорошо знали историю России и очень

не хотели партизанской войны...

И всё-таки хаос нарастал: распад России (подобно распаду Вечевого Союза) породил множество конфликтов. Положение усугублялось «исламским натиском»: Новый Халифат, разъярённый потерей авианосца, спешил прибрать к рукам мусульманские окраины России. На юге шла настоящая война: в отношениях с «неверными» исламисты не заморачивались какой-то там политкорректностью. Закрепившись на Украине, правители которой наконец-то с облегчением перевели дух за частоколом иноземных штыков, франглы избегали прямого столкновения с «новыми бедуинами», стремясь попрочнее обосноваться на контролируемой миротворцами территории «Протектората Русь». Всю тяжесть новой кровавой смуты тащила на себе Донская республика, провозгласившая независимость: казаки отчаянно резались и с моджахедами, и с бандами мародёров, и с попавшимися под горячую руку миротворцами, сунувшимися туда, куда не просят.

Но в Белоруссии заокеанские освободители пустили в ход силу: маленькая лесная страна давно была у них бельмом на глазу. Что там творилось, мало кто знал: независимые источники информации о происходящем заботливо блокировались в лучших тоталитарных традициях. Исход неравной борьбы был очевиден: сопротивление белорусской армии было сломлено, и бронеходы с белыми звёздами появились на улицах Минска. Однако генерал Ориньи, командовавший «миротворческой» операцией «Пасифик», не был удостоен высоких наград: в Белоруссии оставались леса, а в лесах — люди, не бросившие оружие. Они дрались и умирали в бою, как умирали когда-то на берегах Онтарио воины народа ходеносауни...

Русский медведь был посажен на цепь, как с нескрываемым удовольствием говорили в Шамплене, но успех охоты был далеко не полным: продвигавшиеся на восток батальоны франглов споткнулись о каменную гряду Уральских гор. Сами по себе эти невысокие горы не явились бы серьёзным препятствием для миротворцев, если бы за ними не стояли полки сибирского атамана Гордеева.

* * *

Сибирский и Дальневосточный военные округа игнорировали приказ о капитуляции. Нашлись люди, не пожелавшие покорно склониться перед «властителями мира», и первым среди них был генерал Гордеев. Он действовал решительно и без промедления: опираясь на армию и силовиков, генерал назвал «временных» предателями и объявил о провозглашении независимой Сибирской Российской Республики, прямой правопреемницы России. Энергия Гордеева изумляла и друзей, и врагов: избежав четырёх покушений, воевода мотался между Екатеринбургом, Тюменью, Омском, Новосибирском, Читой и Владивостоком, уговаривая, убеждая, а где и силой встряхивая тех, кто опустил руки под заунывный рефрен «Пропала Россия...». В считанные дни прошли выборы главы нового государства — атамана, поскольку многие считали, что за импортным словечком «президент» тянется слишком уж паскудный след. Ставший атаманом Гордеев мог бы взять власть и силой, но он хотел быть уверенным в поддержке народа — горький урок России был слишком свеж.

Решительный воевода не ограничивался полумерами: приведя в полную боевую готовность ракетные войска и Тихоокеанский флот, он объявил собственностью государства все сибирские месторождения, в первую очередь нефтяные и газовые, без особых церемоний выставив вон их ошеломлённых хозяев. На робкие предостережения — мол, как бы чего не вышло, — Гордеев ответил так: «Я своим тупым солдафонским умишком никак не возьму в толк, с какой этой радости какие-то ухари наложили лапы на недра земли-матушки? Они что, сами туда нефть закачали? Ась? Нет, братцы, лапки эти будем рубить по самые плечики — хватит. Небось китайцы с арабами такого бардака не допускают — у них ни один нефтеталер налево не уходит». Предостережения были не напрасны — все покушения на атамана были организованы не его политическими противниками, а «обиженными» из числа олигархов, но Гордеев и ухом не повёл. «Нефтяную проблему» он решил по средневековому: переловил всех нефтешельфов, до кого дотянулись руки, а также членов их семей, и заявил, что «ежели

господа хорошие не угомонятся, утоплю я всех этих арестантов в Иртыше али в Оби — это уж как им больше понравится».

Американским миротворцам, пытавшимся вразумить строптивца, атаман без всяких дипломатических экивоков, просто и доходчиво, дал понять, чтобы они не лезли за Урал — худо будет. «Съели вы европейскую Россию, которую вам скормили, но в Сибирь вам дороги нет. Ракеты с нужной начиночкой у меня имеются, и ежели что, они упадут куда надо, и уже *не случайно*. И на уральской границе мы вас встретим со всем нашим почтением. Я понятно излагаю?». Франглы поняли — они отслеживали настроения сибиряков и не сомневались, что на этот раз русские будут драться. Знали они и о том, что за Урал тянулись лучшие русские люди, не смилившиеся с появлением на родной земле чужеземных солдат. И насчёт ядерного арсенала генерал не блефовал — были у него «ракеты с нужной начиночкой» и те, кто умеет с ними обращаться. И как нельзя кстати пришли во Владивосток четыре атомных подводных ракетносца Северного флота, оторвавшиеся от преследования и проведённые адмиралом Ивановым под арктическими льдами. «Хрен вам — не пропала Россия!» — сказал сибирский атаман, узнав о прибытии североморской эскадры с шестидесятью восемью ракетами и без малого пятьюстами боеголовками.

Удалось Гордееву решить и «китайский вопрос». Поднебесная Империя очень хотела отщипнуть свой жирный кусок от распадающейся России, но атаман не дал. На сей раз он проявил себя настоящим дипломатом (и неудивительно — «сермяжная простота» генерала была напускной), сумев запугать китайцев собственной военной мощью и «американской угрозой» (что было нетрудно — такая угроза существовала), соблазнить их возможностью военно-политического союза (Новый Халифат изрядно беспокоил правителей Китая) и порадовать предоставлением права на участие в разработке полезных ископаемых Сибири. Пошёл Гордеев и на кое-какие уступки вроде предоставления автономии некоторым китайским анклавам на Дальнем Востоке — с фактом ползучей китайской экспансии воеводе пришлось смириться.

Сложился новый геополитический баланс, перевитый целым клубком противоречий, грозивших новыми конфликтами.

* * *

2004 год

Не было тишины на уральской границе. Каждую ночь нейтральную полосу пытались пересечь и беглецы из европейской части России, контролируемой миротворцами, и боевые группы, засылаемые теми же самыми миротворцами на территорию Сибирской Республики.

Ивану было около тридцати, и он сумел заслужить уважение и тех, кто постарше, и тех, кто моложе: люди проверяются в трудное время, когда шелухой сползает всё напускное, и когда ясно становится, кто ты есть на земле нашей грешной. Среди пограничников Иван получил кличку «Ваня-ирокез» — за резкие черты лица, молчаливость, привычку рисовать индейскую татуировку на слое анти-ИК мази, которой мазали лица бойцы ночных дозоров для обмана инфракрасных детекторов и приборов ночного видения, и за свирепость в бою. «Я вот всё жду, Юрьич, когда ты с франглов скальпы снимать начнёшь, — сказал ему как-то раз командир отряда (почти не шутя), — и не удивлюсь этому, чес-слово», на что Ваня-ирокез усмехнулся и бросил коротко: «Негигиенично. Пустая трата времени. Хотя...».

Только не дождался командир появления кровавых трофеев на поясе Ивана. Одной выжженной ненастной ночью пересеклись на узкой тропке судьбы Вани-ирокеза и лейтенанта-франгла, выскочившего из подорвавшегося на mine-ловушке бронированного «левассёра». Пересеклись — и не разошлись...

...Они выстрелили одновременно, и умерли тоже одновременно. Пуля из «армалитэ» франгла разорвала грудь Ивана, а жакан из его ружья, развернувшись цветком, разнёс череп американца. Иван Лыков и Жан Лико не слышали голос крови — не в то время и не в том

месте встретились они врагами. Но даже случись по-другому, вряд ли они признали бы друг друга братьями, пусть даже очень далёкими: одиннадцать поколений — это много.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ТОТАЛЬНЫЙ ТУПИК

2005 год

— И что им надо? — растерянно пробормотал Клаус Мергель. — Жили, работали, и вот на тебе...

Пауль Хоффмайстер только беспомощно пожал плечами — что тут скажешь?

По улице шла толпа людей, одетых странно и непривычно для европейского глаза — в длинные то ли рубахи, то ли халаты сероватого цвета, в простых туфлях на босу ногу. Людей этих было много, и откуда они взялись в таком количестве, ошалевший немецкий обыватель никак не мог понять. Ну да, конечно, африканские и азиатские гастарбайтеры давно стали привычным элементом европейского пейзажа, но элемент этот вёл себя смирно, не нарушая благолепия: афроазиаты подметали улицы, вывозили мусор, работали на стройках, водили автобусы и грузовики и вообще делали массу очень нужных работ, от которых презрительно воротили нос коренные жители Германии, Франции, Бельгии, Голландии, но без которых ну никак не могла обойтись высокоразвитая техногенная цивилизация начала двадцать первого века со всеми своими телекоммуникациями и трансатлантическими авиалайнерами. И все вроде были довольны — поначалу. Но потом, когда гостей-слуг стало много, очень много, они вдруг заявили о себе во весь голос: хотим жить своим укладом! И вообще — ещё неизвестно, кто в доме хозяин: мы или эти бледные, привыкшие жить на всём готовом, не заглядывая в будущее дальше собственного носа.

Разлетелась-рассыпалась водопадом сверкающих осколков витрина магазина, оросив стеклянными брызгами бессловесные манекены, застывшие в заданных позах; и вспыхнула ярким весёлым пламенем перевёрнутая автомашина, подожжённая людьми в серых одеждах.

— О, майн готт, — простонал Клаус. — Куда же смотрит полиция?! Как страшно жить!

А жить действительно было страшно. Только вздохнули свободно за пятнадцать лет, прошедших после распада Империи Зла, когда всё вроде вернулось на круги своя, как вдруг посыпались новости одна другой хуже. Учёные умы нашли в атмосфере озонную дыру, через которую солнечная радиация медленно, но верно выжигает на Земле всё живое; и тёплое течение Гольфстрим потекло куда-то не туда, грозя Европе новым ледниковым периодом; и невинный флирт грозил обернуться смертельным заболеванием, которого раньше не знали; и за непрерывно растущими ценами не угнаться. А если считаешь газету — там инопланетяне изнасиловали школьницу, а там разупокоилось кладбище, залитое химическими отходами, и восставшие покойники сожрали всех пассажиров туристического автобуса. И теперь ещё эти неблагодарные приезжие норовят выгнать из собственного дома его прежних хозяев...

Пауль тяжело вздохнул. Мадам Жироду (приятная женщина — во всех отношениях, а муж у неё редкий осёл), беженка из Франции, рассказывала ужасные вещи. После взрыва над Парижем правительство организовало расчистку развалин, направив на место катастрофы рабочие бригады, в основном состоящие из таких вот гастарбайтеров. И что бы вы думали? Дело кончилось бунтом — чёрно-жёлтые заорали, что белые хотят их выморить радиацией! Что там творилось — ни в одном триллере не увидишь! Хорошо хоть, решительные парни франглы не стали миндальничать — бросили против толпы цветных бунтовщиков солдат на бронеходах. Пустили в ход слезоточивый и усыпляющий газ (и пулемёты) и навели порядок. Но во Франции всё равно неспокойно — ходят слухи, что Франция скоро станет эмиратом и частью Нового Халифата. А дурные примеры очень заразительны: здесь, в Германии (и не только в Германии), людей с Востока тоже немало — вон они, идут-шагают...

А ведь есть ещё и русские. В буферной зоне Протектората Русь вроде бы спокойно (хотя и там водятся лесные и городские бандиты-партизаны), а вот в Сибири... Сибирский царь грозит цивилизованному миру атомным оружием (а Париж показал, что русские могут

перейти от слов к делу) и даже, как говорят, готовит спецотряды зомбированных медведей, умеющих обращаться с автоматами и питающихся исключительно человеческим мясом. Да, Россия — это вечная беда и вечная головная боль всего цивилизованного мира.

И есть ещё орды «новых чингизидов», расплодившихся как кролики и владеющих самыми современным оружием, и размахивают кривыми саблями толпы «новых бедуинов», жаждущих выпустить кишки всем неверным, а их жён и дочерей, нанюхавшихся феминизма, упрятать в свои гаремы для внутреннего, так сказать, употребления. Как страшно жить...

Со стороны центральной площади показалась цепь солдат в чёрных бронежилетах, в касках с прозрачными забралами, с пластиковыми щитами и увесистыми дубинками; за их спинами ползли две угловатые машины с водомётами. Тугие струи воды ударили в толпу, смывая серую накипь и мусор, которые она за собой оставила, и кусочками колотого льда засверкало в разливавшихся по асфальту бурлящих потоках стекло разбитых витрин.

* * *

2006 год

Очередная ракета с надсадным криканьем пронеслась над каменистыми холмами и ухнула где-то сзади. Перелёт. В горячем небе серебряной точкой мелькнул самолёт, оставляя за собой дымные искры отстреленных ловушек: за самолётом тянулись лохматые нити трасс зенитных «голубей Брахмы», и небесным воинам великого халифа очень не хотелось, чтобы один из этих голубей клюнул их машину. Ещё одна ракета легла перед окопами, выбив сноп каменных осколков, прошуршавших над головами сипаев, и упала тишина — временная и тревожная.

Радж Сингх отряхнул камуфляжный мундир. Обстрел кончился, значит, надо ждать появления арабских бронеходов, таящихся где-то там, за холмами. Опять всё сначала: воины Халифата не особо балуют обороняющихся разнообразием — вялый ракетно-артиллерийский обстрел, один-два удара с воздуха и атака, яростная и бестолковая. Держаться можно — были бы боеприпасы, а вот как раз они-то и на исходе. И ещё — не связаться с соседями: в эфире сплошное месиво помех, а «духи гор»-ассасины и пакистанские диверсанты перерезали все линии связи и бьют из снайперских винтовок по любой машине и по любому пешеходу, даже если он в женском платье — война веры беспощадна. Полковник Сингх был уверен, что один на один Пакистан не продержался бы против Индии и месяца, но когда за спиной паков стоят сардары Нового Халифата — это уже хуже. Ничего, его сипаи уже наловчились вспарывать броню арабских «аль-гарунов» ручными «кинжалами Бхимасены» — в горах и предгорьях реактивный гранатомёт удобнее артиллерийского орудия. Карачи грозит Дели атомной бомбой, но вряд ли генерал Мушарраф на это решится — сто пятьдесят индийских «арджун» с ядерными боеголовками за пару часов оставят от всего Пакистана сплошную выжженную пустыню. Имея бомбу, Индия выстоит и против Нового Халифата — высок дух воинов Дели, но если в спину сипаям ударит Китай...

Полковник отогнал мрачные мысли. Его дело сейчас — выиграть этот бой, а что будет дальше — это потом. Ага, зашевелились...

На гребне холмистой гряды прорисовались приземистые жёлтые силуэты: бронеходы великого халифа, поддерживая своих пакистанских союзников, начали новую атаку.

* * *

2007 год

В бурлящем котле Азии — в который раз за историю человечества — вываривалось отравное зелье большой войны. Между Индией и Пакистаном шла необъявленная война с

неясными целями, представлявшая собой нечто среднее между полновесным побоищем до победного конца и затяжным пограничным конфликтом. Этот конфликт был опасен прежде всего наличием у обеих сторон-участниц «большой дубины» — атомного оружия — и тем соблазном, в который обладание этим оружием ввергало как индийских, так и пакистанских политиков и генералов. Халифат поддерживал единоверцев, и не только из религиозных соображений: сардаров великого халифа очень интересовали военные ядерные технологии, имевшиеся у Пакистана. Впрочем, договор о нераспространении атомного оружия давно уже стал фикцией: служба внешней разведки ОША была уверена, что халиф всё-таки получил вожделенную бомбу. Шила в мешке не утаишь, особенно если этот мешок — Россия — лопнул и расползся по швам. В Конгрессе Объединённых Штатов всерьёз обсуждался вопрос о нанесении по Халифату превентивного ядерного «разоружающего» удара или о масштабной военной операции, однако *кем-то* было принято решение с этим обождать, несмотря даже на категорический отказ халифа допустить в страну иностранных наблюдателей по «русскому варианту». ОША ограничились введением своих войск на Цейлон — власти Тринкомали, с немалой опаской наблюдавшие за сварой неподалёку от своих границ, соблазнились обещанием большого доброго шампленского дяди «защитить и уберечь». Хотя на самом деле появление аэродромов и военно-морской базы франглов на Цейлоне только подлило масла в огонь — китайские адмиралы тут же внесли Тринкомали в список приоритетных целей для ракетно-ядерного удара наряду с Порт-де-Перлом, Сингапуром и Окинавой.

Поднебесная Империя чувствовала себя всё увереннее: её вооруженные силы росли количественно и качественно, а союз Китая со Страной Восходящего солнца практически стал реальностью. За тылы китайцы не беспокоились — сибирский атаман в благодарность за поддержку, оказанную ему Китаем в первые месяцы существования СРР, когда положение Гордеева было ещё шатким, дал Поднебесной твёрдые гарантии безопасности. И правители Китая верили атаману: как ни странно, он был человеком слова. Да и не нужна была ему война с Китаем — атаман смотрел на запад, где остались «умиротворённые» русские земли.

А сами китайцы всё явственнее видели неизбежность столкновения с Америкой — к тому всё и шло. И поэтому в Поднебесной благосклонно отнеслись к созданию в Японии общества «детей ночи», новых ниндзя, террористов-убийц, не уступавших ассасинам Нового Халифата.

Готовился к большой войне и великий халиф, разминавшийся пока на восточных границах. Его визири и сардары не были узколобыми средневековыми догматиками — они прекрасно понимали, что в войне двадцать первого века численность — это далеко не самое главное, и что даже миллионы воинов Аллаха могут быть в одночасье сметены эффективным оружием Запада. И поэтому, копя силы, тайком поглаживая свои пока немногочисленные ядерные боеголовки и ограничиваясь периодическими террористическими уколами, арабы неуклонно расширяли своё присутствие в Европе и Америке мирным путём. «Женщина-мусульманка, родившая в Америке пятерых детей, сделала больше, чем шахид, убивший десять неверных» — смысл этого изречения не сразу дошёл до благодушного западного обывателя: для этого понадобился «парижский бунт» и волна беспорядков, прокатившихся по всей Европе. Европейские страны и ОША спешно принимали новые иммиграционные законы, пытаясь остановить «коричневый прилив», но было уже поздно: в гостеприимно распахнутые ворота западных крепостей вошло уже слишком много «новых варваров», взявших с собой своих жён.

И жила в кольце враждебных глаз и нацеленных стволов Иудея, окружённая со всех сторон беспокойным исламским морем. Мусульманский мир смотрел на неё как на занозу, которую непременно надо вырвать, и примеривался, как бы половчее это сделать (чтобы не было слишком больно). Иудея молила ОША о помощи, однако Шамплен не делал резких движений, ограничиваясь экономической помощью, кое-какими военными поставками и словесной поддержкой Иудеи в Совете Безопасности. Ларчик этот открывался не просто, а очень просто: Объединённым Штатам нужна была война, войны действительно требовала

перегретая экономика Америки, стоявшая на грани кризиса пострашнее Великой депрессии. Большая война варилась в азиатском котле, и маленькая Иудея как нельзя лучше подходила на роль casus belli.⁷⁷

* * *

2008 год

Кризис разразился внезапно. Внезапно для большинства людей — умеющие думать видели его приближение, а его организаторы знали о том, что кризис неизбежен — ведь они сами творили его денно и ночно. Экономика ОША — и вся мировая экономика западного типа — давно уже работала сама на себя, по кругу, словно белка, скачущая в беличьем колесе и не замечающая, как она превращается в змею, пожирающую собственный хвост. Общество потребления родилось как неизбежная реакция на онанирующую экономику — другое дело, что рождению этого ублюдка немало поспособствовали очень толковые акушеры. Западный мир, опираясь на достижения науки и техники, создал изобилие, и власть имущие могли себе позволить уделить толику этого изобилия винтикам исполинского социального механизма, обеспечивая тем самым его безаварийную работу. Однако при непрерывном раскручивании маховика «сделал — продал» экономическая машина набирала и набирала обороты, грозя пойти вразнос: развиваемая мощность превышала полезную нагрузку.

Человеку (если остановиться, оглядеться и спокойно подумать) не так много и надо — в разумных пределах. Нет острой жизненной необходимости ежегодно покупать себе новую автомашину, ежедневно обзаводиться новой одеждой и обувью и ежечасно предаваться чревоугодию и прочим нехорошим излишествам. Не так много найдётся среди обитателей Третьей планеты системы Жёлтой звезды уникалов, способных за одну ночь предаться пылкой любви с десятью представителями противоположного пола, выпить залпом бочонок амонтильядо или слопать в один присест ящик лангустин. А экономическая машина всё работала и работала, заваливая прилавки магазинов несметным количеством разнообразных вещей, которые *должны были быть куплены* — в противном случае разогнанный до бешеной скорости агрегат взорвётся, разбрасывая во все стороны горячие острые осколки. Можно было бы переориентировать эту машину на что-то другое, но это уже не входило в планы её инженеров и операторов, преследовавших свои собственные цели.

Машина непрерывно совершенствовалась: украсив свои блестящие бока множеством рекламных наклеек, она обучилась гипнозу и шептала, глядя в стекленеющие глаза людей: «Купи... Купи... Купи... Купи — и ты будешь счастлив...». И люди шли и покупали, даже не спрашивая себя, а нужно ли им на самом деле то, что они покупают. Круг замыкался: талеры, оставленные в кассах супермаркетов и мелких лавочек, живыми ручейками стекали обратно в ненасытное чрево машины, подкармливая её и помогая ей с удвоенной энергией делать всё новые и новые вещи, зачастую отличавшиеся от старых только маркой и внешним видом.

Машина хитрила. Своим нечеловеческим разумом она поняла, что хлыстов престижа и моды недостаточно, чтобы заставить человека выбросить на помойку привычную хорошую вещь и купить новую, потратив на неё свои кровные, и начала производить и выбрасывать на рынок недолговечные товары: мебель, красивая отделка которой тускнела и осыпалась через несколько лет; холодильники, начинающие барахлить, как только истекал гарантийный срок; обувь, разваливающуюся на ногах спустя полгода. На прилавки хлынул поток разовых вещей — разовых бутылок, разовых зажигалок, разовых сотовых телефонов, живших жизнью бабочек-однодневок и возводивших из своих синтетических трупики гигантские пирамиды

---

⁷⁷ Casus belli — юридический термин из римского права, формальный повод для объявления войны (лат.). Буквально — «случай (для) войны».

мусора на задворках цивилизации. Разовость расширяла свою сферу влияния: появились разовые песни и разовые книги, а затем и разовые собеседники, разовые друзья и разовая любовь. Разовость победно наступала во имя ускорения круговорота денег в природе.

Машина научилась играть на людских слабостях, и умело их использовала, вызывая к тёмным животным инстинктам: к жадности, зависти и эгоизму. Машина превращала людей в тупых нерассуждающих зомби, бредущих в указанном направлении и не думающих о том, что будет завтра — неудивительно, что для таких людей кризис стал полной неожиданностью и громом среди ясного неба: не желающий видеть не замечает тёмных туч на горизонте.

И одновременно рос и набухал красочно переливавшийся всеми цветами радуги фальшивый пузырь виртуальных денег, не обеспеченных ничем, кроме символов на экранах компьютеров. Талеры размножались бактериями в питательном бульоне, подогретом на огне биржевых спекуляций; они занялись прямым самовоспроизводством, не превращаясь в нечто осязаемое и полезное, и люди, зомбированные магическими словами «прибыль в условных единицах», не замечали, что само их богатство становится условным. Этот пузырь не мог не лопнуть, и он лопнул, обдав всю планету грязными брызгами.

И новый президент Объединённых Штатов Америки Жерар Депардьё оказался в роли сантехника, вызванного для ликвидации последствий прорыва зловонной фановой трубы.

* * *

2009 год

Жерар Депардьё победил на выборах с минимальным перевесом, взяв верх над своим основным соперником-мулатом при разнице всего в один процент голосов выборщиков. *Кое-кто* счёл, что харизматичный и энергичный Депардьё больше подходит для исполнения роли президента в обстановке нарастающего хаоса, чем афрофрангл, склонный к исламу, и лучше разгребёт скопившийся за десятилетия ворох проблем. А проблем в ОША хватало, и далеко не только экономических.

Единой и монолитной Америка не была никогда. Миллионы единичных векторов — желания и чаяния отдельных людей — были сориентированы мощным силовым полем общей «американской мечты», упорядочены и выстроены в одном направлении. Но стоило только ослабнуть напряжённости этого поля, взвихрённого неустойчивой работой его генератора — экономики, как вектора зашевелились, тыкаясь носами в разные стороны и норовя создать хаос по известной схеме «все против всех, каждый сам за себя, и лишь Господь бог заботится обо всех и каждом, и то иногда». Пока благополучная и вроде бы процветающая экономика ОША обеспечивала всех граждан первой державы мира привычным статусно-престижным пакетом — в строгом соответствии с местом, занимаемым отдельно взятым гражданином в хитроумной социальной структуре Объединённых Штатов, — причин для беспокойства не наблюдалось. Весь мир работал, Америка распределяла и потребляла — всем хорошо, и все довольны, а недовольных (что внутри ОША, что за их пределами) можно и щёлкнуть по носу (чтоб неповадно было). Пирамида выстроена, и с её вершины наблюдает за Новым Мировым Порядком недремлющий Глаз Божества, изрекающего волю свою через своих пророков, не слишком стремящихся с широкой известности и довольствующихся реальной властью.

Но под тонкой плёнкой политкорректности, насаждаемой везде и всюду, бурлили подводные течения, размывавшие основание пирамиды. За последние двадцать лет Америка очень сильно «посмуглела», и национальные меньшинства, становясь большинством, уже не стеснялись заявлять о себе во весь голос — у нас тут демократия или как? Ислам обретал всё больше приверженцев, чему в немалой степени способствовал воинствующий феминизм франглинок, однобоко трактующих принцип «полового равноправия». Финансовый кризис, потрясший основу основ страны «равных возможностей» и «всеобщего благоденствия», стал

катализатором, резко ускорившим реакцию распада.

Предвестником распада первой страны мира, могучей державы, сокрушившей всех своих врагов и добившейся глобальной власти — мечты завоевателей всех времён и народов, — стали сепаратистские настроения, когда анекдотические, а когда и очень серьёзные. Техас, припомнивший, что он никогда юридически не являлся частью ОША, заявил, что в любой момент (как только весь этот бардак ему надоест) может выйти из Объединённых Штатов, и пусть кто-нибудь только попробует этому помешать. Жак Норисье, бывший популярный киноактёр, игравший непобедимых героев, владеющих приёмами восточных единоборств, позировал перед кинокамерами с двумя «кольерами» в руках, готовый сыграть свою главную роль — роль президента Свободной Республики Техас. И задумчиво смотрел на это зрелище другой бывший актёр, а ныне губернатор многонациональной Калифорнии Анри Нуарнегр,⁷⁸ и непонятно было, что за мысли шевелятся в его голове.

Припомнили былые обиды индейцы резерваций штата Прэри, и уже вполне серьёзно звучали заявления жителей Вермонта «мы не франглы, мы — французы». Штат Нуво-Мексико тоже поговаривал об автономии и даже о создании Мексики «нового образца», а губернатор Аляски, творчески осмыслив опыт «атамана всея Сибири» Гордеева и сообразив, что у него, как и у русского генерала, тоже есть под рукой ракеты с ядерными боеголовками и разные полезные ископаемые, примерял на себя титул «верховного сашема Севера». Декларируя свою приверженность «традиционным ценностям первопроходцев» и не обращая внимания на недовольство федерального центра, северный губернатор призывал возрождать «старую добрую семью» и неполиткорректно попирали права сексуальных меньшинств, пообещав в своём штате выставлять на мороз с голой задницей всех сторонников однополых браков. И накалялись страсти в обеих «чёрных» Луизианах, где многочисленные афрофранглы и арабы уже схлёстывались в злых огнестрельных драках с латиноамериканцами и тайком готовили вывески «Белым вход воспрещён».

По фасаду помпезного здания глобальной империи — последней империи планеты — змеились трещины. Величественное строение кряхтело и поскрипывало, грозя рухнуть и похоронить под обломками всех своих квартирантов, и не только их, но и жителей соседних домов. Висело в воздухе что-то нехорошее — ощущение тотального тупика и морального коллапса давило на нервы, нагнетая психоз.

И пророческим казалось название написанного ещё сорок лет назад фантастического романа писателя Раймонда Дю Бред-Берье «Что-то страшное грядёт».

* * *

И только Люди Круга смотрели на всё происходящее в их домашней стране и во всём мире спокойно и холодно. Они уже приняли решение, знали, что произойдёт, и готовились к этому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. НОЕВ КОВЧЕГ

2010 год

«Трудно поверить, что *это* создано человеческими руками, — думал Жерар Депардьё, глядя из овального иллюминатора своего серебристого «дассо-фалкона» на фантастическое зрелище, открывшееся ему, как только самолёт с чёрными буквами «EU President» на борту пробил низкий слой облаков. Пилоты президентского «фалкона» лишний раз подтвердили свою высочайшую лётную квалификацию — они вышли на цель с точностью ракеты-робота,

---

⁷⁸ Noir — чёрный, negre — негр (франц.)

в управляющем компьютере которой есть элементы искусственного интеллекта. — Жюль Верн написал роман «Плавучий остров» после плавания на самом большом пароходе того времени «Гран Орьенталь», который показался бы утлой лодочкой по сравнению с *этим* ».

«Кардинала» нельзя было назвать кораблём — не бывает кораблей длиной в полтора километра, шириной двести метров и водоизмещением пятнадцать миллионов тонн. Внешне «Кардинал» мало походил на тихоокеанскую боевую плавучую платформу «Карфаген» — это был остров, напоминавший своими правильными очертаниями спину всплывшего чудовища исполинских размеров. И этот остров, оснащённый энергетической установкой из тридцати шести ядерных реакторов и движительным комплексом, в состав которого входили активные рули, гребные винты и гидрореактивные двигатели, мог перемещаться по всей поверхности Мирового океана, невзирая ни на какие бури, и погружаться на многокилометровую глубину, достигая дна глубочайших океанских впадин планеты, словно тысячекратно увеличенный легендарный «Наутилус». Китообразное тело «Кардинала» обладало прочностью стального слитка — многослойная композитная броня плавучего острова была непроницаемой для всех видов оружия, созданного человечеством за все тысячелетия развития и совершенствования военной техники, включая ядерное. Конечно, прямого попадания водородной боеголовки не выдержит ни один рукотворный объект, но близкий — в пределах ста метров — атомный взрыв не причинил бы «Кардиналу» вреда, разве что оттолкнул бы его ударной волной и оплавил внешний слой обшивки. Но никто не собирался подставлять плавучий остров под ядерные бомбы — от угрозы атомного нападения левиафан защищала вся толща Мирового океана. Однако он имел и зубы: двенадцать тысяч ракет-роботов «Томагавк», способных нести как обычные, так и ядерные боевые части, могли превратить в пыль любой враждебный флот и береговые сооружения за тысячи километров от плавучего острова, а его противовоздушная оборона была рассчитана на эффективное отражение одновременной атаки сотен самолётов и крылатых ракет.

«Кардинал» строили на плаву и по частям: во всём мире не существовало верфи, где можно было бы собрать целиком такое гигантское сооружение, а потом спустить его на воду. Готовые секции корпуса подтягивались мощными буксирами и стыковались друг с другом с применением новейших технологий, а уже после этого начинялись внутренним содержимым. Плавучий остров строила вся страна и невиданно быстрыми темпами — учёные, инженеры и рабочие Объединённых Штатов Америки умели творить чудеса, только почему-то раньше их усилия сосредотачивались на производстве мобильных с встроенными фаллоимитаторами и унитазов с выходом в Интернет. «Мы давно могли бы быть на Марсе и начать освоение и заселение Луны, — подумал Жерар, когда самолёт завершал плавный вираж, нацеливаясь на распахнувшуюся ему навстречу полётную палубу, — но господам мессирам этого не нужно: у них несколько иные планы на будущее».

Официальной целью постройки технологического монстра под названием «Кардинал» было объявлено «расширение ареала обитания человечества в глубины океана», однако кто-то, а президент Объединённых Штатов Америки знал, что это далеко не так. Знали об этом — или хотя бы догадывались — и другие люди: плавучий остров называли «ноевым ковчегом», и не без основания.

Угроза термоядерной войны становилась всё более реальной: многополюсный мир щетинился боеголовками, и не хватало только маленького камешка, чтобы столкнуть с места страшную лавину, сметающую всё на своём пути. И суперкорабль «Кардинал» должен был стать новым Ноевым Ковчегом и спасти от атомного Апокалипсиса знания, накопленные цивилизацией людей. И самих людей: часть человечества, достаточную для его возрождения. Плавучий остров, скрывшийся в глубинах океана от ядерного кошмара, располагавший собственными энергоресурсами и способный самовосстанавливаться, мог, как показывали расчёты, автономно просуществовать десять лет, пока не кончится «ядерная зима» и планета снова не станет пригодной для жизни. Было в этой затее что-то предельно мистическое, и поэтому здравомыслящие люди не принимали всерьёз слухи о миссии «нового ковчега», тем

более что официальных подтверждений этим слухам не поступало: все средства массовой информации всего мира на все лады обсуждали захватывающую дух перспективу создания подводных городов и заселения океанического шельфа как панацею от перенаселения Земли. И шедевром мирового кинематографа был признан фантастический фильм «Новый Ихтиандр — человек будущего».

...На полетной палубе президента и тенью следовавшего за ним главу департамента безопасности генерал-префекта Галиссоньера встретил капитан-командор «Кардинала». Это звание было условным: капитан-командора можно было назвать и губернатором плавучего острова (Депардьё знал, что в жилых отсеках суперкорабля комфортно могли разместиться двести тысяч человек — необходимый «минимум восстановления популяции», а при острой необходимости — полмиллиона и более), и даже мегабоссом с диктаторскими полномочиями. Жерару хватило одного взгляда, чтобы понять: этот сухопарый человек неопределённого возраста явно принадлежал к *элите*, и если и не был вхож в Круг, то наверняка был очень к нему близок.

— Бет Нуар, — представился он («Очень на то похоже»⁷⁹ — подумал Жерар). — Рад вас приветствовать на борту «Кардинала», мсье президент. Я покажу вам *город*.

«Кардинал» действительно представляя собой многоэтажный город. Спустя всего час после начала экскурсии президент ОША почувствовал себя букашкой, заблудившейся в огромном термитнике, в котором было всё: энергоотсеки и производственные цеха, боевые посты и узлы управления, научные центры и лаборатории, жилые блоки и зоны отдыха и развлечений, склады и хранилища информации, записанной на самых разных носителях, от раритетов и бумажных книг до цветных микрофильмов и кристаллов памяти компьютеров. Плавучий город по сути был гигантским жёстким диском, предназначенным вместить в себя все знания и достижения всего человечества с тем, чтобы выжившим не пришлось бы заново изобретать колесо и лук со стрелами. И город этот жил кипучей жизнью: он достраивался и непрерывно вбирал в себя дополнительную информацию: к откинутым бортовым аппаратам плавучего острова швартовались корабли, доставлявшие оборудование и различные грузы, в воздухе роились самолёты и вертолёты, то и дело взлетавшие и садившиеся. Везде и всюду сновали тысячи людей, занятых делом, и капитан-командор время от времени принимал по коммуникатору доклады и отдавал распоряжения. Мегабосс был одним из немногих, кто мог оценить интегральную картину происходящего — для подавляющего большинства людей она была скрыта завесой тумана, усиленно поддерживаемой всеми способами, имевшимися в распоряжении государственной (и надгосударственной) машины Объединённых Штатов.

Осматривая город и выслушивая пояснения Бет Нуара, Жерар заметил, что примерно три четверти населения плавучего острова составляют молодые женщины.

— Это естественно, мсье президент, — сказал капитан-командор с лёгким оттенком удивления. — Полигамная семья и всемерное поощрение высокой рождаемости — наиболее эффективный метод быстрого восстановления численности населения планеты до заданного уровня. Мы запасаем генетический материал и дорабатываем технологии клонирования, но без женщин нам не обойтись — ведь пустую планету надо заселять.

Жерар хотел было пошутить, сравнив «Кардинал» с мусульманским раем, населённым прекрасными гуриями, но осёкся. Слишком зловеще прозвучали слова мсье губернатора о «пустой планете» и «заданном уровне», как будто всё уже случилось, и плавучий остров не стоял на якорях у восточного побережья Америки, а медленно двигался в чёрной глубине, выжидая, когда планета залечит атомные раны и новые первопоселенцы смогут высадиться на её выжженную поверхность...

«Судя по размаху, всё это всерьёз, — мрачно думал президент Объединённых Штатов, когда его «фалкон» поднялся в воздух и рукотворный остров стал отдаляться и

---

⁷⁹ Biete noir — «чёрный зверь» (франц.). Человек, являющийся (для кого-то) олицетворением роковой злой силы (идиом.)

уменьшаться. — Неясно одно: почему *им* не пришла в голову простая мысль «Не лучше ли избежать войны, чем строить титанический «корабль последней надежды»? Ведь в чём-чём, а в холодном и расчётливом разуме *им* не откажешь...».

* * *

2011 год

«Мы достигли поворотной точки развития цивилизации. Назревает качественный скачок — он неизбежен, и представляется совершенно необходимым, чтобы этот скачок от начала до конца проходил под полным нашим контролем: если хаоса нельзя избежать, надо сделать его управляемым.

Созданная нами общественно-экономическая система позволила нам выстроить нашу пирамиду и закрепиться на её вершине по праву Избранных. Старая цивилизация выполнила свою задачу — задачу ракеты-носителя, выводящей на орбиту космический корабль, и теперь отработанные ступени этой ракеты должны быть отброшены: они уже не нужны, так как стали бесполезным балластом. Искусственный отбор закончен — сформирована элита, для обслуживания которой не требуется пять миллиардов человек: хватит и одного миллиарда. Излишек населения не только не нужен, но и опасен: фактически вся планета принадлежит нам, и существование миллиардов людей, которые могут не согласиться с этим фактом, не является целесообразным. Не нужны эти люди и с экономической точки зрения — для нашей высокотехнологичной сферы производства достаточно десяти процентов трудоспособного населения планеты. Все остальные являются паразитным слоем, бесцельно потребляющим и бесцельно живущим, и при этом расходующим на себя значительную часть ресурсов и всего производимого на этой планете; к тому же на поддержание их в подконтрольном состоянии приходится прилагать заметные усилия. Эти люди не представляют собой ценности и как разумные существа — их умственная и нравственная деградация практически необратима. Новые люди нашего нового мира будут созданы на основе новейших научных достижений в клонировании и нанотехнологиях, что позволит нам уже в недалёком будущем достичь бессмертия для элиты и производить генетически запрограммированных идеальных сервов для её обслуживания в тех сферах, где живые люди пока ещё эффективнее и экономичнее машин. Новая модель социума будет гораздо проще старой и, следовательно, надёжнее: она будет работать очень долго — дольше, чем все предыдущие модели вместе взятые.

Грядёт золотой век нового человечества, наступление которого мы ждали и готовили тысячи лет, и последние препятствия на нашем пути должны быть устранены. И основное препятствие нашим планам — это существование на планете государств и народов, так и не принявших наш *modus vivendi*.⁸⁰ Речь идёт о России, так и не раздавленной до конца, а также о Новом Халифате и Поднебесной Империи. В настоящее время эти державы не слишком доверяют друг другу, однако нельзя исключать возможность, что они придут к соглашению и объединятся против нас. Этого допустить нельзя.

И второе: наша прежняя экономическая модель выработала свой ресурс. Системный кризис нарастает, и в самом скором времени он превратится в коллапс. Людям свойственно искать виноватых, и они их найдут: за последние десятилетия наше существование и наша роль в истории человечества перестали быть достоянием чистой конспирологии. Да, можно модернизировать господствующую на планете социально-экономическую модель, однако это нам невыгодно: такая модернизация будет означать утрату нами нашей власти, обрётённой с таким трудом. Выход один: глобальная хирургическая операция.

Схема этой операции предлагается следующая.

---

⁸⁰ *Modus vivendi* — образ жизни (лат.)

Иницирует обвал талера при одновременном аннулировании всего внешнего долга Объединённых Штатов. Вся мировая экономика, завязанная на талер, рухнет, а вслед за этим неизбежно последует мировая война — ядерная. И очень желательно, чтобы эту войну начали не мы — мы должны быть чисты перед историей. А чтобы раскачать ситуацию и подтолкнуть нерешительных генералов и политиков, достаточно возложить на атомный алтарь жертву: страну, которая станет мишенью террористического ядерного удара. Жертвенной пешкой в нашем гамбите будет Иудея — ассасинам Халифата не составит труда взорвать в Иерусалиме ядерное устройство, и никто не будет разбираться, что это были за ассасины. Одновременно с этим «подлым терактом» на территорию всех «стран-хищников» упадут «случайные» атомные ракеты — «парижский вариант», — за которыми последуют посланные на Багдад и Тегеран ядерные ракеты Иудеи, подвергшейся нападению. И мы тоже не останемся в стороне — ведь первый выстрел уже будет сделан. Вероятнее всего, в результате ответного удара Китая и России опустошению подвергнется и территория Объединённых Штатов Америки, но это не должно никого смущать: лишних людей более чем достаточно и в нашей домашней стране, а словосочетание «неприемлемые потери» нам всем пора забыть. Война начнётся и кончится — планета будет очищена от излишков населения и подготовлена для строительства нашей новой пирамиды.

Сценарий рискованный, но у нас есть козырь — «Кардинал». Суперкорабль закончил весь цикл испытаний, принял на борт всё необходимое и готов к выполнению своей миссии — капитан-командор Бет Нуар ждёт только нас и нашего приказа. Да, риск остаётся, но великие дела не делаются без риска.

Да поможет нам Глаз Божества!».

Духовный отец Бюжо Пятый закончил чтение меморандума — плода коллективных усилий всех мессиров — и посмотрел на своих сподвижников. Люди Круга молчали. Они не боялись — они проникались величию момента, пока один из них не нарушил торжественное молчание:

— Мы сами начнём осуществлять этот план? — спросил он.

— Нет, — отец Бюжо покачал головой. — Главнокомандующим вооружёнными силами ОША является президент. Можно, конечно, и пренебречь декорациями, но лучше избегать ненужных осложнений — их и без того достаточно. Жерар умный мальчик, он прекрасно всё понимает и не будет с нами спорить — ведь он внесён в списки Избранных и для него вместе со всем его курятником готово место на борту нашего «ноева ковчега». Мы поставим его в известность, как только план будет детально проработан: наш меморандум — это всего лишь черновик, протокол о намерениях.

Мессеры склонили головы в знак согласия — Люди Круга были единым целым.

* * *

2012 год

Мони к Леви была девочкой старательной. Во всём, и поэтому сейчас она с большим усердием обрабатывала языком и губами средоточие чресел Жерара, млея от удовольствия. Ей нравился сам процесс, а её эго бурно ликовало от наслаждения степенью собственной значимости: партнёром Моник был не какой-то там разовый приятель, а сам мсье президент Объединённых, страшно сказать, Штатов Америки, и оральной любовью они занимались не где-нибудь, а в Мезон-Бланш, прямо в Овальном, страшно подумать, кабинете! Моник была уверена, что этот уникальный факт будет занесён в книгу рекордов Гинессье, и от осознания исключительности достигнутого простая душа скромной девушки воспаряла в горние выси.

Мсье президент расслаблено сидел в своём кресле, полужакрыв глаза и поглаживая пальцами волосы сосредоточенно трудившейся Моник. Пик наслаждения был уже близок, но обещанный катарсис не состоялся: увлекательное действо двух актёров было прервано на самом интересном месте и самым бесцеремонным образом.

Двери кабинета внезапно распахнулись — без стука, — пропуская троих людей, очень похожих на ожившие мумии, которым почему-то не лежит в своих саркофагах. Жерар их узнал сразу — их трудно было не узнать, да и кто ещё может вот так запросто, минуя охрану и пренебрегая формальностями, попасть в рабочий кабинет президента первой страны мира?

— Я сожалею, мсье президент, — прошелестел Старейшина, — но дело наше не терпит отлагательств. Мадемуазель, не будете ли вы любезны удалиться?

Мадемуазель Леви не заставила себя просить дважды. Вытирая на ходу губы, она опрометью выскочила из Овального кабинета с поспешностью кошки, отогнанной собаками от блюдечка с молоком. Президент запахнул полы пиджака и остался сидеть, глядя на Людей Круга не испуганно и не возмущённо, а всего лишь как-то странно, не более.

Мессирь невозмутимо сели, и духовный отец, не теряя времени, коротко изложил мсье президенту суть Меморандума Очищения, рождённого мрачным разумом Людей Круга. Жерар слушал, не перебивая, но в глазах его мерцал странный огонёк, разгораясь всё ярче и ярче.

— Время пришло, — закончил свою речь Старейшина, — слово за вами. Моя личная «химера» ждёт вас, чтобы доставить на борт «Кардинала».

И замолчал, ожидая ответа.

— Я отвечу, — медленно произнёс Жерар Депардьё, — но мне очень хочется, чтобы вы выслушали меня до конца, и чрезвычайно внимательно. И поэтому...

С этими словами президент Объединённых Штатов Америки выдвинул ящик стола и достал оттуда пистолет странного вида: с коробчатообразным корпусом, тяжёлой массивной рукоятью и коротким стволом.

— Полагаю, вы знаете, что это такое, — сказал он, любезно улыбаясь. — Да, совершенно верно — это энергодеструктор или, проще говоря, бластер, на все лады воспетый фантастами. Последняя военная новинка, выпущенная в количестве всего ста штук для самых важных лиц государства. У вас, я думаю, тоже есть такие игрушки, и даже, может быть, при себе, но не вздумайте их доставать. Иначе...

Он повернул ствол в сторону миниатюрной копии Статуи Свободы, стоявшей у окна, и нажал на спуск. В Овальном кабинете сверкнула молния — статуя ярко вспыхнула, словно подсвеченная изнутри, и рассыпалась тонким прахом. На пергаментных лицах людей-мумий не дрогнул ни один мускул, однако мсье президент готов был поклясться чем угодно, что все они подумали одно и то же: «Что за идиотские шутки?!».

— Я не шучу, господа. Я с огромным удовольствием проделал бы то же самое с вами со всеми, и знаете почему? Потому что вы не люди — вы вирусы, да, да, вирусы, возбудители страшной болезни, которой вот уже тысячи лет болеет всё человечество. Вы раковая опухоль этого мира, давшая обширные метастазы. И неизвестно, сможет ли этот мир выздороветь...

Мессирь молчали, но в их тусклых глазах Жерар безошибочно прочёл свой смертный приговор и... рассмеялся, легко и беззаботно.

— О, да, вы готовы меня убить, как убили Огюста Шамплена, Жана Канадьё, а также миллионы других людей, чьи трупы уложены в вашу дьявольскую пирамиду. А сейчас вы хотите убить миллиарды людей, потому что боитесь, как бы человечество не избавилось от вас. Но самое страшное — в процессе организованного вами *искусственного* отбора на основе товарно-денежных отношений вы искалечили миллиарды человеческих душ, нелюди.

Президент ОША Жерар Депардьё ощущал себя *свободным*, словно свалилась с плеч давящая тяжесть, долгие годы прижимавшая его к земле. Ему казалось, что он *размножился* и стал теперь не только Жераром, но и многими другими людьми, мужчинами и женщинами, жившими до него на этой планете, такой прекрасной и такой неустроенной. Он был вождем народа ходеносауни Глэйдэйнохче и Самуэлем Шампленом, Манон Леско и первопроходцем Кавелье де ла Салем, защитником Нуво-Руана майором Рембо и креолкой Экарлет О'Хара, индейкой Нэстэйсакэй и писателем Жаком Парижем, русским солдатом Семёном Лыковым и всеми его потомками по обе стороны океана. Жерар не знал имён всех этих людей, но он чувствовал *биение их душ* — все они хотели жить, любить и радоваться жизни назло адептам

Тьмы, одержимым маниакальной идеей абсолютной власти над миром и готовым ради этого уничтожить всё человечество.

— Вы, наверно, удивляетесь: как это так, такой послушный мальчик — и вдруг вышел из повиновения наставникам, пестовавшим его и растившим? Отвечу: послушный мальчик Жерар Депардьё *остался человеком*, несмотря на все ваши усилия, господа мессеры. И есть ещё одно обстоятельство, о котором не знаете даже вы, всеильные и всеведущие.

Президент Объединённых Штатов положил на стол руку с деструктором и посмотрел на часы.

— Вы наверняка слышали об астероиде Апофис, который пролетел очень близко — по космическим меркам — от Земли. Вероятность столкновения этого небесного камешка весом в миллиарды тонн с нашей планетой была ничтожной: Апофис прошёл мимо. Но случилось невероятное: по неизвестной причине астероид вдруг резко изменил свою траекторию и движется напрямик к нам. Причины этого неизвестны — выдвигаются разные версии, от роковой суперпозиции гравитационных полей планет Солнечной системы до взаимодействия с иномерностью, — но это уже неважно. Важно другое: через месяц Апофис врежется в Землю на восточном побережье северной Америки, в районе Нуво-Руана. Об этом пока мало кто знает: директор обсерватории, заметившей изменение траектории Апофиса, мой друг ещё со школьной скамьи — не удивляйтесь, в этом мире сохранилось понятие дружбы без всякой там голубизны. Он сообщил мне эту новость и по моему распоряжению тут же пресёк распространение информации. Но это ненадолго — в небо смотрят сотни телескопов, и очень скоро приближение этого чёртова астероида станет секретом Полишинеля. Примерно через час я выступлю перед нацией, чтобы объявить людям о «камне гнева» и попытаться хоть как-то их успокоить. Хотя какое тут может быть успокоение — этот небесный булыжник вы не остановите «томагавками» «Кардинала». Его удар будет страшен: Земля сойдёт с орбиты, атмосфера будет сорвана, а моря выплеснутся, как суп из тарелки, по которой стукнули кулаком. И ваш «Ноев ковчег» вылетит в чёрную пустоту космоса фрикаделькой из этого супа...

Жерар помолчал, а потом проговорил с какой-то тихой обречённостью:

— Карфаген будет разрушен — вы доигрались, Люди Круга. Всякий раз, когда я видел небоскрёбы Нуво-Руана, они казались мне стеклобетонными копьями, грозящими небу и его богам. Значит, терпение богов и в самом деле небеспрельно... Так что смерти я уже не боюсь: умереть сейчас от пули вашего наёмника или через месяц в огне гибнущей планеты — невелика разница. И вы тоже умрёте — все, хотя вас троих я могу убить прямо сейчас: за всё, что вы сделали с этой планетой и с её людьми. И я, пожалуй, сделаю это — зачем лишать себя такого удовольствия? — если вы не замените это удовольствие другим и не заработаете себе право спокойно дожить до прибытия посланца Хаоса.⁸¹ Не поняли? Я объясню, — и в глазах Жерара Депардьё заплескали озорные чёртики.

— Вы не дали милой крошке Моник завершить начатое ею дело. Я предлагаю вам, духовный отец, его доделать. Всё ещё не поняли? Хорошо, мы перейдём на жаргон трущоб. Отсоси, малыш, или я вышибу тебе мозги! Надеюсь, теперь понятно?

По неживому лицу Старейшины Людей Круга, главы самой могущественной и самой зловещей тайной организации планеты за всё время её существования, скатилась капелька пота. А Жерар спокойно поднял деструктор и направил его ствол в лоб мессира.

— Считаю до трёх, мсье как-вас-там-зовут-на-самом-деле.

Считать не понадобилось — духовный отец Бюжо Пятый встал, сделал на негнущихся ногах несколько шагов, покорно опустил на колени и потянулся губами к ждущим чреслам мсье президента Объединённых Штатов Америки, весёлого парня Жерара Депардьё.

ИНТЕРМЕДИЯ СЕДЬМАЯ. Голоса Вселенной

---

⁸¹ Апофис — греческая транскрипция имени египетского бога хаоса Апепа.

Вне времени и пространства

Небо было чёрным.

Великая Изначальная Тьма раскинула свои необъятные крылья на всю Познаваемую Вселенную. Бесчисленные бриллианты звёзд сияли ровным блеском, незамутнённым дымкой планетарной атмосферы, словно одна из Звёздных Владычиц горделиво выставила напоказ все свои драгоценности, демонстрируя власть и силу — свою, своего избранника-супруга и своего домена.

И в этой первозданной темноте и пустоте, меж времени и пространства, пронизанных потоками энергии и опутанных клубком бесчисленных измерений, звучал Голос, который не был голосом в обычном смысле этого понятия: Древний⁸² — сверхсущество, достигшее за миллионы лет развития состояния сгустка чистого разума, лишённого грубоматериальной оболочки, — общался со своим собратом, находившимся одновременно и рядом с ним, и невероятно далеко.

— Признаю: ты был прав, брат, а я ошибался.

— Ты ошибался, брат. Выполненная тобой коррекция хода истории Третьей планеты системы Жёлтой звезды не вызвала кардинальных изменений: Реальность-копия почти не отличается от Реальности-оригинала.

— Да, я ошибся, — повторил первый Древний. — Допустимого воздействия на разумы трёх заметных аборигенов этого мира — первооткрывателя, кардинала и короля — оказалось недостаточно. Ход истории разумной расы не так просто изменить — появилась ещё одна похожая Реальность, и только.

— По-другому не могло и быть, — бесстрастно (Древние давно избавились от всех эмоций) заметил второй, — ведь основной фактор влияния остался неизменным. Этот мир был инфицирован задолго до открытия его обитателями материка, который они назвали Америкой. Коренного изменения можно было достичь при более радикальном воздействии, выходящем за рамки допустимого, но это для нас неприемлемо. Судьба всех Реальностей в руках их разумных обитателей, всегда и везде: Принцип Свободы Воли ненарушим. Правда, если Реальность-копия падёт в объятья Тьмы, могут вмешаться эски.

— Этого не случится, — уверенно возразил первый. — Хранители вмешиваются только при возникновении вселенской угрозы, а до этого уровня всем Реальностям-копиям мира Третьей планеты, даже почерневшим, ещё далеко. Нет, брат, будет по-другому.

— Ты предполагаешь, что...

— Не предполагаю — знаю. Эта моя Реальность-копия — и не только она одна — будет стёрта Лавиной Хаоса. Закон Мироздания: из великого множества Реальностей-копий, не сомкнувшихся с оригиналом после незначительного отклонения, выживают единицы — все остальные становятся добычей Хаоса. Антитворящий чувствует запах Тьмы и идёт на этот запах. Эскам удаётся отстоять лишь небезнадёжные Миры.

— Интересно, а сами эски об этом знают?

— Эски защищают от Лавин все Реальности — это их Долг, — но знают ли они о том, что обречённые Реальности спасти невозможно... Вероятно, кое-кто — например, королева Эн-Риэнанта или Селиана Мудрая — догадывается об этом, но они всё равно будут драться за каждую Реальность: настоящая мать не отойдёт от постели своего ребёнка, даже если этот ребёнок болен смертельно, и нет надежды на его выздоровление. Эски выполняют свой Долг, и к тому же они ещё не полностью изжили в себе рудиментарные эмоции. И поэтому... О, смотри, — на этот раз я не ошибся!

В первозданную тьму хлынула тьма абсолютная. Лавина Хаоса расплзалась пятном,

---

⁸² О Древних, эсках и Лавинах Хаоса — в романах эпопеи «Рукопись Памяти». В частности, в одной из глав романа «Заданное значение судьбы» Творящие Миры

ломаю измерения и растворяя в себе целые Миры с мириадами их обитателей.

— *Рык Антитворящего...* — в бесстрастном голосе Древнего мелькнула еле заметная тень благоговения. — *Вот и всё — кончено.*

— *А что видят сейчас обитатели гибнущих Реальностей?* — холодно спросил второй.

— *Это бывает по-разному,* — пояснил первый. — *Растворение может выглядеть как провал в чёрную дыру, как внезапное превращение звезды в сверхновую, как свертывание пространства в точку или как падение на планету гигантского астероида. А вот что все они при этом чувствуют... Этого я не знаю — я никогда не погибал Конечной Смертью под Лавиной Хаоса и несмотря на вечную нашу тягу к познанию не хочу узнать, что ощущает разумный в миг необратимого конца всего. Пусть эта тайна останется Предельной.*

— *Они все обречены?* — спросил второй, наблюдая за неудержимым расползанием Лавины.

— *Почти все. Очень немногие — единицы из миллионов — дублируются в Реальность-оригинал. В несколько иной ипостаси, практически не сохраняя воспоминаний о своей иной жизни. Закон Великой Случайности...*

— *...именуемый также Принципом Заслуженной Закономерности.*

— *Да,* — согласился первый. — *Например, я знаю как минимум одного обитателя Реальности-копии, гибнущей сейчас на наших глазах, который это дублирование заслужил.*

...Чёрное пятно ширилось, однако Лавина уже замедляла свой смертоносный бег. Лик Хаоса полосовали алые искры: синтагмы Воителей со всех сторон неслись через Миры и измерения к жуткой ране на теле Познаваемой Вселенной и с ходу вступали в бой...

ЭПИЛОГ. Альтернативный финал альтернативной истории

2009 год

Жерар с трудом оторвал голову от подушки. Организм вертелся и прыгал — дали они вчера жару, изумив выдавший виды Беверли-Хилз. В голове путались бессвязные обрывки воспоминаний: музыка, хохочущие полуголые девицы, брызги хрусталя на мраморном полу, а потом что-то и вовсе непонятное — старик с лицом мумии и огромная подводная лодка (вид сверху, с высоты птичьего полёта).

Мутная пелена перед глазами медленно рассеивалась. Жерар понял, что находится в полураздетом состоянии в своём номере «люкс», но как он сюда попал, и кто помог ему добраться до спасительного отдохновения — это в сознании не запечатлелось. Он попытался переместить своё измученное тело по необъятной кровати, напоминавшей размерами полётную палубу ударного авианосца, поставив себе задачей добраться до ванной комнаты и принять душ — как показывал опыт, это должно было помочь. При этом движении его чресла отозвались сладкой истомой — похоже, вчера над ними кто-то основательно потрудились. Вот только кто?

Преодолевая головокружение, Жерар приподнялся и сел, обливаясь холодным потом. Ага, кажется, была здесь вчера какая-то молоденькая нимфоманка. Вроде бы русская — ну да, точно, эту девицу ему одолжил старина Мэл Гибсон: поделился, так сказать, по-приятельски. Как же её звали? Какое-то рыбье имя... Щука? Нет, не то... Стерлядь? Бельдюга? Нет, тоже не то — это всё похоже на малоцензурные эпитеты, которыми обитатели страны медведей награждают определённого сорта женщин, считающих секс своим призванием и сделавших его единственным смыслом жизни. Форель? Нет, не вспомнить... Ну и чёрт с ней...

Добравшись до края постели, он свесил ноги, нащупал босыми пальцами пышный ковёр и уже собрал силы для процесса вставания, но тут в его планы вмешалась мелодичная трель сотового телефона. Первым поползновением страдальца было прибить кулаком это мерзко жужжащее пластмассовое насекомое, начинённое электронной требухой, но Жерар

постарался справиться с острым приступом вандализма, увидев высветившуюся на дисплее расшифровку абонента. «Фёдор Б.» — ладно, поговорим.

— Да, — прохрипел он, активируя соединение. — Здесь Жерар Депардьё.

— Жерар! — радостно завопила трубка. — У меня есть потрясающее предложение! Мы начинаем съёмки нового фильма — «Таинственный остров», по роману этого вашего, как его там, Жюль Верна! Это будет блокбастер! Мы внесём сценарные коррективы — например, что это за колония из пяти мужиков, одной обезьяны и одной собаки без женщин? Наш зритель нас не поймёт — будут туземки, ну, и всё такое... Жерар, я приглашаю тебя! Конечно, для роли Герберта ты, как бы это сказать, немножко не так молод, но Сайрус Смит — это же вылитый ты! Матёрый человечеще! Глыба, едрит его туды!

— Федя, иди в задницу, — устало ответил Жерар. — Я не хочу.

— Жерар, — заголосил далёкий собеседник, — только не отключайся! Я согласный на всё! Не хочешь роль инженера — бери любую, хоть негра Наба, хоть эту, обезьяну, как её там звали, блин... Юпитер! Соглашайся, Жерар, — это будет твоя звёздная роль! Фантастика — это наше всё! Мы тебя в России встретим так, что Голливуд сдохнет от зависти! Вив ля Франс!

«Прилипчивый, как карибская медуза, — обречённо подумал Депардьё. — Ему нужно финансирование нового проекта, а для этого необходимо участие звезды международного класса... Ох, как вы мне все надоели...».

— Жерар, — умоляла трубка, — я тебя очень прошу! Ну хотя бы обещай подумать, а? Я перезвоню.

— Хорошо, — обречённо проговорил Жерар, — я подумаю.

Отключившись, он положил мобильный телефон на прикроватный столик и увидел на ковре странный предмет. По виду эта штука напоминала пистолет непривычной формы: с коробчатообразным корпусом, тяжёлой массивной рукоятью и коротким стволом. «Это ещё что такое? — изумился Жерар. — Прямо бластер какой-то... Откуда? Подарок фирмы?».

Он нагнулся, поднял «бластер» и задумчиво повертел его в руках. Хотел заглянуть в ствол, но передумал: от загадочного предмета отчётливо веяло духом разрушения и смерти. Жерар огляделся и, немного подумав, навёл дуло таинственного аппарата на миниатюрную статуэтку, стоявшую у окна. По замыслу статуя должна была изображать какую-то древнюю богиню, но фантазия неведомого дизайнера сделала её похожей на похабно ухмыляющуюся девочку по вызову. Эта аналогия стала последней каплей раздражения — Жерар резко нажал на спусковой крючок, послушно подавшийся под его пальцем.

В роскошном номере «люкс» сверкнула молния — статуэтка ярко вспыхнула, словно подсвеченная изнутри, и рассыпалась тонким прахом.

«Мистика... — ошарашено подумал Жерар Ксавьер Марсель Депардьё. — Фантастика — это наше всё...».

К О Н Е Ц